

А. Ѳ. Писемскій.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

А. Ѳ. ПИСЕМСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. М. Скабичевскаго

Съ портретомъ Писемскаго, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

Бол. Подъяческая, 39

1894

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5-го Марта 1894 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

стр.

Происхожденіе Писемскаго.—Среда, въ которой онъ провелъ свое дѣтство и юность. — Дѣтскіе годы. — Домашнее воспитаніе. — Костромская гимназія и Московскій университетъ 5

ГЛАВА II.

Окончаніе университетскаго курса и вліяніе, оказанное на Писемскаго университетомъ. — Служебная дѣятельность и ея вліяніе на талантъ Писемскаго.—Сходство и различіе въ развитіи талантовъ Писемскаго и Салтыкова.—Романъ «Боярщина».—Повѣсть «Нина». —Женитьба Писемскаго и его семейная жизнь 22

ГЛАВА III.

Приглашеніе Писемскаго молодой редакціей «Москвитянина».— Повѣсти «Тюфякъ» и «Бракъ по страсти». —Впечатлѣніе, произведенное ими на современниковъ. — Безпринципность и пессимизмъ творчества Писемскаго подъ вліяніемъ провинціальной среды. —Отношеніе Писемскаго къ передовой интеллигенціи, къ типамъ рудинскому и печоринскому.—Эстетическія воззрѣнія Писемскаго и аналогія его жанра съ французскимъ натурализмомъ 34

ГЛАВА IV.

Литературная дѣятельность Писемскаго съ 1850 по 1853 годъ.— Переселеніе въ Петербургъ. — Характеристика Писемскаго

стр.
П. В. Анненковымъ, какъ человѣка. – Мнительность Писемскаго.— Жизнь Писемскаго въ Петербургѣ въ 50-е годы. — Служба въ деп. удѣловъ. — Нужда. — Отношенія къ издателямъ. — Командировка въ Астрахань. – Переходъ въ «Библіотеку для Чтенія» и принятіе званія редактора этого журнала.—Романъ «Тысяча Душъ» 48

ГЛАВА V.

Разсказы изъ народнаго быта и комедія «Горькая Судьбина». – Причины непониманія Писемскимъ движенія 60-хъ годовъ и реакціонное направленіе его. — Полемика съ «Искрою». — Романъ «Взбаломученное Море» 65

ГЛАВА VI.

Послѣдній московскій періодъ жизни Писемскаго. — Его обезпеченіе. – Произведенія этого періода. — Паденіе таланта и популярности. – Болѣзни. — Юбилей двадцатипятилѣтія литературной дѣятельности Писемскаго. – Участіе въ празднествахъ по случаю открытія памятника Пушкину.—Смерть.—Мнѣніе П. В. Анненкова о Писемскомъ, какъ человѣкѣ и писателѣ. . . . 83

I.

Происхожденіе Писемскаго. — Среда, въ которой онъ провелъ свое дѣтство и юность. — Дѣтскіе годы. — Домашнее воспитаніе. — Костромская гимназія и Московскій университетъ.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій, одинъ изъ первостепенныхъ русскихъ писателей, принадлежитъ къ той плеядѣ беллетристовъ 40-хъ годовъ, которые, ведя свое происхожденіе отъ Гоголя, тѣмъ не менѣе пошли по совершенно самостоятельному пути и обогатили русскую литературу рядомъ могучихъ произведеній, сразу поставившихъ ее на одномъ уровнѣ со всѣми европейскими.

Беллетристы 40-хъ годовъ замѣчательны кромѣ того тѣмъ, что, сливаясь въ одну школу, они въ то же время не только не теряютъ своей индивидуальности, но, напротивъ того, каждый изъ нихъ представляетъ свой особенный типъ, совершенно самостоятельную и оригинальную художественную личность. То же самое слѣдуетъ сказать и о Писемскомъ.

Эта оригинальность каждаго изъ беллетристовъ 40-хъ годовъ, кромѣ разныхъ другихъ причинъ и обстоятельствъ, наиболѣе опредѣляется средою, изъ которой вышелъ тотъ или другой изъ нихъ, такъ какъ среда всегда налагаетъ рѣзкую и неизгладимую печать, какъ на характеры, такъ и на ходъ жизни историческихъ личностей. Принимая это во вниманіе, мы, прежде чѣмъ будемъ излагать факты жизни Писемскаго, скажемъ нѣсколько словъ о нравахъ той среды, изъ которой онъ вышелъ, убѣжденные, что такая характеристика послужитъ намъ путеводной звѣздой къ опредѣленію многихъ чертъ Писемскаго, какъ человѣка и писателя.

Итакъ, начнемъ съ того, что Писемскій по своему происхожденію принадлежитъ къ средѣ захолустнаго мелкопомѣстнаго дворянства, нравы котораго въ началѣ нынѣшняго столѣтія рѣзко

отличались отъ нравовъ всѣхъ прочихъ сословій, не исключая и богатаго дворянства.

Въ богатомъ дворянствѣ въ то время было средоточіе образованности и культурности русскаго общества. Стремленіе стоять на высотѣ европейской цивилизаціи, во всемъ походить на европейцевъ доходило въ этой средѣ порою до забвенія родного языка. Шикарство, комильфотство и стремленіе къ изысканной утонченности нравовъ составляло предметъ строгаго культа.

Въ то время, какъ увлеченіе передовыми идеями Запада вело здѣсь къ крайнему идеализму, доходившему до полной потери чутья дѣйствительности, легкая возможность удовлетворить всѣмъ прихотямъ на почвѣ крѣпостного права—обусловливала изнѣженность и распущенность нравовъ, мало уступавшія такимъ-же качествамъ французской знати эпохи регентства.

Совсѣмъ иное видимъ мы въ средѣ мелкопомѣстнаго дворянства. Малообразованность и грубость культуры доходили здѣсь порою до полной безграмотности, и если, по словамъ поэта, «бывало русскій генералъ служилъ и грамоты не зналъ», то чего-же было требовать отъ бѣдныхъ помѣщиковъ разныхъ медвѣжьихъ угловъ и степныхъ захолустій? Домостроевская строгость семейнаго быта шла здѣсь рука объ руку съ еще болѣе неумолимой суровостью по отношенію къ крѣпостнымъ, которыхъ у барина было немного, и потому всѣ они были наперечетъ, и баринъ имѣлъ возможность входить въ жизнь и интересы каждаго своего раба, и идеалъ его, какъ барина, заключался въ томъ, чтобы держать всѣхъ ихъ въ ежевыхъ рукавицахъ.

Скудость средствъ развивала здѣсь энергію борьбы за существованіе; некогда было идеальничать и заноситься за облака, въ опасности умереть съ голода, и на сцену являлись трезвая практичность, скопидомство, доходившее порой до черстваго кулачества и скаредства. Матеріальные разсчеты преобладали здѣсь во всѣхъ вопросахъ жизни; даже и женились по большей части на основаніи таблички сложенія, такъ какъ 50 душъ крестьянъ плюсъ еще 50 составляли 100 и удваивали состояніе.

Но за то, при вѣрности праотческимъ традиціямъ, здѣсь болѣе сохранялись своеобразныя черты русской жизни. Бѣдный помѣщикъ ближе стоялъ къ крестьянину, чѣмъ его богатый сосѣдъ. Жизнь была проще, нравы чище; чаще встрѣчались непосредственно честные и прямодушные люди, закаленные въ суровомъ опы-

тѣ жизни. А если наблюдался здѣсь и развратъ, то и послѣдній имѣлъ свой особенный характеръ: французскія кокотки замѣнялись доморощенными Маланьями и Парашами, на которыхъ порою одинокіе холостяки или вдовцы женились; шампанскому-же предпочитали отечественную сивуху, вслѣдствіе чего въ мелкопомѣстной средѣ при скудости умственныхъ интересовъ и монотонности жизни были частыя проявленія мрачнаго запоя.

Чухломскій уѣздъ Костромской губерніи, мѣсто родины Писемскаго, былъ именно однимъ изъ тѣхъ трущобныхъ захолустій, гдѣ нравы мелкопомѣстнаго дворянства сохранились въ 20-ые годы нынѣшняго столѣтія во всей своей неприкосновенности.

«Я происхожу—сообщаетъ Писемскій въ оставшейся послѣ него автобіографіи — отъ стариннаго дворянскаго рода. Одинъ изъ предковъ моихъ, нѣкто дьякъ Писемскій, былъ посылаемъ царемъ Іоанномъ Грознымъ, въ качествѣ посла, въ Лондонъ для осмотра племянницы королевы Елизаветы, на каковой племянницѣ царь предполагалъ жениться. Другой предокъ мой изъ рода Писемскихъ пошелъ въ монастырь и удостоился быть причисленнымъ къ лику святыхъ, въ сонмѣ которыхъ до сихъ поръ именуется Макаріемъ Писемскимъ, а мощи его почіютъ въ Макарьевскомъ, на рѣкѣ Унжѣ, монастырѣ. Вотъ и вся историческая слава моего рода. Позднѣйшіе Писемскіе, о которыхъ я слыхалъ, были по большей части люди богатые; но та ближайшая вѣтвь, отъ которой собственно я происхожу, была совершенно захудалая: дѣдъ мой былъ безграмотенъ, ходилъ въ лаптяхъ и самъ пахалъ землю. Богатый родственникъ его, малороссійскій помѣщикъ, взялся устроить судьбу отца моего, Ѳеофилакта Гавриловича Писемскаго, которому тогда было четырнадцать лѣтъ Устройство судьбы ребенка состояло въ томъ, что отца моего пообмыли, пообшили, выучили грамотѣ и опредѣлили солдатомъ въ войска, пошедшія завоевывать Крымъ.

«Прослуживъ лѣтъ тридцать въ дѣйствующей арміи, отецъ мой уже въ чинѣ маіора нашелъ возможность побывать на родинѣ, т. е. въ Костромской губерніи, которая отстояла отъ Кавказа на двѣ тысячи почти верстъ; но онъ тѣмъ не менѣе бо́льшую часть пути совершилъ въ сопровожденіи четырехъ деньщиковъ верхомъ, находя ѣзду въ экипажѣ совершенно для себя непріятной и очень безпокойной. На родинѣ ему пришлось жениться на моей матери изъ довольно достаточнаго семейства Шиповыхъ.

Отцу моему въ это время было лѣтъ сорокъ-пять, а матери—тридцать-семь. Плодомъ этого брака, между прочими дѣтьми, былъ и я, родившійся въ 1820 году 10-го марта, въ усадьбѣ Раменье. Четверо дѣтей, бывшихъ передо мною, померли, а равно померли и бывшіе послѣ меня пять человѣкъ. Если дозволительно дѣтямъ произносить судъ надъ родителями, то я могу такимъ образомъ опредѣлить моего отца и мою мать. Отецъ мой въ полномъ смыслѣ былъ военный служака того времени, строгій исполнитель долга, умѣренный въ своихъ привычкахъ до пуризма, человѣкъ неподкупной честности въ смыслѣ денежномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ суровый и строгій къ подчиненнымъ,—наши крѣпостные люди его трепетали, но только дураки и лѣнтяи, а умныхъ и дѣльныхъ онъ даже баловалъ иногда.

«Мать моя была совершенно иныхъ свойствъ: нервная, мечтательная, тонко-умная и при всей недостаточности воспитанія прекрасно говорившая и весьма любившая общительность. Собою она, за исключеніемъ весьма умныхъ глазъ, была нехороша, и по поводу ея наружности покойный отецъ мой, когда я былъ уже студентомъ, имѣлъ со мною такого рода бесѣду:

— «Скажи мнѣ, Алексѣй, отчего это мать твоя чѣмъ дальше живетъ, тѣмъ красивѣе становится?

— «Оттого, папенька, что у маменьки много душевной красоты, которая съ годами все больше и больше выступаетъ.

«Отецъ согласился со мною».

Вотъ что сообщаетъ Писемскій въ автобіографіи о своемъ дѣтствѣ:

«По разсказамъ, я росъ очень болѣзненно въ раннемъ дѣтствѣ и ужасно капризничалъ: то у меня являлась страсть сосать сафьянные башмаки, то требовалъ грязной воды, въ которой меня мыли, то требовалъ куска, который отецъ проглотилъ; былъ даже, говорятъ, лунатикъ, такъ что меня лавливали входящимъ на чердакъ. Всѣ эти продѣлки мои не помѣшали мнѣ однако сдѣлаться какимъ-то божкомъ для отца и матери, да сверхъ того еще для двухъ тетокъ, барышень Шиповыхъ, невышедшихъ замужъ, которыя, непремѣнно предполагая сдѣлать меня своимъ наслѣдникомъ, пылали ко мнѣ какою-то материнской любовью, такъ что между сосѣднимъ дворянствомъ говорили, что у меня не одна мать, а три.

«Сначала дѣтство мое, до десяти лѣтъ, я провелъ въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ (Ветлугѣ), куда отецъ мой опредѣленъ

былъ отъ комитета о раненыхъ городничимъ. Воспоминанія о житьѣ въ этомъ городкѣ у меня остались какія-то планетныя: помню я нашъ домъ, довольно большой, съ мезониномъ, гдѣ обиталъ я; помню полъ, очень не гладкій, играя на которомъ, я занаживалъ себѣ руки; помню высокую бѣлую церковь, а въ ней рыжаго протопопа Копосова; помню кадку изъ подъ стрехи, въ которой нянька меня купала; а больше всего помню ясные, свѣтлые дни и большую рѣку, къ которой меня нянька никогда близко не подпускала. Затѣмъ я уже жилъ въ настоящей деревнѣ, куда переселились мои родители. Особенно рѣзокъ и шаловливъ, по словамъ всѣхъ, я не былъ, но всегда любилъ устраивать игры въ попы (т. е. представлять, какъ попы служатъ), въ лошади, пахалъ грядки, сидѣлъ на лабазѣ, подстерегая медвѣдя. Словомъ, описаніе моего дѣтства находится въ «Людяхъ сороковыхъ годовъ», въ главѣ 2-й».

Обращаясь, по указанію Писемскаго, ко второй главѣ его вышеназваннаго романа, мы дѣйствительно видимъ рядъ весьма живыхъ сценъ изъ дѣтства героя романа Паши. Описывается, какъ Паша со своимъ товарищемъ, дворовымъ мальчикомъ Титкой, и собакою Куцкой бѣгали за зайцемъ, какъ медвѣдь утащилъ у отца лучшую корову, а егерь Яковъ Сафонычъ подстерегъ и убилъ медвѣдя, къ несказанному удовольствію мальчика, котораго едва отецъ могъ удержать отъ участія въ охотѣ егеря. Подросши, мальчикъ выучился верховой ѣздѣ и до страсти полюбилъ ее.

«Главное удовольствіе при этомъ — читаемъ мы въ романѣ — доставляли ему опасность и могущество власти надъ лошадью. Онъ одинъ-одинехонекъ уѣзжалъ верстъ за семь черезъ довольно большой лѣсъ; кругомъ тишина, ни души человѣческой, и только что-то поскрипываетъ и потрескиваетъ по сторонамъ. Лошадь идетъ, навостривъ уши, вздрагивая и какъ бы прислушиваясь къ чему-то. Но вотъ огромная глинистая гора; Павелъ слегка только сдерживаетъ поводья. Лошадь осторожнѣйшимъ образомъ сходитъ съ горы, немного присѣдая назадъ и скользя копытами по глинѣ; Павелъ убѣжденъ, что это онъ ее такъ выѣздилъ. За горой надобно проѣхать черезъ довольно крутой мостъ; на срединѣ его большая дыра. Павелъ нарочно погоняетъ лошадь и направляетъ ее на эту дыру; но она ее перескакиваетъ. Слѣдующую рѣчку Павелъ рѣшился переѣхать въ бродъ. Рѣченка тоже пѣнится и шумитъ; лошадь немножко заартачилась; Павелъ смѣло нукаетъ ее; лошадь осторожно входитъ въ воду. На срединѣ рѣки ей захотѣлось напиться, и для этого она вдругъ опустила голову; но Павелъ дернулъ поводьями и даже выругался: «Ну, чортъ, завалишься!» Въ такого рода приключеніяхъ онъ доѣзжаетъ до села, объѣзжаетъ тамъ кругомъ церковной ограды, кланяется съ сидящею у окна матуш-

кой-попадьей и, видимо гарцуя передъ нею, проскакиваетъ село и возвращается домой».

Выпросивши у отца ружье, мальчикъ почти каждый день началъ въ сопровожденіи Титки и Куцки ходить на охоту:

«Охотникомъ искуснымъ онъ не сдѣлался; но зато привыкъ рано вставать и смѣло ходить по лѣсамъ. Какихъ онъ не видалъ высокихъ деревьевъ, какихъ передъ нимъ не открывалось разнообразныхъ и красивыхъ лощинъ! Утомившись, онъ очень любилъ лечь гдѣ-нибудь на травѣ вверхъ лицомъ и смотрѣть на небо. И вдругъ ему начинало представляться, что оно у него какъ бы внизу, самыя деревья какъ будто бы растутъ внизъ и вершины ихъ словно купаются въ воздухѣ, — а онъ лежитъ на землѣ потому только, что къ ней чѣмъ-то прикрѣпленъ; но уничтожься эта связь, и онъ упадетъ туда, внизъ, въ небо. Павлу дѣлалось при этомъ и страшно, и весело»...

Проводя такимъ образомъ дѣтство подъ бодрящими и закаляющими тѣлесно и душевно впечатлѣніями деревенской жизни, Писемскій получилъ въ эти годы то скудное образованіе на мѣдныя деньги, какое въ то время было свойственно средѣ мелкопомѣстнаго дворянства. Вотъ что говоритъ онъ въ романѣ «Люди сороковыхъ годовъ» о воспитаніи героя Паши:

«По случаю безвыѣздной деревенской жизни отца, наставниками его пока были: приходскій дьяконъ, который версты за три бѣгалъ каждый день поучать его часа два; потомъ былъ взятъ къ нему разстрига-попъ, но оказался ужъ очень сильнымъ пьяницей; наконецъ училъ его старичекъ, переѣзжавшій нѣсколько десятковъ лѣтъ отъ одного помѣщика къ другому и переучившій по крайней мѣрѣ поколѣнія четыре. Какъ ни плохи были такого рода наставники, но все-таки учили его дѣлу: читать, писать, ариѳметикѣ, грамматикѣ, латинскому языку. У него никогда не было никакой гувернантки, изобрѣтающей приличныя для его возраста causeries съ нимъ; ему никогда и никто не читалъ дѣтскихъ книжекъ, а онъ прямо схватился за кой-какіе романы и путешествія, которые нашелъ на полкѣ у отца въ кабинетѣ; словомъ, ничто какъ бы не лелѣяло и не поддерживало въ немъ дѣтскаго возраста, а скорѣй игра и ученіе все задавали ему задачи больше его лѣтъ».

Почти то же говоритъ онъ о своемъ воспитаніи въ домѣ отца и въ своей автобіографіи:

«Учиться меня особенно не нудили, да я и самъ не очень любилъ учиться; но зато читать и читать, особенно романы, любилъ до страсти: до четырнадцатилѣтняго возраста я уже прочелъ, въ переводѣ разумѣется, большую часть романовъ Вальтеръ-Скотта, «Донъ-Кихота», «Фоблаза», «Жильблаза», «Хромого Бѣса», «Серапіоновыхъ братьевъ»—Гофмана, персидскій романъ

«Хаджи-Баба»; дѣтскихъ же книгъ я всегда терпѣть не могъ и, сколько припоминаю теперь, всегда ихъ находилъ очень глупыми.

«Наставники у меня были очень плохи и все русскіе. Въ дѣтствѣ я, кромѣ латинскаго языка, никакому новому языку не учился, что мнѣ впослѣдствіи приносило и даже до сихъ поръ приноситъ большой вредъ. Тщетно я въ гимназіи и въ университетѣ старался познакомиться съ французскимъ и нѣмецкимъ языками, которымъ впрочемъ въ нѣкоторой степени и выучивался, но только не надолго: не проходило и полугода, какъ я забывалъ языкъ. Вообще кажется у меня очень слаба способность къ языкамъ, къ исторіи и къ естественнымъ наукамъ; тогда какъ къ наукамъ философскимъ, т. е. къ математикѣ, къ метафизикѣ, къ логикѣ, эстетикѣ, этикѣ—я весьма склоненъ».

«Въ 1834 году, т. е. когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, меня отдали въ Костромскую гимназію, во второй классъ. Учиться тамъ я началъ понятливо и довольно прилежно, но гораздо бо̀льшую стяжалъ себѣ славу на актерскомъ поприщѣ».

Обращаясь затѣмъ къ роману «Люди сороковыхъ годовъ», въ которомъ авторъ описалъ все свое дѣтство, мы видимъ, что отецъ Писемскаго самъ свезъ сына въ Кострому, гдѣ и помѣстилъ его на частную квартиру въ большомъ каменномъ запущенномъ помѣщичьемъ домѣ, въ довольно глухомъ переулкѣ. На пожелтѣлой крышѣ его во многихъ мѣстахъ росла трава; штукатурка и разныя украшенія наружныхъ стѣнъ обвалились. Въ верхнемъ этажѣ нѣкоторыя окна были съ выбитыми стеклами, а въ другихъ стекла были заплесневѣлыя, съ радужными отливами; въ нижнемъ этажѣ ихъ закрывали тяжелые ставни. Къ главному подъѣзду вели желѣзныя ворота, на которыхъ виднѣлся расколовшійся пополамъ гербъ фамиліи владѣльцевъ. Его держали два льва один безъ головы, а другой—безъ всей задней части. Вмѣстѣ съ мальчикомъ въ качествѣ тутора и репетитора, былъ помѣщенъ старшій его лѣтами гимназистъ Стойновскій, а въ прислуги имъ оставленъ дворовый парень лѣтъ 14-ти.

Разставаніе отца съ сыномъ было самое трогательное. Мальчикъ бросился къ отцу на шею, зарыдалъ на всю комнату и произнесъ со стономъ «папенька, другъ мой, не покидай меня на вѣки!» Старикъ застоналъ, зарыдалъ тоже. «Нѣтъ, не покину, не покину!...» бормоталъ онъ; потомъ, едва вырвавшись изъ объятій сына, сѣлъ въ экипажъ: у него голова даже не держалась хорошенько на плечахъ, а какъ будто болталась. «Папаша, папаша, милый!»

стоналъ мальчикъ. Старикъ махнулъ рукой и велѣлъ себя везти скорѣе; экипажъ уѣхалъ. Мальчикъ, какъ бы все ужъ похоронивъ на свѣтѣ, съ понуренной головой и весь въ слезахъ отправился въ комнаты... По крайней мѣрѣ съ мѣсяцъ послѣ разлуки съ отцомъ онъ тосковалъ о немъ.

Но вотъ начались уроки и потекла день за днемъ монотонная гимназическая жизнь, однообразіе которой нарушилось пріѣздомъ въ городъ бродячей труппы.

Актеры были крайне плохіе. Передѣланный изъ кожевеннаго завода театръ помѣщался гдѣ-то подъ землей, и сохранялся еще дубильный запахъ, которымъ пропитаны стѣны его. Зрителямъ, чтобы попасть въ партеръ, надобно было спуститься внизъ по крайней мѣрѣ сажени на двѣ. Тѣмъ не менѣе, когда Стойновскій предложилъ своему воспитаннику отправиться вмѣстѣ въ театръ на представленіе «Днѣпровской Русалки»,—мальчикъ былъ на седьмомъ небѣ. Его попреимуществу волновало то, что онъ слыхалъ названія: «сцена», «ложи», «партеръ», «занавѣсъ», но что такое собственно это было, и какъ все это соединить и расположить, онъ никакъ не могъ придумать того въ своемъ воображеніи. Заиграла музыка. Писемскій во всю жизнь свою, кромѣ одной скрипки и плохихъ фортепьянъ, не слыхалъ никакихъ инструментовъ; но теперь, при звукахъ довольно большого оркестра, у него какъ-бы вся кровь прилила къ сердцу; ему хотѣлось въ одно и то же время подпрыгивать и плакать. Занавѣсъ поднялся. Съ какой жадностью взоръ нашего юноши ушелъ въ эту таинственную глубь какой-то очень красивой рощи, сзади которой виднѣлся занавѣсъ съ Богъ знаетъ куда уходящей далью, а передъ нимъ что-то сѣрое шевелилось на полу—это была рѣка Днѣпръ!

И какъ ни плохи были лицедѣи, какъ ни убога вся обстановка провинціальнаго театра, юноша былъ какъ-бы въ туманѣ: весь этотъ театръ со всей обстановкой и всѣ испытанныя тамъ удовольствія показались ему какими-то необыкновенными, не воздушными, не на землѣ (а какъ было на самомъ дѣлѣ, подъ землею) существующими—какимъ-то міромъ гномовъ, одуряющимъ, не дающимъ свободно дышать, но тѣмъ не менѣе очаровательнымъ и обольстительнымъ. Результатомъ того сильнаго впечатлѣнія, какое произвело на юношей это зрѣлище, было то, что на святкахъ они задумали устроить у себя на дому свой театръ.—Иниціатива принадлежала Стойновскому, какъ старшему возрастомъ. Онъ обладалъ искусствомъ въ рисованіи, которое помогло ему нарисовать

декораціи и занавѣсь. Сценой и зрительной залой они избрали большую залу, бывшую въ опустѣвшемъ домѣ, гдѣ они обитали; употребили въ дѣло и найденную тамъ старинную мебель. Не меньшую изобрѣтательность оказалъ Стойновскій и въ составленіи костюмовъ изъ первыхъ имѣвшихся въ наличности матеріаловъ, гимназическихъ вещей, мундирчиковъ, конскихъ волосъ, бычачьихъ пузырей и т. п. Для представленія были избраны «Казакъ-стихотворецъ» и «Воздушные замки». Роль Маруси уговорили играть очень хорошенькаго собой гимназистика, который былъ въ гимназическихъ пѣвчихъ и имѣлъ превосходный тоненькій голосокъ. Одинъ изъ актеровъ, подвизавшійся на городскомъ театрѣ, былъ приглашенъ выучить юношей пѣть надлежащіе куплеты. Писемскій взялъ на себя роль Прудіуса въ «Казакѣ - стихотворцѣ». Въ назначенный день собралось столько публики, сколько могъ вмѣстить въ себѣ импровизированный театръ; публика состояла изъ гимназическихъ учителей и гимназистовъ съ ихъ родственниками. Спектакль сошелъ блистательно, причемъ Писемскій заткнулъ за поясъ своего товарища тутора Стойновскаго, отличившись правдивостью и тактомъ въ исполненіи своей роли.

Эта удача имѣла два результата: во-первыхъ, самолюбіе Стойновскаго было такъ уязвлено неудачей на театрѣ, что онъ былъ почти не въ состояніи видѣть Писемскаго и уѣхалъ отъ него, оставивъ мальчика одного съ его дворовымъ парнемъ, и во-вторыхъ, Писемскій началъ воображать себя будущимъ великимъ актеромъ и, оставшись жить одинъ, перѣдко передъ своимъ казачкомъ и сторожемъ дома старымъ инвалидомъ, декламировалъ, надѣвъ халатъ и подпоясавшись кушакомъ, изъ «Дмитрія Донского»:

«Россійскіе князья, бояре, воеводы,
«Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы.

Или восклицалъ изъ Катенинскаго Корнеля, обращаясь къ инвалиду: «Иди ко мнѣ, столбъ царства моего!».

Вообще дѣтскія игры онъ совершенно покинулъ и повелъ «эстетическій образъ жизни», въ подражаніе своему дядѣ со стороны матери, Всеволоду Никитичу Бартеневу. Этотъ Бартеневъ, изображенный Писемскимъ въ романѣ «Люди сороковыхъ годовъ» въ лицѣ Эспера Ивановича, бывшій флотскій офицеръ, представлялъ собою весьма оригинальный типъ своего времени; это былъ байбакъ, Обломовъ, не сходившій съ своего дивана и въ то же время просвѣщенный любитель и знатокъ литературы и всѣхъ искусствъ,

энциклопедически образованный и горячій проповѣдникъ просвѣщенія. Онъ оказывалъ большое вліяніе на племянника во время гимназическихъ лѣтъ Писемскаго, снабжая его романами, журналами, путешествіями. Юноша съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе погружался въ чтеніе; часто ходилъ въ театръ; наконецъ задумалъ учиться музыкѣ. Въ домѣ, гдѣ онъ продолжалъ обитать, оказалось фортепьяно; онъ перенесъ его въ свою комнату, поправилъ и настроилъ на свои скудныя средства. Въ учителя онъ себѣ выбралъ, по случаю крайней дешевизны, того самаго актера, который дирижировалъ пѣніемъ въ гимназическомъ спектаклѣ. Онъ впрочемъ могъ растолковать Писемскому однѣ ноты; а затѣмъ Писемскій уже самъ сталъ разучивать, какъ Богъ на разумъ послалъ, небольшія пьески, и къ концу года онъ игралъ довольно бойко; у него даже нашелся обожатель его музыки, одинъ изъ товарищей, который прослушивалъ его иногда по цѣлымъ вечерамъ и совершенно искренно увѣрялъ, что такой игры на фортепіанахъ съ подобной экспрессіей, онъ не слыхивалъ.

Обильное чтеніе не замедлило оказать свое вліяніе на воспріимчивую натуру юноши въ видѣ пробужденія въ немъ творчества. Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ въ романѣ «Люди сороковыхъ годовъ» характерный эпизодъ, который, подобно многимъ другимъ фактамъ дѣтства и юности героя романа, въ свою очередь могъ быть взятъ всецѣло изъ жизни самого автора. Такъ, Писемскій разсказываетъ, какъ герой его, Павелъ Вихровъ, сблизился съ учителемъ математики, хохломъ; вмѣстѣ они ходили на охоту, и учитель этотъ свободомысленными рѣчами возбудилъ въ юношѣ критическое отношеніе къ гимназическому начальству. «Всѣ эти толкованія, читаемъ мы въ романѣ, сильно запали въ молодую душу моего героя, и одно только врожденное чувство приличія останавливало его, что онъ не дѣлалъ съ начальствомъ сценъ и ограничивался въ отношеніи его глухой и затаенной ненавистью». Но не долго продолжалась эта сдержанность. Инспекторъ гимназіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же учитель словесности, представлялъ собою креатуру директора, такъ какъ послѣдній возвелъ его въ инспекторскій санъ, благодаря тому, что тотъ сошелся съ его дочерью и долженъ былъ жениться на ней.

«Передъ экзаменами — читаемъ мы въ романѣ — инспекторъ-учитель задалъ имъ сочиненіе на тему «Великій человѣкъ». По словесности Вихровъ тоже былъ первый, потому что прекрасно зналъ реторику и логику и кромѣ того сочинялъ прекрасно. Счастливая мысль мелькнула въ его головѣ; давно уже желая высказать то, что наболѣло

у него на сердцѣ, онъ подошелъ къ учителю и спросилъ его: можно ли, вмѣсто заданной имъ темы, написать на тему: «*Случайный человѣкъ*». «Напишите!» отвѣчалъ тотъ, вовсе не понявъ его намѣренія. Павелъ пришелъ и въ одну ночь накаталъ сочиненіе. О, какимъ огнемъ негодованія горѣлъ онъ при этомъ! Онъ писалъ: «народы образованные болѣе всего цѣнятъ въ гражданахъ своихъ достоинства. Всѣ великіе люди Греціи были велики и по душевнымъ своимъ свойствамъ. У народовъ же необразованныхъ гораздо болѣе успѣваютъ лесть и низость; вотъ откуда происходитъ *случайный человѣкъ!* Онъ можетъ не имѣть никакихъ личныхъ достоинствъ, и на высшую степень общественныхъ почестей возводится только слѣпымъ случаемъ! Торговецъ блинами становится корыстолюбивымъ государственнымъ мужемъ лакей—графомъ, пѣвчій—знатной особой.

«Сочиненіе это произвело, какъ и надо ожидать, страшное дѣйствіе... Инспекторъ-учитель показалъ его директору; тотъ — женѣ; жена велѣла выгнать Павла изъ гимназіи. Директоръ, очень добрый въ сущности человѣкъ, поручилъ это исполнить зятю. Тотъ, собравъ совѣтъ учителей, и, блѣдный, съ дрожащими руками, прочелъ ареопагу злокачественное сочиненіе; учителя, которые были помоложе, потупили головы, а отецъ Никита произнесъ, хохоча себѣ подъ носъ:

— Сатирикъ! Какъ же, вѣдь всѣ они у насъ сатирики!

— Я полагаю, господа, выгнать его надо? обратился инспекторъ-учитель къ совѣту.

— Это очень ужъ жестоко, послышалось легкое бормотанье между учителями помоложе.

— Зачѣмъ же ему учиться, вѣдь ужъ онъ сочинитель!.. подхватилъ, опять смѣясь, отецъ Никита».

Насилу успѣлъ отстоять своего друга все тотъ-же учитель математики, который былъ виновникомъ подобнаго настроенія юноши.

Очень вѣроятно, что нѣчто подобное случилось въ гимназіи и съ самимъ Писемскимъ. Въ автобіографіи-же своей онъ о началѣ развитія своей писательской способности говоритъ кратко: «въ пятомъ классѣ я былъ признанъ учителемъ словесности прекраснымъ талантомъ, въ шестомъ классѣ я уже написалъ повѣсть, назвавъ ее «Черкешенкой», а въ седьмомъ сочинилъ еще бо́льшую повѣсть «Чугунное кольцо», которыя вѣроятно отличались болѣе стилемъ, такъ какъ я въ нихъ описывалъ такія сферы, которыя совершенно были для меня невѣдомы».

Въ романѣ «Люди сороковыхъ годовъ» писаніе этой повѣсти находится въ связи съ первой романтической любовью героя къ кузинѣ Мери, бывшей конечно уже значительно старше его возрастомъ и относившейся къ нему, какъ къ мальчику.

«Вскорѣ послѣ того — читаемъ мы — Павелъ сдѣлался боленъ, и ему не велѣно выходить изъ дому. Скука имъ овладѣла до неистов-

ства—и главное отъ того, что онъ не могъ видѣться съ Мери. Оставаясь почти цѣлые дни одинъ-одинешенекъ, онъ передумалъ и перемечталъ обо всемъ; наконецъ, чтобы чѣмъ-нибудь себя занять, вздумалъ сочинить повѣсть, и для этого сшилъ себѣ толстую тетрадь и прямо на ней написалъ заглавіе своему произведенію: «*Чугунное кольцо*». Героемъ своей повѣсти онъ вывелъ казака, по фамиліи *Ятвасъ*. Въ фамиліи этой Павелъ хотѣлъ намекнуть на молодцоватую наружность казака, которою онъ какъ бы говорилъ: «*я васъ!*», и чтобы замаскировать это, вставилъ букву *т*. Ятвасъ этотъ влюбился въ губернскомъ городѣ въ одну даму и ее влюбилъ въ самого себя. Въ концѣ повѣсти у нихъ произошло рандеву въ бесѣдкѣ на губернскомъ бульварѣ. Дама призналась Ятвасу въ любви и хотѣла подарить ему на память чугунное кольцо; но по этому кольцу Ятвасъ узнаетъ, что это была родная сестра его, съ которой онъ разстался еще въ дѣтствѣ; обоюдный ужасъ и —послѣ этого казакъ уѣзжаетъ на Кавказъ и тамъ его убиваютъ, а дама постригается въ монахини».

Не ограничиваясь чтеніемъ этой повѣсти своей кузинѣ, Писемскій посылалъ ее въ редакцію столичной прессы, но повѣсть принята не была.

Въ 1840 году Писемскій кончилъ гимназическій курсъ и вознамѣрился ѣхать въ Московскій университетъ, выдержавши при этомъ, если судить по роману «Люди сороковыхъ годовъ», не малую борьбу съ отцомъ, который требовалъ, чтобы сынъ поступилъ въ Демидовскій лицей, на тѣхъ основаніяхъ, что тамъ сынъ учился бы и содержался на казенный счетъ въ закрытомъ пансіонѣ, подъ присмотромъ начальства, и былъ бы несравненно ближе къ родительской усадьбѣ, такъ что за нимъ ничего не стоило бы на каникулахъ прислать лошадей. Но сынъ поставилъ на своемъ и поступилъ-таки въ Московскій университетъ на математическій факультетъ.

Въ своей автобіографіи Писемскій считаетъ выборъ факультета какъ нельзя болѣе удачнымъ, хотя и не находитъ, чтобы университетское образованіе дало ему очень много. «Будучи —говоритъ онъ—большимъ фразеромъ, я въ этомъ случаѣ благодарю Бога, что избралъ математическій факультетъ, который сразу-же отрезвилъ меня и сталъ пріучать говорить только то, что́ самъ ясно понималъ. Но этимъ, кажется, только и кончилось благодѣтельное вліяніе университета. Научныхъ свѣдѣній изъ моего собственнаго факультета я пріобрѣлъ немного».

Правда, если и вообще математическіе факультеты, нельзя сказать, чтобы вполнѣ соотвѣтствовали и были благотворны людямъ, одареннымъ художественнымъ талантомъ, то тѣмъ болѣе трудно было ожидать, чтобы такое благотворное вліяніе могъ ока-

зать математическій факультетъ одного изъ русскихъ университетовъ сороковыхъ годовъ. Но все-таки было бы ошибочно утверждать, чтобы университетскіе годы прошли для Писемскаго совсѣмъ безплодно. Недаромъ Писемскій самъ въ своемъ романѣ говоритъ о своемъ героѣ: «Естественныя науки открыли передъ нимъ цѣлый міръ новыхъ свѣдѣній: онъ *уразумѣлъ и травъ прозябанье*, и съ нимъ *заговорила морская волна*. Онъ узналъ жизнь земного шара—какимъ образомъ онъ образовался, какъ на немъ произошли рѣки, озера, моря; узналъ, чѣмъ люди дышатъ, почему они на сѣверѣ питаются рыбой, а на югѣ—рисомъ. Словомъ, вся эта природа, интересовавшая его прежде только какимъ-нибудь очень ужъ красивымъ мѣстоположеніемъ, очень хорошей или чрезвычайно дурной погодой, какимъ-нибудь никогда невиданнымъ животнымъ,—стала теперь понятна ему въ своихъ причинахъ, явилась машиной, въ которой было все тѣснѣйшимъ образомъ связано одно съ другимъ. Изъ изящныхъ собственно предметовъ онъ въ это время изучалъ Шекспира и еще Шиллера, за котораго онъ принялся, чтобы выучиться нѣмецкому языку, столь необходимому для естественныхъ наукъ, и который сразу увлекъ его, какъ поэтъ человѣчности, цивилизаціи и всѣхъ юношескихъ порывовъ».

То же самое свидѣтельствуетъ Писемскій и въ своей автобіографіи, говоря, что хотя онъ и немного пріобрѣлъ научныхъ свѣдѣній изъ факультета, но зато познакомился съ Шекспиромъ, Шиллеромъ, Гёте, Корнелемъ, Расиномъ, Жанъ-Жакомъ Руссо, Вольтеромъ, Викторомъ Гюго и Жоржъ-Зандомъ и сознательно оцѣнилъ русскую литературу.

Надо принять въ соображеніе также и то обстоятельство, что Писемскій, подобно многимъ своимъ товарищамъ, не ограничивался одной математикой, а слушалъ лекціи профессоровъ другихъ факультетовъ. Такъ, въ романѣ «Люди сороковыхъ годовъ» онъ сообщаетъ эпизодъ, очевидно вполнѣ автобіографическій:

«Профессоръ словесности — читаемъ мы въ романѣ—задалъ студентамъ темы для сочиненій. Вихровъ ужасно этому обрадовался и выбралъ одну изъ нихъ, а именно: «*Поссевинъ въ Россіи*», и сейчасъ же принялся писать на нее. Еще и прежде того, какъ мы знаемъ, искусившись въ писаніи повѣстей и прочитавъ потомъ цѣлыя сотни историческихъ романовъ, онъ изобразилъ пребываніе Поссевина въ Россіи въ формѣ разсказа: описалъ тутъ и царя Іоанна, и іезуитовъ съ ихъ одеждою, обычаями, и придумалъ даже полячку, привезенную ими съ собой. Цѣлыя двѣ недѣли Вихровъ занимался этимъ трудомъ и наконецъ подалъ его профессору, вовсе не ожидая отъ того ника-

кихъ особыхъ послѣдствій, а такъ только потѣшилъ въ этомъ случаѣ натуру свою. Невдолгѣ послѣ того профессоръ сталъ давать отчетъ о прочитанныхъ имъ сочиненіяхъ. Онъ ихъ обыкновенно увозилъ изъ университета на ломовомъ извощикѣ — и на ломовомъ же извощикѣ и привозилъ. Взойдя на каѳедру, онъ былъ какъ бы нѣкоторое время въ недоумѣніи.

— Милостивые государи, началъ онъ своимъ звучнымъ голосомъ,— я, къ удивленію своему, долженъ отдать на нынѣшній разъ предпочтеніе сочиненію не студента словеснаго факультета, а математики... Я говорю про сочиненіе г-на Вихрова: «*Поссевинъ въ Россіи*».

У Павла руки и ноги задрожали и въ глазахъ помутилось.

— Г-нъ Вихровъ! вызвалъ уже его профессоръ.

Павелъ всталъ. Профессоръ, какъ бы съ большимъ вниманіемъ, нѣсколько времени смотрѣлъ на него.

— Въ вашемъ сочиненіи, не говоря уже о знаніи фактовъ, видна необыкновенная ловкость въ пріемахъ разсказа; вы какъ-будто очень опытны и давно упражнялись въ этомъ.

— Я давно ужъ пишу! отвѣчалъ Вихровъ съ дрожащими губами.

— Упражняетесь въ этомъ!.. прекрасно, прекрасно!.. У васъ положительное дарованіе!

И профессоръ мотнулъ Вихрову головой въ знакъ того, чтобы тотъ садился.

Павелъ опустился — отъ волненія онъ едва стоялъ на ногахъ; но потомъ, когда лекція кончилась, и профессоръ сталъ сходить по лѣстницѣ, Павелъ нагналъ его:

— У меня цѣлая повѣсть написана, сказалъ онъ,—позвольте вамъ представить ее!

— Представьте, сказалъ профессоръ, уже съ удивленіемъ взглянувъ на него.

Вихровъ на слѣдующую же лекцію принесъ ему свою повѣсть «Чугунное кольцо». Профессоръ взялъ у него тетрадку. Цѣлую недѣлю Вихровъ горѣлъ, какъ на угольяхъ. Профессора онъ видѣлъ въ университетѣ; но тотъ ни слова не говорилъ съ нимъ объ его произведеніи. Наконецъ послѣ одной лекціи онъ проговорилъ:

— Г-нъ Вихровъ здѣсь?

— Здѣсь! отвѣчалъ Павелъ, опять съ дрожащими губами.

— Прошу васъ сегодня зайти ко мнѣ вечеркомъ: я имѣю съ вами поговорить.

Вихровъ радъ былъ двадцать-тридцать разъ къ нему сходить. «Что-то онъ скажетъ мнѣ, и въ какихъ выраженіяхъ станетъ хвалить меня?» думалъ онъ все остальное время до вечера: въ похвалѣ отъ профессора онъ почти уже не сомнѣвался. Часу въ седьмомъ вечера онъ почти бѣгомъ бѣжалъ со своей квартиры къ дому профессора и робкою рукою позвонилъ въ колокольчикъ. Человѣкъ отперъ ему и впустилъ его; Павелъ сказалъ ему свою фамилію. Человѣкъ повелъ его сначала черезъ залу, гостиную. Вихровъ съ искреннѣйшимъ благоговѣніемъ вдыхалъ въ себя этотъ ученый воздухъ; въ кабинетѣ, слабо освѣщенномъ свѣчами съ абажуромъ, онъ увидѣлъ самого профессора; всѣ стѣны кабинета уставлены были книгами, столъ заваленъ кипами бумагъ.

— Здравствуйте, садитесь! сказалъ онъ ему ласково.

Вихровъ сѣлъ.

— Я позвалъ васъ, продолжалъ профессоръ, —сказать вамъ, чтобы вы бросили это дѣло, за которое очень рано взялись!

И онъ сдѣлалъ при этомъ значительную мину. Вихровъ покраснѣлъ.

— Почему же? спросилъ онъ.

— Потому что вы описываете жизнь, которой еще не знаете; вы можете написать теперь сочиненіе изъ книгъ,—наконецъ описать ваши собственныя ощущенія—но никакъ не романъ или повѣсть! На меня, признаюсь, ваше произведеніе сдѣлало очень, очень непріятное впечатлѣніе; въ немъ выразилась или весьма дурно направленная фантазія, если вы все выдумали, что писали... А если же нѣтъ, то это съ другой стороны дурно рекомендуетъ вашу нравственность!

И профессоръ опять при этомъ значительно мотнулъ Вихрову головой и подалъ ему его повѣсть назадъ. Павелъ только изъ приличія просидѣлъ у него еще съ полчаса, и профессоръ все ему толковалъ о тѣхъ образцахъ, которые онъ долженъ читать, если желаетъ сдѣлаться литераторомъ, о строгой и умѣренной жизни, которую онъ долженъ вести, чтобы быть истиннымъ жрецомъ искусства, и заключилъ тѣмъ, что «орудіе, то есть талантъ, у васъ есть для авторства, но содержанія еще никакого!»

Герой мой вышелъ отъ профессора сильно опѣшенный. «Въ самомъ дѣлѣ мнѣ, можетъ быть, рано еще писать!» подумалъ онъ самъ съ собой и рѣшился пока учиться и учиться!»...

Въ это время студенты увлекались Бѣлинскимъ; подъ вліяніемъ-же любимаго критика вели ожесточенные и безконечные философскіе споры и зачитывались Гоголемъ. Изъ того-же автобіографическаго романа мы видимъ, что все это продѣлывалъ и Писемскій въ лицѣ своего героя, Вихрова. Объ увлеченіи-же Писемскаго Гоголемъ мы можемъ судить по воспоминаніямъ Алмазова. вотъ что сообщившемъ между прочимъ въ своей рѣчи, сказанной на юбилеѣ Писемскаго:

«Какія же вліянія способствовали развитію такого въ высшей степени самороднаго таланта, какъ талантъ Писемскаго? Литературными образцами для нашего юбиляра были творенія двухъ нашихъ великихъ писателей-художниковъ, Пушкина и Гоголя; на эстетическія его теоріи имѣли большое вліяніе критическія статьи Бѣлинскаго. и вообще умственное его развитіе совершалось подъ воздѣйствіемъ профессоровъ Московскаго университета начала сороковыхъ годовъ Что касается до вліянія, происходящаго отъ личнаго сношенія съ людьми, то мы знаемъ только одного литератора, который имѣлъ нѣкоторое вліяніе на Писемскаго,—и этотъ литераторъ, какъ ни покажется это страннымъ на первый разъ, былъ никто другой, какъ Павелъ Александровичъ Катенинъ. Какъ, подумаютъ многіе, тотъ Катенинъ, который, по словамъ Пушкина, *«воскресилъ Корнеля геній величавый»*? Катенинъ, крайній сторонникъ и самый отчаянный поклонникъ фран-

цузскаго псевдо-классицизма, переводчикъ Корнеля, имѣлъ вліяніе на такого писателя-реалиста, какъ Писемскій? Какъ это ни странно, а это правда. Познакомился Писемскій съ Катенинымъ случайно: Катенинъ жилъ въ трехъ верстахъ отъ родового имѣнія Писемскихъ (въ Костромской губерніи), гдѣ родился, получилъ первоначальное воспитаніе и проводилъ потомъ время гимназическихъ и университетскихъ вакацій будущій авторъ романа *«Тысяча Душъ»*, трагедіи *«Горькая Судьбина»* и комедій: *Ваалъ»*, *«Ипохондрикъ»*, *«Подкопы»*. Ветеранъ литературы, Катенинъ, фанатически вѣрный своимъ идоламъ, Корнелю и Расину, и корану псевдо-классической поэзіи, «L'art Poétique» Буало, подружился съ молодымъ студентомъ, жаркимъ поклонникомъ Гоголя и статей Бѣлинскаго, — Бѣлинскаго, у котораго, по духу тогдашнихъ эстетическихъ теорій, имена Корнеля и Расина чуть-чуть не были бранными словами. Какъ же проводили время, сходясь между собою, эти два совершенно противуположные по литературнымъ убѣжденіямъ человѣка? Катенинъ декламировалъ передъ Писемскимъ произведенія французскихъ лжеклассиковъ; Писемскій читалъ Катенину произведенія Гоголя. Разумѣется, послѣ чтенія у нихъ были горячіе споры. «Вашъ Гоголь—дрянь, гадость!» кричалъ въ какомъ-то ожесточеніи Катенинъ. Писемскій, возражая Катенину, обзывалъ вѣроятно тоже не совсѣмъ лестными эпитетами Корнеля и Расина. Но когда умолкалъ споръ, Писемскій слушалъ какую-нибудь трагедію какого-нибудь французскаго классика, а немного погодя Катенинъ слушалъ повѣсть или комедію Гоголя

«Въ чемъ же отразилось вліяніе Катенина на Писемскаго? Во-первыхъ, въ нѣкоторыхъ сценическихъ пріемахъ нашего юбиляра, ибо я никакъ не могу пройти молчаніемъ сценическій талантъ Писемскаго. Вамъ, милостивые государи, которые не разъ наслаждались въ этой самой залѣ его необыкновенно-искуснымъ чтеніемъ, вамъ вѣроятно будетъ пріятно вспомнить объ одномъ изъ сценическихъ успѣховъ Писемскаго, и потому вы мнѣ позволите сдѣлать отступленіе въ моей рѣчи. Поэзія и сцена—не дальняя родня между собою, и, говоря о литературныхъ достоинствахъ писателя, позволительно сказать и объ его достоинствахъ, какъ актера».

«Въ 1844 году наше тогда еще молодое поколѣніе прослышало, что въ Долгоруковскомъ переулкѣ, въ меблированныхъ комнатахъ—въ тѣхъ самыхъ, которыя потомъ описаны съ такимъ юморомъ въ одномъ изъ романовъ нашего автора, живетъ какой-то студентъ Московскаго университета, 2-го отдѣленія философскаго факультета, который читаетъ своимъ пріятелямъ Гоголя и читаетъ такъ, какъ никто еще до того времени не читывалъ. Наше поколѣніе горячо и восторженно принимало къ сердцу всѣ интересы искусства, и потому сильно взволновалось, услышавъ эту новость, и рвалось послушать, какъ Писемскій читаетъ Гоголя Но намъ, школьникамъ, было слишкомъ недоступно общество студентовъ, а студенты *философскаго* факультета однимъ своимъ наименованіемъ наводили на насъ священный страхъ... Вдругъ доходитъ до насъ слухъ, что на одномъ такъ называемомъ благородномъ театрѣ будетъ даваться *«Женитьба»* Гоголя и что въ ней роль Подколесина будетъ играть Писемскій. Съ трудомъ мы пробрались на этотъ спектакль. Конечно не мы были судьями надъ Писемскимъ, но

мы были свидѣтелями того изумленія, съ какимъ избранное московское общество смотрѣло на игру Писемскаго. Въ то время Подколесина игралъ на Императорскомъ театрѣ великій нашъ комикъ Щепкинъ; но кто ни взглянулъ на Писемскаго, всякій сказалъ, что онъ лучше истолковалъ этотъ характеръ, чѣмъ самъ Щепкинъ. Не стану распространяться о сценическихъ дарованіяхъ Писемскаго: большая часть изъ нашихъ посѣтителей, слышавшая его чтеніе, уже можетъ вообразить, каковъ онъ долженъ быть на сценѣ. Скажу только, что Писемскій обязанъ Катенину тѣмъ удивительнымъ умѣньемъ владѣть собою, тою удивительно-отчетливою и сдержанною интонаціей голоса, которою мы любуемся въ тѣ минуты, когда онъ читаетъ намъ трагическія мѣста изъ своихъ произведеній»...

О высокомъ мастерствѣ въ декламаторскомъ искусствѣ свидѣтельствуютъ и другіе современники Писемскаго. Такъ, И. Ѳ. Горбуновъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Писемскомъ сообщаетъ между прочимъ о его чтеніи своей «*Плотничьей артели*» на вечерѣ у Краевскаго, что «это было не чтеніе, а высокая сценичная игра; каждое лицо выглядѣло, какъ живое, со своимъ тономъ, съ своимъ жестомъ, со своей индивидуальностью. Художественное наслажденіе было полное, всѣ были въ неописанномъ восторгѣ». Слава о превосходномъ чтеніи Писемскаго не замедлила распространиться по Петербургу, и Писемскаго наперерывъ приглашали читать то въ Петербургѣ, то въ Кронштадтѣ и другихъ окрестностяхъ. «Очень часто, говоритъ Горбуновъ, по вечерамъ, а иногда и днемъ мы отправлялись съ нимъ куда-нибудь на чтеніе. Мы сдѣлались извѣстными чтецами и вошли въ моду; насъ приглашали въ самое высшее общество.—«Мы съ тобой точно дьячки— сказалъ онъ одинъ разъ:—намъ-бы попросить митрополита, чтобы онъ разрѣшилъ стихарь надѣть».

Нѣчто подобное свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Писемскомъ П. В. Анненковъ:

«Онъ дѣйствительно передавалъ мастерски собственныя сочиненія, находя чрезвычайно выразительныя интонаціи для всякаго лица, выводимаго имъ на сцену (въ драматическихъ его пьесахъ это выходило особенно эффектно). Также мастерски разсказывалъ онъ множество уморительныхъ анекдотовъ изъ его встрѣчъ съ разными лицами своей молодости. Подобныхъ анекдотовъ были у него цѣлые короба, и въ каждомъ изъ нихъ выражался болѣе или менѣе законченный комическій типъ. Многіе изъ такихъ типовъ были имъ обработаны позднѣе и попали въ его сочиненія».

Но Анненковъ расходится съ Ахматовымъ относительно актерскаго таланта Писемскаго. По словамъ его, репутація великаго актера, которая была ему составлена въ Москвѣ и которой онъ очень гордился, не выдержала окончательной пробы:

«Такъ, при исполненіи имъ роли городничаго въ «Ревизорѣ» Гоголя, данномъ на публичномъ спектаклѣ въ пользу литературнаго фонда, который былъ тогда въ большой модѣ (1860), онъ оказался слабымъ и монотоннымъ, изображая эту живую фигуру. Дѣло въ томъ, что Писемскій всегда счастливо находилъ одну вѣрную ноту въ предоставленной ему роли и по ней создавалъ все лицо исключительно, пренебрегая всѣми другими оттѣнками его. Однажды я былъ свидѣтелемъ, какъ Писемскій, въ присутствіи покойнаго Мартынова, вздумалъ оправдывать эту грубую, упрощенную манеру пониманія изображенныхъ лицъ и утверждалъ между прочимъ, что геніальный создатель «Ревизора», кажется, писалъ свою комедію не для сцены, потому что въ городничемъ его безпрестанно встрѣчаются вводныя мысли и отступленія, сбивающія съ толку актера и мѣшающія ему проводить роль въ надлежащемъ единствѣ. Великій нашъ комикъ, который былъ также и очень сильнымъ теоретикомъ своего искусства, горячо возражалъ на эту мысль, объясняя пространно и чрезвычайно ясно, что всѣ эти *a parte*, побочныя мысли и подробности совершенно необходимы автору и представляютъ благодарную задачу для истиннаго актера, помогая ему высказать въ полномъ блескѣ свое дарованіе и сліяніемъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ чертъ въ одинъ полный образъ создать характеръ, способный остаться надолго въ преданіяхъ театральнаго міра. Писемскій, кажется, остался при своемъ мнѣніи.»

II.

Окончаніе университетскаго курса и вліяніе, оказанное на Писемскаго университетомъ.—Служебная дѣятельность и ея вліяніе на талантъ Писемскаго.—Сходство и различіе въ развитіи талантовъ Писемскаго и Салтыкова. Романъ «Боярщина».—Повѣсть «Нина».— Женитьба Писемскаго и его семейная жизнь.

Успѣхъ въ роли Подколесина совпалъ въ жизни Писемскаго съ окончаніемъ университетскаго курса, послѣдовавшимъ въ томъ-же 1844 году. Писемскій былъ выпущенъ со степенью дѣйствительнаго студента. Хотя онъ и самъ свидѣтельствуетъ, что университетъ далъ ему немного, но мы все таки утверждаемъ, что не могъ онъ пройти въ жизни Писемскаго совершенно безслѣдно. Странно было-бы и требовать, чтобы университетъ внѣдрялъ въ голову каждаго студента цѣликомъ всѣ тѣ науки, которыя проходятся на избранномъ имъ факультетѣ. Дѣло университета заключается лишь въ томъ, чтобы возбудить въ юношѣ живой интересъ къ пріобрѣтенію знаній и занятію науками, дать ему ключъ

къ этимъ занятіямъ. Если затѣмъ юноша остается въ центрѣ просвѣщенія, близко къ очагамъ наукъ и искусствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ огонь, зажженный въ немъ университетомъ, успѣлъ сильно разгорѣться въ немъ, онъ будетъ самостоятельно поддерживать этотъ огонь, продолжая учиться, усвоивать любимую науку и въ концѣ концовъ двигать ее. Но смѣшно и требовать, чтобы огонь продолжалъ самъ собою горѣть безъ перерыва и въ такомъ случаѣ, если юноша, по окончаніи курса, уѣдетъ въ далекую глушь и тамъ предастся какому нибудь практическому дѣлу, не имѣющему ничего общаго съ усвоенными въ университетѣ знаніями. Естественно, что не поддерживаемый новыми матеріалами, огонь начнетъ со временемъ гаснуть, пріобрѣтенныя знанія, не прилагаемыя къ жизни, будутъ мало по малу испаряться. Отъ всего университетскаго курса останется лишь общая закваска человѣка съ высшимъ образованіемъ, въ видѣ тѣхъ идей честности, гуманности и прогресса, какія каждый мало-мальски талантливый и неиспорченный юноша выноситъ изъ университета. Но конечно среда и жизнь могутъ такъ переработать человѣка, что и отъ этихъ идей не останется впослѣдствіи и слѣдочка.

Прилагая эти соображенія къ Писемскому, мы не считаемъ большой бѣдой, что онъ не вынесъ изъ университета цѣликомъ всю премудрость математическаго факультета, курсъ котораго онъ окончилъ. Къ чему пригодилась бы для него вся эта премудрость, если-бы даже онъ вмѣстилъ ее въ себя въ такомъ количествѣ, какъ Лобачевскій? Совершенно было достаточно, что рядомъ съ положительными хотя бы и самыми элементарными знаніями Писемскій вынесъ изъ университета кое-какую начитанность по литературамъ западной и русской, а главнымъ образомъ увлеченіе Бѣлинскимъ, Гоголемъ и Жоржъ-Зандомъ, что̀ ставило его во всякомъ случаѣ впереди своего вѣка. Если-бы съ этимъ умственнымъ багажемъ онъ остался въ Москвѣ, примкнулъ къ какимъ-нибудь литературнымъ или философскимъ кружкамъ, продолжалъ-бы читать, учиться, развиваться; еще лучше если-бы поѣхалъ заграницу, подобно Тургеневу или Грановскому, доучиваться въ западныхъ университетахъ, то конечно онъ и до конца дней своихъ продолжалъ-бы стоять въ первыхъ рядахъ своихъ современниковъ не только по своему художественному таланту, но и какъ мыслитель. Къ сожалѣнію крайній недостатокъ средствъ заставилъ Писемскаго по окончаніи университетскаго курса спѣшить на родину, на долгіе годы закабалить себя въ провинціальную глушь и та-

нуть служебную лямку ради прокормленія себя и семьи. Нѣтъ ничего мудренаго, что университетскія образованіе и закваска съ каждымъ годомъ начали испаряться подъ вліяніемъ той невѣжественной и полудикой провинціальной среды, въ которую попалъ юноша, и когда, въ 50-хъ годахъ, Писемскій явился въ Петербургъ, онъ, какъ мы увидимъ, поразилъ петербуржцевъ своей провинціальной оригинальностью и, по словамъ Анненкова, «произвелъ на всѣхъ впечатлѣніе какой-то *диковинки* посреди Петербурга, причемъ всѣ сужденія принадлежали ему, природѣ его практическаго ума *и не обнаруживали никакого родства съ ученіями и вѣрованіями, наиболѣе распространенными между тогдашними образованными людьми*».

Вотъ что говоритъ самъ Писемскій въ своей автобіографіи о первыхъ годахъ своей жизни по окончаніи университетскаго курса:

«На моемъ успѣхѣ въ 1844 г. въ роли Подколесина кончилась моя научная и эстетическая жизнь. Впереди мнѣ предстояли горе и необходимость служить: отецъ мой уже умеръ, мать, пораженная его смертью, была разбита параличемъ и лишилась языка; средства къ существованію были весьма небольшія. Все это понимая, я впалъ, по переѣздѣ моемъ въ деревню, въ меланхолію и ипохондрію, изъ какой спасла меня любовь. Еще ранѣе того, во время моего гимназическаго и университетскаго воспитанія я влюблялся идеально въ моихъ кузинъ, изъ которыхъ первая описана въ лицѣ Софи въ «*Взбаломученномъ Морѣ*», а вторая въ лицѣ Маріи въ «*Людяхъ сороковыхъ годовъ*»; но вышесказанная любовь была уже реальная и поглотила всего меня. Любовь эта мною выражена во-первыхъ въ романѣ моемъ «*Боярщина*», въ отношеніяхъ Эльчанинова къ Аннѣ Павловнѣ, и потомъ второй разъ въ «*Людяхъ сороковыхъ годовъ*», въ отношеніяхъ Вихрова къ Фатѣевой. Но жизнь и родные не удовлетворялись этимъ моимъ блаженствомъ, какъ не удовлетворялась имъ и моя собственная совѣсть, тѣмъ болѣе, что написанный мною тогда романъ «*Боярщина*», какъ протестъ противъ брака, былъ прямо прихлопнутъ цензурой; значитъ, надежда на авторство могла тогда показаться сумасшествіемъ, и потому я рѣшился во-первыхъ посвятить себя службѣ, а потомъ жениться, избравъ для этого дѣвушку совершенно уже не кокетку, изъ семьи хорошей, но небогатой. Свадьба наша совершилась 11 октября 1848 года. Жена моя отчасти обрисована мною въ «*Взбаломученномъ Морѣ*» въ лицѣ Евпраксіи, которой сверхъ того придано въ романѣ названіе ледешка».

Въ поясненіе этого лаконическаго конспекта нѣсколькихъ лѣтъ жизни Писемскаго считаемъ долгомъ прежде всего познакомить читателей нашихъ съ служебной дѣятельностью Писемскаго. Первоначально, тотчасъ-же по окончаніи университетскаго курса, Писемскій поступилъ въ костромскую палату государственныхъ имуществъ, а затѣмъ перешелъ въ подобную же палату московскую. Въ 1846 году онъ вышелъ въ отставку и два года прожилъ въ провинціи, увлекаясь въ это время тою жоржъ-зандовскою свободною любовью, о которой онъ говоритъ въ своей автобіографіи. Въ 1848 году послѣ женитьбы и по настоянію родныхъ онъ вновь поступаетъ на службу, чиновникомъ по особымъ порученіямъ, къ костромскому губернатору, которымъ состоялъ въ то время извѣстный впослѣдствіи петербургскій ген.-губернаторъ князь Суворовъ. Въ 1849 году Писемскій былъ назначенъ ассесоромъ костромскаго губернскаго правленія и прослужилъ въ этой должности до 1853 г. Вышедши въ этомъ году въ отставку и переселившись въ Петербургъ, въ 1854 году онъ зачислился по министерству удѣловъ, гдѣ состоялъ до 1859 года. Съ этого года и до 1866 года Писемскій нигдѣ не служилъ, предаваясь исключительно одной литературной дѣятельности. Въ 1866 году онъ опять поступилъ совѣтникомъ московскаго губернскаго правленія. Здѣсь онъ дослужился до старшаго совѣтника и въ 1872 году окончательно вышелъ въ отставку въ чинѣ надворнаго совѣтника Вотъ что между прочимъ говоритъ въ своей рѣчи на юбилеѣ Писемскаго Алмазовъ по поводу его служебной дѣятельности:

«Говоря о вліяніяхъ, которыя отразились на нашемъ юбилярѣ, я долженъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, которое сильно подѣйствовало на развитіе его таланта Большая часть нашихъ писателей, изображающихъ чиновничій бытъ и служебную сферу, знаютъ то и другое только съ виду, или даже просто по слуху. Они или служили въ какихъ-нибудь канцеляріяхъ и знаютъ службу только по канцелярскимъ формамъ, или просто только числились по службѣ и даже мало знакомы съ физіономіями своихъ начальниковъ и еще меньше съ физіономіями своихъ товарищей и подчиненныхъ. Но Писемскій отнесся совсѣмъ иначе къ службѣ, чѣмъ эти господа: онъ, можно сказать, отдался всею душою служенію русскому государству и, служа, только и думалъ, какъ бы побороть ту темную силу, съ которой борются и наше высшее правительство, и лучшая часть нашего общества. Чтобъ показать вамъ наглядно, какими мыслями и чувствами руководился онъ въ своей служебной дѣятельности, приведу мѣсто изъ его романа «*Тысяча Душъ*». Вотъ что говоритъ Писемскій о своемъ героѣ Калиновичѣ, назначенномъ вице-губернаторомъ въ одну изъ тѣхъ губерній, гдѣ въ самомъ роскошномъ видѣ процвѣтали взяточничество, казнокрадство и всевозможныя превышенія власти».

«Калиновичъ могъ дѣйствительно быть названъ представителемъ той молодой администраціи, которая хотя болѣзненно, но замѣтно уже начинаетъ пробиваться то тутъ, то тамъ, сквозь толстую кору подьяческихъ плутней. *Какъ сознательный юристъ, молодой вице-губернаторъ, еще на университетскихъ скамейкахъ, по устройству собственнаго сердца своего, чувствовалъ всегда большую симпатію къ проведенію безстрастной идеи государства, съ возможнымъ отпоромъ всѣхъ домогательствъ сословныхъ и частныхъ.* Въ управленіи приняты имъ были тѣ же основанія».

«Взглядъ на государство и на службу, приписанный здѣсь герою романа, есть взглядъ самого автора; имъ руководился онъ постоянно при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, и мы смѣло можемъ сказать, что онъ много принесъ пользы на службѣ, хотя никогда не занималъ видныхъ должностей. Я укажу вамъ на одну замѣчательную сторону служебной дѣятельности Писемскаго — на его дѣятельность, какъ слѣдователя по уголовнымъ преступленіямъ. Тутъ онъ изучалъ каждаго преступника, какъ изучаетъ добрый и старательный врачъ каждаго больного; оставаясь буквально и неумолимо вѣренъ закону, онъ относился къ допрашиваемому преступнику съ такимъ участіемъ, съ такою любовью, что и тотъ начиналъ любить его и разсказывалъ про себя все, потому только, «что ужъ онъ больно хорошій и умный баринъ».

«Я сказалъ здѣсь о службѣ Писемскаго не для того, чтобы хвалить его, какъ чиновника; оцѣнка его служебной дѣятельности не должна войти въ мою рѣчь, имѣющую цѣлью указать только на литературныя заслуги нашего юбиляра. Но эти заслуги близко связаны со служебной его дѣятельностью. Вы понимаете, какой огромный матеріалъ для своихъ литературныхъ произведеній пріобрѣлъ авторъ, служа такъ усердно интересамъ русскаго государства, какъ глубоко узналъ онъ чиновничій людъ, какъ глубоко проникъ въ душу русскаго человѣка».

Въ этомъ отношеніи есть нѣчто общее въ характерѣ развитія таланта Писемскаго и Салтыкова. Послѣдній, подобно Писемскому, на долгое время былъ кинутъ въ провинціальную жизнь и, принужденный тянуть служебную лямку, точно также имѣлъ возможность близко познакомиться съ провинціальной жизнью, какъ въ административныхъ ея сферахъ, такъ и во всѣхъ прочихъ, съ парадныхъ и закулисныхъ ея сторонъ, и результатъ былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ одинаковый. Глазамъ обоихъ писателей провинціальная жизнь представилась во всей своей грубой и дикой некультурности, крайней мелочности интересовъ и полномъ отсутствіи какъ общественныхъ принциповъ, такъ и самыхъ элементарныхъ нравственныхъ правилъ. Примите при этомъ въ соображеніе, что это была передъ-реформенная эпоха 40-хъ и 50-хъ годовъ, когда старый патріархальный и крѣпостной строй жизни былъ расшатанъ до послѣдней степени и, казалось, все вокругъ развали-

валось, повсюду господствовалъ полный разгулъ взяточничества, казнокрадства, дикаго помѣщичьяго произвола и общаго безначалія. За деньги все что угодно можно было купить, сдѣлать и скрыть въ воду всевозможные концы. Жизнь интеллигентныхъ классовъ имѣла характеръ безпрерывной дикой и разнузданной оргіи; казалось, не предвидѣлось и конца общему веселью, а между тѣмъ экономическій кризисъ висѣлъ на носу, и помѣщичьи имѣнія начинали уже одно за другимъ продаваться съ аукціона. Понятно, что долгіе годы такого внушительнаго зрѣлища имѣли одинъ результатъ какъ для Салтыкова, такъ и для Писемскаго. У обоихъ этихъ писателей отпала всякая охота не только къ малѣйшей идеализаціи русской жизни, но и къ вполнѣ реальному изображенію свѣтлыхъ и положительныхъ сторонъ ея. У обоихъ писателей въ равной степени вы не найдете и слѣда какихъ-бы то ни было поэтическихъ образовъ, которые въ такомъ обиліи встрѣчаются у другихъ писателей сороковыхъ годовъ, напр. у Тургенева, Гончарова, Григоровича, Л. Толстого, Некрасова, Островскаго и пр., ни восхитительныхъ пейзажей, ни очаровательныхъ женщинъ, ни волшебныхъ свиданій въ ночной тиши. Если встрѣчается въ произведеніяхъ обоихъ этихъ писателей любовь, то или въ комическомъ и пошломъ видѣ, или въ низменно-грязномъ. У обоихъ провинціальная среда рисуется исключительно въ видѣ безобразныхъ чудовищъ и уродовъ, поражающихъ васъ своей культурной грубостью, отсутствіемъ самыхъ элементарныхъ понятій о совѣсти и чести и разнузданнымъ цинизмомъ. Но этимъ и кончается конечно сходство Писемскаго съ Салтыковымъ, а далѣе затѣмъ начинается полная противуположность. Впродолженіи своей петербургской жизни, между лицеемъ и ссылкой, Салтыковъ вращался въ самыхъ передовыхъ кружкахъ петербургскаго общества и имѣлъ возможность нетолько воспринять, но и глубоко запечатлѣть въ своей воспріимчивой и чуткой душѣ тѣ общественные идеалы, которыми въ то время жила Европа. Идеалы эти сдѣлались святыней его на всю жизнь, и не въ состояніи были исторгнуть ихъ изъ его души ни долгіе годы изгнанія, ни служебная дѣятельность среди мало-культурныхъ людей. Идеалы эти послужили обратной стороной всѣхъ обличеній Салтыкова. Читая произведенія его, вы видите передъ собою не озлобленнаго пессимиста, который, рисуя картину жизни, исполненную безотрадно мрачныхъ красокъ, предоставляетъ вамъ думать, что таковъ нормальный и общій порядокъ жизни, и что всегда и вездѣ такъ было, есть и будетъ. Напро-

тивъ того, передъ вами горячій идеалистъ, который смѣется надъ окружающими его безобразіями, какъ надъ чѣмъ-то крайне ненормальнымъ, преходящимъ, и вѣритъ въ возможность иныхъ, лучшихъ порядковъ жизни, разумныхъ и справедливыхъ.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ Писемскомъ. Воспринявши въ университетѣ кое-какія новыя вѣянія крайне поверхностно и туманно, онъ затѣмъ сразу окунулся въ среду, не имѣвшую ничего общаго съ этими вѣяніями. Вся жизнь этой среды шла совершенно въ разрѣзъ съ ними, а между тѣмъ въ глазахъ юноши это была стародавняя жизнь, освященная вѣковыми традиціями, въ духѣ которыхъ онъ самъ былъ воспитанъ. Сама по себѣ среда эта не могла дать ему никакихъ положительныхъ красокъ. Слѣдуя вліянію Гоголя, онъ началъ изображать ее въ томъ безобразномъ видѣ, въ какомъ она ему представлялась; но вмѣстѣ съ тѣмъ, видя вокругъ себя общій отпоръ тѣмъ новымъ идеаламъ, которые вынесъ онъ изъ университета, и крайнее несоотвѣтствіе этихъ идеаловъ съ окружавшей его жизнью, онъ проникся скептицизмомъ и къ самымъ этимъ идеаламъ. Малѣйшая возможность осуществленія ихъ начала ему казаться невообразимымъ абсурдомъ, тѣмъ болѣе, что жалкія попытки такого осуществленія въ невѣжественной средѣ, при всеобщей расшатанности нравовъ, носили печать невообразимой пошлости и карикатурности. Писемскій самъ, какъ мы сейчасъ видѣли изъ его автобіографической записки, вскорѣ по окончаніи университетскаго курса продѣлалъ одну изъ такихъ попытокъ. въ видѣ свободной любви, подъ вліяніемъ чтенія Жоржъ-Занда, и на своемъ собственномъ опытѣ могъ убѣдиться въ несостоятельности такихъ опытовъ. Нетолько вся окружающая среда, въ лицѣ его родныхъ, но и собственная совѣсть, воспитанная въ вѣковыхъ традиціяхъ, возстали противъ новатора.

Въ результатѣ и получилось отрицаніе ради отрицанія; тотъ крайній пессимизмъ безъ малѣйшаго просвѣта, который, рисуя рядъ вопіющихъ безобразій жизни, отвратительной пошлости и грязи, заставляетъ васъ думать, что иной жизни, болѣе идеальной не можетъ и быть, такъ какъ человѣкъ, по самой своей натурѣ— подлецъ, помышляющій лишь объ угожденіи своей плоти и готовый ради своихъ своекорыстныхъ разсчетовъ и низменныхъ побужденій поступиться всѣми своими самыми завѣтными святынями.

Но въ первой повѣсти «Боярщина», которую Писемскій писалъ въ слѣдующій-же годъ по выходѣ изъ университета, т. е.

въ 1845 году, какъ разъ въ то время, когда переживалъ онъ свою жоржъ-зандовскую любовь, мы видимъ одни лишь проблески того крайняго пессимизма, какой овладѣлъ имъ впослѣдствіи. По всей вѣроятности университетская закваска была еще у него свѣжа,—чтобы сразу проникнуться безъисходнымъ скептицизмомъ. По крайней мѣрѣ въ «Боярщинѣ» замѣчаются еще кое-какія попытки рисовать жизнь не въ однѣхъ отрицательныхъ краскахъ, но и положительныхъ. Такъ, не лишена привлекательности героиня повѣсти, Анна Павловна. Правда, она, какъ и всѣ женщины произведеній Писемскаго,—существо, настолько лишенное малѣйшей воли и энергіи, что безпрекословно позволила выдать себя замужъ за грубаго Задоръ-Мановскаго, терпѣла всѣ его наглыя оскорбленія и никогда по своей инціативѣ не рѣшилась-бы бросить мужа, если-бы Савелій не схватилъ ее въ охабку и безчувственную не свезъ къ Эльчанинову. Но это не мѣшаетъ ей все-таки производить на читателей свѣтлое впечатлѣніе, чистотой и духовностью своей страсти, которая оказалась на столько сильна и неизмѣнна, что молодая женщина не могла переработать ее послѣ измѣны Эльчанинова и умерла, потрясенная горемъ. Съ другой стороны еще болѣе привлекаетъ васъ Савелій, котораго Писемскій характезируетъ такимъ образомъ:

«Молодой человѣкъ, котораго называли однимъ только полуименемъ Савелій, былъ такой же дворянинъ, какъ Эльчаниновъ, какъ предводитель, какъ даже самъ графъ; но у него было только нѣсколько десятинъ земли и выстроенный на той землѣ маленькій деревянный флигель. Онъ съ трудомъ умѣлъ читать, нигдѣ не служилъ, но, несмотря на бѣдность, на отсутствіе всякаго образованія, онъ былъ въ высшей степени честный, добрый и умный малый. Онъ никогда никому не жаловался на свою участь и никогда не позволялъ себѣ, подобно другимъ бѣднымъ дворянамъ, просить помощи у богатыхъ. Онъ неусыпно пахалъ, съ помощью одного крѣпостного мужика, свою землю, и такимъ образомъ имѣлъ кусокъ хлѣба. Кромѣ того онъ очень былъ искусенъ въ разныхъ ремеслахъ: собственными руками выстроилъ себѣ мельницу, дѣлалъ телѣги, починивалъ стѣнные часы и переплеталъ наконецъ книги».

Несмотря на все тяжкое положеніе Анны Павловны подъ гнетомъ мужа, ни ей, ни тѣмъ болѣе легкомысленному и безхарактерному Эльчанинову, болѣе склонному къ тайному адюльтеру, чѣмъ къ открытой и честной любви, не пришло-бы и въ голову сойтись открыто, если-бы все это не устроилъ Савелій, принявшій горячее участіе въ судьбѣ Анны Павловны, такъ какъ втайнѣ любилъ ее. Послѣ-же того, какъ она умерла на его рукахъ, онъ

отправился на службу на Кавказъ *пѣшкомъ*. Въ лицѣ этого Савелія Писемскій очевидно воздалъ долгъ памяти своего отца. въ свою очередь стараго кавказскаго служаки, отличавшагося неподкупной честностью и не признававшаго иного способа передвиженія, какъ пѣшкомъ или верхомъ на лошади.

Но этими двумя личностями и ограничиваются свѣтлыя краски въ первомъ произведеніи Писемскаго. Въ общемъ романъ производитъ самое безотрадное впечатлѣніе. Хотя Писемскій и утверждаетъ, что, посланный въ 1847 году въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», романъ былъ прихлопнутъ цензурою за протестъ противъ брака, но смѣемъ думать, что это не совсѣмъ вѣрно. Безъ сомнѣнія цензура того времени была смущена не столько протестомъ противъ брака, сколько общимъ мрачнымъ колоритомъ романа, массой невообразимой грязи, выведенной авторомъ наружу. да и къ тому-же сенсаціонно озаглавленной словомъ «Боярщина». Правда, подъ этимъ словомъ разумѣлось названіе волости, гдѣ происходило дѣйствіе; но при наклонности цензуры того времени читать между строкъ и отыскивать внутреннія намѣренія авторовъ, скрывающіяся подъ благовидными и легальными формами, заглавію этому тѣмъ легче могло быть придано преступное значеніе, что въ то время цензура особенно преслѣдовала отрицательное отношеніе беллетристики къ дворянскому классу. Что-же касается протеста противъ брака, то онъ въ значительной степени смягчается и, можно сказать, почти совсѣмъ нивелируется тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ ни грубо и жестоко было обращеніе съ Анной Павловной мужа, безчеловѣчно-черствое отношеніе къ ней Эльчанинова оказалось еще возмутительнѣе, и свободная любовь не только не осчастливила несчастную женщину, а напротивъ того она попала изъ огня въ полымя. И тѣмъ болѣе возмущаетъ васъ Эльчаниновъ своимъ дряннымъ поступкомъ по отношенію къ Аннѣ Павловнѣ (онъ поигралъ съ нею и затѣмъ бросилъ или, лучше сказать, постыдно, тайкомъ, какъ воръ, бѣжалъ отъ нея, уѣхавъ въ Петербургъ на чужія деньги),— что въ то время, какъ Задоръ-Мановскій лишенъ всякаго образованія, грубо невѣжественъ, и вслѣдствіе одного этого заслуживаетъ нѣкотораго снисхожденія, — Эльчаниновъ получилъ высшее образованіе, кончивъ хоть и съ горемъ пополамъ университетскій курсъ. Онъ былъ такимъ образомъ одинъ изъ тѣхъ передовыхъ свѣтилъ, которыя ниспускались въ провинцію изъ столицъ и являлись въ тѣ годы своего рода солью земли, героями

времени и покорителями женскихъ сердецъ. И вдругъ нигдѣ не учившійся лапотникъ Савелій оказался въ нѣсколько разъ и честнѣе, и благороднѣе, и гуманнѣе его. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ получился протестъ вовсе не противъ брака, а противъ тѣхъ шарлатановъ высшей образованности, поверхностныхъ диллетантовъ и фразеровъ, которые подъ внѣшнимъ блескомъ передовыхъ идей скрывали безхарактерность, дрянность, сердечную черствость и пустоту.

Недопущенный къ печати романъ «Боярщина», какъ и все въ то время запретное, тотчасъ-же распространился въ публикѣ въ рукописномъ видѣ, и такимъ образомъ Писемскій пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность прежде еще, чѣмъ появился въ печати.

Слѣдующій затѣмъ разсказъ «Нина» былъ первымъ произведеніемъ Писемскаго, появившимся въ печати въ іюльской книжкѣ «Сына Отечества» за 1848 годъ. По словамъ Алмазова, разсказъ этотъ былъ напечатанъ въ такомъ сокращенномъ и измѣненномъ видѣ, что авторъ и не перепечатывалъ его потомъ, и онъ вошелъ въ полное собраніе сочиненій Писемскаго лишь въ посмертное изданіе Вольфа 1884 года (см. т. IV). Тѣмъ не менѣе и въ томъ видѣ, въ какомъ разсказъ этотъ дошелъ до насъ, онъ весьма характеренъ въ томъ отношеніи, что въ немъ Писемскій еще далѣе пошелъ по пути пессимизма, задатки котораго мы видѣли въ «Боярщинѣ».

Въ «Боярщинѣ» Писемскій вѣрилъ еще въ возможность такой идеальной и въ то-же время сильной и всепоглощающей женской страсти, разочарованіе въ которой способно свести женщину въ могилу. Въ «Нинѣ» онъ безпощадно смѣется надъ этой своей юношеской, романтической вѣрой. Такъ, онъ выводитъ провинціальную дѣвушку, Нину, дочь сына аптекаря, неисправимаго стараго романтика Вильгельма Ѳедоровича, и прозаически русской помѣщицы Ѳеклы Петровны. Въ Нинѣ разсказчику грезилась загадочная натура не отъ міра сего, нѣчто вродѣ Миньоны.

«Не знаю, почему—говоритъ герой романа — я въ этой дѣвушкѣ предполагалъ многое. Нельзя сказать, чтобы она была красавица; но она была очень мила; высокая не по лѣтамъ, стройная, съ маленькой головкой, но въ то-же время съ прекрасно-развитой грудью; въ большихъ темно-голубыхъ глазахъ ея и въ дѣтской улыбкѣ была видна какая-то задумчивость, что придавало ея круглому личику такое выраженіе, какъ будто-бы она о чемъ-то постоянно грустила, и мнѣ казалось, что это была тоска Миньоны по небесамъ. «Не для здѣшняго міра рождена ты!» часто думалъ я, глядя на нее; но иногда мысли мои измѣнялись: я представлялъ Нину черезъ десять и двадцать лѣтъ — и

невольно задавалъ себѣ вопросъ: что будетъ тогда съ нею? Странное дѣло—этотъ вопросъ всегда рѣшался одинаковымъ образомъ: мнѣ казалось, что рано или поздно на это спокойное теперь созданіе пахнетъ суровое горе жизни, и что Провидѣніе наложитъ на нее крестъ тяжелыхъ испытаній, а я буду утѣшать ее. Мало этого, мнѣ казалось, что ея страданія проистекутъ изъ собственныхъ ея заблужденій, которыя постигнутъ ее потому, что она, какъ мнѣ казалось, вполнѣ наслѣдовала художественную натуру отца, слѣдовательно—натуру, способную увлекаться и ошибаться; въ этой мысли меня еще болѣе убѣждало то, что Нина прекрасно пѣла и играла на фортепіано. Были даже минуты, когда я, въ порывѣ моей мечтательности, думалъ жениться на Нинѣ и съ полнымъ вниманіемъ развить всѣ ея прекрасныя наклонности и предохранить ее отъ неизбѣжнаго зла».

Предчувствіе разсказчика начало повидимому сбываться, когда провинціальный левъ, блистательный, богатый красавецъ Мазуринъ, вскружившій однимъ своимъ появленіемъ головы всѣхъ уѣздныхъ барышень, поухаживалъ немного за Ниной, а затѣмъ пересталъ удостоивать ее вниманія,—и Нина, какъ казалось герою, повергласъ въ самое безнадежное отчаяніе. Отлучившись изъ города по случаю смерти отца, герой былъ вполнѣ увѣренъ, что Нина не перенесетъ своего отчаянія и умретъ преждевременной смертью. Каково же было удивленіе его, когда по возвращеніи въ городъ онъ встрѣтилъ Нину не только живой и здоровой, но похорошѣвшей, пополнѣвшей, вышедшей замужъ за толстаго барона, и до такой степени вошедшей въ пошлый уровень уѣздныхъ барынь, что, когда герой намекнулъ ей о прошлыхъ ея страданіяхъ, она лишь промолвила съ гримасой: «старыя глупости!».

«И такъ—думалъ герой Нина не умерла, Нина вышла замужъ; Нина хозяйничаетъ, бранитъ слугъ, командуетъ мужемъ, помѣшана на визитахъ и сплетняхъ! А я думалъ, что она не для здѣшняго міра рождена! Неужели мнѣ цѣлый вѣкъ суждено ошибаться въ людяхъ? Неужели она такъ измѣнилась? Нѣтъ, всегда она видно была такая, но только я придалъ ей то, что мнѣ хотѣлось видѣть въ ней, и Нину живую облекъ въ форму Нины мечтательной. Дай мнѣ Богъ такъ ошибаться весь вѣкъ и видѣть человѣка лучшимъ, нежели онъ въ самомъ дѣлѣ!»...

Но Богъ судилъ Писемскому какъ разъ наоборотъ: именно—видѣть людей—худшими, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ!...

Эпоха появленія въ печати первой повѣсти Писемскаго совпала съ женитьбою его. Въ 1848 году 11 октября, какъ сообщаетъ онъ въ своей автобіографіи, онъ сочетался бракомъ съ дочерью основателя «Отечественныхъ Записокъ», Екатериной Павловной Свиньиной, двоюродной сестрой извѣстнаго поэта Аполлона Майкова.

Судя по всѣмъ даннымъ, это былъ бракъ не по страсти, а по

разумному выбору. Во-первыхъ, повѣсть «Нина» свидѣтельствуетъ намъ, какими холодными глазами глядѣлъ уже въ то время Писемскій на любовь и какъ успѣлъ разочароваться въ юныхъ романтическихъ мечтаніяхъ. А во-вторыхъ, онъ и самъ въ своей автобіографіи говоритъ, что для женитьбы онъ *избралъ* дѣвушку совершенно уже не кокетку, изъ семьи хорошей, но небогатой, и далѣе свидѣтельствуетъ, что жена его выведена имъ въ «*Взбаломученномъ Морѣ*», въ лицѣ Евпраксіи, образцовой женой и матерью, но женщиной холодной, разсудительной, неспособной внушать мужчинамъ пылкія страсти, за что авторъ и придалъ ей въ романѣ названіе *ледешка*.

Тѣмъ не менѣе выборъ Писемскаго былъ какъ нельзя болѣе удаченъ, потому что жена его, по общему отзыву всѣхъ знавшихъ ее, была женщина рѣдкихъ достоинствъ. Такъ, по словамъ Анненкова, «эта примѣрная женщина умѣла успокоить его болѣзненную мнительность и освободила его не только отъ заботъ по хозяйству и воспитанію дѣтей, но, что̀ важнѣе,—освободила его и отъ своего вмѣшательства въ его личную, интимную жизнь, тоже исполненную капризовъ и порывовъ; она же и переписала на своемъ вѣку по крайней мѣрѣ двѣ трети всѣхъ его сочиненій съ черновыхъ оригиналовъ, представлявшихъ всегда страшно запачканную макулатуру изъ кривыхъ строчекъ, крупныхъ каракуль и чернильныхъ пятенъ».

Нѣчто подобное сообщилъ біографу Писемскаго, г-ну Венгерову, въ разговорѣ и одинъ писатель, хорошо знавшій чету Писемскихъ [1]). По словамъ этого писателя, «вообще Екатерина Павловна представляетъ собою настоящій типъ «литературной жены», жившей всѣми литературными тревогами и треволненіями мужа, близко принимавшей къ сердцу всѣ перипетіи его творчества, лелѣявшей его талантъ и, что было въ ея возможности, дѣлавшей для того, чтобы талантъ этотъ былъ поставленъ въ наиболѣе выгодныя для своего развитія условія. Ко всему этому присоединялась безконечная снисходительность, которой нужно было имѣть очень большой запасъ, чтобы выносить «порывы» покойнаго Алексѣя Ѳеофилактовича, не всегда безукоризненно-семейнаго характера»...

Наконецъ и Тургеневъ въ одномъ изъ писемъ своихъ, увѣщевая Писемскаго не хандрить, между прочимъ писалъ ему:

«Я уже, кажется, вамъ сказалъ разъ, но ничего, можно повто-

[1]) См. біографію Писемскаго С. А. Венгерова, СПБ. 1884 г., стр. 45.

рить! не забывайте, *что вы выиграли главный кушъ въ жизненной лотерее*[1]): имѣете прекрасную жену и славныхъ дѣтей»...

III.

Приглашеніе Писемскаго молодой редакціей «Москвитянина».—Повѣсти «Тюфякъ» и «Бракъ по страсти».—Впечатлѣніе, произведенное ими на современниковъ.—Безпринципность и пессимизмъ творчества Писемскаго подъ вліяніемъ провинціальной среды.—Отношеніе Писемскаго къ передовой интеллигенціи, къ типамъ рудинскому и печоринскому.—Эстетическія воззрѣнія Писемскаго и аналогія его жанра съ французскимъ натурализмомъ.

Около этого времени, т. е. конца 40-хъ годовъ и начала 50-хъ, произошло, какъ извѣстно, въ Москвѣ распаденіе славянофиловъ на двѣ вѣтви. Между тѣмъ какъ старые славянофилы: Аксаковы, Кирѣевскіе, Хомяковъ, Самаринъ и пр., сгруппировались вокругъ «Московскаго Сборника», а впослѣдствіи «Русской Бесѣды», «Москвитянинъ» Погодина сдѣлался органомъ новой группы молодыхъ славянофиловъ, впослѣдствіи получившихъ названіе *почвенниковъ*. Кружокъ состоялъ изъ литераторовъ, успѣвшихъ уже пріобрѣсть бо́льшую или меньшую извѣстность, каковы были Аполлонъ Григорьевъ, Алмазовъ, Эдельсонъ, Т. Филипповъ, А. Н. Островскій, А. А. Потѣхинъ и пр. Желая пріобрѣсть въ число сотрудниковъ молодыя и многообѣщающія силы, редакція обновленнаго журнала послала въ 1850 году приглашеніе и Писемскому, такъ какъ къ этому году «Боярщина» его успѣла уже получить значительное распространеніе, и Писемскій былъ уже достаточно извѣстенъ въ литературныхъ кружкахъ. Это приглашеніе ободрило Писемскаго, который совсѣмъ уже было забросилъ свое перо и весь предался службѣ; онъ послалъ въ редакцію давно уже лежавшую въ его портфелѣ повѣсть «Тюфякъ», которая и была напечатана въ «Москвитянинѣ» въ томъ же 1850 году, а затѣмъ въ 1851 году появилась въ «Москвитянинѣ» же повѣсть «Бракъ по страсти».

Обѣ эти повѣсти имѣли неимовѣрный успѣхъ и сразу поста-

---

[1]) Курсивъ Тургенева.

вили Писемскаго въ одномъ ряду съ лучшими писателями своего времени. Чтобы читатели могли судить, какое впечатлѣніе произвели эти повѣсти на современниковъ, приводимъ нижеслѣдующее свидѣтельство объ этомъ Анненкова:

«Хорошо помню впечатлѣніе, произведенное на меня въ глуши провинціальнаго города,—который если и занимался политикой и литературой, то единственно сплетнической ихъ исторіей, – первыми разсказами Писемскаго «Тюфякъ» (1850) и «Бракъ по страсти» (1851) въ «Москвитянинѣ». Какой веселостью, какимъ обиліемъ комическихъ мотивовъ они отличались и притомъ безъ претензій на какой-либо скороспѣлый выводъ изъ уморительныхъ типовъ и характеровъ, этими разсказами выведенныхъ. Тутъ била прямо въ глаза русская мѣщанская жизнь, вышедшая на Божій свѣтъ, торжествующая и какъ-бы гордящаяся своей открытой дикостью, своимъ самостоятельнымъ безобразіемъ. Комизмъ этихъ картинъ возникалъ не изъ сличенія ихъ съ какимъ-либо ученіемъ или идеаломъ, а изъ того чувства довольства собой, какое обнаруживали всѣ нелѣпые герои въ средѣ безсмыслицъ и невѣроятной распущенности. Смѣхъ, вызываемый разсказами Писемскаго, не походилъ на смѣхъ, возбуждаемый произведеніями Гоголя, хотя, какъ видно изъ автобіографіи нашего автора, именно отъ Гоголя и отразился. Смѣхъ Писемскаго ни на что не намекалъ, кромѣ забавной пошлости выводимыхъ субъектовъ, и чувствовать въ немъ что-либо похожее на «затаенныя слезы»—не представлялось никакой возможности. Наоборотъ, это была веселость, такъ сказать, чисто физіологическаго свойства, т. е. самая рѣдкая у новѣйшихъ писателей,—та, которой отличаются напримѣръ древнія комедіи римлянъ, средневѣковые фарсы и наши простонародныя передѣлки разныхъ площадныхъ шутокъ».

«Нѣкоторые изъ мыслящихъ людей эпохи долго даже и не могли примириться съ этой веселостью; имъ все казалось, что восторги передъ голымъ комизмомъ изображеній однородны съ восторгами толпы на площади, когда ей показываютъ балаганнаго Петрушку съ горбомъ на спинѣ и другими физическими уродливостями. Такъ, весьма требовательный и весьма зоркій критикъ, В. П. Боткинъ, говорилъ еще нѣсколько позднѣе, что онъ не можетъ сочувствовать писателю, который, при несомнѣнномъ талантѣ, не обнаруживаетъ никакихъ принциповъ и не кладетъ никакой мысли въ основу своихъ произведеній»...

И дѣйствительно, въ эпоху, когда литература успѣла уже выдвинуть рядъ тревожныхъ вопросовъ, когда начинался анализъ русской дѣйствительности на основаніи новыхъ идеаловъ, поставленныхъ критикой Бѣлинскаго и статьями Герцена, когда Некрасовъ началъ пѣть свои горькія пѣсни, Тургеневъ писалъ «Записки Охотника», Григоровичъ успѣлъ прославиться своимъ «Антономъ Горемыкою», а Достоевскій—«Бѣдными Людьми», повѣсть Писемскаго не могла не поразить читателей своей безприн-

цинностью, безъидеальностью и необузданнымъ разгуломъ чисто физіологическаго смѣха.

Такъ, въ повѣсти «Тюфякъ» тщетно будете вы искать хоть одно лицо, которое помирило бы васъ съ жизнью и на которомъ вы могли бы отдохнуть душою, не исключая и героя повѣсти, Павла Васильевича Бешметева (онъ-же «Тюфякъ»). Правда, въ лицѣ Бешметева можно предположить отдаленный намекъ на то, что̀ переживалъ въ то время самъ авторъ. Я вовсе не хочу этимъ сказать, чтобы Бешметевъ имѣлъ хотя бы малѣйшее подобіе съ Писемскимъ. Но послѣдній самъ именно въ это время переживалъ тяжкую борьбу съ провинціальной средой и въ героѣ своей повѣсти выразилъ весь испытываемый имъ самимъ ужасъ засасыванія образованнаго человѣка смраднымъ болотомъ уѣздной глуши. Тѣмъ не менѣе и герой его повѣсти со своей несчастной судьбою изображенъ въ свою очередь въ такомъ карикатурномъ видѣ, что не только ни мало не привлекаетъ васъ хоть одною положительною чертою, но и не возбуждаетъ ни малѣйшей жалости къ себѣ. Передъ вами вовсе не трагическій герой, падающій въ неравной борьбѣ, засасываемый болотомъ, но въ то-же время дѣлающій неимовѣрныя усилія вырваться изъ его грязныхъ хлябей. Ничуть не бывало. Вы видите передъ собою продуктъ среды, ни чѣмъ не возвышающійся надъ нею и апатично предоставляющій ей засасывать его безъ малѣйшихъ сопротивленій со своей стороны. Онъ кончилъ университетскій курсъ, готовился къ магистерскому экзамену; имѣлъ такимъ образомъ всѣ шансы возвышаться цѣлой головой надъ провинціальной средой. Но наука, внушивши ему знанія, не дала въ то же время ни малѣйшаго нравственнаго закала, а напротивъ того отвлекла его отъ жизни, заставила его потерять всякое чутье дѣйствительности и привила ему крайнюю застѣнчивость, какъ результатъ затворнической жизни. Онъ является въ провинціальную среду совершеннымъ младенцемъ, не умѣетъ ни отстаивать, ни высказывать своихъ мыслей, не знаетъ, какъ ему въ обществѣ ходить, сидѣть, держать себя. Вмѣстѣ съ тѣмъ безхарактерность его доходитъ до такой степени, что стоило роднымъ его дружнымъ хоромъ возстать противъ намѣренія его продолжать учиться, чтобы онъ тотчасъ же растерялся, впалъ въ полное сокрушеніе и разорвалъ въ отчаяніи всѣ свои книги и бумаги.

А затѣмъ имъ начали двигать, какъ истуканомъ, и онъ безъ малѣйшаго сопротивленія дѣлалъ то, что̀ ему внушали: опредѣлился на службу, женился на дѣвушкѣ, въ которую правда былъ

влюбленъ, но у него не хватило ни смѣлости, ни характера самому поухаживать за нею, а когда другіе сосватали ему ее, у него не достало рѣшимости разспросить ее, нравится ли онъ ей и любитъ ли его она. Понятно, что такой манекенъ, къ тому же крайне неуклюжій, неловкій, не умѣвшій связать двухъ-трехъ словъ, не могъ ничего внушить женѣ кромѣ отвращенія, тѣмъ болѣе, что она и пошла-то за него ради лишь его состоянія, будучи влюблена въ то-же время въ другого. Когда же она начала ему измѣнять и онъ узналъ объ этомъ—и тутъ не хватило у него характера разойтись съ нею честно. Онъ началъ пить горькую и окончательно потерялъ всякій образъ и подобіе человѣческое. И если до сихъ поръ онъ представлялъ собою хоть тѣнь жертвы среды, то теперь ничѣмъ не выдѣлялся уже надъ нею, и въ обращеніи его съ женой въ деревнѣ вы видите въ немъ не человѣка высшаго образованія, а чистѣйшаго азіата. По крайней мѣрѣ ничего кромѣ отвращенія не возбуждаютъ въ васъ хотя-бы нижеслѣдующія сцены, которыя онъ постоянно началъ дѣлать своей постылой супругѣ:

«Герой мой - говоритъ авторъ - въ своемъ желчномъ расположеніи, въ бездѣйствіи и скукѣ, не замѣчая самъ того, началъ увеличивать обычную порцію вина, которое онъ прежде пилъ въ весьма маломъ количествѣ. Обѣдъ былъ, какъ я и прежде замѣчалъ, единственное время, въ которое супруги видѣлись. Къ этому-то именно времени Павелъ и дѣлался значительно навеселѣ. Въ подобномъ состояніи непріязненное чувство къ женѣ возростало въ немъ до ожесточенія, и онъ ее начиналъ, какъ говорится, шпиговать.

— Что, Константинъ, — говорилъ напримѣръ онъ, обращаясь къ стоявшему лакею;—не хочешь ли, братецъ, жениться?

— Никакъ нѣтъ-съ, Павелъ Васильевичъ, отвѣчалъ тотъ.

— Отчего же, братецъ? Ничего!.. Будетъ только на свѣтѣ лишній дуракъ.

— Сохрани Богъ, Павелъ Васильевичъ, возражалъ лакей.

— Далъ мнѣ Богъ умъ и другія способности, - разсуждалъ потомъ Павелъ вслухъ, —родители употребили послѣднія крохи на мое образованіе, и что же я сдѣлалъ для себя? Женился и пріѣхалъ въ деревню. Для этого достаточно было ѣсть и спать, чтобы вырости, а потомъ ѣсть и спать, чтобы умереть.

— Кто же васъ заставлялъ жениться? возражала Юлія.

— Собственная глупость и неблагопріятная судьба.

Юлія пожимала только плечами.

— Сегодня именины у Портновыхъ, и у нихъ вѣрно балъ, — сказалъ однажды Бешметевъ. - Въ этотъ день онъ былъ даже пьянъ.

— Какъ вамъ, Юлія Владиміровна, я думаю, хотѣлось бы туда попасть!

Юлія не отвѣчала мужу.

— Вы бы тамъ увидѣлись и помирились съ однимъ человѣкомъ; онъ бы васъ довезъ въ своемъ фаэтонѣ, а можетъ быть даже вы бы и къ нему заѣхали и время бы провели преріятно.

Юлія не могла этого вынести и залилась слезами.

— Подлый и низкій человѣкъ! - въ состояніи была только проговорить она и ушла къ себѣ въ комнату.

Цѣлый день послѣ того она плакала».

Послѣ такихъ сценъ Бешметевъ, понятно, еще менѣе возбуждаетъ въ васъ участія, и трагическая смерть его ни мало не трогаетъ васъ.

Въ повѣсти-же «Бракъ по страсти» Писемскій идетъ еще далѣе въ изображеніи отрицательныхъ сторонъ современныхъ нравовъ. Это коллекція исключительно однихъ только нравственныхъ уродовъ, агломератъ грязи, беззастѣнчивой лжи, лицемѣрія, своекорыстія, коварнаго предательства и взаимнаго поголовнаго надувательства. Что касается до главнаго героя, Сергѣя Петровича Хазарова, отставного поручика, то о красотѣ его авторъ отзывается такъ: «о подобныхъ физіономіяхъ существуетъ два совершенно противуположныхъ мнѣнія. Одни говорятъ, что это—красавцы, миленькіе, даже молодцы, мало этого, Аполлоны Бельведерскіе; другіе же называютъ ихъ смазливыми рожицами, моськами, расписными купидонами и даже форейторами, смотря по тому, какой у кого эпитетъ ближе на языкѣ». При такой своеобразной красотѣ и нѣжномъ влюбчивомъ сердцѣ, Хазаровъ является тѣмъ не менѣе вполнѣ кандидатомъ въ червонные валеты и съ каждой страницей становится въ глазахъ вашихъ гаже и гаже, такъ что въ концѣ концовъ вы не можете дать себѣ отчета, въ чемъ онъ подлѣе—въ ухаживаніи ли своемъ за Мари Ступицыной, страсть къ которой разгорается въ немъ особенно сильно, когда онъ узнаетъ, что за дѣвушкой назначено солидное приданое, въ страстномъ ли объясненіи въ любви Варварѣ Александровнѣ Мамоновой, съ цѣлью сдѣлаться при ней альфонсомъ и выпутаться изъ долговъ посредствомъ ея денегъ, или-же въ безчеловѣчномъ и исполненномъ черной неблагодарности выпроваживаніи взашеи квартирной хозяйки Замшевой, пришедшей къ нему напомнить о старомъ долгѣ.

Но если хорошъ Ромео, то и Юлія, въ лицѣ Маріи Ступицыной, ни мало ему не уступаетъ. Наивный ребенокъ, только и занимавшійся игрою съ котятами, она быстро превращается въ женщину, знающую себѣ цѣну и въ обиду не дающуюся. Это не Анна Павловна, способная умереть отъ безотвѣтной страсти, и когда

мужъ охладѣваетъ и измѣняетъ ей, она въ свою очередь тотчасъ-же пускается въ амуры съ смазливенькимъ офицеромъ.

Единственной добродѣтельной личностью въ повѣсти является Варвара Александровна Мамонова, женщина бальзаковскаго возраста, поклонница Жоржъ Занда, мечтающая о женской эмансипаціи; она одна изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти является способной къ безкорыстному порыву, любитъ покровительствовать молодымъ людямъ, пылающимъ взаимною нѣжною страстью, и не жалѣетъ денегъ, содѣйствуя ихъ соединенію. Но въ то же время она является непроходимой сентиментальной дурой, которую ничего не стоитъ водить за носъ пройдохамъ и плутамъ вродѣ Хазарова. Чтобы сдѣлать ее еще болѣе карикатурной, Писемскій не преминулъ ввернуть саркастическую черточку, показывающую, какъ онъ къ началу пятидесятыхъ годовъ начиналъ уже относиться къ вопросу о женской эмансипаціи:

«Въ послѣднее время Варвара Александровна сдѣлала еще шагъ въ прогрессѣ эмансипаціи: она стала курить. На первыхъ порахъ этотъ подвигъ былъ весьма труденъ для молодой дамы; у ней обыкновенно съ половины выкуренной папиросы начинала кружиться голова до обморока; *но чего не сдѣлаетъ женщина, стремящаяся встать въ уровень съ вѣкомъ?* Мамонова пріучила свои нервы, и въ настоящее время могла уже выкуривать по три папиросы вдругъ».

Такимъ образомъ вотъ уже когда начинался мало-по малу развиваться въ Писемскомъ скептицизмъ относительно всѣхъ новыхъ вѣяній. Скептицизмъ этотъ имѣлъ отнюдь не какой либо принципіальный характеръ, а былъ прямымъ слѣдствіемъ именно того процесса заѣданія средою, какому подвергся Писемскій во время своей провинціальной жизни. Годъ отъ году университетскія вліянія сглаживались, наружная чешуя спадала, а подъ этой чешуей раскрывался мелкопомѣстный дворянинъ со всѣмъ тѣмъ захолустнымъ міросозерцаніемъ, какое свойственно было его землякамъ одного съ нимъ круга. Онъ словно возвращался помаленьку подъ отчій кровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вы только вдумайтесь въ характеръ пессимизма, какой окончательно развился въ «Тюфякѣ» и «Бракѣ по страсти», и сличите его съ міросозерцаніемъ нетронутаго цивилизаціей средняго человѣка уѣздной глуши, и васъ сразу поразитъ тождество того и другого. Въ основѣ этого міросозерцанія вслѣдствіе тяжкихъ опытовъ борьбы за существованіе, въ средѣ, чуждой всякихъ духовныхъ интересовъ лежитъ убѣжденіе, что человѣкъ по существу своему подлецъ, руководящійся одними

практическими разсчетами, изъ разныхъ своекорыстныхъ, а подъчасъ и грязныхъ побужденій, а по сему съ каждымъ ближнимъ надо держать ухо востро и имѣть камень за пазухой. Отсюда прямо происходитъ тотъ поголовный, взаимный судъ другъ надъ другомъ, въ которомъ не прощается ближнему ни одна комическая черта или слабость; нѣтъ правыхъ, и всѣ въ одинаковой степени заподозрѣваются и забрасываются грязью. Но съ особенной строгостью обрушивается этотъ судъ на всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ претензію возвышаться надъ средой по своему уму, образованію или нравственнымъ качествамъ. Это обусловливается съ одной стороны тѣмъ, что на человѣка, претендующаго отличаться отъ всѣхъ, естественно возлагается большая и отвѣтственность за свои поступки; а съ другой—здѣсь дѣйствуетъ и совѣсть, желающая во что-бы то ни стало оправдаться и возвыситься въ своемъ ничтожествѣ: «а, ты воображаешь, что ты выше насъ, а мы нисколько не хуже тебя, а пожалуй будемъ и получше!»

Подчиняясь впродолженіи долгихъ лѣтъ невольному вліянію этого уѣзднаго міросозерцанія, Писемскій невольно до извѣстной степени заразился имъ.

Такимъ образомъ и создался этотъ смѣхъ ради одного смѣха, поражавшій современниковъ своей безпринципностью, безъидеальностью, безысходнымъ пессимизмомъ. Обратите при этомъ вниманіе, что уже въ первыхъ повѣстяхъ Писемскаго, задолго до появленія романа его «Взбаломученное Море», люди высшаго образованія, передовыхъ идей и новыхъ вѣяній выводятся возмутительными негодяями и пошляками и въ этомъ отношеніи далеко оставляютъ за собою самыхъ безобразнѣйшихъ уродовъ необразованной среды. До нѣкоторой степени вы миритесь еще съ тѣми фактами, что получившій высшее образованіе Эльчаниновъ въ нравственномъ отношеніи пасуетъ передъ нигдѣ неучившимся Савеліемъ, такъ какъ у Савелія вы встрѣчаете нѣсколько чертъ положительныхъ, заслуживающихъ полнаго уваженія и симпатій. Въ повѣсти-же *«Богатый женихъ»*, написанной въ 1851 году, герой ея Шамиловъ, претендующій на высшее философское образованіе, вѣчно возящійся съ книгами, которыхъ не въ состояніи одолѣть, статьями, которыя только начинаетъ, съ тщетными надеждами окончить когда-либо кандидатскій экзаменъ,—не выдерживаетъ сравненія даже съ полоумнымъ Степушкой, игравшимъ роль шута, надъ которымъ всѣ въ обществѣ потѣшались; даже и этотъ Степушка оказался вдругъ и постояннѣе, и честнѣе въ своей

любви къ Вѣрѣ Павловнѣ, чѣмъ Шамиловъ, погубившій своей дрянной безхарактерностью дѣвушку и затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, кончившій женитьбой по разсчету на богатой вдовушкѣ и жалкой ролью мужа, живущаго на содержаніи и подъ башмакомъ злой и капризной бабы.

Осмѣявши въ Эльчаниновѣ и Шамиловѣ Рудиныхъ, процвѣтавшихъ въ то время на почвѣ университетскаго образованія и философскаго движенія, не пощадилъ Писемскій и не вполнѣ сошедшій еще со сцены въ то время типъ гусарско-печоринскій. Правда, типъ этотъ давно уже не красовался на столь высокомъ пьедесталѣ, какъ въ 30-е годы, и не блестѣлъ въ столичномъ большомъ свѣтѣ; тѣмъ не менѣе продолжалъ еще встрѣчаться не рѣдко въ провинціи, гдѣ онъ чуть что не до конца пятидесятыхъ годовъ обращался, какъ старыя и истертыя монеты. Подобнаго рода уѣздные демоны-сердцеѣды выведены Писемскимъ въ «Тюфякѣ» въ лицѣ Бахтіарова и въ повѣсти «M-r Батмановъ» — въ героѣ, носящемъ эту самую фамилію, причемъ, совлекая съ нихъ великолѣпные байроновскіе плащи, безпощадный авторъ превращаетъ ихъ въ самыхъ заурядныхъ и пошлыхъ провинціальныхъ хлыщей и заставляетъ ихъ кончать не какой-либо трагической смертью, а самымъ прозаическимъ бракомъ съ богатыми купчихами, ради избавленія отъ голодной смерти. Впрочемъ одному только Бахтіарову удается вступить въ законное супружество съ племянницей тятенькиныхъ милліоновъ и продолжать донъ-жуанствовать, живя на иждивеніи своей жены; Батмановъ же, будучи въ большей степени Печоринымъ, чѣмъ Бахтіаровъ, кончаетъ еще печальнѣе: уѣзжаетъ въ Сибирь и дѣлается тамъ просто на просто альфонсомъ, подъ видомъ управителя дѣлами одной пожилой и очень богатой вдовы-купчихи, живетъ у нея въ домѣ, ходитъ весь залитый въ бриллиантахъ, носитъ черкесское платье, ѣздитъ по городу на красивыхъ рысакахъ и поитъ общество на-убой шампанскимъ. «Чѣмъ, подумаешь, не разрѣшалось русское разочарованіе!» саркастически воскликнулъ Писемскій въ концѣ своей повѣсти.

Безпринципность творчества Писемскаго лишь въ самомъ началѣ его литературной дѣятельности носила характеръ наивной непосредственности. Мало по малу она вошла въ сознаніе писателя, оформилась въ видѣ особенной эстетической теоріи, кото-

рую Писемскій исповѣдывалъ всю свою жизнь, находя въ ней оправданіе отсутствія въ его произведеніяхъ идеаловъ и задачъ.

Чтобы познакомить читателей съ эстетической теоріей Писемскаго, мы прежде всего обратимся къ критической статьѣ его, которая была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1855 г. по поводу выхода второй части «Мертвыхъ Душъ» Гоголя.

Въ первой половинѣ статьи авторъ дѣлаетъ характеристику русской литературы до Гоголя и во время его и указываетъ, что существенными недостатками нашей литературы до Гоголя было во-первыхъ стремленіе выйти изъ себя, написать нѣчто сверхъ своихъ силъ и душевнаго содержанія, а во вторыхъ, какъ результатъ этого—«сочинительство, книжность». Недостатки эти замѣчаетъ Писемскій даже въ наиболѣе реальныхъ произведеніяхъ догоголевскаго періода, какъ-то: въ комедіяхъ Фонвизина и въ «Горѣ отъ ума» Грибоѣдова. А о современныхъ Гоголю популярныхъ писателяхъ—Марлинскомъ, Полевомъ, Кукольникѣ, Бенедиктовѣ и говорить нечего!

«Никто конечно не позволитъ себѣ сказать,—читаемъ мы въ статьѣ Писемскаго,—чтобы всѣ эти писатели не владѣли талантами и талантами, если хотите, довольно яркими, но замѣчательно, что всѣ они, при видимомъ разнообразіи, имѣютъ одно общее направленіе, ушедшее совершенно въ иную сторону отъ истинно поэтическаго движенія, сообщеннаго было Пушкинымъ; направленіе, которое я иначе не могу назвать, какъ направленіемъ *напряженности, стремленіемъ сказать больше своего пониманія—выразить страсть, которая сердцемъ не пережита*—словомъ, создать что-то выше своихъ творческихъ силъ».

Съ Гоголя начинается новая эпоха въ нашей литературѣ, потому что онъ все это пересоздаетъ: онъ первый даетъ типическій языкъ каждому типу.» Но, по мнѣнію Писемскаго, и Гоголь не былъ вполнѣ изъятъ отъ тѣхъ-же недостатковъ, присущихъ нашей литературѣ. Такъ, указывая на извѣстныя дидактическія задачи, которыя ставитъ Гоголь для своего творчества въ своей «*Авторской исповѣди*», Писемскій рѣшительно отрицаетъ ихъ:

«На первый взглядъ покажется,—говоритъ онъ,—что подобную задачу, достойную великаго мастера, Гоголь принимаетъ на себя съ величайшей добросовѣстностью и что иначе приступить къ ней нельзя; но надобно быть хоть немного знакомымъ съ процессомъ творчества, чтобы понять, до какой степени этотъ пріемъ искусственъ и какъ мало въ немъ довѣрія къ инстинкту художника. Положительно можно сказать, что Шекспиръ, воспроизводя жизнь въ ея многообразной полнотѣ, создавая идеалы добра и порока, никогда ни къ одному изъ своихъ произведеній не приступалъ съ подобнымъ, напередъ составленнымъ

правиломъ, и бралъ изъ души только то, что накопилось въ ней и требовало изліянія въ ту или въ другую сторону. Поэтъ узнаетъ жизнь, живя въ ней самъ, втянутый въ ея коловоротъ за самый чувствительный нервъ, а не посредствомъ собиранія писемъ и отбиранія показаній отъ различныхъ свѣдущихъ людей. Ему не для чего устраивать въ душѣ своей судъ присяжныхъ, которые говорили бы ему, виновенъ онъ или не виновенъ, а освѣщая жизнь даннымъ ему отъ природы свѣтомъ таланта, онъ узнаетъ и видитъ ее яснѣе всякаго трудолюбиваго собирателя фактовъ».

На этомъ основаніи Писемскій, будучи въ восторгѣ отъ всѣхъ отрицательныхъ типовъ второй части «Мертвыхъ Душъ», въ то-же время относится крайне неодобрительно къ типамъ Улиньки, Костанжогло и Муратова, считая ихъ лицами, не взятыми непосредственно изъ жизни, а сочиненными, и находя въ нихъ «рѣшительное преобладаніе идеи надъ формой». При этомъ Писемскій выражаетъ свое сожалѣніе, что между друзьями Гоголя, которымъ онъ читалъ вторую часть «Мертвыхъ Душъ», не нашелся искренній голосъ, который сказалъ-бы ему:

«Ты писалъ не грязныя побасенки, но вывелъ и растолковалъ глубокое значеніе народнаго смѣха. Ты—великій, по твоей натурѣ, юмористъ, но не лирикъ, и весь твой лиризмъ поглощается юморомъ твоимъ, какъ поглощается ручеекъ далеко, бойко и широко несущейся рѣкою. Ты—не безнравственный писатель, потому что, выводя и осмѣивая черную сторону жизни, возбуждаешь въ читателѣ совѣсть. Неужели по твоей чуткости къ пороку, къ смѣшному, ты не раскрываешь добра собственной души гораздо нагляднѣе какого-нибудь поэта, кокетствующаго передъ публикой поэтическимъ чувствомъ? Смотри: одновременно съ тобой дѣйствуютъ на умы два родственные тебѣ по таланту писателя Диккенсъ и Теккерей. Одинъ успокоиваетъ себя и читателя на сладенькихъ въ англійскомъ духѣ героиняхъ, а другой хоть, можетъ быть, и не столь глубокій сердцевѣдецъ, но зато онъ всюду безпристрастно и отрицательно господствуетъ надъ своими лицами и постоянно вѣренъ своему таланту. Скажи, кто изъ нихъ лучше совершаетъ свое дѣло?»

Заканчиваетъ-же Писемскій свою статью слѣдующими многозначительными словами:

«Наконецъ, въ заключеніе, могу пожелать всѣмъ нашимъ писателямъ настоящаго времени, призваннымъ проводить животворное начало Гоголя или внести въ литературу свое новое, — одного: чтобъ, имѣя въ виду ошибки великаго мастера, каждый шелъ по истинному пути, не насилуя себя, и, оставаясь къ себѣ строгимъ въ эстетическомъ отношеніи, говорилъ, сообразуясь съ средствами своего таланта, публикѣ *правду*».

Нѣчто подобное высказывалъ Писемскій двадцать лѣтъ спустя, въ 1877 году, въ письмѣ профессору Буслаеву, писанному въ

отвѣтъ на присылку профессоромъ своей рѣчи о значеніи романа. Письмо это интересно въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ нѣкоторые автобіографическія данныя о развитіи эстетическихъ понятій Писемскаго. Это заставляетъ насъ привести его цѣликомъ:

«Вы отъ романа, совершенно справедливо считаемаго вами за самаго распространеннаго и прочнаго представителя современной художественной литературы, требуете дидактики, поученія, такъ какъ онъ *можетъ популяризировать всю необъятную массу свѣдѣній и многотолковыхъ опытовъ*». Дѣйствительно, не связанный ни трудною формою чисто лирическихъ произведеній, ни строгою вѣрностью событіямъ историческихъ повѣствованій, ни тѣсными рамками драмы, романъ свободнѣй на ходу своемъ и можетъ многое захватить и многое раскрыть, но достигаетъ ли онъ этого на практикѣ, какъ только авторъ задалъ себѣ подобную задачу? На это безошибочно можно отвѣтить, что нѣтъ! Нѣкоторые романисты нашего вѣка: французскіе, нѣмецкіе и англійскіе пытались явно поучать публику: въ романѣ у Евгенія Сю «Семь смертныхъ грѣховъ» показано, какъ наказываются на землѣ смертные грѣхи; у нѣмцевъ есть, что какой-нибудь юный лавочникъ высказываетъ столько возвышенныхъ мыслей и благородныхъ чувствованій, что читатель хочетъ не хочетъ, а долженъ повидимому слушаться сего юноши. У насъ Чернышевскій, въ романѣ своемъ «Что дѣлать?», назначилъ даже современному человѣчеству, какую оно должно имѣть квартиру и какъ та должна быть раздѣлена. Но увы! Это глупое человѣчество не устрашилось нисколько представленными картинами Евгенія Сю и продолжаетъ по-прежнему творить смертные грѣхи; лавочнику никто не вѣритъ въ искренности его словъ, и онъ все-таки остается лавочникомъ; квартиръ своихъ пока никто не дѣлитъ и не устраиваетъ по плану автора «Что дѣлать?», и всѣмъ симъ поучительнымъ произведеніямъ, полагаю, угрожаетъ скорое и вѣчное забвеніе. Но не такова судьба бывшихъ старыхъ романистовъ. Беру на выдержку: Сервантесъ, врядъ-ли думавшій кого-либо поучать своимъ «Донъ-Кихотомъ», явилъ только картину умирающаго рыцарства, и она помнится всѣмъ читающимъ міромъ. Смолетъ, описавшій морскіе нравы, далъ намъ такія изъ мѣди литыя фигуры, по которымъ хорошо пойметъ каждый, какого закала англійская раса; Вальтеръ-Скоттъ запечатлѣлъ на вѣки-вѣчные въ умахъ человѣчества старую, поэтическую Шотландію; даже Жоржъ Зандъ, повидимому самая тенденціозная писательница (во времена моей и вашей молодости, вы конечно это помните, она считалась у насъ въ Россіи растолковательницей и чуть-ли даже не покровительницей Евангелія), но въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, на нее совершенно клеветали: Жоржъ Зандъ была не проповѣдница, а страстная, поэтическая натура. Она описывала только тѣ среды, которыя ея женское сердце или заѣдали, или вдохновляли. У насъ ни Пушкинъ, создавшій намъ «Евгенія Онѣгина» и «Капитанскую дочку», ни Лермонтовъ, нарисовавшій «Героя нашего времени» неотразимо крупными чертами, нисколько, кажется, не помышляли о поученіи и касательно читателя держали себя такъ: *«все это клади въ мѣшокъ, а дома разберешь, что тебѣ пригодно и что*

нить». Въ Гоголѣ, при всей высотѣ его комическаго полета, къ сожалѣнію, въ концѣ его дѣятельности мы видимъ совершенно противоположное явленіе: сбитый съ толку разными своими совѣтчиками, лишенными эстетическаго разума и рѣшительно не понимавшими ни характера, ни предѣловъ дарованія великаго писателя, онъ еще въ „Мертвыхъ Душахъ“ пытался поучить русскихъ людей посредствомъ лирическихъ отступленій и возгласовъ: «Ахъ, тройка, птица тройка», и въ своемъ поползновеніи явить образецъ женщины въ особѣ бе смысленной Уляньки (послѣ Пушкинской Татьяны!), а въ концѣ концовъ въ перепискѣ съ друзьями дошелъ наконецъ до чертиковъ. Признаюсь, писемъ съ подобными претензіями и въ то же время фразистыхъ и пошлыхъ я не читывалъ ни у одного самаго глупаго и бездарнаго писателя. Но перехожу опять къ роману, въ отношеніи котораго мое такое убѣжденіе, что онъ, какъ всякое художественное произведеніе, долженъ быть рожденъ, а не придуманъ, что, бывши плодомъ матеріальнаго и душевнаго организма автора, въ то же время долженъ представить концентрированную дѣйствительность: будь то внѣшняя, открытая дѣйствительность или потаенная психическая — лично меня всѣ считаютъ реалистомъ-писателемъ, и я именно таковъ, хотя въ то же время съ самыхъ раннихъ лѣтъ искренно и глубоко сочувствовалъ писателямъ и другого пошиба, только желалъ одного—чтобы было дѣло въ умныхъ рукахъ. Подкрѣплю это примѣромъ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ сильно гремѣлъ Кукольникъ своими патріотическими драмами и повѣстями изъ жизни художниковъ съ безконечными толками объ искусствѣ. Все это, мнѣ было противно читать, и я инстинктивно чувствовалъ, что нѣтъ тутъ ни патріотизма, ни драматизма, ни художества, ни художниковъ, а есть только истерическіе крики! Затѣмъ, когда я уже сдѣлался студентомъ, я прочелъ «Вильгельма Мейстера». Не могу описать того благоговѣйнаго восторга, который овладѣлъ мною; изъ бесѣдъ и разговоровъ дѣйствующихъ лицъ я познакомился съ цѣлой теоріей драматическаго и сценическаго искусства». «Гете», воскликнулъ я, «точно выворачиваетъ все мое нутро!... Онъ освѣтилъ какъ-бы искрой электрической все, что копошилось и въ моихъ скудныхъ помыслахъ объ драматическомъ искусствѣ». Потомъ другой примѣръ: въ половинѣ сороковыхъ годовъ стали появляться писатели, стремящіеся описывать тонкія ощущенія и возвышенныя чувствованія выводимыхъ ими лицъ. Бѣдняжки, они при этомъ становились на цыпочки, вытягивали, сколько могли, свои мозговыя руки, чтобы дотянуться до своихъ не очень высокихъ героевъ, и вдругъ, какъ-бы ради уничтоженія сего направленія, былъ переведенъ на русскій языкъ (въ «Современникѣ» кажется) романъ Гете «Предрасполагающее сродство», гдѣ могучій поэтъ видимо безъ всякаго труда и сверху переставилъ, какъ шашки, нѣсколько лицъ, исполненныхъ тончайшихъ ощущеній и самаго возвышеннаго образа мыслей. Ни дать, ни взять, какъ волъ обо. . муравьевъ.

Чувствую, почтеннѣйшій Өеодоръ Ивановичъ, что я написалъ вамъ не столько разсужденій и возраженій, сколько исповѣдь своихъ личныхъ эстетическихъ воззрѣній. Но что же дѣлать? Такъ написалось, и въ заключеніе скажу еще два-три слова: вы мнѣ какъ-то говорили: «вы, романисты, должны насъ учить, какъ жить; ни религія, ни философія, ни наука вообще для этого не годится». А мы, романисты, съ

своей стороны можемъ сказать: «а вы, гг. критики и историки литературы, должны насъ учить, какъ писать». Въ сущности ни то, ни другое не нужно, а желательно, чтобы это шло рука объ руку, какъ это и было при Бѣлинскомъ и продолжалось нѣкоторое время послѣ него. Бѣлинскій въ этомъ случаѣ былъ замѣчательное явленіе; онъ не столько любилъ свои писанія, сколько то, о чемъ онъ писалъ, и какъ самъ, говорятъ, выражался про себя—онъ былъ *недоносокъ художникъ* (онъ, какъ извѣстно, написалъ драму и, по слухамъ, неудачную), и потому такъ высоко цѣнилъ доносковъ-художниковъ»

Къ этому всему можно присоединить свидѣтельство г. Авсѣенко, что *Писемскій считалъ выше всего эпическое творчество*, а также выраженное Писемскимъ мнѣніе въ письмѣ къ Тургеневу въ апрѣлѣ 1877 года по поводу романа «Нови», что *художникъ прежде всего долженъ быть объективнымъ и безпристрастнымъ, и вовсе не обязанъ писать для услады какихъ-либо партій.*

Итакъ, отрицаніе какого-бы то ни было сочинительства, требованіе отъ художниковъ одной правды и поставленіе выше всего спокойнаго и безпристрастнаго эпическаго творчества, чуждаго какой-бы то ни было партійности,—такова была сущность эстетическихъ взглядовъ Писемскаго. Нечего и говорить о томъ, что по существу всѣ эти положенія, очень почтенныя, составляютъ азбуку реализма. Но только сами по себѣ они не идутъ далѣе азбуки и далеко не исчерпываютъ всѣхъ задачъ искусства. Начать съ того, что прежде чѣмъ вы будете требовать отъ искусства правды, вы обязаны разъяснить намъ, что вы подразумѣваете подъ этой правдой и какой именно правды вы ожидаете отъ искусства. Правда правдѣ рознь. Бываетъ правда глубокая, философская, опредѣляющая цѣну и значеніе вещей и ихъ взаимныя отношенія, бываетъ и правда внѣшняя, поверхностная, плоская. Бываетъ правда всеобщая и односторонняя. Когда какая-нибудь уѣздная кумушка перебираетъ всѣ косточки своихъ ближнихъ, она въ свою очередь можетъ быть правдива въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ, но развѣ это та самая высшая, философско-художественная правда, которую мы встрѣчаемъ въ произведеніяхъ Гэте?

Затѣмъ когда мы видимъ, что художникъ, вродѣ напримѣръ Гоголя, изображаетъ одни отрицательныя явленія жизни, мы не отрицаемъ въ произведеніяхъ его правду, хотя-бы одностороннюю, если художникъ не спѣшитъ эти отрицательныя явленія возвести во всеобщій законъ жизни и увѣрить насъ, что въ жизни ничего нѣтъ и быть не можетъ кромѣ выводимыхъ имъ отрица-

тельныхъ явленій. Но если онъ вздумаетъ насъ увѣрить, что вся жизнь исчерпывается тѣми мерзостями, какія онъ изображаетъ, что подъ личиною всѣхъ чистыхъ побужденій и высокихъ и чистыхъ помысловъ таится та-же низменная житейская грязь, то — какъ-бы онъ ни казался правдивъ — мы все-таки скажемъ, что въ изображеніяхъ его нѣтъ правды, такъ какъ онъ клевещетъ на жизнь, даетъ ложное понятіе о ней, изображая ее исключительно въ однѣхъ черныхъ краскахъ.

И если мы, обратясь къ самимъ произведеніямъ Писемскаго, посмотримъ, какъ практически осуществлялъ онъ свою теорію и какую онъ давалъ намъ *правду*, то мы должны будемъ сознаться, что это была правда злая, крайне пессимистическаго свойства, правда, обливающая васъ ушатомъ холодной воды и разочаровывающая въ людяхъ; однимъ словомъ, такого свойства правда, какую подразумѣваютъ, когда желаютъ охладить пылъ влюбленнаго человѣка и говорятъ ему: хотите, я разскажу вамъ о вашей возлюбленной всю *правду*. И однимъ такимъ обѣщаніемъ даютъ понять, что отъ этой правды возлюбленной не поздоровится.

Если такого рода прокурорски-обличительную правду сопоставите съ требованіемъ спокойнаго и безпристрастнаго объективизма, то на васъ пахнетъ сразу чѣмъ-то крайне вамъ знакомымъ, такими рѣчами, которыя раздавались такъ еще недавно. Ба, да вѣдь *правда* Писемскаго это тотъ-же безпристрастно-научный протоколизмъ Золя, и въ произведеніяхъ Писемскаго передъ вами воскресаетъ во весь ростъ пресловутый французскій натурализмъ со всѣми его несимпатичными свойствами: то же отрицаніе какой-бы то ни было тенденціозности или идеализма, тотъ-же холодный разъѣдающій анализъ, всѣ явленія человѣческой жизни подводящій подъ одни и тѣ-же итоги физіологически неизмѣнныхъ побужденій, и тотъ-же пессимизмъ, не видящій въ жизни ничего возвышающагося надъ этими побужденіями. Писемскій такимъ образомъ лѣтъ на двадцать предупредилъ Золя и совершенно самобытно создалъ на Руси именно ту самую отрасль реализма, которая является на свѣтъ каждый разъ, когда художники отказываются отъ проведенія какихъ-бы то ни было идей въ своихъ произведеніяхъ и низводятъ искусство къ безцѣльному копанью въ тинѣ житейской грязи. Единственно, чего недоставало Писемскому, чтобы вполнѣ уподобиться французскимъ натуралистамъ, — ихъ страсти къ мелкой детальности и чудовищному нагроможденію внѣшнихъ аксессуаровъ жизни. Но зато не усту-

палъ Писемскій, особенно въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, французскимъ натуралистамъ въ откровенномъ разоблаченіи альковныхъ тайнъ.

IV.

Литературная дѣятельность Писемскаго съ 1850 по 1853 г.—Переселеніе въ Петербургъ. Характеристика Писемскаго П. В. Анненковымъ, какъ человѣка. — Мнительность Писемскаго. — Жизнь Писемскаго въ Петербургѣ въ 50-е годы.—Служба въ деп. удѣловъ.—Нужда. - Отношенія къ издателямъ.—Командировка въ Астрахань. Переходъ въ «Библіотеку для Чтенія» и принятіе званія редактора этого журнала. —Романъ «Тысяча Душъ».

Ободренный успѣхомъ двухъ первыхъ своихъ произведеній, напечатанныхъ въ «Москвитянинѣ», Писемскій дѣятельно принялся за литературный трудъ, и въ періодъ съ 1850 по 1854 годъ успѣлъ помѣстить въ различныхъ журналахъ цѣлый рядъ повѣстей, комедій, романовъ, очерковъ изъ народнаго быта, каковы были: *«Комикъ»*, *«Ипохондрикъ»*, *«Богатый Женихъ»*, *«Питерщикъ»*, *«М-г Батмановъ»*, *«Раздоръ»*, *«Лѣшій»*, *«Фанфаронъ»*. По словамъ Анненкова, Писемскій давно уже питалъ намѣреніе бросить службу, на которой состоялъ въ Костромѣ—ассесоромъ губернскаго правленія. Успѣхъ его разсказовъ заставилъ его подумать о болѣе широкой аренѣ дѣятельности и о переселеніи въ которую-либо изъ нашихъ столицъ. Всѣ симпатіи его были на сторонѣ Москвы, гдѣ началась его литературная карьера, и гдѣ онъ имѣлъ много друзей; но практическій его умъ подсказалъ ему мысль, что въ Москвѣ пріобрѣтается почетное имя, но только въ Петербургѣ завоевывается твердое общественное положеніе. Писемскій завязалъ отношенія съ однимъ изъ редакторовъ «Современника», И. П. Панаевымъ, и послалъ въ журналъ этотъ свой романъ «Богатый Женихъ» (1851). Представители только-что создавшейся и упрочившейся *«натуральной школы»*, при своемъ отрицательномъ отношеніи къ русской жизни, тѣмъ охотнѣе приняли Писемскаго въ свои ряды, чѣмъ безотраднѣе былъ пессимизмъ его произведеній. Никому не приходило въ то время и въ голову, что пессимизмъ этотъ при своей безпринципности не щадитъ ни своихъ, ни чужихъ, и въ выс-

шей степени курьезный видъ имѣло появленіе въ журналѣ, стоявшемъ во главѣ передовой русской интеллигенціи, повѣсти «Богатый Женихъ», въ которой эта самая интеллигенція въ лицѣ Шамилова смѣшивалась съ грязью и въ нравственномъ отношеніи выставлялась ниже уѣздныхъ неучей - митрофанушекъ вродѣ дурачка Степушки. Но въ то печальное время всѣ литературныя партіи находились въ хаотическомъ смѣшеніи, и каждая редакція охотно помѣщала на своихъ страницахъ произведеніе, блещущее сильнымъ талантомъ, не вдумываясь глубоко, на сколько оно сходится или расходится съ духомъ и направленіемъ журнала.

Что же касается самого Писемскаго, то какъ стремленію его въ Петербургъ, такъ и появленію на страницахъ «Современника» много способствовало то обстоятельство, что онъ относился совершенно индифферентно ко всѣмъ боровшимся въ то время литературнымъ партіямъ, и при всѣхъ своихъ московскихъ литературныхъ симпатіяхъ такъ-же былъ далекъ отъ славянофильскихъ тенденцій, какъ и отъ западническихъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Анненковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Писемскомъ:

«Несмотря на духовное родство съ народомъ, Писемскій не былъ славянофиломъ. Онъ вывезъ только и сберегъ въ Петербургѣ гордость своимъ происхожденіемъ, въ нравственномъ смыслѣ, отъ Москвы и затѣмъ чрезмѣрное хвастовство ею, что было ему обще со всѣми москвичами. Москву же онъ любилъ совсѣмъ не за ея святыни, не за историческія воспоминанія съ нею связанныя, и громкое, всесвѣтное имя, ею носимое, о чемъ никогда и не упоминалъ, а скорѣе за то, что тамъ не принимали органическихъ проявленій страсти и жизненной энергіи за распутство, не объявляли преступленіемъ всякое уклоненіе отъ полицейскаго порядка, и что въ городѣ, гдѣ по временамъ скоплялась цѣлая многотысячная армія изъ однихъ мужиковъ и разночинцевъ со всѣхъ концовъ имперіи, труднѣе было слѣдить за чистотой нравовъ по уставамъ благочинія. Петербургъ казался Писемскому созданнымъ на то, чтобы показать, сколько можетъ быть безжизненности въ порядкѣ и возмутительныхъ явленій подъ покровомъ честности и стройности. Прочитавъ въ запискахъ Берхгольца о пирахъ въ нѣсколько сутокъ безъ отдыха, даваемыхъ основателемъ столицы, о курантахъ, заведенныхъ имъ на башняхъ и въ извѣстные часы для игравшихъ на весь городъ свои мелодіи, Писемскій замѣтилъ: Петру I это было совершенно необходимо для того, чтобы подданные его не померли всѣ со скуки въ новомъ городѣ». Напрасно старались друзья Писемскаго растолковать ему значеніе Петербурга по своему. Молча выслушивалъ онъ ихъ размышленія о томъ, что городъ этотъ предназначенъ исправлять народныя увлеченія, мѣшать развитію исключительнаго поклоненія своему племени, что останавливаетъ ходъ исторіи, провѣрять наукой и опытомъ смутные идеалы народныхъ массъ и проч., и проч. Писемскій отвѣчалъ большей частью на эти замѣтки шуточками,

вродѣ слѣдующей: «Можетъ быть и точно, - говорилъ онъ,—что Петербургъ—хорошій педагогъ, но я всегда ненавидѣлъ своихъ педагоговъ, хотя и боялся ихъ смертельно».

Съ такими взглядами, основывавшимися болѣе на непосредственномъ чувствѣ, чѣмъ на какихъ-либо разсудочныхъ соображеніяхъ и теоріяхъ, переселился Писемскій въ 1853 году въ Петербургъ и сразу поразилъ всѣхъ петербургскихъ литераторовъ особеннымъ, специфическимъ провинціальнымъ духомъ.

«Трудно себѣ и представить - говоритъ Анненковъ въ своихъ воспоминаніяхъ болѣе полный, цѣльный типъ чрезвычайно умнаго и вмѣстѣ оригинальнаго провинціала, чѣмъ тотъ, который явился въ Петербургѣ въ образѣ молодого Писемскаго, съ его крѣпкой, коренастой фигурой, большой головой, испытующими, наблюдательными глазами и лѣнивой походкой. На всемъ его существѣ лежала печать какой-то усталости, пріобрѣтаемой въ провинціи отъ ея халатнаго, распущеннаго образа жизни и скораго удовлетворенія разныхъ органическихъ прихотей. Съ перваго взгляда на него рождалось убѣждеіе, что онъ ни на волосъ не измѣнилъ обычной своей физіономіи, не прикра илъ себя никакой, болѣе или менѣе интересной и хорошо придуманной чертой, не припарадился моралью, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди, впервые являющіеся передъ незнакомыми лицами. Ясно дѣлалось, что онъ вышелъ на улицы Петербурга точно такимъ, какимъ сѣлъ въ экипажъ, отправляясь изъ своего родного гнѣзда. Онъ сохранилъ всего себя, начиная съ своего костромского акцента («кабинетъ Панаева поражаетъ меня великолѣпіемъ», говоритъ онъ послѣ свиданья съ щеголеватымъ редакторомъ «Современника») и кончая насмѣшливыми выходками по поводу столичной утонченности жизни, языка и обращенія.

«Все было въ немъ откровенно и просто. Онъ производилъ на всѣхъ впечатлѣніе какой-то *диковинки* посреди Петербурга, но диковинки не простой, мимо которой проходятъ, бросивъ на нее взглядъ, а такой. которая останавливаетъ и заставляетъ много и долго думать о себѣ... Нельзя было подмѣтить ничего вычитаннаго, затверженнаго на память, захваченнаго со стороны въ его рѣчахъ и мнѣніяхъ. Всѣ сужденія принадлежали ему, природѣ его практическаго ума, и не обнаруживали никакого родства съ ученіями и вѣрованіями, наиболѣе распространенными между тогдашними образованными людьми. Кругомъ Писемскаго въ ту пору существовало еще въ Петербургѣ много мыслей и моральныхъ идей, признанныхъ безспорными и которыя изъяты были навсегда изъ преній, какъ очевидныя истины. Писемскій оказался врагомъ бо́льшей части этихъ непреложныхъ догматовъ цивилизаціи. Такъ, ученіе, исповѣдуемое почти единогласно развитыми людьми всѣхъ оттѣнковъ Петербурга, о правахъ жены и женщины на полную свободу, въ которой имъ отказываетъ еще современное общество,—нашло въ немъ очень оригинальнаго скептика. Помню изумленіе въ кругу петербургскихъ гуманистовъ, возбуждаемое его мнѣніемъ, что женщина составляетъ только подробность

въ жизни мужчины и сама по себѣ, взятая единолично, не имѣетъ значенія, что обязанности мужа къ женѣ исчерпываются возможно лучшимъ матеріальнымъ содержаніемъ ея, и что сердечныя отношенія между ними наступаютъ только съ появленіемъ дѣтей, а совсѣмъ не съ появленія, такъ называемой, любви, о которой такъ много говорятъ поэты и романисты. Но это мнѣніе было только началомъ тѣхъ сюрпризовъ, которые Писемскій готовилъ своимъ слушателямъ.

«Писемскій, напримѣръ, добродушно признавался имъ, что испытываетъ родъ органическаго отвращенія къ иностранцамъ, котораго побѣдить въ себѣ не можетъ. «Присутствіе иностранца—говорилъ Писемскій—дѣйствуетъ на меня уничтожающимъ образомъ: я лишаюсь спокойствія духа и желанія мыслить и говорить. Пока онъ у меня на глазахъ, я подвергаюсь чему-то вродѣ столбняка и рѣшительно теряю способность понимать его». Конечно во всѣхъ афоризмахъ подобнаго рода многое должно быть отнесено и на обычное преувеличеніе дружескихъ разговоровъ, но все-таки присутствіе истиннаго чувства тутъ несомнѣнно. Кто же не узнаетъ въ такихъ или подобныхъ словахъ Писемскаго дальніе отголоски старой русской культуры, напоминающіе строй мыслей и прежняго боярства, и думныхъ людей Московскаго царства. Вообще, порывшись немного въ наиболѣе рѣзкихъ мнѣніяхъ и идеяхъ Писемскаго, которыя мы обзывали сплошь парадоксами,—всегда открываешь зерна и крохи какой-то давней полу-исчезнувшей культуры, сбереженной еще кое-гдѣ въ отрывкахъ простымъ нашимъ народомъ. Самый юморъ его, насмѣшливый тонъ рѣчи, способность отыскивать быстро яркій эпитетъ для обозначенія существенной, нравственной черты характера человѣка, которая за нимъ останется навсегда, и наконецъ слово, часто окрашенное ироническимъ оттѣнкомъ, сближало его съ деревней и умственными привычками народа, въ ней живущаго. Отъ нихъ несло особеннымъ ароматическимъ запахомъ развороченной лѣсной чащи, поднятаго на соху чернозема, всѣмъ тѣмъ, что французы называютъ «parfum de terre» (запахомъ земли, почвы). При видѣ Писемскаго въ обществѣ и въ семьѣ, при разговорахъ съ нимъ и даже при чтеніи его произведеній, я думаю, невольно возникала мысль у каждаго, что передъ нимъ стоитъ историческій великорусскій мужикъ, прошедшій черезъ университетъ, усвоившій себѣ общечеловѣческую цивилизацію и сохранившій многое, что отличало его до этого посвященія въ европейскую науку. Можно легко представить себѣ, какой интересъ представлялъ подобный типъ въ Петербургѣ.

«Вообще осторожность, съ какой Писемскій держался въ сторонѣ отъ теоретическихъ и философскихъ разговоровъ, когда они завязывались передъ нимъ, показывала, что отвлеченныя идеи не имѣли въ немъ ни своего ученика, ни своего поклонника. Это подтверждалось и фактически многими проявленіями его анализирующаго ума. Писемскій удерживалъ, напримѣръ, легко замѣтки и мысли, способныя мирно уживаться съ насущнымъ умственнымъ содержаніемъ русскаго человѣка, и тотчасъ забывалъ о тѣхъ изъ нихъ, которыя служили, такъ сказать, свѣточами для общечеловѣческаго развитія. Вообще онъ никогда не могъ усвоить себѣ хорошенько представленія объ этомъ общечеловѣческомъ развитіи—мало понятномъ, по его мнѣнію, безъ указанія на какой-либо народъ, цѣликомъ воплотившій его въ себѣ, безъ

примѣси національныхъ пороковъ и особенностей, если такой народъ еще найдется на свѣтѣ! *). Сколько споровъ по одному этому вопросу происходило тогда!—Людей сороковыхъ годовъ, такъ много говорившихъ объ общечеловѣческомъ развитіи, Писемскій весьма уважалъ, какъ двигателей общества, что и заявилъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій и даже въ цѣломъ романѣ, но онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ ихъ идеализма. Да и какъ бы онъ принялъ ихъ ученіе о единой, вселенской морали, обязательной для всѣхъ народовъ, достигшихъ извѣстной степени цивилизаціи, когда въ противность ихъ убѣжденіямъ онъ любилъ слабости, недостатки, даже дурныя природныя наклонности своего племени, носилъ слѣды ихъ въ самомъ себѣ и, понимая ихъ вполнѣ, нисколько не раскаивался въ нихъ и всего менѣе думалъ объ ихъ исправленіи.

«Прежде всего Писемскій былъ нервнымъ человѣкомъ въ высшей степени и состоялъ подъ деспотическимъ управленіемъ воображенія и фантазіи, которыя могли играть имъ (и играли) по своему произволу. Въ немъ не сказывалось ни малѣйшихъ признаковъ дисциплины надъ собой. Онъ допустилъ развиться въ себѣ одной психической чертѣ до болѣзненности, мы говоримъ о его нервной трусливости передъ внѣшнимъ міромъ. Онъ боялся толпы на улицѣ, недовѣрчиво смотрѣлъ на всякое новое явленіе, вносимое въ жизнь прикладными науками, и, напримѣръ, по открытіи желѣзныхъ дорогъ никогда не ѣздилъ на курьерскихъ поѣздахъ, говоря, что они устроены для бѣшеныхъ людей, не знающихъ, куда дѣвать излишекъ животной своей жизни. Его тревожили извѣстія и событія, возникшія даже на очень дальнихъ пунктахъ отъ мѣста его пребыванія, хотя онъ и не могъ сказать самъ, въ чемъ состоитъ тутъ опасность для него.»

Сверхъ того Анненковъ разсказываетъ, какъ онъ съ непривычки былъ озадаченъ, когда однажды при началѣ знакомства съ Писемскимъ, возвращаясь съ нимъ довольно поздно ночью съ вечера, проведеннаго у друзей, услыхалъ отъ него необычайный вопросъ:

—«Скажите, вамъ никогда не случалось думать, подъѣзжая къ своему дому, что безъ васъ тамъ могло произойти большое несчастіе?»—При этомъ Писемскій прибавилъ довѣрчиво: «мнѣ часто случается стоять у порога моей двери съ замираніемъ сердца: что, если домъ ограбленъ, кто-нибудь умеръ, пожаръ сдѣлался—вѣдь все можетъ случиться!» Причемъ по голосу его слышно было, что онъ говорилъ серьезно.

О мнительности Писемскаго свидѣтельствуютъ и другіе его современники. Такъ, вотъ что между прочимъ сообщаетъ Ив. Ѳ.

*) Мнѣніе это очевидно не было оригинальнымъ мнѣніемъ самого Писемскаго, а было заимствовано имъ отъ московскихъ друзей-почвенниковъ, напр. Ап. Григорьева и пр.

Примѣчаніе автора книги.

Горбуновъ о своемъ совмѣстномъ съ Писемскимъ морскомъ путешествіи изъ Петербурга въ Кронштадтъ лѣтомъ 1855 года, въ то самое время, когда передъ Кронштадтомъ стоялъ непріятельскій флотъ:

«Разъ, въ началѣ іюня (1855 г.), я по обычаю пришелъ къ Алексѣю Ѳеофилактовичу и засталъ его встревоженнымъ.

— Что съ вами? обратился я къ нему.

— Какъ, братецъ, развѣ не знаешь? Посмотри.

И онъ указалъ мнѣ на письмо отъ князя Д. А. Оболенскаго. Изъ него я узналъ, что мы завтра въ два часа должны съ нимъ прибыть на казенный пароходъ, стоящій на Невѣ, который насъ доставитъ на фрегатъ «Рюрикъ», къ вел. кн. Константину Николаевичу.

— Такъ что же? сказалъ я.

— Какъ—что? По морю-то плыть, не по Волгѣ!

— Да далеко ли тутъ?

— У тебя нервовъ нѣтъ! Въ шхерахъ-то тамъ налетишь...

— Да какія тамъ шхеры!..

Цѣлый день онъ волновался, а вечеромъ мы отправились на пароходъ, на которомъ мы должны плыть въ Кронштадтъ, и намъ любезно дозволили войти на него и осмотрѣть. Алексѣй Ѳеофилактовичъ успокоился.

— Это пароходъ серьезный, утѣшалъ онъ себя, хотя пароходъ былъ очень маленькій.

Въ назначенное время мы были на пристани и ровно въ два часа отошли въ Кронштадтъ. Черезъ полчаса Алексѣй Ѳеофилактовичъ освоился съ моремъ, бояться пересталъ, а интересовался только знать— виденъ ли будетъ непріятельскій флотъ.

Вотъ показался Кронштадтъ... Все ближе .. ближе . яснѣе... вотъ наши суда.

«Стопъ машина», раздалась команда. Подъ пароходомъ забурлило. Съ фрегата «Рюрикъ» донеслись черезъ рупоръ какія-то слова, отвалилъ катеръ и направился къ нашему пароходу; взявъ насъ, пошелъ обратно къ фрегату На фрегатѣ мы были представлены начальствующимъ лицамъ. Великій князь находился въ каютѣ; у него былъ докладъ.

- Не угодно ли вамъ осмотрѣть нашъ фрегатъ, обратился командиръ, капитанъ Баженовъ.

Писемскій молча повиновался и пошелъ, я послѣдовалъ за нимъ. Намъ показали орудія, ядра, картечи и наконецъ пригласили на марсъ, откуда простымъ глазомъ видны были мачты непріятельскаго флота, а посредствомъ трубъ мы узнали, что непріятель сушитъ бѣлье. Новость впечатлѣній была очень сильна. Писемскій съ уваженіемъ смотрѣлъ на пушки, но подходить къ нимъ близко не рѣшался и даже сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, когда я внимательно осматривалъ одно орудіе.

— Отойди, замѣтилъ онъ строго.

При входѣ въ каюту, мы были представлены молодому великому князю, который такъ милостиво и любезно встрѣтилъ насъ, что заставилъ позабыть всякое смущеніе.

— Я съ удовольствіемъ читалъ ваши сочиненія, сказалъ онъ Пи-

семскому,—и очень радъ, что услышу ваше чтеніе. Мнѣ говорили, что вы мастерски читаете.—Потомъ обратился ко мнѣ:

— А вы еще юноша...

— Только-что начинаетъ, замѣтилъ Писемскій нѣжнымъ отеческимъ тономъ.

Сѣли на палубѣ за длинный столъ, подали чай, началось чтеніе. Писемскій сначала зачиталъ робко, вяло, но скоро онъ овладѣлъ собой, и полились изъ устъ его рѣчи, сладчайшія меда. Его высочество неоднократно останавливалъ чтеніе и выражалъ автору свое удовольствіе. Разсказъ былъ уже близокъ къ концу, вдругъ... глухой пушечный выстрѣлъ! Писемскій вздрогнулъ и поблѣднѣлъ; другой... третій... четвертый...

— Начали?! произнесъ онъ простодушно, робко окинувъ всѣхъ глазами. Ему представилась бомбардировка.

— Это салютъ; къ непріятелю идетъ пароходъ съ моря, успокоили его.

Пальба продолжалась, и Писемскій не раньше ея окончанія приступилъ къ чтенію, но началъ читать двумя тонами ниже—такъ его поразила эта неожиданность. Послѣ чтенія я разсказалъ весь бывшій тогда у меня репертуаръ. Обласканные вниманіемъ великаго князя, въ 11 часовъ вечера мы поплыли тѣмъ же порядкомъ обратно. На пути насъ встрѣтилъ туманъ, и мы ощупью шли до Петербурга. Алексѣй Ѳеофилактовичъ всѣхъ истерзалъ. Ему представлялись подводные камни, мели, а въ устьѣ Невы померещились мины.

— Туманъ, братецъ, говорилъ онъ мнѣ,—наткнешься и полетишь.

Однако Богъ насъ помиловалъ: мы пришли благополучно.»

Въ свою очередь нѣкто г. Н-въ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Писемскомъ, помѣщенныхъ въ «Странѣ» 1881 г., что вдругъ ему стало представляться, что тѣ лица, отъ которыхъ ему приходится брать деньги, будутъ непремѣнно давать ему фальшивыя бумажки, и мысль эта производила въ немъ сильное безпокойство, вслѣдствіе чего онъ зачастую отправлялся въ казначейство съ полученными деньгами и просилъ осмотрѣть ихъ—не фальшивыя-ли онѣ.

На сколько мнительность Писемскаго рѣзко отпечатлѣвалась на самой его физіономіи, мы можемъ судить по нижеслѣдующему письму его, писанному въ 1880 году фотографу Шапиро, по поводу изданной послѣднимъ портретной галлереи русскихъ писателей, въ которой есть и портретъ Писемскаго:

«Мой портретъ носитъ тѣ же недостатки, которые оказываются у меня во всѣхъ моихъ фотографическихъ портретахъ и которые конечно зависятъ отъ моего неумѣнья сидѣть. У меня на всѣхъ фотографіяхъ выходятъ какіе-то вылупленные, испуганные и какъ-бы даже какіе-то сумасшедшіе глаза, можетъ быть потому, что въ

самомъ дѣлѣ, когда меня сажаютъ передъ камеръ-обскурное стекло, то я чувствую, если не страхъ, то сильное безпокойство».

Съ пріѣздомъ въ Петербургъ, въ 1853 году, жизнь Писемскаго естественно приняла совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ въ провинціи. «До первыхъ годовъ шестого десятилѣтія, по свидѣтельству г. Боборыкина, втеченіи пяти-шести лѣтъ Писемскій пользовался самой большой популярностью. Онъ сдѣлался достояніемъ Петербурга, жилъ бойко, редакторы журналовъ за нимъ ухаживали, его видали часто и въ свѣтскихъ салонахъ, знали, какъ чтеца и даже какъ актера-любителя».

Но та затаенная цѣль, ради которой переселился Писемскій въ Петербургъ—именно обезпечить себя и создать прочное положеніе, оказывалась недостижимой, и Писемскому пришлось довольствоваться весьма малымъ, едва сводя концы съ концами. «Тогдашняя жизнь Писемскаго, по свидѣтельству Анненкова, въ Петербургѣ близко подходила къ жизни литературнаго пролетарія, который принужденъ безпрестанно считаться со своими средствами. Домъ его содержался въ большомъ порядкѣ, благодаря хозяйкѣ; но выдающаяся простота его обстановки показывала, что экономія была тутъ не дѣломъ вкуса, а необходимости. Писемскій переносилъ стѣсненія далеко не спокойно; онъ досадовалъ на свою бѣдность и искалъ средствъ выйти изъ нея, съ чѣмъ собственно и явился въ Петербургъ. На первыхъ порахъ онъ даже опредѣлился на службу въ одинъ изъ петербургскихъ департаментовъ (въ Удѣлъ кажется), и любопытно, что позднѣе, когда покинулъ его (а случилось это очень скоро), Писемскій указывалъ на одно чиновное лицо, покровительствовавшее ему, со словами: «никогда не прощу этому человѣку того, что я старался понравиться ему и выказать себя умницей».

Тяжелое матеріальное положеніе зависило между прочимъ и отъ того, что въ литературной дѣятельности Писемскаго въ это время нашла полоса малой производительности. Такъ, впродолженіи всего 1854 года появились въ печати лишь слѣдующія два его произведенія: «Фанфаронъ»—въ «Современникѣ» и «Ветеранъ и Новобранецъ»—въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ 1855-мъ-же году были напечатаны (кромѣ вышеозначенной критической статьи въ «Отеч. Зап.») въ свою очередь лишь два его произведенія: «Плотничья артель» и «Виновата-ли она?». Изъ всѣхъ этихъ произведеній одна «Плотничья артель» отличалась

яркимъ талантомъ въ мастерскомъ изображеніи народнаго быта. Прочія-же произведенія ничего не прибавили къ славѣ Писемскаго; «Ветеранъ-же и Новобранецъ» —драматическій случай въ одномъ дѣйствіи—былъ и совсѣмъ плохъ. Заплативши дань патріотическому настроенію общества, возбужденному ужасами севастопольской войны, Писемскій вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилъ всю свою неспособность къ драматическому одушевленію и потрясанію нервовъ чувствительными эффектами.

Зарабатывая такимъ образомъ весьма мало литературнымъ трудомъ и получая при этомъ скудную плату за свои произведенія при существовавшихъ въ то время низкихъ цѣнахъ за литературный трудъ, Писемскій, по словамъ Анненкова, выражалъ громко свое негодованіе на обстоятельства, которыя дѣлаютъ настоящаго производителя цѣнностей подчиненнымъ лицомъ собирателя ихъ и торговца ими. Не стѣсняясь, онъ въ глаза говорилъ издателямъ журналовъ и сборниковъ, что ихъ благосостояніе зиждется на эксплоатаціи и бѣдности ихъ сотрудниковъ и вкладчиковъ.

«Никто, разсказываетъ Анненковъ, не сердился на него за эти слова, во-первыхъ потому, что ихъ произносилъ весьма нужный человѣкъ, и во-вторыхъ потому, что въ сущности это были безобидныя слова, неспособныя измѣнить обычаевъ литературнаго рынка. Но и для Писемскаго наступилъ день, когда онъ почувствовалъ, что жизненная его работа не пропала задаромъ. Въ 1861 г. одинъ изъ предпринимателей въ Петербургѣ (Стелловскій) купилъ у него право на изданіе всѣхъ его дотолѣ появившихся сочиненій за 8 тысячъ рублей,—сумму, не маловажную по тому времени. Съ этимъ обстоятельствомъ, давшимъ Писемскому возможность почувствовать себя самостоятельнымъ писателемъ, имѣющимъ свою цѣну на литературной биржѣ, связывается еще довольно характерный анекдотъ, разсказанный самимъ героемъ его. Послѣ долгихъ и серьезныхъ преній съ своимъ издателемъ, согласившись на его условія и получивъ крупный задатокъ, Писемскій вздумалъ тотчасъ-же и попробовать себя въ роли капиталиста. Онъ отправился въ одно изъ пышныхъ публичныхъ заведеній столицы, гдѣ богатые люди мотаютъ свою жизнь и состояніе и мимо котораго онъ проходилъ, съ любопытствомъ посматривая на его двери. Теперь онъ шумно раскрылъ ихъ и, какъ власть имущій, гордо вступилъ въ недоступные прежде чертоги, но, встрѣтивъ тамъ нечеловѣческое подобострастіе и звѣрпную алчность къ деньгамъ, тотчасъ-же очнулся. Готовность слу-

жить всѣмъ его капризамъ отрезвила его лучше всякой проповѣди и вмѣсто поощренія къ издержкамъ погнала его вонъ, къ себѣ домой... Анекдотъ хорошо рисуетъ соединеніе сильнаго практическаго смысла съ дѣтской наивностью и фантастическими порывами, которые составляли сущность характера этого человѣка».

Въ 1856-мъ году, какъ извѣстно, морское министерство обратилось къ нѣсколькимъ пользовавшимся извѣстностью литераторамъ съ предложеніемъ отправиться на казенный счетъ въ различныя россійскія побережья съ цѣлью изслѣдовать бытъ приморскихъ краевъ въ этнографическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Въ числѣ такихъ избранниковъ былъ и Писемскій, посланный съ этой цѣлью морскимъ министерствомъ въ Астрахань и на побережья Каспійскаго моря. Но изъ этой поѣздки Писемскій вынесъ очень мало, какъ для министерства, такъ и для самого себя, причиною чего была конечно крайне недостаточная научная подготовка для дѣла, требовавшаго не одного беллетристическаго таланта, но и спеціальныхъ свѣдѣній. По крайней мѣрѣ единственнымъ результатомъ поѣздки Писемскаго были два небольшіе путевые очерка въ «Морскомъ Сборникѣ», непроходимо скучные и наполненные не столько личными наблюденіями, сколько длиннѣйшими выписками изъ разныхъ сочиненій, касающихся того края, въ который онъ ѣздилъ. Такъ какъ поѣздка эта отняла у Писемскаго много времени, то впродолженіи 1857 года появился лишь небольшой разсказъ его въ «Библіотекѣ для Чтенія» «*Старая барыня*». Впрочемъ во все это время, почти съ самаго пріѣзда въ Петербургъ, Писемскій былъ между прочимъ занятъ писаніемъ большого романа, представлявшаго chef d'oeuvre его литературной дѣятельности, «Тысяча Душъ». Въ слѣдующемъ-же 1858 г. Писемскій оказался вдругъ во главѣ толстаго журнала, и конечно не что иное, какъ все тѣ же скудость средствъ и жажда обезпеченія заставили его взяться за дѣло, совершенно не подходящее ни къ его умственнымъ средствамъ, ни къ темпераменту.

Мы уже видѣли, что, пріѣхавши въ Петербургъ, Писемскій прежде всего сошелся съ редакціей «Современника». Но редакція эта со своими опредѣленными тенденціями оставалась всегда чужда Писемскому при его безпринципномъ скептицизмѣ и міросозерцаніи, остававшемся на степени дѣтскихъ вѣрованій и предразсудковъ. По всей вѣроятности и главные представители редакціи «Современника» скоро его разглядѣли и, цѣня крупный талантъ,

съ радостью готовые помѣстить на своихъ страницахъ каждое его талантливое произведеніе, въ то же время не сближались съ нимъ, какъ съ человѣкомъ. Единственный сотрудникъ «Современника», съ которымъ наиболѣе сошелся Писемскій, былъ извѣстный критикъ того времени А. В. Дружининъ. По своему эклектизму, чопорному англоманству и приверженности къ чистому искусству, доходившей даже до отрицанія Бѣлинскаго, Дружининъ менѣе всего подходилъ къ «Современнику» и терпѣлся въ немъ лишь на безрыбьѣ. Писемскій-же очевидно потому именно и сблизился съ Дружининымъ, что оба были по плечу другъ другу отсутствіемъ строго опредѣленныхъ и страстно проводимыхъ принциповъ и тенденцій. Сближало Писемскаго съ Дружининымъ также и то обстоятельство, что послѣдній по своей эклектической наклонности воздавать всему свое должное далеко не питалъ той нетерпимой партійной вражды къ московскимъ друзьямъ Писемскаго, почвенникамъ, группировавшимся вокругъ «Москвитянина», какой были преисполнены прочіе сотрудники «Современника», готовые относиться отрицательно даже и къ такому талантливому представителю московскаго кружка, какъ Островскій. Дружининъ завязалъ даже отъ своего имени, и не спросясь редакціи, на страницахъ «Современника» въ своихъ «Письмахъ иногороднаго подписчика» дружескія сношенія съ почвенниками, за что́ и получилъ симпатіи ихъ и прозвище честнаго рыцаря.

Когда-же во главѣ редакціи «Современника» стали новыя, юныя силы, и журналъ послѣ крымской войны все опредѣленнѣе и рѣзче началъ высказывать свои тенденціи, дальнѣйшее участіе Дружинина въ «Современникѣ» стало немыслимымъ, и онъ перешелъ въ «Библіотеку для Чтенія», гдѣ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ и редакторомъ, куда перенесъ и свои «Письма иногороднаго подписчика». Вмѣстѣ съ нимъ всталъ во враждебныя отношенія съ «Современникомъ» и Писемскій. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что свой большой романъ «Тысяча Душъ» онъ запродалъ «Отечественнымъ Запискамъ», гдѣ онъ и былъ напечатанъ втеченіи 1858 года. Въ «Современникѣ»-же это самое крупное и лучшее до того времени произведеніе Писемскаго не удостоилось мало мальски обстоятельнаго отзыва, и лишь Добролюбовъ въ своей статьѣ о «*Наканунѣ*» Тургенева небрежно замѣтилъ вскользь, что о новомъ романѣ Писемскаго онъ вовсе не говорилъ, потому что, по его мнѣнію, «вся общественная сторона этого романа насильно пригнана къ заранѣе сочиненной идеѣ. Стало быть,

тутъ не о чемъ толковать, кромѣ того, въ какой степени ловко составилъ авторъ свое сочиненіе. Положиться на правду и живую дѣйствительность фактовъ, изложенныхъ авторомъ, невозможно, потому что отношеніе его къ этимъ фактамъ не просто и не правдиво».

Вставши во главѣ «Библіотеки для Чтенія», Дружининъ не замедлилъ пригласить въ соредакторы Писемскаго, съ одной стороны потому, что злѣйшая чахотка, подтачивая его силы, не позволяла ему единолично вести журналъ, а съ другой стороны редакція «Библіотеки для Чтенія»,—журнала, совершенно утратившаго въ глазахъ публики всякое значеніе и находившагося въ крайнемъ упадкѣ, пыталась поднять журналъ и привлечь къ нему вниманіе, поставивъ во главѣ его столь почтенное имя, какъ Писемскаго.— Такимъ образомъ съ 1858 года Писемскій всталъ во главѣ «Библіотеки для Чтенія», и редакторство его продолжалось четыре года до 1862-го. Ниже мы разскажемъ печальный финалъ этого рода дѣятельности Писемскаго. Теперь-же приступимъ къ характеристикѣ романа его «Тысяча Душъ».

Представляя собою лучшее произведеніе изъ всего написаннаго Писемскимъ впродолженіи всей его литературной дѣятельности, романъ «Тысяча Душъ» служитъ въ то же время яркимъ выраженіемъ всѣхъ достоинствъ и недостатковъ творчества Писемскаго. Во всѣхъ предыдущихъ своихъ произведеніяхъ Писемскій имѣлъ дѣло преимущественно съ частной жизнью провинціальнаго общества и не шелъ далѣе изображенія различнаго рода семейныхъ дрязгъ, вѣроломныхъ любовныхъ измѣнъ, своекорыстныхъ разсчетовъ, уѣздныхъ сплетень и т. п. Здѣсь-же раскрывается передъ вами широкая картина общественной жизни провинціи, рисующейся передъ вами въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и во всемъ томъ возмутительномъ безобразіи, въ какомъ находилась эта жизнь въ то время, расшатанная во всѣхъ своихъ основахъ. Исторія вице губернаторства и губернаторства главнаго героя романа Калиновича со всѣми ея подробностями и аксессуарами ничѣмъ не уступаетъ «Губернскимъ Очеркамъ» Щедрина и имѣетъ совершенно равносильное съ ними гражданское значеніе.— Этой картиной Писемскій сторицей заплатилъ дань своему вѣку, выложивъ въ своемъ романѣ весь тотъ горькій опытъ, какой вынесъ онъ изъ своей многолѣтней службы въ провинціи.

Но одной исторіей служебной дѣятельности Калиновича не исчерпывается романъ Писемскаго. Если-же мы возьмемъ его во всемъ

его цѣломъ, то, напротивъ того, онъ поразитъ насъ тѣмъ, что, платя этимъ романомъ дань своему вѣку, въ то же время ни въ одномъ изъ предыдущихъ произведеній Писемскій не расходился такъ со своимъ вѣкомъ, какъ именно въ этомъ самомъ романѣ. Время, въ которое появился романъ, было эпохой всеобщаго оживленія, розовыхъ надеждъ, горячаго энтузіазма, который охватилъ всѣ слои общества. Всѣ жаждали обновленія, широкихъ и рѣшительныхъ реформъ и готовы были принести всѣ свои силы и самую жизнь на алтарь отечества. И вдругъ въ такое время Писемскій явился въ своемъ романѣ въ большей степени пессимистомъ, чѣмъ когда-либо прежде. Естественно, что если въ предыдущихъ произведеніяхъ пессимизмъ Писемскаго никому не казался страннымъ и неумѣстнымъ, такъ какъ вполнѣ гармонировалъ съ мрачнымъ колоритомъ жизни, то теперь онъ шелъ совсѣмъ въ разрѣзъ съ настроеніемъ общества. Судите сами, какимъ диссонансомъ звучали нижеслѣдующія строки романа, въ которыхъ Писемскій съ полною, небывалою еще до того времени откровенностью высказалъ свою мрачную философію жизни. Какъ разъ въ такое время, когда возникали новые альтруистическіе идеалы и появлялись на сцену суровые ригористы, видѣвшіе преступленіе въ малѣйшихъ заботахъ о своей личности, Писемскій писалъ:

«Надобно сказать, что комфортъ въ умѣ моего героя всегда имѣлъ огромное значеніе. И для кого же впрочемъ изъ солидныхъ, благоразумныхъ молодыхъ людей нашего времени не имѣетъ онъ этого значенія? Авторъ дошелъ до твердаго убѣжденія, что для насъ, дѣтей нынѣшняго вѣка, слава... любовь... мировыя идеи.. безсмертіе— ничто предъ комфортомъ. Все это въ душахъ нашихъ случайное; одинъ только онъ стоитъ впереди нашего пути, съ своей неизмѣримо притягательной силой. Къ нему-то мы направляемъ всѣ наши усилія. Онъ одинъ нашъ идолъ, и въ жертву ему приносится все дорогое, хотя бы для этого пришлось оторвать самую близкую часть нашего сердца, разорвать главную его артерію и кровью изойти, но только близенько, на подножіи нашего золотого тельца! Для комфорта проводится трудовая, до чахотки, жизнь!.. для комфорта десятки лѣтъ изгибаются, кланяются, кривятъ совѣстью!.. для комфорта кидаютъ семейство, родину, ѣдутъ кругомъ свѣта, тонутъ, умираютъ съ голоду въ степяхъ!.. для комфорта чистымъ и нечистымъ путемъ ищутъ наслѣдства; для комфорта берутъ взятки и совершаютъ наконецъ преступленія!» . .

Можно подумать съ перваго взгляда, что эта тирада исполнена ироніи и сарказма, но мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что авторъ высказалъ здѣсь свое «твердое убѣжденіе», какъ онъ самъ выражается, безъ всякой задней мысли. Надо замѣтить, что при всей той объективности, къ какой стремился Писемскій во

всѣхъ своихъ произведеніяхъ, это былъ писатель, обладавшій значительной дозой субъективности. Субъективность его конечно не простиралась до такой степени, какъ напримѣръ у Байрона или у Лермонтова, которые постоянно имѣли дѣло со своей личностью. Тѣмъ не менѣе въ каждомъ произведеніи Писемскаго вы найдете отраженіе того, что̀ переживалъ самъ авторъ во время созданія этого произведенія. Мы видимъ, что нѣкоторые его романы и повѣсти заключаютъ даже въ себѣ несомнѣнный автобіографическій матеріалъ, на что̀ указываетъ въ своей автобіографіи самъ Писемскій. Но и самыя повидимому объективнѣйшія произведенія, какъ напримѣръ романъ «Тысяча Душъ», не чужды того-же самаго. Такъ, намъ извѣстно, что подобно Калиновичу, не довольствуясь первыми своими литературными успѣхами, Писемскій пріѣхалъ въ Петербургъ не для чего иного, какъ именно ради пріобрѣтенія того самаго комфорта, силу котораго онъ называетъ «неизмѣримо притягательной». По пріѣздѣ въ Петербургъ Калиновичемъ овладѣваетъ «тоска и какой-то безотчетный страхъ»,—чувства, какъ мы видѣли, столь свойственныя ипохондрическому характеру Писемскаго. Далѣе, совершенно подобно автору Калиновичъ колеблется между службой и литературой, причемъ Писемскій не преминулъ въ своемъ романѣ изобразить то глубокое разочарованіе, какое вынесъ онъ изъ ближайшаго знакомства съ организаціей литературнаго труда въ Петербургѣ. Мы видѣли уже изъ воспоминаній Анненкова, какъ сѣтовалъ и негодовалъ Писемскій на эксплоатацію литературныхъ тружениковъ издателями періодическихъ органовъ. Совершенно согласно съ такими чувствами Писемскій изображаетъ редактора толстаго журнала, въ которомъ была напечатана первая повѣсть Калиновича, въ видѣ «растолстѣвшаго сангвиника съ закинутою назадъ головою, совершенно безъ шеи, и только маленькіе, безпрестанно-бѣгавшіе изъ-подъ золотыхъ очковъ глаза говорили о его *коммерческихъ способностяхъ*». И между тѣмъ какъ этотъ утопающій въ роскоши сибаритъ кидаетъ десятки тысячъ на француженокъ и въ то же время обсчитываетъ Калиновича на 90 рублей при выдачѣ ему гонорара, настоящимъ редакторомъ, на плечахъ котораго лежитъ весь журналъ, оказывается нѣкто Зыковъ, литературный труженикъ вродѣ Бѣлинскаго. Едва сводя концы съ концами, онъ живетъ въ пятомъ этажѣ и, сгорая отъ непосильной работы, находится въ послѣднемъ градусѣ чахотки. Несмотря на всю свою страстную любовь къ литературѣ, онъ въ то же время не только не поощряетъ Калиновича

отдаться ей, а напротивъ того патетически восклицаетъ: «чортъ съ ней, съ этой литературой! Она только губитъ людей. Вотъ оно, чего я достигъ съ ней: пусто тутъ, каверны.—Вотъ у меня теперь сынишка, и предсмертное мое заклятье его матери: пусть онъ будетъ солдатомъ, барабанщикомъ, цѣловальникомъ, квартальнымъ, но не писателемъ, не писателемъ!..»

Разница между Писемскимъ и его героемъ заключалась лишь въ томъ, что Писемскій успѣлъ разочароваться въ служебной дѣятельности раньше еще, чѣмъ въ литературной, и для него не было уже возврата, тогда какъ Калиновича ждало еще разочарованіе на административномъ поприщѣ впереди.

Въ этомъ отношеніи Калиновичъ представляется какъ нельзя болѣе современнымъ типомъ во время появленія романа, т. е. въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Героями дня тогда были именно администраторы громовержцы, являвшіеся въ провинцію съ печатью высшаго образованія на челѣ и съ неукротимымъ стремленіемъ карать зло и истреблять плевелы въ видѣ мелкихъ взяточниковъ и всякаго рода попустителей. Такого рода герои прославлялись въ то время и на страницахъ журналовъ, и на сценахъ театровъ, рисуясь въ безусловно идеальномъ блескѣ, какъ такой безукоризненный образецъ гражданской доблести, выше котораго трудно себѣ что-либо и представить.

Какъ истый скептикъ и пессимистъ, Писемскій облилъ ледяной водой это поклоненіе величественнымъ карателямъ мелкихъ воришекъ. Многіе были недовольны типомъ Калиновича въ томъ отношеніи, что онъ представляетъ въ себѣ какую-то странную двойственность: съ одной стороны передъ вами черствый и бездушный карьеристъ, которому ничего не стоитъ обольстить дѣвушку и, сдѣлавшись ея женихомъ, бросить ее и жениться на кривобокой наслѣдницѣ тысячи душъ исключительно ради устройства комфортабельной жизни и карьеры, а затѣмъ безъ всякой жалости посадить въ тюрьму того самаго князя, который помогъ ему жениться и выдвинуться, и избить свою супругу, которой въ свою очередь онъ былъ обязанъ всѣмъ. И тѣмъ не менѣе тотъ-же самый Калиновичъ производитъ на читателей впечатлѣніе человѣка во всякомъ случаѣ выше всѣхъ головою, и они до самой послѣдней страницы чувствуютъ къ нему не отвращеніе, какое должны внушать его поступки, а напротивъ того, если не сочувствіе и участіе, то жалость.

Но въ томъ именно и заключается глубокая иронія романа.

что Писемскій вывелъ въ лицѣ Калиновича вовсе не одного изъ тѣхъ мелкихъ и заурядныхъ безсердечныхъ карьеристовъ, какіе кишатъ въ жизни на каждомъ шагу. Это не Хазаровъ и не Бахтіаровъ, у которыхъ въ сердцѣ не осталось ни одной искры Божіей. Калиновичъ и на самомъ дѣлѣ выше всѣхъ окружающихъ, человѣкъ не только высшаго образованія, но и съ душою. Не дешево обходилась ему каждая сдѣлка съ совѣстью, причиняя ему такія мучительныя страданія, какъ-будто отъ него отрывались куски живого мяса. Авторъ безъ сомнѣнія хотѣлъ показать своимъ Калиновичемъ, что нѣтъ никакой возможности подняться на административныя высоты бѣднякамъ вродѣ самого Писемскаго, какого-бы они ни были ума, безъ тяжкихъ и постыдныхъ пожертвованій лучшими человѣческими инстинктами. Но и поднявшись на самыя завидныя высоты, герои, вродѣ Калиновича, далеко не успокаиваютъ мученія своей совѣсти и не вознаграждаютъ себя за всѣ пожертвованія сознаніемъ полезности своей дѣятельности. Оказывается, что для того, чтобы удержаться на высотѣ, необходимо продолжать вступать въ еще бо́льшіе компромиссы съ средою и въ концѣ концовъ свести свою дѣятельность исключительно къ снисканію благъ земныхъ, смотря сквозь пальцы на всѣ совершающіяся вокругъ мерзости. Калиновичъ же вообразилъ, что достигнутая имъ власть губернатора дастъ ему возможность на полной свободѣ осуществлять свои гражданскіе идеалы, хотя бы лишь отрицательно, явившись Юпитеромъ-громовержцемъ для всей той неправды, какою были проникнуты общественныя дѣла и отношенія ввѣреннаго ему края. Но своей террористической дѣятельностью онъ возбудилъ лишь всеобщій ужасъ, озлобленіе. и его поспѣшили убрать, какъ человѣка безпокойнаго, который и самъ не пользуется благами жизни, и другимъ жить мѣшаетъ. Трудно и представить себѣ болѣе глубокую и правдивую иронію, которою проникнута вся эта исторія,—иронію не только надъ честолюбцами вродѣ Калиновича, но и надъ всѣмъ русскимъ обществомъ того времени.

Тотъ же горькій пессимизмъ, какой вы видите въ общественной сторонѣ романа, проникаетъ и всѣ частныя отношенія героевъ. Такъ напримѣръ, казалось бы, какой идеальной личностью должна была бы казаться Настенька съ ея глубокой и неизмѣнной привязанностью къ Калиновичу, несмотря на все возмутительно-безсердечное отношеніе его къ ней. Читатель долженъ былъ бы отдыхать душою на этой единственной свѣтлой личности ро-

мана. Но и ее не преминулъ Писемскій облить ядомъ своего скептицизма. Во-первыхъ, Писемскій остался по отношенію къ своей героинѣ вѣренъ своему взгляду на женщинъ, что самыя лучшія изъ нихъ ни на что болѣе не способны, какъ только питать рабскую кошачью привязанность къ избраннику своего сердца и безпрекословно довольствоваться ролью одной изъ прихотей комфорта въ жизни мужчины. И дѣйствительно, Настенька ни къ чему болѣе не стремится, какъ лишь къ исполненію столь скромнаго женскаго предназначенія. Но и на это скромное предназначеніе Писемскій не замедлилъ сдѣлать плевокъ въ видѣ особеннаго, свойственнаго ему, ироническаго взгляда на любовь вообще, какъ мужскую, такъ и женскую. Сначала такой ироническій взглядъ проводится на мужскую любовь.

Изображая, какъ Калиновичъ на пути въ Петербургъ ухаживалъ за сидѣвшей съ нимъ въ одномъ вагонѣ кокоткой, Писемскій замѣчаетъ при этомъ:

Здѣсь мнѣ опять приходится объяснить истину, совершенно непринимаемую въ романахъ,—истину, что никогда мы, грубая половина рода человѣческаго, не способны такъ измѣнить любимой нами женщинѣ, какъ въ первое время разлуки съ нею, хоть и любишь ее еще съ прежнею страстью. Дѣло тутъ въ томъ, что воспоминанія любви еще слишкомъ живы, чувства жаждутъ привычныхъ наслажденій, а между тѣмъ около насъ пусто и нѣтъ милаго существа, замѣнить которое мы готовы, обманывая себя, первымъ хорошенькимъ личикомъ».

Но далѣе затѣмъ оказывается, что не только грубая, но и нѣжная половина человѣческаго рода обладаетъ тѣмъ же свойствомъ. По крайней мѣрѣ тотчасъ же послѣ измѣны Калиновича брошенная имъ Настенька была готова отдаться принявшему въ ней участіе Бѣлавину, и вотъ что говорила она въ свое оправданіе:

« Послушай: если когда-нибудь тебя женщина увѣряла или станетъ увѣрять, что вотъ она любила тамъ мужа или любовника, что ли... онъ потомъ умеръ, или измѣнилъ ей, а она все таки продолжала любить его до гроба, повѣрь ты мнѣ, что она или ничего еще въ жизни не испытала, или лжетъ. Всѣ мы имѣемъ не ту способность, чтобы вотъ любить одно существо, а просто способны любить или нѣтъ. У одной это чувство больше развито, у другой меньше, а у третьей и ничего нѣтъ... Какъ я глубоко и сильно была привязана къ тебѣ, въ этомъ я кидаю перчатку всѣмъ въ мірѣ женщинамъ! Но въ то же время, когда была брошена тобой и когда около меня остался другой человѣкъ, который, казалось, принимаетъ во мнѣ такое участіе, что дай Богъ отцу съ матерью... я видѣла это и невольно привязалась къ нему».

Въ концѣ романа Писемскій сочеталъ, какъ извѣстно, Калиновича и Настеньку законнымъ бракомъ, но его въ то же время взяло безпокойство, какъ бы читатели не подумали, что онъ по примѣру прочихъ романистовъ соединилъ два неизмѣнно и нѣжно любящія сердца ради лишь вожделѣнной развязки, и онъ спѣшитъ оговориться:

«Черезъ полгода послѣ смерти жены Калиновича, Полины, Калиновичъ женился на Настенькѣ. Фактъ этотъ, казалось бы, развязываетъ мнѣ, какъ романисту, всѣ нити, но въ то же время я никакъ не могу, подобно старымъ повѣствователямъ, сказать, что главные герои мои послѣ долговременныхъ треволненій пристали наконецъ въ мирную пристань тихаго семейнаго счастья. Далеко это было не такъ на самомъ дѣлѣ! Сломанный нравственно, больной физически, Калиновичъ рѣшился на новый бракъ единственно потому только, что ни на что болѣе не надѣялся и ничего уже болѣе не ожидалъ отъ жизни, да и Настенька, актриса въ душѣ, оставила театръ и сдѣлалась дѣйствительной статской совѣтницей скорѣе изъ сознанія какого-то долга, что она одна осталась въ мірѣ для этого человѣка и обязана хоть сколько-нибудь поддержать и усладить жизнь этой разбитой, но все-таки любезной для нея силы»..

V.

Разсказы изъ народнаго быта и комедія «Горькая Судьбина».—Причины непониманія Писемскимъ движенія 60-хъ годовъ и реакціонное направленіе его.—Полемика съ «Искрою».—Романъ «Взбаломученное Море».

Вслѣдъ за романомъ «Тысяча Душъ» послѣдовало другое произведеніе, которое ставится обыкновенно во главѣ всего написаннаго Писемскимъ,—знаменитая комедія его «Горькая Судьбина». Но прежде чѣмъ приступимъ къ характеристикѣ этой комедіи, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ вообще о всѣхъ произведеніяхъ Писемскаго изъ народнаго быта, каковы: «Плотничья артель», «Питерщикъ», «Лѣшій» и «Батька».

Произведеніями этими Писемскій въ свою очередь заплатилъ дань своему вѣку. Рѣдкій писатель того времени обходился безъ разсказовъ и очерковъ, если не обширныхъ романовъ, изъ быта крестьянъ, мѣщанъ или купцовъ. Но Писемскій и въ этихъ разсказахъ своихъ съумѣлъ остаться вполнѣ самимъ собою, тѣмъ-же

скептикомъ-пессимистомъ, индифферентнымъ къ какимъ бы то ни было тенденціямъ, господствовавшимъ въ его время. Онъ былъ совершенно чуждъ, какъ идеализаціи народа, такъ и сентиментальныхъ сожалѣній о его печальной участи, которыя составляли въ литературѣ того времени заурядное явленіе. Онъ и на освобожденіе крестьянъ глядѣлъ скептическими глазами, утверждая, по словамъ Анненкова, публично въ 1861 г., что «новое, выработанное положеніе о крестьянахъ предстанетъ передъ нами не въ видѣ нравственнаго дѣла по преимуществу, а въ видѣ фискальнаго рѣшенія первой инстанціи суда по давней имущественной тяжбѣ ихъ съ помѣщиками. Тягаться можно будетъ и послѣ того, въ другихъ инстанціяхъ.»

«Писемскому казалось,—говоритъ далѣе Анненковъ,—что безъ сильныхъ «нравственныхъ авторитетовъ» народъ не разстанется ни съ однимъ изъ тѣхъ свойствъ, которыя получилъ въ періодъ рабства и чиновничьихъ притѣсненій, а только приноровится къ новымъ учрежденіямъ и въ ихъ рамкахъ разовьетъ еще съ бо́льшей энергіей дурное нравственное наслѣдство, полученное имъ отъ прошлаго. Онъ не придавалъ особеннаго значенія и будущему развитію благосостоянія освобожденныхъ, на которое многіе разсчитывали, какъ на сильный нравственный двигатель: жизненный опытъ привелъ его къ заключенію, что богатство и нажива могутъ быть родоначальниками еще бо́льшихъ пороковъ и безобразій, чѣмъ сама скудость, которая считается ихъ матерью».

Вотъ какой общій взглядъ на народъ передъ освобожденіемъ проводитъ Писемскій въ своемъ романѣ «Взбаломученное Море»:

«Простой народъ сталъ приходить наконецъ въ отупѣніе: съ него брали и въ казну, и барину, и чиновникамъ, да его же чуть не ежегодно въ солдаты отдавали. Какъ бы въ отместку за все это, онъ неистово пилъ отравленную откупную водку и, приходя отъ того въ скотское бѣшенство, дрался, какъ звѣрь, или со своимъ братомъ, или съ женой, и безпрестанно попадалъ за то на каторгу».

Изъ этого всего вы можете судить, какъ далекъ былъ Писемскій отъ малѣйшей идеализаціи народа, отъ представленія мужиковъ идеальными и невинными страдальцами. И дѣйствительно, въ его разсказахъ, обнаруживающихъ большое знаніе народной жизни и мужицкаго говора,—вы не встрѣтите и тѣни какихъ-либо протестовъ противъ угнетеннаго положенія крестьянъ.—Содержаніе этихъ разсказовъ заключается въ различныхъ драматическихъ эпизодахъ изъ жизни крестьянъ, причемъ Писемскій своимъ безстрастно-объективнымъ протоколизмомъ очень напоминаетъ Золя

въ его романѣ «La terre». Крестьяне Писемскаго, подобно крестьянамъ романа Золя, въ свою очередь являются дикарями, живущими непосредственной жизнью животныхъ влеченій, причемъ, какъ у всѣхъ дикарей, самые высокія душевныя движенія соединяются въ нихъ со скотскимъ звѣрствомъ и часто одно незамѣтно переходитъ въ другое.

То-же самое видимъ мы и въ «Горькой Судьбинѣ» Писемскаго. Прежде всего изложимъ, по свидѣтельству Анненкова, исторію этой комедіи. Основа ея не была выдумана художникомъ. Писемскій встрѣтился съ изображеннымъ въ ней происшествіемъ въ 1848 г., будучи еще чиновникомъ особыхъ порученій при костромскомъ губернаторѣ. Онъ имѣлъ въ рукахъ подлинное дѣло точно такого-же содержанія, и въ качествѣ слѣдователя, командированнаго губернаторомъ, принималъ участіе въ его разборѣ самъ. Комедія писалась имъ лѣтомъ на дачѣ, близъ Петербурга, и случилось, что однажды авторъ ея встрѣтился на прогулкѣ съ актеромъ Мартыновымъ. Онъ зазвалъ его къ себѣ въ домъ и прочелъ ему первыя три дѣйствія ея, тогда написанныя. Знаменитый артистъ пришелъ въ восторгъ отъ нихъ и изумилъ Писемскаго, выразивъ намѣреніе взять роль мужа, когда пьеса поступитъ на сцену. Тогда еще никто не могъ угадать въ Мартыновѣ призванія на драматическія роли, и Писемскій выразилъ свое сомнѣніе; но великій комикъ настоятельно требовалъ предоставленія ему роли Ананія. Кажется, этого не случилось, и Мартынову суждено было показать въ другихъ и менѣе значительныхъ роляхъ присутствіе въ себѣ патетическаго элемента, которымъ обладаетъ всякій истинный комикъ. Въ заключеніе Мартыновъ спросилъ:—«а какъ ты намѣренъ окончить пьесу?» Писемскій отвѣчалъ:—«по моему плану Ананій долженъ сдѣлаться атаманомъ разбойничьей шайки и, явившись въ деревню, убить бурмистра».—«Вотъ, это не хорошо»—возразилъ Мартыновъ,—«ты заставь его лучше вернуться съ повинной головой и всѣхъ простить».—Писемскій былъ пораженъ вѣрностью этой мысли и буквально послѣдовалъ ей. Такъ хорошо угадалъ знаменитый артистъ сущность пьесы, прозрѣлъ законный, необходимый исходъ ея чутьемъ истины, присущимъ всякому истинному таланту.

На первый взглядъ можетъ показаться, что въ комедіи «Горькая Судьбина» народъ въ лицѣ Ананія съ его цѣльной, непосредственной натурой и непоколебимо-твердыми взглядами на жизнь и на людей значительно превознесенъ передъ барами, предста-

*

вителемъ которыхъ является помѣщикъ Чехловъ, полюбившій жену Ананія, Лизавету. Но эта иллюзія происходитъ лишь оттого, что помѣщикъ выведенъ въ комедіи въ слишкомъ уже безобразномъ видѣ. Писемскій и здѣсь не могъ обойтись безъ своей обычной ироніи. Передъ вами не заурядный патріархальный крѣпостникъ-бабникъ, невозбранно пользующійся деревенскими красотками силою своей помѣщичьей власти. Чехловъ—человѣкъ высшаго образованія, гнушающійся крѣпостнымъ правомъ и отрицающій его. Онъ не насильничаетъ Лизавету, а воображаетъ, что разыгрываетъ съ нею романъ въ духѣ Жоржъ Зандъ, пылая къ ней романтической страстью. Онъ и не замѣчаетъ при этомъ, что при всѣхъ своихъ гуманностяхъ онъ остается все тѣмъ же крѣпостникомъ-насильникомъ, и его «свободная любовь» является «свободной любовью» волка къ овечкѣ. Верхъ-же нравственнаго безобразія раскрывается передъ нами въ концѣ драмы, когда Чехловъ, продолжая донкихотствовать въ духѣ своихъ рыцарскихъ идеаловъ, высказываетъ сожалѣніе, что русскіе нравы и порядки мѣшаютъ ему вызвать Ананія на дуэль. Эта крайняя изломанность и отрѣшенность отъ жизни одного изъ послѣднихъ могиканъ крѣпостного права производитъ и въ настоящее время ошеломляющее впечатлѣніе. Въ эпоху-же появленія «Горькой Судьбины» въ печати и на сценѣ, въ моментъ освобожденія крестьянъ, впечатлѣніе это было еще въ большей степени потрясающее. При видѣ Чехлова глубоко чувствовалось, что часъ крѣпостного права пробилъ, и дальнѣйшее существованіе его дѣйствительно немыслимо.

Понятно, что по сравненію съ такимъ киселеобразнымъ ничтожествомъ, какимъ представляется Чехловъ, Ананій можетъ показаться богатыремъ и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Но вглядитесь вы въ этого самаго Ананія помимо всякихъ сравненій, и вы увидите, что вся его высокая нравственность—нравственность деревенскаго кулака, готоваго превратиться со временемъ въ самодура въ духѣ Кита Китыча.

Женясь на Лизаветѣ, онъ нарочно беретъ безприданницу, чтобы она ему была по гробъ предана изъ благодарности, а о любви ея къ нему и не допытывается на томъ основаніи, что и «всѣ мужики женятся не по особливому какому расположенію, а все-таки, коли въ церкви Божьей повѣнчаны, значитъ, надо жить по закону». По пріѣздѣ изъ Питера онъ повидимому такъ степенно и резонно разсказываетъ о всѣхъ видѣнныхъ имъ столичныхъ диковинкахъ. Вы видите въ немъ человѣка бывалаго и словно тронутаго нѣ-

сколько цивилизаціей. А между тѣмъ въ немъ сидитъ звѣрь, и стоило ему услышать о томъ, что жена измѣнила ему и прижила съ бариномъ ребенка, звѣрь этотъ проснулся и, обратившись въ необузданнаго дикаря, Ананій первымъ дѣломъ избилъ жену до полусмерти. Затѣмъ онъ успокоился; съ одной стороны человѣческія чувства, а съ другой практическія соображенія взяли въ немъ перевѣсъ. Онъ сообразилъ, что въ крестьянскомъ быту подъ барской властью такіе случаи нерѣдки и не могутъ служить семейнымъ позоромъ,—и былъ готовъ не только простить жену, но и признать своимъ ребенка ея. «По крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, для чужихъ глазъ сдѣлать надо, что ничего какъ-бы этого не было: ребенокъ, значитъ, мой и ты мнѣ пока жена честная».

Когда же Ананій узнаетъ, что жена не поневолѣ сошлась съ бариномъ, а по любви и готова даже бѣжать къ нему отъ мужа, въ немъ опять просыпается звѣрь и дикарь; онъ бросается къ женѣ и убиваетъ ея ребенка въ порывѣ необузданной ярости, а потомъ снова приходитъ въ себя, является на мѣсто преступленія и отдается властямъ.

Изъ этого всего вы можете видѣть, въ какой степени и въ «Горькой Судьбинѣ» Писемскій оставался вѣренъ своему взгляду на простой народъ, какъ на отупѣвшихъ и озвѣрѣвшихъ дикарей, которые, «приходя въ скотское бѣшенство, дрались, какъ звѣри, или со своимъ братомъ, или съ женой и безпрестанно попадали за то на каторгу».

Удостоенная Академіей уваровской преміи и поставленная на сцену Александринскаго театра въ 1863 году, комедія Писемскаго впослѣдствіи сдѣлалась одною изъ тѣхъ классическихъ пьесъ драматическаго репертуара, которыя никогда не сходятъ со сцены, и главныя роли которыхъ доставляютъ первоклассннымъ актерамъ возможность проявить всѣ свои силы и всю высоту своихъ талантовъ.

Конецъ пятидесятыхъ годовъ былъ такимъ образомъ апогеемъ развитія таланта Писемскаго, равно и его литературной славы. Стоя на одномъ ряду съ первоклассными писателями своего времени: Тургеневымъ, Гончаровымъ, Достоевскимъ и пр., будучи редакторомъ толстаго журнала, считаясь въ то время однимъ изъ лучшихъ драматурговъ, онъ срывалъ лавры и въ качествѣ прекраснаго чтеца, блистая на литературныхъ чтеніяхъ и имѣя доступъ въ лучшіе великосвѣтскіе салоны того времени.

Но, вознеся столь высоко, какъ только могъ желать славолюбивый писатель, судьба съ такой же быстротой низвергла его съ этой высоты, устлала дальнѣйшій путь его массой шиповъ и терній и изъ стоявшаго впереди вѣка свѣтила обратила его въ поборника мрака и застоя и, вооруживъ противъ него всю прогрессивную литературу, поставила имя его на одномъ ряду съ самыми позорными именами.

Произошло это вслѣдствіе того, что, привыкши плыть въ неподвижныхъ и сонныхъ водахъ того общественнаго затишья, какое предшествовало крымской войнѣ, Писемскій былъ пловцомъ, совершенно неприготовленнымъ для борьбы съ тѣмъ шумнымъ водоворотомъ, какимъ закружилось все русское общество въ эпоху освобожденія крестьянъ. Если писатели вродѣ Тургенева, философски образованные въ западныхъ университетахъ, не могли вполнѣ ясно и правильно осмыслить весь хаосъ тѣхъ до пестроты разнообразныхъ и противорѣчивыхъ явленій, какими исполнилась русская земля, то какъ было не потеряться въ этомъ хаосѣ Писемскому, учившемуся чему-нибудь и какъ-нибудь и давно забывшему всѣ университетскія вѣянія. Мы уже видѣли, какъ поражали всѣхъ, съ кѣмъ сталкивался Писемскій въ началѣ еще пятидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ, его допотопные взгляды, напоминающіе, по словамъ Анненкова, *«строй мыслей прошлаго боярства и думныхъ людей московскаго царства»*. Можно себѣ вообразить, какими дикими должны были представляться эти самые архаическіе взгляды въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда все русское общество отъ малаго до стараго проникло ожесточеннымъ протестомъ именно противъ всего напоминавшаго допетровскій, домостроевскій строй мыслей. Уже потому одному Писемскій долженъ былъ розойтись съ новымъ движеніемъ, что въ то время, какъ всѣ мало-мальски увлеченные въ это движеніе считали себя идеальными людьми въ силу одного исповѣдыванія новыхъ идей, Писемскій по своему неисправимому пессимизму продолжалъ съ обычною ему откровенной рѣзкостью утверждать, что всѣ люди, какихъ-бы они ни были убѣжденій,—въ равной степени подлецы, и что же ему дѣлать, когда онъ ни въ чьей душѣ ничего хорошаго не видитъ. Его не только коробило и возмущало, что массы крупныхъ воровъ и мелкихъ воришекъ, хлыщей, шулеровъ и кокотокъ подѣлались прогрессистами и взапуски пустились либеральничать, но и такія непривычныя ему мелочи, что гимназисты осмѣливались грубить родителямъ и безнаказанно ку-

рить на улицѣ, а мужиковъ начали «выкать». Къ этому присоединились литературныя отношенія. Разойдясь съ редакціей «Современника» и перейдя въ «Библіотеку для Чтенія», этимъ однимъ фактомъ Писемскій сталъ въ оппозицію съ прогрессивнымъ лагеремъ тогдашней литературы. Мы видѣли уже, какъ холодно начали отзываться о немъ въ «Современникѣ». Обновленная «Библіотека для Чтенія» по иниціативѣ Дружинина поставила на своемъ знамени «искусство» и начала ратовать противъ новыхъ отрицателей его. Подъ вліяніемъ своихъ журнальныхъ сочленовъ проникся и Писемскій негодованіемъ противъ мальчишекъ, непочтительно относившихся къ Пушкину и считавшихъ сапоги выше Шекспира. Но на первыхъ порахъ оппозиція эта повидимому имѣла довольно умѣренный характеръ. По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству П. Д. Боборыкина, «у себя дома, въ кабинетѣ, въ задушевныхъ разговорахъ, Писемскій высказывался скорѣе въ тонѣ сокрушенія и протеста, чѣмъ въ тонѣ непримиримой запальчивости. По своему, онъ былъ послѣдователенъ. Люди, возвѣщающіе радикальные принципы, должны были въ его глазахъ быть безукоризненными во всѣхъ смыслахъ, а этого далеко не было. Его наблюдательный и сатирическій умъ одинаково разоблачалъ людей противнаго лагеря и своихъ ближайшихъ сверстниковъ. Онъ могъ и про пріятеля, про человѣка симпатичнаго ему по таланту, говорить безъ всякой поблажки его личнымъ слабостямъ. Тогдашній руководитель «Современника», возмущавшій его своими новыми идеями, былъ ему очень мало извѣстенъ, какъ человѣкъ. Но нѣсколько разъ онъ, въ присутствіи П. Д. Боборыкина, разспрашивалъ сотрудника, ходившаго и въ «Современникъ»: «какой это человѣкъ, хорошій-ли, дѣйствительно-ли вѣритъ онъ самъ въ то, что̀ говоритъ?»

Судя по этой выдержкѣ изъ воспоминаній П. Д. Боборыкина, мы видимъ, что протесты Писемскаго ограничивались долгое время интимно-кабинетнымъ характеромъ. Но, обостряясь болѣе и болѣе, они наконецъ прорвались наружу и выплыли на свѣтъ божій въ печатномъ словѣ. Въ это время во всѣхъ журналахъ, по примѣру «Свистка» и «Современника», вошло въ моду помѣщать въ концѣ книжекъ сатирическіе фельетоны, съ одной стороны, ради оживленія журнала, а съ другой—въ полемическихъ цѣляхъ. Завела свой балаганчикъ и «Библіотека для Чтенія». Между прочими фельетонистами выступилъ въ своемъ журналѣ и Писемскій въ концѣ 1861 года, подъ псевдонимомъ Никиты Безрылова, и

первый фельетонъ его, напечатанный въ декабрьской книжкѣ, послужилъ яблокомъ раздора, возбудивши во всей литературѣ порядочный переполохъ.

Въ фельетонѣ этомъ, довольно безсодержательномъ въ цѣломъ, поразили всѣхъ слѣдующія три мѣста:

Такъ, обращаясь по случаю праздниковъ и елокъ къ невинному и юному человѣчеству, Писемскій говоритъ:

«Милыя дѣти!—восклицаю я—вы живете въ счастливое для вашего возраста время: слышали ли вы, что въ воскресныхъ школахъ разнымъ замарашкамъ мальчикамъ и дѣвочкамъ, по правиламъ великаго педагога и сердцевѣда Павлова, говорятъ: «вы»? —Что за дѣло, что эти глупыя созданьица вовсе не понимаютъ этой вѣжливости и даже она ихъ больше пугаетъ, и что они гораздо лучше учатся у какого-то крикуна-помѣщика и полковыхъ унтеръ-офицеровъ, чѣмъ у самыхъ современныхъ молодыхъ; всѣ эти маленькія противорѣчія ничего не значатъ: былъ бы соблюденъ законъ высокой гуманности. Собственно о васъ и говорить нечего: вамъ конечно очень хорошо извѣстно, что васъ совершенно уже не будутъ сѣчь, и если какой-нибудь варваръ-родитель, а еще возможнѣе этого—варварка-родительница вздумаетъ, по своимъ грубымъ привычкамъ, васъ посѣчь, вы можете прибѣгнуть къ благодѣтельному средству гласности и напечатать о нихъ...»

Далѣе затѣмъ Никита Безрыловъ обращается къ тѣмъ-же дѣтямъ съ такими словами:

«Та же высокая гуманность, окрестившая всѣхъ черномазыхъ мальчишекъ въ *вы* и избавившая васъ навсегда отъ розогъ, заботится также и о вашихъ маменькахъ.—У васъ, напримѣръ, Костя Пигасовъ, папенька строгъ? - «Строгъ!» А у васъ, m-lle Marie, тоже?—«Тоже строгъ».—И у васъ, Петя Жуковъ? «О, нѣтъ! у меня маманъ папу иногда цѣлуетъ, а иногда и по щекамъ бьетъ». -Прекрасно: къ вашему возрасту, т. е. когда вы сдѣлаетесь мужьями, вы всѣ должны будете походить на папеньку Жукова и, по ученію эмансипаціи, вамъ предстоятъ еще нѣкоторыя другія подробности, которыя вы теперь дѣтскимъ вашимъ умомъ и не поймете еще: у вашей супруги будетъ тогда во-первыхъ, вы—мужъ, во-вторыхъ, любимый ею любовникъ, въ третьихъ, любовникъ, который ее любитъ. Въ отношеніи Петербурга въ этомъ правѣ вѣроятно воспослѣдуютъ весьма маленькія измѣненія: въ лицѣ любящаго любовника всегда долженъ быть начальникъ ея мужа, а въ особѣ любимаго любовника—молодой подчиненный, какой-нибудь коллежскій секретарь или поручикъ, болѣе крѣпкій тѣломъ, чѣмъ духомъ».

Наконецъ почти въ заключеніе фельетона онъ обращается не къ дѣтямъ уже, а ко всѣмъ своимъ читателямъ:

«Говорятъ, въ видахъ освобожденія петербургскихъ собакъ отъ намордниковъ, будетъ данъ литературный вечеръ съ такого рода объявленіемъ, что «вотъ-де мы, литераторы, глубоко сознавая, до какой степени наши произведенія, наши физіономіи, наши голоса даже на-

доѣли почтеннѣйшей публикѣ и не желая уже въ настоящемъ случаѣ болѣе испытывать ея великодушнаго терпѣнія, предложили заявить ей свои новыя, не совсѣмъ можетъ быть ей извѣстныя качества. Программа новаго литературнаго вечера будетъ такова: 1) Гг. Майковъ и Дружининъ, по своему геркулесовскому тѣлосложенію, будутъ представлять забавы великановъ, т. е. кидать трехпудовыми шарами, подымать 12-ти пудовыя палицы, останавливать за одно колесо четверку лошадей. Гг. Писемскій и Асконенскій въ самой задушевной между собой бесѣдѣ будутъ первоначально предаваться около четверти часа размышленіямъ, а потомъ соленымъ судакомъ станутъ подкрѣплять свои бренныя тѣла, причемъ по преимуществу г. Писемскій будетъ съ истиннымъ восторгомъ запивать эту скудную пищу чистой невской водой, кидая взоры презрѣнія на стоящіе невдалекѣ отъ него ростбифъ, устрицы, портеръ и портвейнъ. Г. Панаевъ, съ полнѣйшимъ спокойствіемъ джентльмена, будетъ въ присутствіи всей публики считать свои, собственно ему принадлежащія 500,000 сер., а г. Некрасовъ, по своей столь глубоко переживаемой любви къ бѣднымъ и несчастнымъ будетъ, съ наслажденіемъ, играть съ выгнаннымъ кадетомъ въ свои козыри —и даромъ. Г. Гончаровъ, окруженный племянниками и внучатами, будетъ первымъ раздавать деньги, а вторыхъ держать и баловать у себя на колѣняхъ, кормить ихъ манной кашей, причемъ она будетъ падать ему на брюки, и все это онъ будетъ принимать съ величайшимъ наслажденіемъ. Съ г. Гербеля будутъ рисовать портретъ Виктора Эммануила. Г. Никитенко будетъ читать рѣчь о простотѣ слога. Г. Краевскій будетъ своимъ мелодическимъ голосомъ пѣть романсъ собственнаго своего сочиненія:

«О, сколь душою нѣжной
Я человѣчество люблю».

Газета «День», не желая имѣть съ петербургскими литераторами ничего общаго и въ то же время стремясь, въ укоръ сѣвернымъ славянамъ, представить южнаго славянина и патріота, намѣрена передѣлать повѣсть Тургенева «Наканунѣ» въ драму и поставить ее на сцену, причемъ роль Инсарова будетъ исполнять г. Пандуровъ, мужчина далеко не безъ пріятностей для женскаго пола».

Вотъ противъ этого фельетона Никиты Безрылова и ополчилась прогрессивная печать въ лицѣ редакціи «Искры», которая въ № 5-мъ своей газеты за 1862 г. помѣстила грозную филиппику противъ Никиты Безрылова.

«Общество поморныхъ,—читаемъ мы въ хроникѣ прогресса, въ вышеозначенномъ № 5 «Искры»—находится въ невыразимомъ огорченіи. Никогда еще русское печатное слово не было низводимо до такого позора, до такого поруганія, до какого низвела его «Библіотека для Чтенія» въ декабрьскомъ фельетонѣ своемъ прошедшаго года. Рука въ первый разъ являющагося въ русской литературѣ художника, какого-то Никиты Безрылова, на пяти страницахъ фельетона умѣла помѣстить столько грязи, пошлости, тупоумія, что картина въ цѣломъ вышла вполнѣ отвратительная. Если присовокупить къ этому ту безцеремонную наглость, съ которой новый художникъ насмѣхается и

ругается надъ всѣмъ, что современное общество вырабатываетъ въ себѣ лучшаго въ настоящее время, — то картина въ своемъ родѣ составляетъ верхъ совершенства. Гнусное-ли самолюбіе, руководимое перомъ Никиты Безрылова, тупоумное-ли невѣжество — то и другое требуетъ въ настоящемъ случаѣ безпощаднаго бичеванія.

Мы думаемъ, что самый жалкій паяцъ, вынужденный добывать себѣ насущное пропитаніе безсмысленнымъ кривляньемъ передъ толпой и шутовской критикой надъ всѣмъ, надъ чѣмъ ни попало, безъ разбора, лишь-бы только возбудить смѣхъ толпы, стоящей передъ его подмостками,— постыдится смѣяться надъ нѣкоторыми предметами, дорогими во всѣ времена и для всѣхъ людей безъ исключенія. Постыдится потому, что и самая невѣжественная толпа не будетъ слушать насмѣшекъ надъ подобными предметами, иначе какъ съ омерзеніемъ; потому что и самъ паяцъ, какъ-бы онъ ни былъ пошлъ, какими-нибудь корнями да прикрѣпляется къ общественной жизни. Если у него не осталось ни одного чисто-человѣческаго чувства, то осталось по крайней мѣрѣ животное чувство привязанности къ своей семьѣ, къ отцу, матери, брату, сестрѣ. Во имя одной этой привязанности, съ потерею которой, при отсутствіи всѣхъ другихъ чувствъ, было-бы вовсе немыслимо никакое существо человѣческое, даже существо паяца, онъ не насмѣхается надъ людьми, которые употребляютъ свои вѣрованія, время, труды на устройство судьбы бѣдняковъ, подобныхъ ему, которые хлопочутъ изо всѣхъ силъ, чтобы воспитать въ обществѣ всеобщее уваженіе къ человѣческому достоинству, къ человѣческой личности, независимо отъ ея сословнаго и общественнаго положенія, независимо отъ ея богатства, бѣдности, пола, возраста, вообще внѣшнихъ условій, случайныхъ или мнимыхъ преимуществъ, которые наконецъ хотятъ дать возможность всѣмъ людямъ честно трудиться и жить, открывъ всѣмъ пути образованія и общественной дѣятельности, уничтоживъ отсталый взглядъ на женщину, существующій во многихъ классахъ нашего общества, — взглядъ, въ силу котораго женщина признается какимъ-то получеловѣкомъ, неспособнымъ ни къ умственному образованію, ни къ самостоятельной дѣятельности въ обществѣ, семействѣ, назначеннымъ самой природой быть не болѣе какъ самкой, служить прихотямъ мужчины, зависѣть отъ него во всемъ, однимъ словомъ, быть въ обществѣ какимъ-то жалкимъ паразитомъ.

Надъ всѣми подобными трудами нашихъ лучшихъ людей въ пользу меньшихъ братій, надъ всѣми благородными усиліями лучшаго современнаго общества пересоздать *себя*, поставить свою жизнь на новыхъ человѣческихъ, разумныхъ началахъ насмѣхается новый фельетонистъ «Библіотеки для Чтенія», Никита Безрыловъ, да еще какъ самоувѣренно насмѣхается-то! Такого гнуснаго, такого позорнаго для человѣческаго смысла смѣха намъ не случалось слыхать никогда!—Мы понимаемъ очень хорошо, что человѣкъ, надѣленный ограниченнымъ умомъ отъ природы, закоснѣвшій въ постоянной лѣни и безпутствѣ, можетъ дойти до полнаго отупѣнія къ движенію всякой новой мысли, можетъ не понимать самыхъ простыхъ новыхъ началъ и воззрѣній, выработанныхъ путемъ теоріи, и по невѣжеству своему можетъ насмѣхаться надъ ними пошло, глупо и вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою разумѣется, все-таки вредно для общественнаго развитія; но мы не

можемъ понять, какимъ образомъ даже самый ограниченный человѣкъ можетъ дойти до такого отупѣнія, чтобы не только не признавать, но еще позволить себѣ насмѣхаться надъ истинами, для уразумѣнія которыхъ не требуется никакихъ усилій мысли, въ несомнѣнности которыхъ убѣждаетъ каждаго его собственное сердце и хотя какое нибудь уваженіе къ самому себѣ. Если здѣсь дѣйствительно одно только тупоуміе,—то это тупоуміе безпримѣрное, далѣе котораго идти положительно невозможно. И новый русскій писатель Никита Безрыловъ по одному этому, если даже не предполагать въ немъ никакой гнусности,—явленіе въ высшей степени замѣчательное и рѣдкое! Принадлежитъ-ли онъ, Никита Безрыловъ, къ числу рожденныхъ, или какъ-нибудь случайно попалъ въ человѣческое общество? Есть-ли въ немъ человѣческое сердце? Шевелилась-ли въ немъ когда-нибудь человѣческая мысль, волновало-ли его когда-нибудь и какое-нибудь человѣческое чувство? Покраснѣлъ-ли онъ хоть разъ, когда писалъ свой фельетонъ, или даже такая капитальная глупость могла пройти черезъ его душу, не возбудивъ въ немъ отвращенія къ самому себѣ?—Всѣ эти вопросы въ высшей степени интересуютъ насъ, но еще болѣе, чѣмъ личность Никиты Безрылова, интересуетъ насъ личность редактора «Библіотеки для Чтенія», г. Писемскаго. Кто Безрыловъ? Личность темная, никому неизвѣстная, являющаяся въ литературѣ въ первый разъ, личность, не имѣющая никакого значенія. Напечатай Никита Безрыловъ свой фельетонъ отдѣльной брошюрой, брошюрки этой никто не зналъ-бы. Но устами Никиты Безрылова говоритъ цѣлая редакція журнала, во главѣ которой стоитъ г. Писемскій.

Писемскій! Кто не помнитъ, сколько когда-то надеждъ сосредоточивала русская публика на этомъ имени? - Съ какимъ сочувствіемъ привѣтствовала она каждое новое его произведеніе? Съ какимъ довѣрчивымъ упорствомъ многіе доселѣ надѣются услышать отъ г. Писемскаго *новое слово*, въ полномъ убѣжденіи, что г. Писемскій всею душою преданъ интересамъ современнаго движенія русскаго общества, что его сердце наболѣло и изныло при видѣ тѣхъ безчисленныхъ препятствій, какія новыя идеи встрѣчаютъ при своемъ появленіи въ русскомъ обществѣ!

А г. Писемскій между тѣмъ прехладнокровно, устами такого мудраго мужа, какъ Никита Безрыловъ, изрекаетъ анаѳемы, которымъ позавидовалъ бы даже Викторъ Ипатьичъ Аскоченскій.»

Дѣлая затѣмъ вышеприведенныя нами выписки изъ фельетона Никиты Безрылова, фельетонистъ «Искры» въ заключеніе своей статьи восклицаетъ:

«Долго мы не хотѣли вѣрить, чтобы это произведеніе Никиты Безрылова явилось въ «Библіотекѣ для Чтенія» съ вѣдома г. Писемскаго. Мы полагали, что г. Писемскій не читалъ его до напечатанія (что хотя странно для редактора, но тѣмъ не менѣе иногда возможно, не только по невниманію редактора къ своему дѣлу, но и по множеству занятій) и по прочтеніи не преминетъ печатно извиниться передъ публикой въ своемъ недосмотрѣ и объяснитъ причины появленія такой дикой нелѣпости въ его журналѣ. Ничего подобнаго однакожъ не случилось. Прошло болѣе мѣсяца со времени выхода въ свѣтъ декабрь-

ской книжки «Библіотеки для Чтенія», а г. Писемскій все молчитъ. Не можетъ быть болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что г. Писемскій раздѣляетъ воззрѣніе Никиты Безрылова. Позволимъ же и мы себѣ высказать откровенно и безцеремонно наше мнѣніе по этому дѣлу.

«Прошли тѣ времена, когда литературную извѣстность можно было пріобрѣтать ловкой фразой, сладкимъ стихомъ, даже блестящимъ остроуміемъ, даже умѣньемъ сочинять повѣсти и романы. Нынѣ всякому, даже и не учившемуся въ семинаріи, извѣстно, что талантъ, который не имѣетъ искренняго стремленія служить общественному дѣлу, не заслуживаетъ никакого уваженія, а талантъ, употребляющій свои слова на разрушеніе этого дѣла, достоинъ всякаго презрѣнія. Это общее убѣжденіе раздѣляемъ и мы, — и съ настоящаго времени имя г. Писемскаго въ нашемъ журналѣ будетъ нераздучно съ именемъ г. Аскоченскаго».

Въ январьской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» за 1862 г. послѣдовали на эту филиппику два отвѣта. Одинъ, подписанный именемъ самого Писемскаго, гласилъ:

«Предоставивъ фельетонисту «Библіотеки для Чтенія» вѣдаться со своими противниками, я всѣ ругательства, помѣщенныя въ «Искрѣ» и касающіяся собственно меня и моихъ убѣжденій, отдаю на судъ публики, которой, смѣю думать, достаточно уже извѣстны и мои симпатіи, и мои антипатіи. Какъ ни слабы мои труды, но моимъ непотворствомъ ни вправо, ни влѣво, я — понятно — заслужилъ честное имя, которое не будетъ вычеркнуто въ глазахъ моихъ соотечественниковъ взмахомъ пера какихъ-то рьяныхъ и неизвѣстныхъ мнѣ оскорбителей моихъ».

Второй отвѣтъ, подписанный псевдонимомъ Никиты Безрылова, былъ наполненъ ругательствами, не уступавшими по своей рѣзкости и грубости филиппикѣ «Искры». Такъ напримѣръ, Никита Безрыловъ объявляетъ, что онъ — радикалъ, а его противники — шарлатаны, докторишки, такъ какъ, замазавши больному то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ общее разстройство организма, они увѣряютъ его, изъ личныхъ выгодъ, что онъ уже здоровъ, и далѣе Никита Безрыловъ грозится, что къ Святой недѣлѣ составитъ проэктъ новаго чтенія въ пользу бездарныхъ фельетонистовъ, окончательно прогнанныхъ изъ всѣхъ журналовъ, вслѣдствіе поднятія умственнаго уровня литературы, но противниковъ своихъ и тамъ не поименуетъ, потому что помѣститъ только тѣхъ литераторовъ, которыхъ заслуги литература цѣнитъ и уважаетъ.

Но забавнѣе всего, что послѣ цѣлаго потока ожесточенной брани Никита Безрыловъ заявляетъ о своемъ спокойствіи, оканчивая фельетонъ слѣдующими словами:

«Поняли ли вы наконецъ меня и чувствуете ли, какъ я выше васъ: я даже не разсердился на васъ чему доказательствомъ мой спокойный

томъ; а между тѣмъ я Богъ знаетъ какихъ эпитетовъ могъ бы надавать вамъ, сказать, напримѣръ, что бездарность ваша въ высокой степени замѣчательна, необразованіе извѣстно всѣмъ и каждому, а гражданскія добродѣтели болѣе чѣмъ подъ сомнѣніемъ; но я этого не говорю, потому что даже и не знаю, кто вы лично такіе!»

Послѣ этого отвѣта Писемскаго издатели «Искры», В. С. Курочкинъ и Степановъ, обратились къ нему съ вызовомъ на дуэль, но Писемскій наотрѣзъ отказался отъ дуэли.

Къ несчастью для Писемскаго, его сторону приняла редакція газеты Стелловскаго и Гіероглифова «Русскій Міръ»; редакторы затѣяли литературный протестъ противъ «Искры», начали собирать подписи и въ № 6 «Русскаго Міра» объявили объ этомъ протестѣ, прибавивъ, что, когда листъ съ подписями находился въ редакціи «Русскаго Міра», подписавшихся было до 30, среди которыхъ встрѣчаются имена почти всѣхъ лучшихъ представителей русской литературы, редакторовъ и сотрудниковъ наиболѣе популярныхъ журналовъ, «Современника» и пр. Противъ этого объявленія въ свою очередь возстала редакція «Современника» и въ № 7 «Искры» было напечатано письмо къ В. С. Курочкину съ подписью всѣхъ членовъ редакціи «Современника»: М. Антоновича, Н. Некрасова, И. Панаева, А. Пыпина и Н. Чернышевскаго, въ которомъ редакція заявляетъ:

«Какія подписи лицъ, принадлежащихъ къ нашему журналу, могла видѣть на этомъ протестѣ редакція газеты «Русскаго Міра», мы не знаемъ, потому что не видѣли этого протеста. А не видѣли мы его потому, что господа собиратели подписей къ этому протесту не обращались къ намъ и съ вопросомъ о томъ, согласимся ли мы подписать ихъ протестъ, и въ этомъ случаѣ они поступили очень благоразумно, потому что мы вполнѣ одобряемъ ту статью «Искры», противъ которой, по объясненію редакціи «Русскаго Міра», хотятъ они протестовать».

Вся эта прискорбная исторія произвела на Писемскаго такое потрясающее впечатлѣніе, что, по словамъ Анненкова, онъ впалъ въ то состояніе изнеможенія, какое находило на него при всякихъ крупныхъ неудачахъ жизни. Онъ отказался отъ редакціи «Библіотеки для Чтенія», разорвалъ всѣ связи съ Петербургомъ, отказавшись въ то же время и отъ участія въ дѣлахъ литературнаго фонда, и со всей семьей переселился въ началѣ 1862 года въ Москву.

Конечнымъ результатомъ разрыва съ прогрессивнымъ лагеремъ и со всѣмъ движеніемъ 60-хъ годовъ былъ, какъ извѣстно, романъ «Взбаломученное Море», появившійся въ 1863 г. на

страницахъ «Русскаго Вѣстника». Исторія писанія этого романа изложена П. Д. Боборыкинымъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующимъ образомъ:

«Поѣздка заграницу, на лондонскую выставку, знакомство съ русскими эмигрантами, разные случаи, анекдоты, нѣсколько курьезныхъ типовъ тогдашнихъ пропагандистовъ закрѣпили въ Писемскомъ желаніе набросать широкую картину взбаламученнаго русскаго общества. Онъ приступилъ къ этому труду вполнѣ искренне; я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь. Помню, въ сентябрѣ 1862 года, Писемскій доканчивалъ, кажется, первую часть или во всякомъ случаѣ писалъ ее: онъ повторялъ все, что для него этотъ романъ — дѣло душевной потребности, хотя онъ напередъ знаетъ, что его предадутъ проклятію въ тогдашней передовой журналистикѣ. Онъ не остановился передъ соображеніемъ, что и фотографическій снимокъ съ разныхъ курьезовъ пропаганды и радикализма будетъ все-таки рискованнымъ поступкомъ рискованнымъ не въ смыслѣ только личной репутаціи, а просто какъ скороспѣлое обобщеніе. Писалъ онъ свой романъ очень горячо и скоро. Процессъ писанья былъ такой, сколько помню: сначала черновой набросокъ, иногда даже карандашемъ; этотъ набросокъ переписывался тотчасъ же и къ нему дѣлались прибавленія, иногда приклеивались цѣлые листы, и только уже третья редакція представляла собою настоящій текстъ. Весь конецъ 1862 года пошелъ на эту работу. Въ доказательство того, что Писемскій не считался тогда и въ «Современникѣ» реакціоннымъ романистомъ, я приведу слѣдующій случай. Одинъ изъ членовъ редакціи «Современника» пріѣзжалъ къ Писемскому за нѣсколько минутъ до моего прихода начать переговоры о романѣ. Первыя двѣ части я слышалъ въ чтеніи самого автора, у него на вечерахъ, и тогда по содержанію ихъ нельзя было видѣть, что романъ выйдетъ весьма непріятный для молодежи».

П. Д. Боборыкинъ очевидно запамятовалъ годы представляемыхъ имъ фактовъ. Не могъ Писемскій въ концѣ 1862 года ни читать на своихъ вечерахъ первыя двѣ части своего новаго романа, ни вступать въ какіе-либо переговоры съ редакціей «Современника» (это послѣ протеста-то!), такъ какъ онъ въ это время былъ уже въ Москвѣ! Но совсѣмъ въ другомъ видѣ представится дѣло, если мы на одинъ только годъ передвинемъ назадъ то, что передаетъ П. Д. Боборыкинъ. Въ концѣ 1861 года у Писемскаго могли быть уже готовы первыя части романа; онъ ихъ читалъ на своихъ вечерахъ, и слухи о нихъ могли дойти до редакціи «Современника». Хотя и въ то время отношенія редакціи къ Писемскому были уже нѣсколько натянуты, но не до такой еще степени, чтобы немыслимо было начать переговоры о печатаніи романа, и къ тому же Писемскій не подавалъ еще повода видѣть въ немъ непримиримаго реакціонера, какимъ онъ проявилъ себя не въ концѣ, а въ самомъ началѣ 1862 года.

Въ этомъ убѣждаетъ насъ и та поразительная разница, какая существуетъ между первыми тремя частями романа и послѣдующими.

Въ первыхъ трехъ частяхъ мы видимъ все-того же Писемскаго, какимъ мы его знаемъ во всѣхъ предыдущихъ его произведеніяхъ. Исключая двухъ-трехъ мѣстъ, части эти безъ малѣйшей натяжки и дисгармоніи могли-бы быть напечатаны въ «Современникѣ». Вторая же половина очевидно написана уже въ 1862 году подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ происшедшаго разрыва: она преисполнена не только реакціоннаго направленія, но и крайняго негодованія и озлобленія.

Въ общемъ романъ производитъ мрачное впечатлѣніе безъисходнаго отчаянія. Если всѣ предыдущія произведенія Писемскаго были преисполнены пессимизма, то можно представить себѣ, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ дошелъ этотъ пессимизмъ подъ вліяніемъ того погрома, какой пережилъ Писемскій во время писанія романа. Все русское общество представляется въ немъ въ видѣ безотраднаго моря, на поверхности котораго замѣчается много радужныхъ отливовъ; въ глубинѣ же таится страшная бездна, кишащая самыми отвратительными чудовищами, безкровными рыбами и мерзкими улитками, приросшими къ камнямъ, покрытымъ скользкою вонючею тиной. Мы уже знаемъ, въ какомъ безобразномъ видѣ представляетъ Писемскій народъ (отупѣлымъ, спившимся, приходящимъ въ звѣрское неистовство подъ вліяніемъ отравленной водки и безпрестанно вслѣдствіе этого попадающимъ въ каторгу). Интеллигенція рисуется имъ еще въ болѣе мрачныхъ и ужасающихъ краскахъ.

Такъ, на первомъ планѣ рисуется передъ нами герой романа—Баклановъ, котораго Писемскій опредѣляетъ такъ:

«Герой мой—во-первыхъ не герой, а обыкновенный смертный изъ нашей, такъ называемой, образованной среды. Онъ праздно выросъ, не дурно поучился, поступилъ по протекціи на службу, благородно и лѣниво послужилъ, выгодно женился, совершенно не умѣлъ распоряжаться своими дѣлами, и больше мечталъ, какъ бы пошалить, порѣзвиться и попріятнѣй провести время. Онъ—представитель того разряда людей, которые до 55-го года замирали отъ восторга въ итальянской оперѣ и считали, что это высшая точка человѣческаго назначенія на землѣ, а потомъ сейчасъ же стали съ увлеченіемъ и вѣрою школьниковъ читать потихоньку «Колоколъ». Внутри, въ душѣ, у этихъ господъ нѣтъ, я думаю, никакого самодѣланія; но зато натираться чѣмъ вамъ угодно снаружи—величайшая способность!»

Баклановъ—такимъ образомъ полное олицетвореніе людей, развивавшихся на почвѣ жизни даровой, праздной и безсодержательной. Исполненный въ то же время тщеславія, онъ на гимназической скамьѣ привыкъ уже корчить изъ себя картиннаго героя въ духѣ Марлинскаго. Пожавши подъ столомъ ручку кузинѣ, онъ уже хвастается товарищу Венявину:

«— А было, что я сталъ къ ней въ такія отношенія, при которыхъ уже пятиться нельзя! прибавилъ онъ съ разстановкой.

Венявинъ даже поблѣднѣлъ.

— Какъ такъ?

— Такъ!

И Александръ еще дальше закинулъ голову назадъ.

— Она была, продолжалъ онъ, закрывая глаза — грустна, какъ падшій ангелъ... Только и молила: «Что вы, что вы со мною дѣлаете?»... Но я былъ бѣшеный, прибавилъ онъ, сжимая кулаки».

Когда потомъ падшій ангелъ пококетничалъ немного съ флигель-адъютантомъ, Баклановъ воспылалъ ревностью и, уѣзжая въ Москву, въ университетъ, трагически проговорилъ: «Если не нашелъ въ прекрасномъ, такъ найду въ дурномъ!..»

И картинный геройчикъ предался студенческимъ пирушкамъ и скандаламъ, воображая, что онъ топитъ въ этомъ времяпровожденіи свою бурную страсть.

Такимъ же негодяемъ является затѣмъ онъ и въ жизни: жалокъ и гадокъ онъ и тогда, когда силою растлѣваетъ въ своемъ имѣніи крестьянскую дѣвушку, и когда стыдится ѣхать со своей матерью, и когда въ припадкѣ ревности къ Софи Леневой швыряетъ стулья и подсвѣчники въ ея домѣ, и когда женится на Евпраксіи изъ одного сластолюбиваго любопытства, что̀ за существо эта дѣвушка и какъ она будетъ любить. Жалокъ и гадокъ онъ и въ ночной омерзительной сценѣ съ Казимирой, и въ своей поѣздкѣ съ Софи Леневой въ Петербургъ тихонько отъ жены. Во всемъ этомъ вы видите безхарактернаго, пошлаго селадона, растлѣннаго до мозга костей.

Не уступаетъ въ своей дрянности Бакланову и героиня романа, Софи Ленева. Родившись въ бѣдномъ дворянскомъ семействѣ, Софи вынесла изъ дѣтства одну жажду—выбиться изъ подавляющей бѣдности какими бы то ни было средствами, для того чтобы жить въ волюшку, чтобы роскошью и блескомъ затмить всѣхъ окружающихъ. Для доставленія себѣ этого она готова продавать себя на каждомъ шагу; такъ, сначала продалась она мужу, старому, пзжившему, зато богатому помѣщику, затѣмъ—откупщику. Сколотивши

денженки цѣною своей красоты, она поѣхала заграницу транжирить даромъ доставшіеся капиталы и мѣнять въ каждомъ городѣ любовниковъ, пока наконецъ за долги не попала въ Лондонское клиши. Далѣе вы видите мрачную агонію старорусской семейной жизни въ семьѣ Басардиныхъ. Печальна судьба Надежды Павловны Басардиной, вышедшей замужъ за полуидіота, чтобъ только дѣться куда нибудь и избавиться отъ монотонной, затхлой, невыносимой жизни въ домѣ сестры. А всѣ эти семейныя хлопоты и дрязги, гонка за богатыми тетушками, выпрашиванье тепленькихъ мѣстечекъ, чтобы какъ нибудь поправить финансы и устроить семью,—все это наводитъ на васъ тяжелую, свинцовую тоску. Особенно мрачно рисуется передъ вами типъ молодого Басардина, этой жертвы корпуснаго воспитанія, колотящаго будочниковъ по зубамъ, обѣдающаго даромъ въ трактирахъ, жаднаго къ деньгамъ, чувственнаго и низкаго. А далѣе за Басардинымъ открывается передъ вами цѣлый омутъ циниковъ и идіотовъ, блудниковъ и блудницъ, администраторовъ и откупщиковъ, совершающихъ подъ прикрытіемъ власти и денегъ уголовныя преступленія, отъ которыхъ волосы могутъ встать дыбомъ. Чего стоитъ одинъ типъ Іоны-циника, достойный пера Гоголя, такъ и просящійся въ «Мертвыя Души».

Однимъ словомъ въ этой картинѣ вы видите безусловное отрицаніе Писемскимъ всей нашей прошлой, дореформенной жизни. Но отрицая все прошлое, Писемскій отрицаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все то движеніе, которое пережило наше общество.

«Не мы виноваты,—оправдывается онъ въ своемъ пессимизмѣ,—что въ быту нашемъ много грубости и чувственности, что такъ называемая образованная среда привыкла говорить фразы, привыкла или ничего не дѣлать, или дѣлать вздоръ, что, не цѣня и не прислушиваясь къ нашей главной народной силѣ, здравому смыслу, она кидается на первый фосфорическій свѣтъ, гдѣ бы и откуда ни мелькнулъ онъ, и дѣтски вѣритъ, что въ немъ вся сила и спасеніе.

Въ началѣ нашего труда, при раздававшемся около насъ со всѣхъ сторонъ говорѣ, шумѣ и трескѣ, ясное предчувствіе говорило намъ, что это не буря, а только рябь и пузыри, отчасти надутые извнѣ, а отчасти появившіеся отъ поднявшейся снизу разной дряни. Событія какъ нельзя лучше оправдывали наши ожиданія.»

А въ другомъ мѣстѣ онъ проводитъ ту же мысль еще яснѣе, влагая ее въ уста одному изъ своихъ героевъ—Веригину.

«— Неужели же во всемъ послѣднемъ движеніи вы не признаете никакого смысла? спросилъ Баклановъ.

Веригинъ усмѣхнулся.—Никакого!.. одно только обезьянство, игра въ обѣдню, какъ дѣти вонъ играютъ.

— Хороша игра въ обѣдню, за которую въ крѣпость попадаютъ сказалъ Баклановъ.

— Очень жаль этихъ господъ въ ихъ положеніи, возразилъ Вергинъ—тѣмъ болѣе, что, говоря откровенно, они плоть отъ плоти нашей, кость отъ костей нашихъ. То, что мы дѣлали крадучись, чему потихоньку симпатизировали, они возвели въ принципъ, въ систему: это наши собственныя сѣмена, только-что распустившіяся въ букетъ.

— Если подъ движеніемъ разумѣть -началъ Юрасовъ—собственно революціонное движеніе, такъ оно конечно безсмыслица, но движеніе – въ смыслѣ реформъ!..

Вергинъ придалъ какое-то странное выраженіе своему лицу.»

Сообразно такому взгляду, что все движеніе представляется ничѣмъ инымъ, какъ распустившимися сѣменами прежнихъ мерзостей, по пословицѣ яблоко отъ яблони падаетъ недалеко, Писемскій всю соль своей сатиры основалъ на томъ, что представителями движенія въ своемъ романѣ сдѣлалъ тѣ самыя личности, которыя въ столь мрачномъ видѣ рисуются у него въ первыхъ трехъ частяхъ романа, изображающихъ дореформенную жизнь. Читая романъ его, можно подумать, что все движеніе только въ томъ и заключалось, что Баклановы, Софи Леневы, Басардины, Галкины и пр., и пр. внезапно сорвались съ цѣпи и подѣлались ярыми радикалами, оставаясь всѣ тѣми-же негодяями и уродами, какими были и прежде,— и ничего сколько нибудь свѣтлаго, отраднаго и обновляющаго движеніе не принесло, ни одной личности не выдвинуло сколько нибудь почтенной и достойной уваженія.

Понятно послѣ этого, что романъ Писемскаго былъ встрѣченъ общимъ негодованіемъ почти всей прессы. На Писемскаго возстали не одни критики прогрессивныхъ органовъ въ лицѣ М. А. Антоновича въ «Современникѣ» и Зайцева въ «Русскомъ Словѣ», но и умѣренныя, полуконсервативныя «Отечественныя Записки» не могли не признать во «Взбаломученномъ Морѣ» нелѣпаго пасквиля на молодое поколѣніе. Однимъ словомъ, Писемскій вооружилъ противъ себя людей самыхъ противоположныхъ взглядовъ и никому не угодилъ. Но всего болѣе покоробило въ романѣ Писемскаго всѣхъ благомыслящихъ людей то обстоятельство, что писатель, способный творить такіе, чисто гоголевскіе типы, какъ Іона-циникъ, унизился въ своемъ романѣ до грубаго шаржа, выставивъ рядъ безобразныхъ карикатуръ, въ которыхъ подъ прозрачными псевдонимами легко было узнать общеизвѣстныхъ личностей, парадировавшихъ въ то время на аренѣ общественной жизни. Въ одномъ этомъ обнаруживалось уже паденіе таланта.

VI.

Послѣдній московскій періодъ жизни Писемскаго.—Его обезпеченіе.—Произведенія этого періода.—Паденіе таланта и популярности.—Болѣзни.—Юбилей двадцатипятилѣтія литературной дѣятельности Писемскаго.—Участіе въ празднествахъ по случаю открытія памятника Пушкину.—Смерть.—Мнѣніе П. В. Анненкова о Писемскомъ, какъ человѣкѣ и писателѣ.

Съ переѣздомъ Писемскаго въ 1863 г. въ Москву начинается новый и послѣдній періодъ его жизни. Первоначально Писемскій пристроился къ «Русскому Вѣстнику», принявши подъ свое завѣдываніе беллетристическій отдѣлъ журнала. Въ 1866-мъ-же году онъ поступилъ по протекціи министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева въ совѣтники губернскаго правленія. Вообще въ матеріальномъ отношеніи въ этотъ періодъ жизни Писемскій былъ такъ обезпеченъ, какъ никогда прежде, и достигъ повидимому всего, чего добивался всю жизнь. Литературный трудъ его теперь оплачивался очень дорого, по 250 р. за листъ, вслѣдствіе чего за свои романы ему приходилось получать довольно крупные куши, тысячъ въ двѣнадцать, въ десять. За комедію «Финансовый геній» газета Гатцука заплатила ему тысячу рублей. При такихъ условіяхъ, обладая отъ природы скопидомствомъ, Писемскій настолько со временемъ округлилъ свое состояніе, что могъ оставить и редакторскія обязанности въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а въ 1873 г. и службу. Съ конца шестидесятыхъ годовъ въ Москвѣ, въ Борисоглѣбскомъ переулкѣ на Поварской, Писемскій купилъ небольшой клочокъ земли, обстроилъ его чистыми наемными помѣщеніями, подъ собственнымъ наблюденіемъ, и съ замѣчательнымъ разсчетомъ пространства и воздуха отвелъ себѣ на дворѣ особый флигель съ садикомъ, отдѣлавъ его для спокойной трудовой жизни очень тщательно.

Казалось, ничто не препятствовало Писемскому спокойно, мирно и счастливо доживать въ своей семьѣ послѣдніе годы своего существованія. Тѣмъ не менѣе этотъ послѣдній періодъ былъ самымъ мрачнымъ во всей его жизни, и подъ личиной внѣшняго благосостоянія таилось много горя и душевныхъ страданій.

Начать съ того, что въ литературной дѣятельности Писемскаго послѣ «Взбаломученнаго Моря» и «Лгуновъ» (напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1864 г.) послѣдовалъ рѣзкій переломъ, и, дойдя въ вышеозначенныхъ произведеніяхъ до высокаго развитія своего творчества, Писемскій съ поразительной быстро-

той покатился внизъ. По крайней мѣрѣ всѣ послѣдующія произведенія, появившіяся позже 1864 года, цѣлою пропастью отдѣляются отъ предыдущихъ; въ нихъ и слѣда не замѣтно прежняго Писемскаго, и всѣ они обнаруживаютъ такое крайнее паденіе таланта, подобнаго которому вы не найдете въ русской литературѣ.

Таковы были, во-первыхъ, напечатанныя во «Всемірномъ Трудѣ» Хана въ 1867 и 1868 годахъ три трагедіи Писемскаго: «Самоуправцы», «Боевые соколы» и «Поручикъ Гладковъ». Въ 1869 году въ «Зарѣ» печатался романъ «Люди сороковыхъ годовъ», — извѣстный намъ по тѣмъ автобіографическимъ матеріаламъ, которые мы изъ него извлекли. Въ 1871 году въ «Бесѣдѣ» появился романъ «Въ Водоворотѣ».

Затѣмъ Писемскій написалъ рядъ памфлетическихъ комедій, въ которыхъ онъ клеймилъ язву того времени—различнаго рода финансовыхъ тузовъ, въ видѣ концессіонеровъ, директоровъ банковъ и акціонерныхъ предпріятій, биржевыхъ игроковъ, червонныхъ валетовъ и т. п. Таковы, начиная съ 1873 года и по 1876, комедія его «Подкопы», «Ваалъ», Просвѣщенное время» и «Финансовый геній». Писемскій большое значеніе придавалъ этимъ своимъ произведеніямъ. Такъ, въ одномъ письмѣ онъ между прочимъ говоритъ:

«Сначала я обличалъ глупость, предразсудочность, невѣжество, смѣялся надъ дѣтскимъ романтизмомъ и пустозвонными фразами, боролся противъ крѣпостного права, преслѣдовалъ чиновничьи злоупотребленія, обрисовывалъ цвѣтки нашего нигилизма, котораго теперь ужъ созрѣваютъ плоды, и въ концѣ концовъ принялся за сильнѣйшаго можетъ быть врага человѣческаго, за *Ваала и за поклоненіе золотому тельцу*, и только въ прошломъ году былъ глубоко утѣшенъ тѣмъ, что мѣщане и купцы (что́ подъ этими кличками я разумѣю—вы уясните себѣ изъ романа моего «Мѣщане») отодвинуты на задній планъ и въ массѣ случаевъ опозорены. Открылось воочію всѣхъ, что мошенничество разныхъ предпринимателей и поставщиковъ колоссальны, что торговля идетъ на постыднѣйшемъ обманѣ; банковскія воровства чуть не каждодневно совершались и совершаются, и подъ всею этою мерзостью, какъ чистые ангелы, возсіяли наши солдаты и офицеры,—но довольно. Всего не перескажешь, что кипитъ и волнуется въ моей ужъ, кажется, старческой душѣ».

Подобное высокое мнѣніе о своихъ обличительныхъ комедіяхъ Писемскій составилъ конечно подъ живымъ впечатлѣніемъ сцени-

ческаго успѣха ихъ. Онъ ставилъ на видъ, что публика помимо аплодисментовъ словесно благодаритъ его за то, что онъ «хоть на сценѣ по крайней мѣрѣ казнитъ этихъ негодяевъ, до которыхъ суду еще долго не добраться.»

Но успѣхъ этотъ былъ крайне относителенъ и эфемеренъ и основывался исключительно на сенсаціи выведенія на сцену въ грубомъ шаржѣ личностей, въ которыхъ публика узнавала знакомыхъ ей представителей финансоваго міра. Поэтому пьесы его не могли долго держаться на сценѣ, скоро теряя интересъ дня. Какъ ничтожно въ то же время было ихъ художественное значеніе, можно судить по тому, что даже дружественный Писемскому журналъ «Русскій Вѣстникъ» не рѣшился напечатать пьесу его «Финансовый геній» на своихъ страницахъ, о чемъ Писемскій сообщаетъ въ письмѣ къ П. В. Анненкову.

«Черезъ Тургенева я вчера послалъ вамъ экземпляръ моей новой пьески, именуемой «Финансовый геній», которую, какъ вы увидите, я напечаталъ въ маленькой газеткѣ Гатцуга вслѣдствіе того, что съ этой пьеской произошелъ странный случай. Я отправилъ ее въ «Русскій Вѣстникъ», какъ въ единственный журналъ, съ которымъ у меня сохранились нѣкоторыя отношенія, но, увы! и тамъ изъ разныхъ, какъ мнѣ говорили, новыхъ сотрудниковъ образовалась враждебная мнѣ партія, которая поспѣшила мнѣ возвратить мою рукопись, за негодностью къ напечатанію.»

Послѣ паденія «Финансоваго генія», который едва выдержалъ три представленія, Писемскій снова принялся за романы и въ послѣдніе четыре года своей жизни написалъ ихъ два — «Мѣщане» и «Масоны».

Оба эти романы были такъ безцвѣтны, вялы и скучны, что даже И. С. Тургеневъ, отзывавшійся о послѣднихъ произведеніяхъ Писемскаго крайне снисходительно и всячески старавшійся ободрить его, писалъ ему послѣ чтенія «Мѣщанъ».

«Чтеніе «Мѣщанъ» доставило мнѣ много удовольствія, хотя конечно поставить этотъ романъ на одну высоту съ «Тысячью Душъ», «Взбаломученнымъ Моремъ» и другими вашими крупными вещами нельзя; но вы сохранили ту силу, жизненность и правдивость, которыя особенно свойственны вамъ и составляютъ вашу литературную физіономію. Виденъ мастеръ, хотя и нѣсколько усталый, думая о которомъ, все еще хочется повторить: «Вы, нынѣшніе, нутка!»

Писемскій отвѣчалъ ему на это: «касательно романа вы совершенно справедливо сказали: я дѣйствительно усталъ писать, а еще болѣе этого жить, тѣмъ болѣе, что хоть конечно старость не

радость для всѣхъ, но у меня она особенно уже нехороша и исполнена такихъ мрачныхъ страданій, какихъ не желалъ-бы я и злѣйшему врагу своему.»

И эти слова не были фразой, вырвавшейся въ минуту случайнаго сокрушенія. Писемскій выразилъ здѣсь вполнѣ рельефно то душевное состояніе, которое не покидало его впродолженіи всего періода его московской жизни. Внѣшне обезпеченный, по наружности счастливый человѣкъ, на самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя ежеминутно глубоко несчастнымъ. Потеря популярности, этого жизненнаго элексира, который одинъ только можетъ поддержать энергію писателя и составляетъ все утѣшеніе жизни его,—была червякомъ, который вѣчно глодалъ его сердце и, не давая ему ни минуты покоя, подтачивалъ его силы. Тщетно старались ободрить его друзья; тщетно и самъ онъ старался утѣшить себя призрачнымъ успѣхомъ своихъ послѣднихъ произведеній. Не могъ не чувствовать онъ паденія своихъ силъ и угасанія творчества, не могъ быть нечувствительнымъ и къ отзывамъ прессы, которая съ каждымъ новымъ произведеніемъ его становилась къ нему немилостивѣе и безжалостнѣе и, можно сказать, заживо отпѣвала его. Напрасно старался онъ относиться къ своимъ зоиламъ съ гордымъ презрѣніемъ, обзывая ихъ «разными газетными и общественными гадинами» и утѣшая себя тѣмъ, что «въ нашей критикѣ, почти исключительно захваченной за послѣднія пятнадцать лѣтъ газетами, царитъ хаосъ или, точнѣе сказать, «безобразіе, такъ что даже масса публики, далеко неразборчивая, не читаетъ критическихъ статей и не вѣритъ имъ, потому что всѣ мнѣнія ихъ авторовъ или писцовъ или тенденціозны, или невѣжественны, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и продажны.» Здравый смыслъ не могъ не подсказать Писемскому, что если даже предположить всѣхъ критиковъ его поголовно людьми самыми низкими и ничтожными, то обычное свойство такихъ людей—пресмыкаться передъ силою, пока она въ полномъ разцвѣтѣ, и тѣмъ яростнѣе нападать на нее, чѣмъ очевиднѣе ея паденіе.

И дѣйствительно, рука объ руку съ недовольствомъ людьми шло у Писемскаго недовольство и самимъ собою. «Мы встрѣтились,—разсказываетъ г. Авсеенко въ своихъ воспоминаніяхъ о Писемскомъ,—въ первый разъ въ 1869 г. Алексѣй Өеофилактовичъ тогда только-что окончилъ самый большой свой романъ—«Люди сороковыхъ годовъ» и пріѣхалъ въ Петербургъ—сильно усталый, больной и отчасти, кажется, недовольный собою. Онъ зналъ, что превосходно

удавшіяся второстепенныя лица романа не выкупаютъ бѣдности центральнаго лица, къ судьбѣ котораго авторъ пріурочилъ много автобіографическаго. «Истомился, шестьдесятъ листовъ вѣдь написалъ», жаловался онъ самъ. «Да и вообще усталъ,—говорилъ онъ, въ тотъ-же вечеръ:—вѣдь я, шутка сказать, уже восемсотъ лицъ вывелъ въ своихъ романахъ и повѣстяхъ, и все дрянь какую».

При такихъ условіяхъ и безъ того уже расположенный къ хандрѣ и мнительности, Писемскій съ каждымъ годомъ становился мрачнѣе. «Я окончательно дѣлаюсь мученикомъ моей хандры», писалъ онъ Анненкову въ августѣ 1875 г. «Ипохондрическое настроеніе,—жалуется онъ въ началѣ 1871 г. г-жѣ Бларамбергъ,—владѣетъ мною вполнѣ: ко всякой умственной работѣ полнѣйшее отвращеніе, къ письменному столу подойти нѣтъ силъ».

«Физически я здоровъ,—сообщаетъ онъ около того-же времени Тургеневу:—но никакъ нельзя этого сказать про мою умственную и нравственную сторону: ипохондрія мучитъ меня невыносимѣйшимъ образомъ. Не только что не могу писать, но даже отъ всякаго, хоть сколько-нибудь умственнаго занятія чувствую полнѣйшее отвращеніе, такъ что написать настоящее письмо для меня уже сильный трудъ, который одолѣть я могъ не ранѣе, какъ въ три дня. Слава Богу, что все болѣе и болѣе раскрывающееся во мнѣ религіозное чувство еще дастъ нѣкоторое успокоеніе и подкрѣпленіе моей страдающей душѣ».

Въ мартѣ 1878 г. Писемскій снова жалуется Тургеневу: «подъ какими тягостями и скорбями живемъ мы, и выразить не могу. Каждодневно и на каждомъ шагу только и приходится слышать: умеръ, умеръ, умеръ. Одинъ московскій университетъ потерялъ четырехъ профессоровъ. Актеры тоже мрутъ и между прочимъ Шумскій, но зато процвѣтаютъ газетчики, всякаго рода подрядчики и поставщики, и контористы.» И далѣе Писемскій говоритъ о себѣ: «Мнѣ, по моему душевному настроенію, чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Упадокъ силъ у меня такой, что я едва совладалъ, чтобы написать это, кажись, недлинное письмецо».

Особенно-же увеличилась хандра Писемскаго послѣ того, какъ надъ нимъ неожиданно разразилась страшная катастрофа. Любимый сынъ его, Николай, замѣчательный по уму и благородству характера молодой человѣкъ, только-что блистательно кончившій университетскій курсъ и уѣхавшій въ Петербургъ, гдѣ у него было уже мѣсто и открывались большія надежды на будущее,

внезапно покончилъ жизнь самоубійствомъ, причины котораго остались невыясненными. «Ударъ,—по словамъ П. В. Анненкова,—для Писемскаго-отца былъ сокрушительный въ полномъ смыслѣ слова. По свидѣтельству домашнихъ, онъ уже никогда до самой смерти не поправился послѣ него. Со смертію сына наступила та полоса кажущейся, призрачной жизни, которая имѣетъ подобіе дѣйствительной, настоящей, будучи въ сущности только свидѣтельствомъ ея отсутствія. Она тянулась довольно долго для Писемскаго, благодаря попечительной рукѣ, находившейся возлѣ него. Рука эта потрудилась ввести опять Писемскаго въ колею вседневной, обыкновенной, будничной жизни, которая на душевно-больныхъ дѣйствуетъ болѣе спасительно, чѣмъ обыкновенно думаютъ. По милости обязательныхъ распорядковъ такой жизни, Писемскій возвратился опять къ свѣту, къ своимъ знакомымъ, по временамъ къ юмористическому настроенію и даже къ мечтамъ и затѣямъ своей фантазіи, которыя составляли вторую природу его; но все это уже производилось безъ увлеченія, безъ пыла и страсти. Въ послѣднее время Писемскій походилъ на блѣдную копію съ эффектнаго или съ содержательнаго оригинала. Душевная рана со всѣми мыслями, которыя она пробуждала, никогда уже не закрывалася и медленно, но постоянно разливала отраву по всему существу его».

Нѣтъ ничего удивительнаго, что подъ вліяніемъ безпрерывной хандры отъ природы здоровый, можно сказать, желѣзный организмъ Писемскаго съ каждымъ годомъ началъ все болѣе и болѣе хилѣть. Наступила преждевременная дряхлость. Главнымъ послѣдствіемъ ипохондріи и затѣмъ въ свою очередь причиною массы недуговъ былъ запой, которому Писемскій подвергался съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, особенно-же послѣ смерти сына. «Въ позднѣйшихъ нашихъ встрѣчахъ,—разсказываетъ Анненковъ,—я замѣчалъ годъ отъ году все бо́льшую перемѣну въ Писемскомъ. Онъ замѣтно отяжелѣлъ и осунулся, а красивое лицо, съ крупными умными чертами, его отличавшими, пріобрѣтало все болѣе и болѣе болѣзненное выраженіе. Онъ ничѣмъ не страдалъ, но жаловался на утрату силъ. Помню, что однажды онъ зашелъ ко мнѣ по дорогѣ къ мѣсту служенія, въ форменномъ своемъ вицъ-мундирѣ, и на замѣчаніе, что привольная московская жизнь кончается обыкновенно протестомъ всего организма нашего—отвѣчалъ печально: «Это имѣетъ смыслъ по крайней мѣрѣ, а вотъ я, вставая утромъ съ постели, уже чувствую безъ всякаго повода усталость во всемъ существѣ». Не трудно было угадать, что первый серьезный

недугъ или первое серьезное несчастіе сломитъ этотъ организмъ, надорванный уже мыслью и постояннымъ безпокойнымъ состояніемъ духа, несмотря на внѣшній, крѣпкій составъ его, обманывавшій всѣхъ, кто видѣлъ Писемскаго».

Покинувъ службу въ 1872 году, Писемскій ежегодно лѣтомъ отправлялся заграницу для свиданія съ другимъ оставшимся сыномъ, который приготовлялся въ Геттингенѣ, по порученію московскаго университета, къ занятію мѣста адъюнкта по каѳедрѣ права, равно и для поправленія здоровья. Два лѣта сряду (1874—1875) встрѣчалъ Писемскаго въ Баденѣ Анненковъ, и съ перваго-же раза поразилъ его видъ разрушенія, произведеннаго въ Писемскомъ горемъ и временемъ. Писемскій, по словамъ Анненкова, походилъ на руину. «Грустно было видѣть,—говоритъ онъ,—какъ все существо его приходило въ трепетъ отъ воображаемыхъ близко грядущихъ бѣдствій и искало спасенія вокругъ себя съ покорностью и безпомощностью ребенка. Міръ былъ уже населенъ для него одними страхами, предчувствіями бѣдствій, грозными событіями, которыя при всякомъ случаѣ возникали въ его умѣ, облекаясь плотію, и стояли какъ живыя, да еще и во всеоружіи, придуманномъ для нихъ болѣзненнымъ воображеніемъ страдальца. Такъ однажды, ожидая прибытія сына въ Баденъ, замедлившаго почему-то свой отъѣздъ изъ Геттингена, Писемскій пришолъ въ отчаяніе. Онъ создалъ полную картину крушенія желѣзнодорожнаго поѣзда, на которомъ, по его же соображеніямъ, долженъ былъ находиться несчастный молодой человѣкъ, и умолялъ всѣхъ встрѣчныхъ справиться о мѣстѣ катастрофы и о томъ, куда слѣдуетъ направиться, чтобы подобрать трупъ погибшаго. Никакія объясненія и представленія на него не дѣйствовали; онъ метался цѣлую ночь и весь день въ страшной тоскѣ до тѣхъ поръ, пока не явился на лицо самъ оплакиваемый сынъ. Надо сказать, что какъ сынъ, такъ и жена Писемскаго знали вообще, какъ обращаться съ фантазіями больного. Будущій адъюнктъ профессоръ, напримѣръ, очень серьезно выслушивалъ предостереженія отца относительно осторожнаго перехода черезъ улицу, осмотрительности въ выборѣ лошадей и извощичьяго экипажа и т. д., и безъ улыбки принималъ всѣ его совѣты подобнаго-же рода. Когда цѣной такихъ уступокъ и попеченій покупались минуты душевнаго спокойствія для Писемскаго, онъ становился прежнимъ добродушнымъ и остроумнымъ юмористомъ: анекдоты стараго времени, воспоминанія молодости казались неизсякаемыми; жилка комика пробуждалась изъ

летаргіи и сказывалась въ противопоставленіи характеровъ, имъ встрѣченныхъ, одного другому и т. д. Впрочемъ оживленіе продолжалось обыкновенно недолго, а къ концу жизни—всѣ эти остатки бывалой веселости все болѣе и болѣе смолкали».

Какъ оазисы въ степи, выпали на долю Писемскаго въ эту эпоху его жизни и нѣсколько такихъ свѣтлыхъ впечатлѣній, которыя на нѣкоторое время разсѣевали его сплинъ.—Такое впечатлѣніе доставилъ Писемскому нѣмецкій переводъ «Тысячи Душъ» д-ра Кайслера. Тургеневъ поспѣшилъ обрадовать Писемскаго по этому поводу слѣдующимъ письмомъ отъ 9 окт. 1869 г.:

«Передо мною на столѣ лежитъ нѣмецкій переводъ вашихъ «Тысячи Душъ», изданный въ Берлинѣ, въ двухъ довольно изящныхъ томикахъ. Вѣроятно это вамъ не безъизвѣстно; но что можетъ быть еще не дошло до васъ—это то, что вашъ романъ имѣетъ очень значительный успѣхъ въ Берлинѣ и вообще въ нѣмецкой публикѣ—и что вѣроятно дѣло на этомъ не остановится. Я заглянулъ въ переводъ; кажется, хорошо и вѣрно; переводчикъ (нѣкто д-ръ Кайслеръ) почелъ за нужное кое-что выкинуть, ну, да Богъ съ нимъ! Вотъ и вы шагнули черезъ границы своей родины, и Alexis Pisemsky «станетъ именемъ знакомымъ европейскому уху».

«Лучшій критикъ берлинскій Френцель,—читаемъ мы въ слѣдующемъ письмѣ,—въ № 501 «National Zeitung» посвятилъ вамъ цѣлую статью, гдѣ называетъ вашъ романъ—«рѣдкимъ явленіемъ», я вамъ говорю, вы теперь въ Германіи—извѣстность».

Послѣ присылки Писемскому статьи Френцеля и 5 отрывковъ изъ разныхъ газетъ, расхваливавшихъ романъ Писемскаго, въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ Тургеневъ писалъ:

«Успѣхъ вашихъ «Тысячи Душъ» весьма поощряетъ Кайслера къ предпріятію перевода «Взбаломученное Море». Душевно радуюсь всему этому, во-первыхъ, за васъ, и во-вторыхъ, за русскую литературу вообще. Стало-быть, въ насъ что-то есть, коли нѣмцы, вообще насъ недолюбливающіе и недовѣряющіе намъ, насъ переводятъ. Отзывы нѣмецкой критики о «Тысячѣ Душъ»—всѣ безъ изъятія самыя благопріятные; ваши лица находятъ достойными Диккенса, Теккерея» и т. д.

Но болѣе всего обрадовалъ Писемскаго тотъ фактъ, что Юліанъ Шмидтъ въ его «Zeitgenossensche Bilder» удостоилъ Писемскаго цѣлой статьи, на одномъ ряду съ первоклассными европейскими писателями. Подъ впечатлѣніемъ этой чести и по совѣту Тургенева, Писемскій, въ бытность свою въ Берлинѣ въ 1875 г., посѣтилъ Юліана Шмидта, чтобы лично поблагодарить его за лестный отзывъ. Визитъ однако превратился почти въ пантомиму, такъ какъ ни хозяинъ, ни гость не имѣли возможности произвести достодолжный обмѣнъ мыслей, и горько жаловался Писемскій, опи-

сывая это неудачное свиданіе Тургеневу, на свое «полнѣйшее невѣдѣніе иностранныхъ языковъ».

Еще болѣе радостнымъ событіемъ послѣдняго періода жизни Писемскаго, относящимся къ тому же 1875 году, было празднованіе двадцатипятилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности. «Въ обществѣ любителей русской словесности,—сообщаетъ онъ Тургеневу,—какъ я ни отбояривался, какъ ни приводилъ тысячи резоновъ, однако положили въ нынѣшнемъ январѣ праздновать мой двадцатипятилѣтній юбилей. Все это, разумѣется, на бѣдную сѣдую голову, не чаявшую никакихъ себѣ чествованій, со стороны петербургской журналистики вызвало цѣлое море брани и оскорбленій, но отказаться не было возможности, потому что это значило обидѣть».

Празднованіе состоялось 19-го января 1875 года. Засѣданіе общества любителей россійской словесности, посвященное этому торжеству, открылось въ началѣ второго часа пополудни въ университетской библіотекѣ. Число желавшихъ присутствовать на этомъ собраніи было такъ велико, что, по выраженію С. А. Юрьева, еслибъ можно было увеличить вдвое, втрое размѣры залы университетской библіотеки, то и тогда пришлось-бы многимъ отказать въ выдачѣ входныхъ билетовъ. Юбилейныя рѣчи говорилъ Иловайскій, Алмазовъ и Юрьевъ, причемъ рѣчь І. А. Юрьева произвела наиболѣе сильное впечатлѣніе на все собраніе. Считаемъ нелишнимъ передать ее въ краткомъ изложеніи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»:

«Жизнь общества выражается въ его литературѣ, представителемъ которой является писатель. Въ нашемъ народѣ родятся таланты, и они живутъ не безцѣльно: въ нихъ народъ воплощаетъ самого себя и видитъ свой образъ въ твореніяхъ своихъ избранниковъ, посредствомъ которыхъ доходитъ до самопознанія. То, что для народа будетъ *самопознаніемъ*, то для общества будетъ *сознаніемъ*: въ произведеніяхъ своихъ писателей оно видитъ себя и сознаетъ себя. Литература—это общественное богатство, предъ которымъ ничто—всѣ сокровища міра: отнимите у общества литературу—и оно со всѣми его капиталами, желѣзными дорогами, чиновничьимъ тщеславіемъ и т. п. останется нищимъ: у него не будетъ самосознанія, той высшей славы, этого благоразумнаго и человѣческаго существованія людей. Въ дорогой плеядѣ нашихъ писателей, способствовавшихъ общественному сознанію, стоитъ А. Ѳ. Писемскій. Въ его произведеніяхъ вообще

и драматическихъ въ частности отразился духъ нашего времени, болѣзненные симптомы котораго заставляютъ содрогаться всякое благородное сердце. Съ одной стороны—это страшный недугъ, подобно злой эпидеміи, охватившей собой все наше общество—алчность къ наживѣ, деньгамъ и матеріальнымъ благамъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, а съ другой—чудовищный упадокъ общественной нравственности, отрицаніе самыхъ священныхъ началъ человѣческой жизни и легкость частныхъ и общественныхъ отношеній. Краснорѣчивыми аргументами такой египетской прозы служатъ «Ваалъ» и «Подкопы». Но писатель, помимо отрицательныхъ сторонъ, долженъ представить и положительныя стороны жизни, безъ которыхъ произведенія его, какое бы высокое художественное значеніе они ни имѣли, будутъ лишены права на признаніе въ немъ полнаго выраженія современной жизни; писатель долженъ показать идеалъ, который онъ носитъ въ своей душѣ. Какой-же идеалъ у Писемскаго? Онъ изображаетъ только однѣ аномаліи, язвы и безобразія. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что писатель не имѣетъ идеала. Чѣмъ яснѣе идеалъ у писателя, тѣмъ выше выступаютъ всѣ противорѣчія и уклоненія, и тѣмъ настоятельнѣе и энергичнѣе является въ писателѣ преслѣдованіе тѣхъ противорѣчій: онъ освѣтитъ ихъ свѣтомъ своего идеала и передъ нимъ еще ярче и безобразнѣе возстанутъ эти чудовища жизни».

Писемскій, съ своей стороны, отвѣчалъ на всѣ сдѣланныя ему привѣтствія:

«Милостивыя государыни и милостивые государи! Благодарю за ваше привѣтствіе. Волнующія меня въ настоящую минуту чувствованія мѣшаютъ мнѣ высказать то, что̀ хотѣлось бы сказать. Ограничусь немногими словами. Пройденный мною двадцатипятилѣтній литературный путь, какъ и путь товарищей моихъ по дѣлу, былъ не легокъ. Сознавая всю слабость и недостаточность трудовъ моихъ, я считаю себя вправѣ сказать только то, что я никогда въ нихъ не становился ни подъ чье чужое знамя, худо-ли, хорошо-ли, но всегда писалъ то, что̀ думалъ и чувствовалъ, и ни для какихъ внѣшнихъ и суетныхъ цѣлей не ломалъ и не насиловалъ моего пониманія людей и событій и маленькихъ авторскихъ способностей, которыя даны мнѣ отъ природы. Единственной путеводной звѣздой во всѣхъ трудахъ моихъ было желаніе сказать моей странѣ, по крайнему разумѣнію, хотя можетъ быть и нѣ-

сколько суровую, но все-таки *правду* про нее самое. Насколько я успѣвалъ въ этомъ случаѣ—не мое дѣло судить».

Послѣ чтенія рѣчей начались разныя привѣтствія. Краткій адресъ петербургскихъ литераторовъ былъ подписанъ двадцатью семью лицами, между прочими: Бильбасовымъ, Загуляевымъ, Костомаровымъ, Краевскимъ, С. Максимовичемъ, О. Миллеромъ, А. Потѣхинымъ, Я. Полонскимъ и Черняевымъ. Онъ заканчивается пожеланіемъ, чтобы талантъ Писемскаго продолжалъ «служить общему дѣлу съ присущей ему правдивостью и силой, не тревожась случайными и преходящими недоразумѣніями».

Подъ телеграммой петербургскихъ литераторовъ подписаны: Барсуковъ, Бычковъ, Бѣловъ, Гончаровъ, Достоевскій, Кашпиревъ, Ап. Майковъ, Л. Майковъ, Мещерскій, Полонскій, Подгорицкій, Пуцыковичъ, Праховъ, Филипповъ, Страховъ.

Кромѣ того получены телеграммы отъ Щебальскаго, П. А. Гончарова и И. С. Тургенева.

Послѣдній годъ жизни Писемскаго былъ ознаменованъ участіемъ въ московскихъ празднествахъ по случаю открытія памятника Пушкина.

«Писемскій, — свидѣтельствуетъ объ этомъ г. Н—въ въ своихъ воспоминаніяхъ въ «Странѣ»,—участвовалъ въ публичныхъ лекціяхъ общества любителей русской словесности, былъ вообще въ духѣ и отпускалъ свои характерныя остроты. Такъ, по поводу сильныхъ хлопотъ, которыми были заняты распорядители пушкинскаго праздника, объ одномъ изъ этихъ распорядителей, дѣйствительно выбивавшимся изъ силъ, А. Ѳ. разсказывалъ: «Ю. до того растерялся, что ему скажешь — здравствуйте! а онъ обругается; подашь ему руку, а онъ подастъ тебѣ чертъ знаетъ что!» Вообще во время этихъ праздниковъ Писемскій былъ очень оживленъ и остроуменъ, несмотря на то, что передъ этимъ онъ былъ боленъ. Но это было уже послѣднее оживленіе».

Еще за мѣсяцъ до открытія памятника Писемскій писалъ французскому переводчику своихъ произведеній, Дерели:

«Къ великому огорченію моему, я, по моимъ недугамъ, не могу принять особенно энергическое участіе въ смыслѣ внѣшнихъ распоряженій по торжеству, но во всякомъ случаѣ приду на него съ сердцемъ, исполненнымъ радости, и съ благоговѣніемъ преклонюсь предъ статуей моего великаго учителя, произведеніями котораго я еще съ четырнадцатилѣтняго возраста питался, какъ манной небесной».

Восторженное настроеніе это росло по мѣрѣ приближенія торжества. «Собственно я,—писалъ Писемскій г-жѣ Бларамбергъ,—лично весь поглощенъ предстоящимъ празднованіемъ открытія памятника Пушкину. Это, положа руку на сердце, могу я сказать *мой праздникъ*, и такой уже для меня больше въ жизни не повторится».

Но во время самыхъ торжествъ энергія Писемскаго истощилась. «На одномъ изъ засѣданій, по словамъ Анненкова, этого замѣчательнаго, какъ по характеру, такъ и по сущности своей, юбилейнаго торжества Писемскій довольно вяло прочелъ свою рѣчь о поэтѣ, котораго обожалъ, какъ великаго реалиста, открывшаго въ душѣ и нравственныхъ сторонахъ русскаго человѣка еще неподозрѣваемыя сокровища чувства и своеобычнаго ума. Рѣчь его не имѣла успѣха, будучи лишена блестящей аргументаціи, какая требуется отъ публичнаго слова, но ее выслушали съ уваженіемъ къ мѣсту и авторитету оратора. Затѣмъ Писемскій уже не принималъ участія въ пиршествахъ и собраніяхъ, сопровождавшихъ открытіе памятника Пушкину.

Конецъ жизни Писемскаго омрачился новымъ несчастіемъ: безнадежною болѣзнью второго сына—Павла, читавшаго въ Московскомъ университетѣ гражданское судопроизводство. Эта катастрофа окончательно надломила силы Писемскаго. По свидѣтельству Анненкова, «Писемскій слегъ въ постель подъ дѣйствіемъ одного изъ тѣхъ мрачныхъ припадковъ недовольства и мнительности, которые стали находить на него все сильнѣе и чаще послѣ семейной катастрофы. По признанію жены покойнаго, она не ожидала близкаго конца и думала, что припадокъ минуется, какъ всѣ предшествовавшіе ему и разрѣшавшіеся обыкновенно грустью и физическимъ изнеможеніемъ. Но это было уже послѣднимъ проявленіемъ истрадавшагося организма, лишеннаго всѣхъ нужныхъ силъ сопротивленія, и перешло въ предсмертную агонію. Января 21-го 1881 г. Писемскаго не стало. Полагая, что мы вполнѣ достаточно опредѣлили характеръ и значеніе таланта Писемскаго при обзорѣ лучшихъ его произведеній, считаемъ нелишнимъ завершить біографію слѣдующей характеристикой его П. В. Анненкова:

«Это былъ замѣчательный художникъ и въ то же время *простой* человѣкъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова. Сколько симпатій, неудержимаго влеченія къ человѣку, добрыхъ чувствъ и мыслей пробуждаетъ одинъ этотъ эпитетъ: «простой человѣкъ», когда онъ прилагается къ дѣятелю, имѣвшему общественное значеніе! Писемскій заслужилъ его вполнѣ. Въ нашъ вѣкъ составленія огромныхъ состояній,

какъ и огромныхъ репутацій, онъ оставался равнодушнымъ къ подстрекательствамъ честолюбія и тщеславія. Онъ, наоборотъ, мысленно участвовалъ въ энтузіазмѣ общественнаго мнѣнія, когда оно присуждало награды и апоѳеозы истинной заслугѣ и достоинству, не думая вовсе о своихъ правахъ на такое-же отличіе. Мы уже сказали, что всякое подобіе зависти было чуждо душѣ его, какъ равно и всякое усиліе обратить на себя вниманіе публики, выступивъ кандидатомъ на ея исключительное благоволеніе. Свою ношу таланта, изобрѣтательности, наблюденія онъ несъ чрезвычайно скромно втеченіи всей жизни, не имѣя и въ помыслѣ выдавать ее за вмѣстилище необычайныхъ открытій и довольствуясь той оцѣнкой ея, которую получалъ вседневно и обыкновеннымъ путемъ хладнокровной трезвой критики. Обликъ его перейдетъ совершенно яснымъ и опредѣленнымъ къ потомству и не помрачится никакими послѣдующими разъясненіями и разоблаченіями, потому что всѣ разъясненія и разоблаченія онъ испыталъ и перенесъ уже при жизни лица, которое его носило/ Несмотря на обычную ему рѣзкость выраженія въ мысляхъ и образахъ, Писемскій былъ еще добродушнѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Особенно-же выдѣлялось одно его качество. Онъ считалъ великимъ бѣдствіемъ на землѣ—несправедливость, оказанную человѣку,—и притомъ бѣдствіемъ столько-же для потерпѣвшаго отъ нея, сколько и для того, кто въ ней провинился. /Мы могли-бы привести нѣсколько примѣровъ, когда наговоры какого-либо дружескаго кружка на намѣченную имъ жертву, какъ часто бываетъ съ ними, погружали его въ недоумѣніе, почти въ ужасъ и заставляли морально страдать, отыскивая ихъ причины и доводы... Если болѣзни, слабости, паденія Писемскаго приравнивали его къ толпѣ, то съ другой стороны онъ раздѣлялъ съ нею и ея гнѣвъ, и негодованіе на людскую несправедливость, ея презрѣніе и отвращеніе къ торжеству нравственнаго безобразія на свѣтѣ и ея любовь къ единственному оружію, находящемуся въ ея распоряженіи—насмѣшкѣ, карикатурѣ, памфлету. Мы находимъ, что *простой* человѣкъ такого рода заслуживаетъ стать рядомъ съ тѣми героическими фигурами, какія по справедливости воздвигало наше общество, въ своемъ умственномъ пантеонѣ, такихъ людей, которыми оно гордится и заслугу которыхъ высоко цѣнитъ».

Популярно-научныя книги.

Пессимизмъ. Сочиненіе *Джемса Селли.* Популярный обзоръ всѣхъ пессимистическихъ ученій. Пер. съ англійскаго. Цѣна 1 р. 50 к.
Философія Герберта Спенсера, въ сокращ. изложеніи *Коллинса.* Ц. 2 руб.
Законы подражанія. *Тарда.* Ц. 1 р. 50 к.
Сохраненіе здоровья. Гигіена въ прим. къ обыдѣн. жизни. *Д-ра Энгельмана.* Съ 7 рис. Ц. 40 к.
Гигіена женщины. Д-ра *М. Тило.* Ц. 40 к.
Гигіена семьи *Рибера.* Пер. съ нѣм. Ц. 50 к.
Гигіена дѣтства. Д-ра *Перье.* Ц. 50 к.
Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. 75 к.
Уходъ за больн. дѣтьми Д-ра *Перье.* Ц. 50 к.
Уходъ за больными въ семьѣ. Д-ра *Энцлера* Ц. 50 к.
Дѣтскій докторъ. Популярное руководство для матерей и воспитателей. *Д-ра Варіо.* Перев. съ франц. подъ редакціей проф. *Пономорева.* Со мног. рис. Ц. 1 р.
Записки желудка. Съ англійскаго. Ц. 50 к.
Усталость. Бесѣды проф. *А. Моссо.* Перев. *Манасеиной.* Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Д-ра Мигулы.* Съ нѣмецк. Съ 35 рис. Ц. 1 р.
Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Переводъ съ франц. Популяр. излож. ученія Дарвина. 2 изд. Ц. 60 к.
Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Популярный обзоръ его трудовъ, составленный *Гексли, Гейки, Дайеромъ* и *Романесомъ.* Съ портр. Дарвина Ц. 75 к.
Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. *А. Ланге.* Ц. 1 р. 25 к.
Фабричная гигіена. *Соколовскаго.* 153 рис. 4 р.
Ручной трудъ. Составилъ *Графиньи.* Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Перев. съ франц. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ переплетѣ 2 р.
Разсказы о небѣ. *К. Фламмаріона.* Перев. съ французскаго. Съ 64 рис. Ц. 50 к.
Предсказаніе погоды *Г. Далле.* Переводъ съ франц. Съ 40 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Свѣтъ Божій. Популярн. очерки міровѣдѣнія. 6-е изд., значител. исправл., Съ 65 рис. Ц. 30 к.
Звѣздный міръ. Популярно-астрономическія бесѣды *Предтеченскаго.* Со мн. рис. Ц. 30 к.
Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона.* Перев. съ франц. Съ 100 рис. 3-е изд. 80 к.
Который часъ? *Н. Вавилова.* Популярн. руководство для провѣрки часовъ и для устройства солнечн. часовъ. Съ 13 рис. Ц. 30 к.
Эйфелева башня. *Г. Тиссандье.* 34 рис. Ц. 50 к.
Электричество въ природѣ. *Жоржа Дари.* Съ французскаго. Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Электрическіе элементы. Соч. *Ніоде.* Перевелъ *Головъ.* Со мног. рисунками. Ц. 2 р.
Электрическіе аккумуляторы. *Э. Ренье.* Перевелъ *Головъ.* Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ.* Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Домашнее электрическое освѣщеніе и уходъ за аккумул. *Саломонса.* 81 рис. Ц. 1 р. 25 к.
О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева.* Ц. 25 к.
Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Мансерье.* 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *О. Хвольсона.* Съ 230 рис. Ц. 2 р.
Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье.* Со множ. рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Электрическая передача энергіи (передача силы на разстояніи) *Каппа.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 60 к.
Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис. 2-е изд. Ц. 2 р.
Электрическіе звонки. *Боттона.* Со свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. 114 рис. Ц. 1 р.
Телефонъ и его практическія примѣненія. Сочиненіе *Мэйера* и *Прэсса.* Перев. *Д. Головъ.* Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *Секки.* 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Наука о жизни. Популярная физіологія человѣка. *В. Лункевича.* Съ 91 рисунк. Ц. 1 р.
Экстазы человѣка. *П. Мантегацца.* Переводъ съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.
Умственныя эпидеміи. *Реньяра.* Переводъ *Эл. Зауэръ.* Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.
Психологія вниманія. Д-ра *Рибо.* Ц. 40 к.
Психологія великихъ людей. *Жоли.* 3-е изд. 50 к.
Современные психопаты. *Кюллера.* Ц. 1 р. 50 к.
Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и рисунк. 2-е изд. Ц. 1 р.
Міръ грезъ. *Д-ра Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ. Ц. 1 р.
Физіологія души. *А. Герцена,* проф. Лозанскаго университета. Переводъ съ франц. Ц. 1 р.
Физіологическая психологія *Цигена.* Перев. подъ редакціей проф. *В. Чижа.* Ц. 75 коп.
Преступная толпа. Опытъ коллективной психологіи. *С. Сигеле.* 116 стр. Ц. 30 к.
Первобытные люди. *Дебьери.* Переп. съ франц. и доповн. *М. Энгельгардтъ.* Съ 84 рис. Ц. 1 р.
Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Перев. съ франц. *Ф. Павленковъ.* Ц. 2 р. 50 к.
Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ (отъ полюса до экватора). *А. Брэма.* Дополненіе къ его сочин. „Жизнь животныхъ". Со многими рис. Ц. 2 р.
Вредныя полевыя насѣкомыя. *Иверсена.* Съ 43 рис. Ц. 80 к.
Хлѣбный жукъ. Съ 3 рис. Барона *Н. Корфа* Ц. 10 к.
Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго.* Съ 73-мя рис. Изд. 2-е. Цѣна 60 к.
Школьный садоводъ. *А. Волотовскаго.* Ц. 20 к.
Огородничество. Практич. наставл. для народн. учителей. *Ф. Шубелера.* Съ 137 рис. Ц. 60 к.
Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедингена.* Ц. 60 к.
На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмедингена.* Два тома. Цѣна каждаго 50 к.
Азбука домоводства и домашней гигіены. Сост. *М. Клима.* Ц. 75 к.

Съ февраля 1894 года начала издаваться въ С.-Петербургѣ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СКАЗОЧНАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ этой библіотеки войдутъ избранныя сказки всѣхъ культурныхъ народовъ. Всѣхъ книжекъ предполагается выпустить отъ 150 до 200. Въ каждой книжкѣ помѣщается одна большая или нѣсколько мелкихъ сказокъ, иллюстрированныхъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ рисунковъ (отъ 5 до 15 на книжку). Цѣна книжекъ отъ 5 до 15 коп. До марта 1894 г. вышло 30 книжекъ, въ которыхъ помѣщены доступныя для дѣтей сказки Андерсена Новыя книжки будутъ выходить по 4 въ мѣсяцъ.

ПЛАТОНЪ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

ПЛАТОНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. Орлова.

Съ портретомъ Платона, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

Большая Подъяческая, 39

1896

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 8 ноября 1896 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Стр.

Наши свѣдѣнія о Платонѣ.—Его рожденіе, семья и первоначальное образованіе.—Встрѣча съ Сократомъ и взаимныя ихъ отношенія.—Путешествія Платона.—Вліяніе Пиѳагорейской философіи.—Три поѣздки въ Сицилію и политическія мечтанія Платона.—Смерть его.—Внѣшность и характеръ его.—Политическія убѣжденія и вліяніе на современниковъ.—Дѣятельность Платона.—Школа и методъ.—Діалогическая форма Платоновыхъ сочиненій: ея преимущества и историческое значеніе.—Художественность діалоговъ и неудобочитаемость ихъ.—Подлинность діалоговъ и невозможность классифицировать ихъ.—Отсутствіе системы и характеръ Платоновыхъ доктринъ.—Теорія Шлейермахера и Германна.—Хронологическій порядокъ діалоговъ и раздѣленіе философской системы Платона на три отдѣла. . . 5

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Историческій моментъ.—Міръ матеріальный и міръ идеальный.—Идеи — ихъ природа и отношеніе къ предметамъ чувственнаго воспріятія.—Иллюстрація.—Коренное противорѣчіе въ Платоновскомъ міросозерцаніи.—Знаніе реальное и мнимое.—Орудіе истиннаго познаванія.—Важность вопроса объ абсолютномъ знаніи.—Отвѣтъ на него Платона—теорія воспоминанія.—Произвольность ея и значеніе въ исторіи мысли.—Выводы практической морали и историческій ихъ смыслъ.—Іерархія идей.—Высочайшее благо.—Божество.—Сотвореніе міра.—Косное начало.—Матеріальная форма.—Міровая душа.—Космологія.—Психологія.—Природа души.—Добродѣтель.—Любовь 37

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Значеніе политическихъ взглядовъ Платона для настоящаго времени.—Утопіи вообще и Платоновская въ частности. „Республика". Возникновеніе обществъ и ихъ органическіе элементы.—Ошибочность Платоновскихъ взглядовъ.—Политическія формы общества и ихъ недостатки.—Идеальное правленіе философовъ.—Роль воспитанія.—Въ чемъ оно состоитъ: гимнастика, музыка, поэзія и математика.—Значеніе этихъ предметовъ образованія.—Цѣли воспитанія: распредѣленіе общественныхъ обязанностей и правъ, и реализація высшаго блага.—Классы и ихъ добродѣтели.—Коренная ошибка Платоновской схемы.—Необходимость въ обществѣ единодушія и согласія.—Взгляды Платона на частную собственность и семью.—Уничтоженіе обоихъ институтовъ.—Брачное сожительство и положеніе дѣтей.—Неестественность Платоновскаго режима.—Положеніе женщины, ея права, обязанности и воспитаніе.—Основной недостатокъ Платоновскаго міросозерцанія. 58

ИСТОЧНИКИ.

1) **Платонъ**—Opera, 3 tom., Paris, 1846 1873, ed. Didot, Recog. Hirschig, Schneider и др. *).

2) **Діогенъ Лаерцій**—Vitae Philosophorum (см біографію къ Сократу) 3-я кн.

3) **Плутархъ**—Vitae Dio. Paris, 1847, ed. Didot, Recog, Dölmer *).

4) **Дж. Гротъ**—Plato, London, 1867, 2-е изд., 3 тома

5) **Дж. Г Льюисъ**—The History of Philosophy (см. біографію къ Сократу), стр. 196—274 *).

6) **Ф. Ибервегъ-Гейнце**—Grundriss der Geschichte der Philosophie (см. біографію къ Сократу), §§ 39—43 *).

7) **Э. Целлеръ**—Die Philosophie der Griechen (см. біографію къ Сократу), стр. 337—835

8) **C. Steinhart**—Plato's Leben, Leipzig, 1873.

9) **P. Märkel**—Plato's Ideal-Staat, Berlin, 1881.

10) **Ch. Huit**—La Vie et l'oeuvre de Platon, Paris, 1893, 2 tom

11) **C. Bénard**—Platon, Paris, 1892.

12) **Chaignet**—La vie et les écrits de Platon, Paris, 1871.

13) **A. Fouillée**—La Philosophie de Platon, Paris 1888—1889, 4 tom.

14) Примѣчанія и критическія введенія проф Джоуэтта въ его переводѣ Платоновыхъ діалоговъ на англійскій языкъ

---

*) Сочиненія, *отмѣченныя* звѣздочкой, имѣются и въ русскомъ переводѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Наши свѣдѣнія о Платонѣ.—Его рожденіе, семья и первоначальное образованіе.—Встрѣча съ Сократомъ и взаимныя ихъ отношенія.—Путешествія Платона.—Вліяніе Пиѳагорейской философіи.—Три поѣздки въ Сицилію и политическія мечтанія Платона.—Смерть его.—Внѣшность и характеръ его.—Политическія убѣжденія и вліяніе на современниковъ.—Дѣятельность Платона.—Школа и методъ.—Діалогическая форма Платоновыхъ сочиненій: ея преимущества и историческое значеніе.—Художественность діалоговъ и неудобочитаемость ихъ.—Подлинность діалоговъ и невозможность классифицировать ихъ.—Отсутствіе системы и характеръ Платоновыхъ доктринъ.—Теоріи Шлейермахера и Германна.—Хронологическій порядокъ діалоговъ и раздѣленіе философской системы Платона на три отдѣла.

Большинство жизнеописаній великихъ личностей древняго міра неминуемо должны страдать однимъ весьма крупнымъ и существеннымъ недостаткомъ, а именно—неполнотою. Быть можетъ, люди въ тѣ времена не менѣе интересовались личной жизнью своихъ выдающихся современниковъ, чѣмъ теперь: но біографіи, не говоря уже о дневникахъ и мемуарахъ, составлялись гораздо рѣже, чѣмъ нынѣ, когда «человѣческій документъ» сталъ однимъ изъ главныхъ подспорьевъ исторической науки. Къ тому же писанное слово, увы! не пирамида и не можетъ устоять ни противъ вліяній долгихъ вѣковъ, ни противъ превратностей судьбы: оно легко теряется и погибаетъ, такъ что если до насъ и доходитъ литературный памятникъ древнихъ временъ, то скорѣе въ видѣ

исключенія, нежели какъ правило. Не нужно также забывать и той небрежности, съ какою люди тогда обращались съ фактами: необходимость строгой провѣрки ихъ не сознавалась еще особенно настоятельной, о критической оцѣнкѣ ихъ съ точки зрѣнія исторической или психологической ихъ важности еще не было и помину. Результаты отсюда получаются весьма плачевные: дошедшія до насъ свѣдѣнія либо скудны, либо такъ неважны и маловѣроятны, что по нимъ можно составить что̀ угодно, но никакъ не біографію, удовлетворяющую требованіямъ современнаго вкуса или науки.

Обо всемъ этомъ приходится напоминать читателю на случай, если онъ вздумаетъ посѣтовать на насъ за тѣ или другіе пробѣлы въ настоящемъ очеркѣ. Въ біографахъ у Платона недостатка не было: начиная съ ученика его Ксенократа и вплоть до Діогена Лаэрція во II вѣкѣ по Р. Хр., цѣлый рядъ поклонниковъ и писателей оставили послѣ себя описанія его жизни и ученія; но большинство этихъ сочиненій погибло, а тѣ, которыя до насъ дошли, рѣдко даютъ намъ то, чего намъ нужно. Платонъ прожилъ 80 лѣтъ, но большая часть ихъ, проведенная въ тиши садовъ Академіи и вдали отъ театра бурной практической дѣятельности, не могла представить много драматическихъ моментовъ, какіе мы привыкли встрѣчать въ жизни напр. общественныхъ дѣятелей. Зато эти годы должны были быть богаты тѣмъ внутреннимъ содержаніемъ, которое вкладывается въ жизнь развитіемъ мощнаго человѣческаго духа. Великіе мыслители, въ противоположность поэтамъ, никогда не рождаются таковыми, а выростаютъ, и этотъ ростъ ни въ комъ не совершался такъ безпрерывно, какъ въ Платонѣ, который умеръ, все еще продолжая работать мыслью и развивать свою систему. Прослѣдить этотъ ростъ шагъ за шагомъ, ступень за ступенью было бы навѣрное дѣломъ болѣе интереснымъ и поучительнымъ, нежели описаніе какихъ бы то ни было событій внѣшней жизни; къ сожалѣнію, именно на этотъ счетъ древніе біографы грѣшатъ, и грѣшатъ сильно. Нѣсколько фактовъ, да и то сбивчивыхъ, противорѣчивыхъ и пересыпанныхъ легендами, — вотъ все, что̀ мы можемъ у нихъ найти; искать же у нихъ изображенія психическихъ процессовъ такъ-же напрасно, какъ искать въ священныхъ книгахъ Веды изложенія періодической системы или другой какой новѣйшей научной теоріи. Читатель поэтому не долженъ ожидать отъ насъ многаго: простое изложеніе

фактовъ внѣшней жизни, насколько они намъ извѣстны, да изрѣдка указанія на нѣкоторыя обстоятельства, повліявшія на мысль Платона, — вотъ все, что онъ найдетъ въ этомъ очеркѣ. Дать больше мы, къ сожалѣнію, не въ состояніи.

Книги, говорили древніе, имѣютъ свою судьбу: нерѣдко повидимому имѣютъ ее и имена. Люди, которымъ имена Вольтера, Мольера или Меланхтона почти такъ-же знакомы, какъ имена выдающихся современниковъ, пожали бы плечами и, быть может, сочли-бы за мистификацію, еслибы имъ стали говорить о блестящемъ писателѣ Аруэ, или великомъ драматургѣ Покелэнѣ, или знаменитомъ дѣятелѣ реформація Шварцэрдѣ. Точно такъ-же, мы увѣрены, многіе, которые приняли бы за обиду, еслибы кто усумнился въ ихъ знакомствѣ съ Платономъ или его именемъ, пришли бы въ недоумѣніе, еслибы имъ стали разсказывать о какомъ-то геніальномъ греческомъ философѣ Аристоклѣ. Да, имена дѣйствительно имѣютъ свою судьбу, и часто очень странную. Въ кругу своихъ современниковъ, даже близко къ нему стоящихъ, «божественный философъ», ученикъ Сократа и учитель Аристотеля, былъ извѣстенъ не иначе, какъ Аристоклъ, и только послѣ его смерти прозвище Платона, данное ему въ шутку за его широкую грудь, или, по другимъ преданіямъ, за его широкій лобъ (отъ слова πλατύς широкій), пріобрѣло мало по малу такую популярность, что наконецъ вытѣснило его прежнее имя и перешло въ исторію, какъ настоящее. Конечно имя — лишь звукъ пустой, покуда лицо или вещь, имъ обозначаемыя, остаются тѣми-же; все же насъ нѣсколько удивляетъ, когда мы узнаемъ, что имя извѣстной намъ личности совсѣмъ не то, подъ какимъ мы ее до сихъ поръ знавали. Такъ оно и въ данномъ случаѣ, и на обязанности біографа поэтому лежитъ, не придавая всему этому большого значенія, указать однако на ошибку, которую безсознательно дѣлаютъ, говоря о Платонѣ, а не объ Аристоклѣ.

Годъ рожденія нашего философа, по нѣкоторымъ источникамъ, совпадаетъ съ годомъ смерти Перикла, т. е. 429 до Р. Хр., но, по нѣкоторымъ соображеніямъ, болѣе заслуживаетъ вниманія другое мнѣніе, утверждающее, что, когда этотъ знаменитый государственный мужъ умеръ, Платону уже было около 2 лѣтъ отъ роду. Мы склонны поэтому думать, что Платонъ увидѣлъ свѣтъ въ 427 г. до Р. Хр., мая 26-го или 27-го. Мѣсто его рожденія также представляетъ спорный пунктъ: на основаніи нѣкото-

рыхъ преданій, одни ученые, какъ Гротъ, утверждаютъ, что Платонъ родился на о. Эгинѣ въ Сароническомъ заливѣ, гдѣ тогда существовала аѳинская колонія, и гдѣ отецъ его владѣлъ участкомъ земли; но другіе, и они составляютъ подавляющее большинство, признаютъ за родину Платона сами Аѳины, и именно одинъ изъ подгороднихъ его кварталовъ, Колиттъ.

Семья, къ которой Платонъ принадлежалъ, была одна изъ древнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ въ странѣ. Его отецъ Аристонъ былъ потомокъ знаменитаго царя Кодра,—того самаго, который не задумался пожертвовать на войнѣ своей жизнью, узнавъ отъ оракула, что та изъ враждующихъ сторонъ побѣдитъ, которая такъ или иначе лишится своего царя. Аѳиняне—продолжаетъ остроумное преданіе—были такъ поражены благородствомъ этого подвига, что отчаялись въ возможности найти ему достойнаго преемника и объявили тронъ навсегда вакантнымъ. Говорятъ также, что Кодръ велъ свое происхожденіе отъ бога моря Посейдона и такимъ образомъ являлся самъ чуть-ли не полубогомъ. Мать-же Платона, Периктіона (а, по другимъ, Потона), происходила по прямой линіи отъ Дропида, родственника и друга знаменитаго мудреца Солона, а ея братъ Хармидъ и кузенъ Критій принадлежали къ высшей аѳинской аристократіи, состоя впослѣдствіи членами олигархическихъ тридцати. Такимъ образомъ всѣ обстоятельства какъ-бы складывались къ тому, чтобы открыть юному Платону блестящую политическую карьеру; но мы увидимъ ниже, что они были безсильны вселить въ него что-нибудь, кромѣ одного лишь отвращенія къ общественной дѣятельности, и косвенно такимъ образомъ привести его къ той области, въ которой ему суждено было занять такое высокое мѣсто. Все-же знатность происхожденія дала ему одно весьма крупное преимущество: она обезпечила ему тщательное и блестящее воспитаніе, какое только было доступно въ то время. Мы мало знаемъ о годахъ, протекшихъ со дня его рожденія вплоть до встрѣчи съ Сократомъ; но древніе писатели насъ увѣряютъ, что онъ учился много и прилежно. Способности его стали обнаруживаться рано, и во всѣхъ предметахъ тогдашняго образованія онъ оказалъ прекрасные успѣхи. Въ гимнастическихъ упражненіяхъ напримѣръ онъ такъ отличался, благодаря сильному физическому сложенію и природной ловкости, что сталъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ своего учителя Аристона, который и далъ ему это, нынѣ историческое, прозвище Платона.

Говорятъ даже, что онъ выступалъ публично на національныхъ играхъ — Пиѳійскихъ и Истмійскихъ; но эти преданія врядъ-ли заслуживаютъ довѣрія. Гораздо вѣроятнѣе разсказы о выдающихся его успѣхахъ въ музыкѣ и поэзіи. Учителемъ его былъ извѣстный въ свое время Драконъ, и хотя подлинность дошедшихъ до насъ черезъ Діогена Лаэрція стихотвореній—главнымъ образомъ лирическихъ—болѣе, чѣмъ сомнительна, мы имѣемъ однако полное основаніе вѣрить, что долгое время карьера поэта была любимой его мечтой. Время расцвѣта греческой музы еще не прошло, и неудивительно, что молодому человѣку, дѣйствительно обладавшему священной искрой таланта, лавры, стяжаемые Эврипидомъ и другими, причиняли безсонныя ночи. Платонъ пробовалъ свои силы въ различныхъ родахъ поэзіи—отъ эпиграммъ вплоть до эротической лирики; но повидимому больше всего напиралъ онъ на эпосъ и драму. Однако и отъ поэтической дѣятельности его въ этихъ областяхъ до насъ не дошло никакихъ слѣдовъ: написавъ обширную эпическую поэму, онъ вскорѣ сжегъ ее въ безсильной ярости, сравнивъ ее съ Гомеровскими, и та же плачевная участь постигла его драматическую тетралогію, которая была уже почти готова для постановки на публичной сценѣ. Въ безвременной кончинѣ этого дѣтища, говорятъ, виновенъ былъ Сократъ, встрѣча съ которымъ вселила въ Платонѣ болѣе высокое честолюбіе, нежели желаніе затмить современныхъ драматурговъ. Это, значитъ, было около 408 года, когда Платону шелъ уже 20-й годъ. Еще до этого онъ успѣлъ познакомиться съ философскимъ ученіемъ Гераклита, и рой поднявшихся въ его головѣ думъ и сомнѣній и заставилъ его вѣроятно обратиться къ Сократу, какъ къ наиболѣе извѣстному тогда учителю мудрости. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній ни объ отношеніяхъ между этими двумя замѣчательными личностями вообще, ни объ умственномъ развитіи Платона за это время въ частности. Что онъ не сразу «осѣлъ у ногъ» Сократа, какъ выражался Алкивіадъ, и не сразу даже сдружился съ нимъ, можно заключить изъ того, что Платонъ за это время продолжалъ изучать философію по другимъ системамъ, кромѣ Сократовской, и къ тому-же часто принужденъ былъ отлучаться изъ города въ виду воинской повинности, которую онъ тогда отбывалъ. То былъ самый разгаръ Пелопонесской войны,— самая тяжелая пора для аѳинскаго государства, когда флотъ его былъ разбитъ въ дребезги и спартанцы принялись за блокаду Аѳинъ,

засѣвъ лагеремъ въ виду самаго Акрополя. Жертвы и труды, которые тогда естественно выпадали на долю каждаго аѳинскаго гражданина, были конечно неизбѣжны и для Платона, и хотя по разнымъ причинамъ мы врядъ-ли можемъ вѣрить тому, чтобы онъ участвовалъ въ битвахъ при Танагрѣ, Деліи и Коринѳѣ, какъ нѣкоторые изъ древнихъ его біографовъ увѣряютъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что онъ видалъ кой-какіе виды и не всегда имѣлъ время или возможность заниматься разработкою философскихъ проблемъ. Какъ-бы тамъ однако ни было, но къ концу жизни Сократа онъ былъ съ нимъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ и считался однимъ изъ любимѣйшихъ его учениковъ. Мы знаемъ напримѣръ, что къ процессу своего учителя Платонъ изготовилъ защитительную рѣчь, которую онъ даже началъ было произносить, но былъ согнанъ съ трибуны дикими криками толпы. Онъ-же былъ однимъ изъ тѣхъ, которые поручились въ уплатѣ 30 минъ, предложенныхъ Сократомъ въ качествѣ штрафа, и только болѣзнь,—быть можетъ, причиненная глубокимъ огорченіемъ въ виду печальнаго исхода процесса —удержала его дома въ послѣдній день жизни своего любимаго наставника и друга. Лучше всего однако доказываетъ намъ его привязанность къ Сократу та безпредѣльная любовь, съ какой онъ рисуетъ портретъ своего учителя въ «Апологіи» и «Федонѣ»; и даже самый тотъ фактъ, что онъ дѣлаетъ его главнымъ собесѣдникомъ въ своихъ діалогахъ и развиваетъ свое ученіе его устами, показываетъ намъ, какъ онъ глубоко обожалъ эту личность и сознавалъ, и цѣнилъ ея вліяніе на себя.

Платонъ оставался въ Аѳинахъ вплоть до самой смерти Сократа,—послѣ чего начинаются, какъ одинъ историкъ философіи мѣтко замѣтилъ, его Wanderjahre (годы странствованій). Отчасти вѣроятно онъ самъ не прочь былъ удалиться на время изъ города, гдѣ все напоминало ему дорогого человѣка, и гдѣ все, казалось, дышало преступленіемъ и невѣжествомъ; но главнымъ образомъ,нужно полагать, оставилъ онъ родину изъ видовъ личной безопасности. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, одной жертвой, хотя-бы то наиболѣе цѣнной, дѣло врядъ-ли могло ограничиться: аѳиняне вѣроятно стали искоса и недружелюбно посматривать на всѣхъ тѣхъ, кто болѣе или менѣе близко стоялъ къ Сократу и считался его ученикомъ. Очень можетъ быть, что даже стали раздаваться уже голоса, взывающіе къ властямъ предержащимъ окончательно искоренить крамолу и деморализацію въ нравахъ и обез-

вредить навѣки послѣдователей злокозненныхъ ученій Сократа, пославъ ихъ вслѣдъ за ихъ учителемъ. Подобныхъ репрессалій Платонъ съ своей стороны тѣмъ скорѣе могъ опасаться, что не былъ на хорошемъ счету у демократовъ, бывшихъ тогда въ силѣ, какъ благодаря своему аристократическому происхожденію и родству съ вожаками олигархической партіи, такъ и въ виду извѣстной его личной антипатіи къ тогдашнему государственному порядку. Философъ счелъ поэтому за благоразумное не выжидать дальнѣйшихъ событій и заблаговременно удалиться,—что онъ и сдѣлалъ. Первымъ его этапомъ былъ о. Мегара, гдѣ уже подвизался съ успѣхомъ одинъ изъ самыхъ выдающихся учениковъ Сократа—Эвклидъ. Этого мыслителя не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ, еще болѣе знаменитымъ, того-же имени, который жилъ въ Александріи приблизительно однимъ столѣтіемъ позже и далъ человѣчеству науку геометріи. Эвклидъ изъ Мегары былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ людей того времени по уму и характеру и такъ обожалъ Сократа, что часто, когда въѣздъ мегарійцамъ въ Аѳины, по случаю ихъ недавняго возстанія, былъ воспрещенъ подъ страхомъ смерти, онъ, несмотря ни на что, ночью, тайкомъ и переодѣвшись, пробирался въ городъ къ любимому учителю. Правовѣрнымъ ученикомъ его онъ однако не остался, но удержалъ Сократово ученіе о благѣ и, сочетавъ его съ элеатской доктриной о единомъ и вѣчномъ, основалъ отдѣльную школу мегарійцевъ, которая въ свое время имѣла не мало вліянія на греческую мысль. И для Платона, какъ это намъ показываютъ нѣкоторыя черты его философіи, встрѣча съ Эвклидомъ имѣла не маловажное значеніе какъ въ смыслѣ развитія міросозерцанія, такъ даже въ дѣлѣ пріобрѣтенія и увеличенія знаній. Какъ долго онъ тамъ оставался, мы не знаемъ въ точности; вѣроятно не долго, потому что вскорѣ мы застаемъ его уже въ другомъ мѣстѣ, а именно,—въ Киренахъ. Здѣсь беретъ онъ уроки математики у знаменитаго геометра Теодора и такъ успѣваетъ въ ней, что долго послѣ того считается однимъ изъ выдающихся математиковъ своего времени. Онъ, говорятъ, первый разрѣшилъ извѣстную въ свое время задачу объ удвоеніи куба, изобрѣлъ какіе-то особенные часы и считался авторомъ теоріи коническихъ сѣченій. Нѣкоторые древніе писатели увѣряютъ даже, что знанію математики Платонъ придавалъ такое значеніе, что впослѣдствіи сдѣлалъ на воротахъ своей школы надпись, гласившую, что доступъ въ нее открытъ только для тѣхъ, кто знаетъ геометрію.

Обиліе въ нѣкоторыхъ Платоновскихъ діалогахъ иллюстрацій, взятыхъ изъ области математики, или ссылокъ на нее, равно какъ и нѣкоторыя позднѣйшія его доктрины, казалось-бы, подтверждаютъ такого рода преданія; но на бѣду, какъ намъ передаютъ другіе съ бо́льшей тѣнью правдоподобія, подобная надпись существовала уже раньше на воротахъ школы Пиѳагора («никто, кромѣ геометра, да не входитъ сюда»), да и въ самихъ діалогахъ Платона мы не встрѣчаемъ ни разу мысли, которая выражала-бы подобное его убѣжденіе въ преобладающемъ значеніи математическихъ знаній. Намъ приходится поэтому признать вышеупомянутое преданіе за выдумку позднѣйшей фабрикаціи, хотя мы и не можемъ отрицать сильнаго впечатлѣнія, оказаннаго на умъ Платона методомъ и истинами математики. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ вѣроятно и объясняется его поѣздка, послѣ пребыванія въ Киренахъ, въ Египетъ, гдѣ тогда, какъ и долгое время послѣ, математическія науки культивировались съ успѣхомъ и любовью.

Египетъ, какъ извѣстно, слылъ въ древности страною чудесъ. Все въ немъ поражало народное воображеніе: и могучій Нилъ, и исполинскія пирамиды, и кастовая организація, и таинственная религія, и самый языкъ, и письмена. Легендамъ объ этой странѣ не было конца: онѣ возникали и распространялись съ поразительной быстротой, и люди, какъ въ очарованіи, прислушивались къ разсказамъ о чудовищныхъ крокодилахъ, пожирающихъ свои жертвы съ кровавыми слезами на глазахъ, о гранитныхъ колоссахъ, встрѣчающихъ мелодичными звуками первые лучи восходящаго солнца, и о многомъ другомъ, столь же странномъ и необычайномъ. Путешественники съѣзжались туда со всѣхъ концовъ тогдашняго образованнаго міра и глазамъ ихъ представлялась дѣйствительность, ни сколько не ниже ихъ ожиданій. Особенно поражали ихъ чудеса, совершенныя въ этой странѣ фараоновъ науками теоретическими, а еще болѣе прикладными: астрономическія предсказанія, инженерныя сооруженія, каналы, мосты и шоссе и многое другое въ области механическихъ изобрѣтеній казалось дѣломъ рукъ не обыкновенныхъ смертныхъ, а какихъ-то чародѣевъ. Этими чародѣями являлась жреческая каста. Окруженные богатствомъ и пышностью, члены ея, дѣйствительно державшіе въ своихъ рукахъ всю ученость тогдашней цивилизаціи, умѣли обставить себя такой таинственностью и хранить про себя всѣ знанія съ такой ревнивой заботливостью, что казались наивнымъ

умамъ того времени существами высшаго типа, постигшими всѣ тайны человѣческія и божескія. Къ нимъ стекались со всѣхъ сторонъ пытливыя личности, жаждущія знанія и влекомыя таинственнымъ ихъ обаяніемъ: онѣ учились у нихъ геометріи. астрономіи и механикѣ, онѣ старались проникнуть въ ихъ среду. добивались посвященія въ ихъ эзотерическія ученія и готовы были посвятить цѣлые годы. чтобы почерпнуть хоть малую долю ихъ мудрости. Въ древней Греціи не было ни одного великаго человѣка, который бы не побывалъ въ этой удивительной странѣ: по крайней мѣрѣ нѣтъ ни одного, которому преданія, съ цѣлью возвеличить его мудрость еще больше, не приписывали долголѣтняго пребыванія среди египетскихъ жрецовъ. Тутъ были и Солонъ, и Пиѳагоръ, и Демокритъ. и Геродотъ,—тутъ былъ и Платонъ.

На всѣхъ этихъ выдающихся людей Египетъ оказалъ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе, но ни на комъ изъ нихъ египетскія вліянія не сказались съ меньшей силою, какъ на Платонѣ. Страбонъ, въ общемъ довольно почтительно относившійся къ фактамъ, увѣряетъ насъ, что Платонъ пробылъ въ Геліополѣ цѣлыхъ 13 лѣтъ, и что ему даже указывали домъ, гдѣ онъ проживалъ все это время. Гиперболичность такого завѣренія слишкомъ очевидна, чтобы его можно было принять на вѣру, и дѣйствительно, по разнымъ другимъ соображеніямъ, мы никакъ не можемъ допустить, чтобы Платонъ прожилъ въ Египтѣ болѣе трехъ лѣтъ. Въ виду такого его кратковременнаго пребыванія тамъ. результаты не могли получиться особенно прочные: врядъ-ли можно допустить, чтобы за такое сравнительно ничтожное время Платонъ могъ въ достаточной степени и снискать довѣріе жрецовъ, и войти въ ихъ среду, и изучить ихъ философскія доктрины. Но еслибы даже Платонъ и успѣлъ во всемъ этомъ, то все же онъ былъ еще слишкомъ грекъ своего времени, съ нѣкоторою наклонностью къ скептицизму, чтобы проникнуться восточнымъ мистицизмомъ этихъ доктринъ въ такой степени, въ какой люди проникались двумя-тремя вѣками позже. И дѣйствительно, ни въ одномъ изъ его сочиненій мы не встрѣчаемъ слѣдовъ какихъ бы то ни было египетскихъ вліяній. тѣмъ менѣе—цѣльныхъ доктринъ. Все же, что нѣсколько напоминаетъ намъ въ его философіи ученія Египта, слѣдуетъ приписать вліяніямъ другой школы, а именно пиѳагорейской.

Итакъ, мы вправѣ заключить, что изъ своего пребыванія въ Египтѣ Платонъ не вынесъ ничего, кромѣ развѣ усовершенство-

ванныхъ знаній по астрономіи. Мы даже вправѣ усумниться, успѣлъ-ли онъ познакомиться хотя бы со внѣшнимъ бытомъ этой страны,—такъ слабы и неопредѣленны замѣчанія на этотъ счетъ, разбросанныя тамъ и сямъ въ его діалогахъ. Правда, въ своей «Республикѣ» онъ говоритъ о строгомъ разграниченіи общественнаго труда, обязанностей и правъ, и о соотвѣтствующемъ строгомъ подраздѣленіи народа на сословія; но онъ тутъ же лишаетъ послѣднихъ характера кастъ, ставя принадлежность къ тому или другому изъ нихъ въ зависимость не отъ рожденія, а отъ способностей и наклонностей.

Короткій періодъ его жизни, непосредственно слѣдовавшій за его поѣздкою въ Египетъ, остался для насъ темнымъ и невыясненнымъ. Одни преданія переносятъ его въ Малую Азію, въ Персію, и затѣмъ даже въ Индію, гдѣ онъ будто бы изучаетъ премудрость Зороастра и Будды, халдеевъ и браминовъ; но все это, понятное дѣло, относится къ области миѳовъ, которыхъ, какъ мы уже имѣли на то примѣры, собралось такъ много вокругъ фигуры нашего философа. Другія же съ большимъ правдоподобіемъ говорятъ, что незадолго до 40-го года своей жизни онъ наконецъ вернулся въ Грецію и послѣ 13-ти-лѣтняго отсутствія вновь посѣтилъ свои родныя Аѳины. Если это такъ, то странный психическій моментъ долженъ былъ тогда пережить Платонъ, уѣхавшій почти юношей и вернувшійся назадъ зрѣлымъ мужемъ, умудреннымъ опытомъ, съ пробивающеюся уже тамъ и здѣсь сѣдиною въ волосахъ! Все было знакомо и вмѣстѣ съ тѣмъ чуждо; давно забытыя картины представали передъ его взорами, но онъ тщетно искалъ бы среди нихъ друзей своей юности, а главное,—того дорогого лица, чьимъ словамъ онъ нѣкогда такъ жадно внималъ. Быть можетъ, именно этого рода воспоминанія не дали ему успокоиться, потому что уже вскорѣ послѣ того, около 388 года, мы застаемъ его въ Великой Греціи, гдѣ тогда ютились эмигрировавшіе со всѣхъ сторонъ пиѳагорейцы.

Эта философская школа была одна изъ самыхъ вліятельныхъ и самыхъ оригинальныхъ школъ древности. Основанная знаменитымъ математикомъ Пиѳагоромъ (кто изъ нашего учащагося юношества не знаетъ и, въ девяти случаяхъ изъ десяти, не клянетъ его имени?) въ періодъ, предшествовавшій Сократу, эта школа процвѣтала вплоть до распространенія христіанскаго міросозерцанія, соперничая и часто превосходя во вліяніи философію самого Плато-

на. Въ эпоху римской имперіи, она сыграла большую роль въ смыслѣ подготовленія умовъ къ воспріятію ученія Великаго Галилеянина, но и въ самой Греціи ея вліяніе на развитіе мысли было огромно. Особенно рѣшающее значеніе она имѣла для Платона,— а потому намъ необходимо сказать пару словъ относительно этой замѣчательной философской системы.

Въ основѣ ея лежитъ ученіе о числахъ, какъ о сущностяхъ вещей. Весь видимый міръ есть не что иное, какъ воплощеніе этихъ чиселъ, и всѣ отношенія чувственныхъ предметовъ между собою суть въ дѣйствительности не что иное, какъ отношенія заключенныхъ въ нихъ чиселъ. Вселенная безконечна въ пространствѣ и времени, и ею правитъ единое божество, столь же вѣчное и безпредѣльное, какъ и самый міръ. Вездѣ царствуетъ та гармонія, которую мы находимъ въ музыкѣ, и даже небесныя сферы находятся одна отъ другой на такихъ интервалахъ, соотвѣтствующихъ музыкальнымъ— октавѣ, терціи, квартѣ и др.,—что при вращеніи онѣ издаютъ божественно гармоничную мелодію. Земля—и это провозглашено было за 20 вѣковъ до Коперника!—движется вокругъ своей оси и вокругъ солнца, такъ что послѣднее составляетъ центръ всей планетной системы, вкругъ него обращающейся. Сама душа есть живая гармонія, приводящая въ движеніе тѣло—ея темницу. Она безсмертна и за время своего земного существованія проходитъ черезъ рядъ тѣлъ —то высшее, то низшее, то благородное, то презрѣнное—смотря по тому, на сколько она добродѣтельна. Отсюда необходимость безупречной жизни. Человѣкъ въ сущности есть душа: тѣло лишь оболочка, которую слѣдуетъ подчинить интересамъ ея обитательницы; отсюда значеніе аскетизма, какъ средства сохранить душу въ надлежащемъ состояніи. Пиѳагорейцы жили всегда обособленными обществами, гдѣ царствовалъ полный коммунизмъ. Новые члены допускались не иначе, какъ послѣ тяжелыхъ испытаній и искусовъ, и обязаны были безпрекословно повиноваться старшимъ. На всемъ лежалъ глубокій мистически-нравственный отпечатокъ, какой въ прошломъ столѣтіи носили масонскія ложи. Вездѣ царила суровая дисциплина, мясная пища была воспрещена, а ежедневная исповѣдь вмѣстѣ съ посвященіемъ въ таинства эзотерическихъ ученій дѣлали изъ этой школы чрезвычайно своеобразную секту.

Знакомство со всѣмъ этимъ имѣло, какъ мы выше сказали, первостепенное значеніе для выясненія Платономъ его собствен-

наго міросозерцанія, и несомнѣнно, что безъ этого знакомства содержаніе платоновской философіи было-бы во многихъ отношеніяхъ другое, чѣмъ то, какое знаетъ исторія. Правда, къ этому времени мысль Платона уже стала слагаться въ опредѣленныя формы, и, быть можетъ, въ кругу своихъ близкихъ знакомыхъ онъ уже успѣлъ пріобрѣсти репутацію сильнаго и даже оригинальнаго мыслителя; но только послѣ посѣщенія имъ пиѳагорейскихъ общинъ можемъ мы сказать, что основныя положенія его будущей системы были окончательно заложены и въ общемъ систематизированы. Ученіе пиѳагорейцевъ о числахъ должно было если не прямо натолкнуть, то, во всякомъ случаѣ, косвенно содѣйствовать развитію ученія Платона объ идеяхъ, какъ о реальныхъ сущностяхъ видимыхъ и невидимыхъ предметовъ познаванія: и тѣ, и другія, т. е. и числа, и идеи, были абсолютными первообразами вещей съ той лишь разницей, что количественный характеръ первыхъ былъ значительно ýже качественной природы вторыхъ. Еще болѣе бросается въ глаза сходство—по временамъ доходящее до тожества—нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ обѣихъ системъ: ученія о космосѣ, о всеобщей гармоніи, о душѣ и даже о переселеніи ея до того аналогичны, что враги Платона, на основаніи этого, обвиняли его въ плагіатѣ у знаменитаго пиѳагорейца Филолая. Даже общественная организація пиѳагорейцевъ съ ея коммунистическими принципами и аристократическими тенденціями не осталась безъ вліянія на политическіе идеалы Платона, какъ они выразились въ его «Республикѣ».

Все это, въ совокупности взятое, даетъ намъ полное основаніе думать, что, послѣ собственнаго генія, наибольшую роль въ развитіи платоновской мысли сыграла философія Пиѳагора: даже сократовская, не смотря на ея первоклассное значеніе для Платона, уступаетъ ей въ этомъ, не говоря уже о другихъ школахъ того времени.

Изъ Южной Италіи (Великой Греціи) Платонъ поѣхалъ на сосѣдній островъ Сицилію, и здѣсь начинаются тѣ странныя, почти романтическія его приключенія, которыя, если только они достовѣрны, въ высшей степени любопытны въ смыслѣ освѣщенія какъ личности нашего философа, такъ и всей тогдашней эпохи. Говоримъ: если только они достовѣрны, потому что главнымъ авторитетомъ для нихъ является Плутархъ, въ свою очередь основывавшійся на одномъ изъ Платоновыхъ писемъ, подлинность котораго въ

настоящее время признана сомнительной. Мы поэтому не въ состоянiи ручаться за достовѣрность нижеслѣдующаго, но къ нему можно смѣло примѣнить извѣстную пословицу: se non é vero, é ben trovato (если это и не вѣрно, то хорошо придумано).

Въ Сиракузахъ, главномъ городѣ Сицилiи, правилъ тогда извѣстный тиранъ Дiонисiй Старшiй — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей древности и во многихъ отношенiяхъ похожiй на нашего Iоанна Грознаго. Энергичный, суровый, честолюбивый, съ выдающимися способностями, онъ съумѣлъ захватить верховную власть, опрокинуть демократическую конституцiю и основать могущественнѣйшее государство на берегахъ и островахъ Средиземнаго моря. Онъ успѣшно боролся съ Кароагеномъ и Аоинами, объединилъ подъ свою власть бóльшую часть Сицилiи и поставилъ въ зависимость отъ себя все южное побережье Аппенинскаго полуострова. Дiонисiй лишилъ народъ даже тѣни его прежней свободы, обложилъ его тяжелыми податями и налогами, но успѣлъ основать обширную морскую торговлю, привлекавшую громадныя богатства въ его собственные сундуки и сундуки тогдашней коммерческой буржуазiи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далеко не былъ варваромъ и выскочкою. Благодаря своему аристократическому происхожденiю, Дiонисiй еще въ дѣтствѣ прiобрѣлъ обширныя знанiя, а теперь, на высотѣ своей власти, охотно культивировалъ науки и искусства, строилъ блестящiе храмы и другiя общественныя зданiя, привлекалъ къ себѣ знаменитостей въ философiи и литературѣ и даже самъ не безуспѣшно выступалъ въ качествѣ автора. Черезъ общихъ пиоагорейскихъ знакомыхъ онъ пригласилъ къ себѣ и Платона, который тѣмъ охотнѣе принялъ приглашенiе, что имѣлъ при сиракузскомъ дворѣ юнаго, но восторженнаго поклонника въ лицѣ Дiона, шурина тирана. Этотъ — тогда еще врядъ-ли 20-ти лѣтъ отъ роду — молодой человѣкъ, котораго Плутархъ счелъ достойнымъ включить въ свою галлерею знаменитыхъ личностей, дѣйствительно выгодно выдавался среди придворныхъ умомъ, характеромъ и возвышенными стремленiями. Платонъ сильно понадѣялся на его влiянiе въ качествѣ любимца Дiонисiя и счелъ для себя приличнымъ долгомъ вмѣшаться въ государственныя дѣла и критиковать внутреннюю политику тирана. Естественно, что послѣднему непрошенные совѣты и замѣчанiя Платона были не по вкусу, и когда глубоко увѣренный въ правотѣ своихъ убѣжденiй философъ принялся горячо доказывать

ему, что единоличное правленіе не нормально и идетъ въ разрѣзъ съ требованіями народнаго блага, и что поэтому, если онъ, Діонисій, дѣйствительно печется о благосостояніи страны, то онъ долженъ ограничить свою власть. Діонисій разсвирѣпѣлъ. Онъ хотѣлъ немедленно, тутъ-же, расправиться съ нимъ по-свойски, но былъ удержанъ Діономъ. Тогда тиранъ передалъ злополучнаго философа на руки спартанскому послу Поллиду, отплывавшему изъ Сиракузъ, наказавъ ему строго-на-строго какъ нибудь спровадить назойливаго мудреца. Нравы, какъ читатель видитъ, довольно-таки оригинальные, и этимъ плачевнымъ инцидентомъ, быть можетъ, и закончилась-бы какъ философская, такъ и сама жизненная карьера Платона, еслибы Поллидъ не смилостивился и не продалъ его въ рабство на о. Эгинѣ. Здѣсь нѣкій Анницеридъ, самъ причастный къ философіи, выкупилъ его за 30 минъ и отпустилъ на всѣ четыре стороны. Говорятъ, что Діонисій не угомонился и выпустилъ противъ Платона пасквиль; но другіе утверждаютъ, что, напротивъ, онъ глубоко раскаялся въ своемъ поступкѣ и даже написалъ философу извинительное письмо, на которое послѣдній только и отвѣтилъ, что онъ слишкомъ занятъ, чтобы думать о какихъ-то Діонисіяхъ.

Это происходило около 367 г. Спустя ровно 20 лѣтъ Платону, тогда уже старцу, пришлось вторично ѣздить въ Сиракузы. Прежній тиранъ только-что умеръ, и на престолъ вступилъ его сынъ Діонисій Младшій, — во всемъ почти прямая противоположность отцу. Лѣнивый и неспособный, онъ къ тому еще получилъ поверхностное воспитаніе, которое никогда не думалъ пополнять. Новый тиранъ предпочиталъ худой миръ доброй ссорѣ, и не смотря на то, что города, крѣпко сплоченные подъ желѣзной рукою отца, стали отпадать одинъ за другимъ, онъ весьма неохотно предпринималъ мѣры противъ угрожавшей ему опасности, предпочитая утопать въ развратѣ и наслажденіяхъ огромнаго и пышнаго двора. Въ первые годы однако надъ нимъ имѣлъ большое и благодѣтельное вліяніе все тотъ же Діонъ, и это обстоятельство побудило Платона предпринять вторую поѣздку въ негостепріимную столицу Сициліи. Дѣло въ томъ, что онъ уже тогда лелѣялъ проектъ совершеннаго политическаго строя, и здѣсь, въ положеніи молодого и поддающагося вліяніямъ тирана Сиракузскаго, думалъ онъ найти возможность осуществить свой проектъ. Но онъ ошибся въ разсчетѣ, забывъ, что вліянія могутъ быть разныя, и что Діонисій, въ данный мо-

ментъ прислушивающійся къ строгимъ нотаціямъ Діона, можетъ въ другой моментъ еще внимательнѣе прислушиваться къ рѣчамъ иного рода, идущимъ болѣе въ унисонъ съ его собственными желаніями и инстинктами. Такъ оно и было. Попытавшись уговорить Діонисія самому взяться за дѣло и перестроить политическую организацію Сиракузъ на Платоновскій ладъ, философъ сразу увидѣлъ, что добивается невозможнаго: никто самъ себѣ не врагъ,—тѣмъ менѣе государь, поставленный въ такія выгодныя условія, какъ Діонисій. Къ тому же тиранъ былъ не одинъ, а вкругъ него стояла, какъ всегда бываетъ, обширная камарилья, для которой всякій другой образъ правленія — будь то правленіе философовъ, или другое какое — означалъ если не вѣрную гибель, то во всякомъ случаѣ несомнѣнный уронъ для кармановъ. Естественно, что Платонъ получилъ отпоръ, и когда, какъ говорятъ, онъ пошелъ на уступки и попросилъ у Діонисія хотя бы клочка земли и немного людей, чтобы устроить опытъ въ видѣ колоніи, то и тутъ не встрѣтилъ ничего другого кромѣ враждебныхъ насмѣшекъ и угрозъ. Онъ счелъ поэтому за благоразумное уѣхать, и Діонъ, который считался виновникомъ его пріѣзда и поддерживалъ его во всемъ, былъ обвиненъ въ честолюбивыхъ замыслахъ—въ посягательствѣ на тронъ—и изгнанъ.

Такимъ образомъ Платонъ вторично потерпѣлъ фіаско. Но и этого, очевидно, было мало для коварной судьбы: Платону суждено было встрѣтить неудачу на томъ же полѣ и въ третій разъ.

Въ 361 г., т. е. 6 лѣтъ спустя послѣ вышеразсказаннаго, философъ, движимый рыцарскимъ чувствомъ и искреннимъ расположеніемъ къ Діону, рѣшился на попытку примирить его съ Діонисіемъ. Сгорбленный подъ тяжестью лѣтъ, Платонъ въ третій разъ пускается въ море и ѣдетъ въ Сиракузы на объясненія съ тираномъ, но, увы! его опять постигаетъ неудача,—на этотъ разъ еще болѣе полная, нежели прежде. Молодой правитель успѣлъ за это время вырости въ большого деспота, не терпящаго никакихъ вмѣшательствъ ни въ общественныя, ни въ его личныя дѣла. Онъ такъ раздраженъ былъ дерзостью Платона, что послѣдній едва опять не поплатился жизнью; но и на этотъ разъ его спасъ пиѳагореецъ-философъ Архитъ, который заступился за него и смягчилъ гнѣвъ тирана. Платонъ вернулся въ Аѳины и съ тѣхъ поръ больше не ѣздилъ въ Сиракузы. Діонъ же такъ и остался непримиреннымъ съ Діонисіемъ и позднѣе, въ 358 г., высадившись въ Сици-

*

ліи во главѣ арміи своихъ приверженцевъ, прогналъ тирана и самъ сѣлъ на его мѣсто. Сочувствовалъ-ли Платонъ этой экспедиціи своего ученика и друга и радовался-ли онъ счастливому ея исходу, мы не знаемъ: вѣроятно—да; но если онъ мечталъ видѣть свои политическіе идеалы теперь, послѣ столькихъ неудачъ, наконецъ реализованными, то ему пришлось испить чашу разочарованія до конца. Не то, чтобы Діонъ измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ и сжегъ все, чему поклонялся во дни своей юности и оппозиціи; о, нѣтъ! до этого, слава Богу, дѣло не дошло; онъ лишь извѣрился въ своевременности и осуществимости ихъ, и считалъ, подобно нашей Екатеринѣ II, что конституціи хорошо чертить на бумагѣ, но никакъ не на шкурахъ живыхъ людей. Уловка была недостойная и должна была внести не мало горечи въ сердца людей, поддерживавшихъ его, а особенно Платона. Діонъ былъ убитъ спустя пять лѣтъ послѣ своего воцаренія однимъ изъ своихъ приближенныхъ, и среди послѣдовавшихъ смутъ Діонисію удалось вернуться и снова занять свой престолъ.

Но Платонъ уже не дожилъ до этого. Въ тиши своей школы онъ прожилъ послѣднія 14 лѣтъ своей жизни, спокойно и безмятежно занимаясь разработкой своей философіи. Мы ничего не знаемъ, что̀ происходило за эти долгіе годы: вѣроятно они не блистали событіями, какъ это естественно ожидать отъ жизни всякаго человѣка его лѣтъ и занятій. Онъ умеръ въ глубокой старости, 80-ти лѣтъ отъ роду, въ 347 г. до Р. Хр., и былъ похороненъ въ Керамикѣ, неподалеку отъ Академіи, гдѣ еще долго спустя показывали его гробницу.

Читатель теперь видитъ, какъ скудны наши свѣдѣнія о судьбахъ этого замѣчательнаго человѣка; но если мы обратимся теперь къ его личности, то и здѣсь встрѣтимъ не меньшую сбивчивость и неполноту. Прежде всего о его наружности. Наши музеи полны его бюстами и масками, но чѣмъ ближе мы ихъ изучаемъ, тѣмъ менѣе мы довѣряемъ имъ. Ни одинъ изъ портретовъ его, дошедшихъ до насъ, не вышелъ изъ-подъ рѣзца современника: всѣ они сдѣланы значительно позднѣе, и служилъ-ли имъ моделью какой-нибудь достовѣрный бюстъ Платона, или рукою художниковъ водило одно лишь воображеніе,—у насъ нѣтъ теперь никакой возможности рѣшить. Всѣ эти портреты рознятся одинъ отъ другого довольно значительно, и очень часто взаимное ихъ несходство доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Существуетъ однако

одинъ бюстъ, который принято считать наиболѣе достовѣрнымъ, и съ него-то сдѣланы всѣ снимки и слѣпки, продающіеся въ нашихъ магазинахъ. Платонъ изображенъ въ немъ зрѣлымъ мужемъ, съ большою, слегка наклоненной впередъ, головой, украшенной длинной бородой и густыми, охваченными повязкой, волосами. Его лицо съ крупными, но чрезвычайно изящными чертами, носитъ задумчивое выраженіе: его глаза, устремленные куда-то внизъ, чуть-чуть прищурены, какъ бы пристально вглядываясь въ несущіеся передъ нихъ взоромъ туманные образы, а его чело, полускрытое повязкой, изборождено у переносицы глубокими складками, въ которыхъ, такъ и видно, засѣла крѣпкая дума. Весь бюстъ могъ бы служить эмблемою мысли, благородной и всеобъемлющей; на немъ лежитъ отпечатокъ чего-то недосягаемо высокаго, чуть-ли не сверхчеловѣческаго, и при первомъ же взглядѣ на него у васъ вырывается восклицаніе, что именно такъ долженъ былъ выглядѣть этотъ «божественный философъ». Увы, это только показываетъ, какъ хорошо умѣлъ художникъ схватить и воплотить въ мраморъ всѣ тѣ черты, подъ которыми обрисовывается въ нашемъ представленіи Платонъ; но, какъ мы сказали, мы рѣшительно не въ состояніи опредѣлить, въ какой степени этотъ бюстъ достовѣренъ; быть можетъ, Платонъ въ немъ лишь идеализированъ, но, быть можетъ, такого Платона не было вовсе.

Не лучше обстоитъ съ нашими свѣдѣніями о его характерѣ. Платонъ имѣлъ много враговъ, какъ политическихъ и философскихъ, такъ и личныхъ. Клеветамъ поэтому не было конца. Его обвиняли въ надменности, завистливости и непомѣрномъ честолюбіи: циникъ Діогенъ говаривалъ, что въ самомъ желаніи Платона не казаться гордымъ скрывается страшная гордость, а пылкій Аполлодоръ, въ порывѣ ненависти, воскликнулъ однажды, что онъ съ бо́льшей готовностью принялъ-бы отъ Сократа чашу съ ядомъ, нежели изъ рукъ Платона кубокъ вина. Ему приписывали крайнюю неуживчивость, раздражительность и ревность къ чужой славѣ, и его представляли позднѣйшія преданія ссорящимся съ Ксенофонтомъ, Аристиппомъ, Аристотелемъ, и даже бросающимъ грязью въ память самого Сократа. Его поведеніе, дальше, выставляли какъ прямую противоположность тому, чему онъ училъ въ своей этикѣ, и къ Діонисію, говорили, онъ ѣздилъ потому, что слыхалъ много хорошаго... о сиракузской кухнѣ! Ему отказывали даже въ талантѣ и оригинальности, говоря, что большинство его діалоговъ написаны

были вовсе не имъ, а Антисфеномъ, Аристиппомъ и другими философами того времени, и что «Тимей», одно изъ главныхъ его сочиненій, представляетъ не что иное, какъ пересказъ одной пиѳагорейской книги, пріобрѣтенной имъ за баснословную цѣну въ 100 минъ! Ему наконецъ отказывали даже въ томъ, что̀ составляло, по тогдашнимъ понятіямъ, неотъемлемую принадлежность всякаго свободнаго человѣка, —а именно, независимость въ матеріальномъ отношеніи: поговаривали, что онъ былъ бѣденъ, нуждался и долженъ былъ для снисканія себѣ пропитанія торговать оливковымъ масломъ. Онъ даже собирался будто-бы наняться въ солдаты.

На все это, безъ сомнѣнія, намъ приходится смотрѣть, какъ на выдумки. Мы знаемъ очень хорошо, что, за исключеніемъ быть можетъ нѣкоторой размолвки съ Аристотелемъ, Платонъ довольно легко уживался со всѣми наиболѣе выдающимися изъ своихъ современниковъ; что онъ ѣздилъ къ Діонисію вовсе не за тѣмъ, чтобы пріятно поѣсть и попить; что онъ дѣйствительно обладалъ талантомъ—не говоря уже о геніи—въ достаточной степени, чтобы написать самому свои діалоги, и что онъ наконецъ довольно хорошо былъ обезпеченъ въ матеріальныхъ средствахъ—наслѣдствомъ и подарками,—чтобы не быть вынужденнымъ сдѣлаться торговцемъ или солдатомъ. При всемъ томъ нѣтъ дыма безъ огня, и какъ бы преувеличены ни были дурные слухи о немъ, мы не можемъ совершенно игнорировать ихъ. Мы знаемъ Платона главнымъ образомъ изъ его-же сочиненій, и въ силу весьма обычнаго и естественнаго заблужденія никакъ не можемъ допустить, чтобы человѣкъ, написавшій эти вещи, полныя воображенія, теплоты чувства и всякой красоты внѣшней и внутренней, былъ менѣе прекрасенъ, нежели его творенія. Конечно это ошибочно, и мы знаемъ много тому примѣровъ, когда за поэтическими страницами или вдохновенными произведеніями искусства скрывается личность творца ихъ, столь-же прозаическая и не интересная, какъ и простыхъ смертныхъ. Два обстоятельства однако способствовали болѣе, нежели всякіе личные его недостатки, къ нравственному умаленію Платона въ глазахъ современниковъ,—и на нихъ намъ слѣдуетъ остановиться.

Сократъ былъ еще живъ въ памяти людей. Многіе, а особенно бывшіе ученики его, еще отчетливо помнили эту странную фигуру, гдѣ подъ отталкивающей внѣшностью Силена скрывалась такая чуткая, нервная и нѣжная натура. Нищій, оборванный, но

богатый духомъ и бодрый, шатался онъ по открытымъ мѣстамъ города, всѣмъ доступный, ко всѣмъ относящійся съ отеческой ласковостью, вступая въ разговоры съ первымъ попавшимся ему на пути человѣкомъ, и въ свою очередь охотно отвѣчая на задаваемые ему вопросы. Онъ не гнушался и не чуждался никого, какое-бы положеніе въ обществѣ тотъ ни занималъ; онъ никогда не заносился ни передъ противниками, ни передъ учениками, но, напротивъ, старался всегда стать съ ними на одну доску, чуждый высокомѣрія, догматизма или резонерства. Онъ никогда не поучалъ, не разыгрывалъ изъ себя мудреца, но съ страстной настойчивостью искалъ истины, готовый признать ее, изъ чьихъ бы устъ она ни исходила. Шутливый и простой въ обращеніи, онъ былъ плебей по рѣчамъ и пріемамъ, но умѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ ревниво ограждать вою гордую независимость, не беря денегъ ни отъ кого и отказываясь даже отъ подарковъ.

Не таковъ былъ Платонъ. Изящный и щегольски одѣтый, онъ поражалъ аристократичностью своихъ манеръ и умѣлъ держать себя на почтительномъ разстояніи отъ всѣхъ. Духъ высокій, но холодный, какъ горная вершина, онъ не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ избранныхъ, — да и съ тѣми не раздѣлялъ ни своихъ завѣтныхъ думъ, ни своихъ затаенныхъ чувствъ. Онъ счелъ-бы для себя униженіемъ и позоромъ выйти на площадь или улицу и диспутировать тамъ съ кожевникомъ или плотникомъ. Онъ замыкался въ свою школу, какъ замыкался въ своемъ сердцѣ, и только молодые люди хорошаго происхожденія и воспитанія имѣли туда доступъ въ качествѣ учениковъ. То были все прекрасно одѣтые, гладко причесанные, надушенные и напомаженные юные аристократы съ салонными манерами, джентльменской поступью и рѣчью. Платонъ не любилъ противорѣчій и не терпѣлъ панибратства; тонъ его рѣчей былъ внушительный и серьезный, ни озаряясь улыбкой, ни прорываясь страстью. Онъ не бралъ платы за ученіе, но онъ безъ упрямства и съ достоинствомъ принималъ подарки отъ учениковъ и постороннихъ людей.

Сравненіе, гласитъ пословица, завистливо, и когда люди ставили рядомъ эти двѣ фигуры — Сократа и Платона, — они не могли не замѣчать, какъ далеко въ сторону отклонился ученикъ отъ завѣтовъ учителя. Мантію знаменитаго предшественника носить никогда не легко: она всегда оттягиваетъ плечи; но когда преемникъ дѣйствительно въ томъ или другомъ отношеніи оказывается

ниже своего предшественника, мантія волочится по землѣ, несущіи ее запутывается въ складкахъ, и окружающіе то смѣются, то негодуютъ. Платонъ въ умственномъ отношеніи вполнѣ сравнился со своимъ учителемъ, по нравственностью далеко не былъ ему равенъ; что же удивительнаго, что, помѣщенный рядомъ съ солнцемъ, онъ, хоть и самъ звѣзда не послѣдней величины, совсѣмъ лишился блеска въ глазахъ современниковъ?

Политическія разногласія также внесли свою долю—и даже крупную въ личную непопулярность Платона. Аѳинское общество—если упустить на время изъ вниманія институтъ рабства, на которомъ оно зиждилось,—было насквозь проникнуто сильнымъ демократическимъ духомъ, которому всякаго рода аристократизмъ—на дѣлѣ-ли, или на словахъ и въ манерахъ—былъ ненавистенъ. Оно первое въ ряду всѣхъ европейскихъ обществъ выработало типъ демократической конституціи, какого не удалось достигнуть впослѣдствіи ни одному изъ другихъ государствъ древняго и новаго міра; оно естественно дорожило имъ и ревниво оберегало его честь и неприкосновенность. Платонъ-же, какъ сказано выше, по рожденію, традиціямъ, связямъ и личнымъ симпатіямъ, былъ аристократомъ до мозга костей. Онъ принадлежалъ къ тому классу поземельныхъ собственниковъ Аттики, которые оставались неизмѣнными друзьями Спарты и готовы были пожертвовать всѣмъ великимъ прошлымъ, протекшимъ со времени Солона, лишь-бы вернуть то время, когда власть принадлежала имъ. Они были ярыми врагами демократіи — этого режима «кожевниковъ и плотниковъ», и безпрестанно интриговали —явно и тайно—съ цѣлью ниспровергнуть народное правленіе и замѣнить его олигархическимъ. Платонъ, тогда еще молодой юноша, одинъ изъ первыхъ рукоплескалъ водворенію пресловутыхъ тридцати тирановъ, пріобрѣвшихъ такую позорную репутацію въ лѣтописяхъ Аѳинъ и всей исторіи. Но въ немъ еще живы были человѣческія чувства, да онъ еще и политикомъ настолько не былъ, чтобы во имя принципа закрыть глаза на средства, употреблявшіяся для его реализаціи. Свирѣпая и безпощадная жестокость, съ какою тираны,—а во главѣ ихъ стояли Платоновы-же родственники, Критій и Хармидъ,—принялись за искорененіе демократической «крамолы» и водвореніе «спокойствія и порядка», сильно оттолкнула впечатлительнаго юношу; когда же они попытались наложить руку на самого Сократа, Платонъ съ болью въ сердцѣ принужденъ былъ совершенно отвернуться отъ

нихъ. Его идолы пали и разбились въ дребезги, но съ народомъ это его не примирило. Напротивъ, если лучшіе, наиболѣе образованные и благоразумные люди, какими, въ мнѣніи Платона, были олигархи, оказались ниже возлагаемыхъ на нихъ надеждъ, то что можно ожидать отъ невѣжественной толпы, не руководимой ни политическими, ни внѣшними идеалами? Олигархи лишь пытались зажать Сократу ротъ, но демократы его убили: что-жъ, послѣднее лучше? Какъ-бы ни была дурна олигархія, какъ форма правленія, демократія ничуть не лучше ея, и человѣку, дорожащему своей нравственной чистоплотностью и независимостью, не остается ничего другого, какъ сторониться и тѣхъ, и другихъ. Пусть-же онъ совсѣмъ откажется отъ общественной дѣятельности и выжидаетъ время, когда выработаются лучшіе элементы, изъ которыхъ возможно будетъ создать новый, высшій классъ правителей. Пока-же было-бы смѣшно ожидать чего-нибудь отъ народа, какъ таковаго: его слѣдуетъ всегда держать въ черномъ тѣлѣ, подъ крѣпкой возжей, дабы не развернулись его стихійныя страсти и звѣрскіе аппетиты. И именно съ этой точки зрѣнія дѣятельность какого-нибудь Перикла является въ высшей степени пагубной: этотъ человѣкъ во имя ложнаго идеала сдѣлалъ сюзереномъ это многоголовое чудовище—народъ, снявъ съ него спасительныя узды и возведши его дикіе капризы въ законъ.

Такъ разсуждалъ Платонъ,—и общественное мнѣніе осуждало его. Былъ-ли онъ правъ или нѣтъ,—здѣсь не мѣсто рѣшать; но мы безъ труда можемъ понять, какіе злобные нападки должны были вызвать подобнаго рода политическія и общественныя убѣжденія. Теоретическія разногласія рѣдко переходятъ на личную почву, но когда они касаются господствующаго міросозерцанія—политическаго или религіознаго—диссидентъ становится врагомъ общества и еретикомъ, подлежащимъ искорененію. Тенденціи эпохи (свободная жизнь Эллады уже близилась къ концу) и собственная слава Платона ограждала его личную безопасность отъ всякаго покушенія на нее,—но добраго имени его онѣ не спасли.

Есть однако и другая сторона медали. На ряду съ клеветами до насъ дошли многочисленные факты, показывающіе, что еще больше, нежели ненависть, онъ съумѣлъ внушить своимъ современникамъ удивленіе и поклоненіе. Его духовная мощь поражала воображеніе людей съ неотразимой силой, и вмѣстѣ съ Пиѳагоромъ и Александромъ Великимъ его личность, хотя принадлежав-

шая къ историческому періоду Греціи, стала любимѣйшимъ центромъ народныхъ сказаній. Онъ выросталъ въ глазахъ массы до чудовищныхъ размѣровъ — точь-въ-точь какъ исполинская гора въ часъ вечернихъ сумерокъ, и подобно національнымъ героямъ-полубогамъ, вродѣ Геркулеса и Тезея, окружался ореоломъ какого-то миѳическаго существа. Легенды возводили его генеалогію къ самому Олимпу и съ таинственной важностью увѣряли, что отцомъ его былъ самъ Аполлонъ, богъ свѣта и поэзіи. Правда, Периктіона была замужемъ за Аристономъ, но прекрасный богъ имѣлъ съ нею сожительство еще раньше, когда она была дѣвственницей, и въ день свадьбы явился ея мужу, наказывая ему не касаться жены втеченіе всѣхъ послѣдующихъ 10 мѣсяцевъ, пока не родится отъ нея его собственный сынъ—Платонъ. Самый день рожденія философа легенды пріурочили къ тому дню, когда, по преданію, родился и Аполлонъ, и онѣ дальше передаютъ намъ чудеса, которыми это событіе ознаменовалось. Родители Платона рѣшили посвятить его Аполлону, Музамъ и Пану, и когда, при торжественныхъ жертвоприношеніяхъ, они произносили надлежащій обѣтъ, пчелы съ сосѣдняго Гимета слетались къ колыбели младенца и клали медъ на его уста. Отсюда-де сладость его рѣчей, когда онъ выросъ! Столь-же прелестнымъ миѳомъ украшена и первая встрѣча Платона со своимъ великимъ учителемъ: однажды Сократу приснилось, что къ нему прилетѣлъ прекрасный лебедь—священная птица Аполлона — и, покормившись изъ его рукъ, вновь улетѣлъ въ небеса, издавая дивную мелодію. Какъ разъ назавтра братъ Платона, Главконъ, привелъ его къ Сократу, и послѣдній тогда понялъ смыслъ своего чуднаго сна. Самой наконецъ смерти философа старались придать какой-то особенный, мистическій характеръ: онъ умираетъ то на брачномъ пиру, то во снѣ, и не на 80-мъ году своей жизни, а на 81-мъ,—такъ какъ число 81 представляетъ квадратъ 9-ти—числа музъ!

Сами по себѣ конечно подобные разсказы могутъ интересовать лишь дѣтей младшаго возраста; но они и для насъ тѣмъ не менѣе любопытны, какъ указаніе на то, какъ рано въ мнѣніи людей Платонъ сталъ «божественнымъ» философомъ. Слава его распространилась по всѣмъ угламъ тогдашняго цивилизованнаго міра; къ нему стекались со всѣхъ концовъ Греціи ученики и поклонники; выдающіеся государи, вродѣ Діонисія Сиракузскаго и Пердикка Македонскаго, обращались къ нему за совѣтами и по-

кали его дружбы, и говорятъ даже, что ѳивяне и аркадцы обратились къ нему съ просьбой составить имъ проектъ государственнаго уложенія. Онъ былъ предметомъ всеобщаго уваженія, и когда въ 360-мъ г., какъ передаютъ нѣкоторые писатели, философъ явился на Олимпійскія празднества, народъ разступался передъ нимъ, какъ передъ національнымъ героемъ; всѣ взоры обратились къ нему, на него указывали пальцами — и атлеты на мигъ были забыты.

Таковъ былъ этотъ замѣчательный человѣкъ. Мы не въ состояніи среди всей массы противорѣчивыхъ свидѣтельствъ произнести надъ его нравственнымъ характеромъ рѣшительнаго и окончательнаго приговора. Онъ не внушалъ любви, но онъ импонировалъ своимъ дивнымъ геніемъ, и мы можемъ лишь повторить съ Льюисомъ, что, не имѣя друзей, онъ однако имѣлъ горячихъ поклонниковъ.

Обратимся теперь къ его дѣятельности. Когда она собственно началась, намъ, какъ и по многимъ другимъ пунктамъ, въ точности неизвѣстно, но вѣроятно около того времени, когда онъ послѣ злополучной своей первой поѣздки въ Сицилію вернулся въ Аѳины, т. е. около 386 года. Именно тогда основана была его школа, впослѣдствіи пріобрѣвшая всемірную извѣстность: то была знаменитая Академія—нынѣ обиходное слово, —названная такъ по сосѣдней рощѣ, посвященной древнему герою Гекадему. Она находилась неподалеку отъ Аѳинъ, по дорогѣ въ Элевзинъ, и была выстроена на землѣ, пріобрѣтенной учениками Платона, послѣ того какъ Анницеридъ, выкупившій философа, рѣшительно отказался отъ какого-бы то ни было вознагражденія за понесенные убытки. Это мѣсто стало священною Меккою для образованныхъ людей древности, и еще долго — цѣлые вѣка — послѣ смерти Платона сюда стекались греки, римляне и варвары, чтобы поучиться у даровитыхъ его преемниковъ и прислушаться къ шелесту крыльевъ витающаго здѣсь генія. Платонъ, какъ извѣстно, никогда не былъ женатъ и не оставилъ послѣ себя прямыхъ наслѣдниковъ: Академія поэтому осталась какъ-бы корпоративной собственностью всей школы, а въ частности того философа, который въ данное время стоялъ во главѣ ея. Таковы были напримѣръ Спевзиппъ, Ксенократъ и др., на которыхъ преемственно падала мантія Платона. Каждый годъ, въ день его кончины, тамъ совершались жертвоприношенія и возліянія, какъ-бы въ честь божества, и ученики, увѣнчанные цвѣтами, отправлялись къ дорогой гробницѣ на поклоненіе.

Въ своемъ преподаваніи Платонъ въ общемъ придерживался того метода, которымъ съ такими блестящими результатами пользовался Сократъ. За немногими исключеніями, когда ему приходилось давать связную лекцію по какому-нибудь вопросу, Платонъ излагалъ свои мысли путемъ діалектическимъ, т. е. при помощи вопросовъ, отвѣтовъ и вообще совмѣстной съ учениками разработки основныхъ положеній. Само собою разумѣется, что роль учениковъ при этомъ была болѣе мнимая, нежели реальная: нить разговора была въ рукахъ у самого Платона, который не давалъ своимъ собесѣдникамъ отклоняться отъ нея въ ту или другую сторону и умѣлъ искусно напередъ намѣчать желательные ему отвѣты или вопросы. Отъ этого діалектическій способъ изложенія пріобрѣтаетъ у него не столько существенный, сколько формальный характеръ,—какъ разъ противоположный тому, какой этотъ способъ имѣлъ у Сократа, имѣвшаго дѣло не съ оффиціальными учениками, спорящими по программѣ, а съ широкой публикой, съ которой приходилось аргументировать въ-серьезъ, а не для вида только. Все же и у Платона діалектика играла нѣкоторую роль, пробуждая въ ученикахъ не одно лишь пассивное вниманіе, но и активную работу мышленія. Кромѣ того она давала возможность приводить иллюстраціи и факты съ цѣлью то рельефнѣе выдѣлить необходимые признаки даннаго понятія, то привести въ надлежащіе предѣлы содержаніе даннаго опредѣленія, то возможно ярче освѣтить какую-нибудь сложную мысль.

Эти выгоды діалектическаго способа развитія мыслей Платонъ цѣнилъ такъ высоко, что перенесъ его и въ литературныя свои произведенія. Какъ извѣстно, Сократъ излагалъ свое ученіе только устно; Платонъ-же, въ противоположность ему, написалъ цѣлый рядъ сочиненій, названныхъ діалогами, въ виду разговорной формы, въ которую они облечены. Въ древности, благодаря отсутствію книгопечатанія и связанныхъ съ нимъ искусствъ и ремеслъ, писанное слово никогда не пользовалось особеннымъ вліяніемъ и популярностью. Люди предпочитали устную рѣчь съ ея богатыми переливами красокъ и тоновъ мертвому слову, начертанному чернымъ на бѣломъ,—неподвижному и безцвѣтному, какъ взоръ каменной статуи: они не любили читать изъ свертка свою «Иліаду» или «Сафо», но предпочитали внимать, какъ ихъ передавали живыя уста пѣвца, съ его вдохновеннымъ лицомъ, свѣтящимися глазами и глубокимъ, взволнованнымъ голосомъ. Но чтеніе даже философ-

скихъ и научныхъ сочиненій, гдѣ подобныхъ драматическихъ моментовъ не могло быть, мало удовлетворяло ихъ: они возставали противъ того сфинксообразнаго безмолвія, которое вѣетъ отъ печатнаго слова. Страница даетъ не больше того, что она въ себѣ содержитъ: ее нельзя ни вопрошать, ни требовать отъ нея объясненій или отвѣтовъ на возникающія сомнѣнія какъ то можно сдѣлать съ живымъ человѣкомъ. И этотъ недостатокъ казался людямъ столь крупнымъ, что писатели, какъ Платонъ, употребляли всѣ усилія, чтобы выработать литературную форму, при которой этотъ недостатокъ скрасился бы елико возможно. Эта форма была форма діалога, т. е. разговоръ между двумя и болѣе лицами, изъ которыхъ одно развиваетъ извѣстныя положенія, а другія возражаютъ, останавливаютъ, переспрашиваютъ и т. д. Благодаря этому книга, казалось, пріобрѣтала всѣ наиболѣе важныя преимущества устной рѣчи, да къ тому еще нѣкоторыя другія, которыхъ послѣдняя лишена.

Такимъ образомъ діалогъ въ рукахъ Платона является ничѣмъ инымъ, какъ письменной формой діалектики, и тѣ общія цѣли, которыя, какъ мы видѣли, имѣла въ виду послѣдняя, имѣетъ также и первый. И тотъ, и другая отвѣчаютъ на запросы своего времени, и какое-бы значеніе мы имъ ни придавали въ настоящее время, для своего момента они имѣли первостепенную важность Пытливая мысль перестала уже удовлетворяться авторитетнымъ провозглашеніемъ истины, исходящимъ отъ божества и его оракуловъ; она скептически начала относиться къ безошибочности поэтическаго творчества и къ безгрѣшности прадѣдовской мудрости: она стала назойливо требовать аргументовъ, взывающихъ не къ сердцу или привычкамъ, а къ критическому разуму. Взять положеніе, точно опредѣлить всѣ входящіе въ него члены, освѣтить его со всѣхъ сторонъ и испытать его основательность въ горнилѣ разумнаго пониманія,—пожалуй, даже цѣпь тщательно подобранныхъ фактовъ,—вотъ какія требованія предъявлялись теперь философу, который бы вздумалъ выступить со взглядами и доктринами, не вошедшими еще въ наличную сумму идей и понятій. Догматическое изложеніе стало теперь невозможнымъ: явилась потребность въ системѣ аргументовъ и возраженій, которая бы удовлетворяла всѣмъ указаннымъ требованіямъ. Такая система была найдена: то была діалектика Сократа и діалогъ Платона.

Достоинства діалога, какъ видитъ теперь читатель, довольно

значительны, но еще болѣе велики достоинства самаго изложенія. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ самыхъ блестящихъ писателей не только въ греческой, но и во всемірной литературѣ: богатый, гибкій, мелодичный языкъ Эллады достигаетъ у Платона такой же высоты художественности и пластичности, какъ мраморъ подъ рукою Фидія. Прелесть выраженій, простота и непринужденность оборотовъ, яркіе образы, плѣнительные миѳы и, подъ всѣмъ этимъ, все оживляющій и все согрѣвающій потокъ глубокаго поэтическаго чувства заставляютъ насъ забывать все окружающее при чтеніи многихъ и многихъ страницъ и даже цѣлыхъ діалоговъ, какъ напримѣръ «Апологіи» или «Федона». Прибавьте къ этому, что дѣйствующія лица Платона никогда не являются резонирующими отвлеченностями, говорящими манекенами съ тѣмъ или другимъ ярлыкомъ для обозначенія ихъ именъ, но, напротивъ, представляютъ удивительную галлерею живыхъ во весь ростъ фигуръ, проходящихъ мимо нашихъ взоровъ, со всѣми ихъ индивидуальными особенностями,—опредѣленными, драматически очерченными личностями данной эпохи и данной страны, которыя живутъ, умираютъ, смѣются, плачутъ, влюбляются, ненавидятъ и прочее. При всемъ томъ намъ приходится сознаться, что большинство діалоговъ скучны и утомительны,—и это объясняется не столько трудностью трактуемыхъ въ нихъ предметовъ, сколько нѣкоторыми особенностями въ манерѣ Платона аргументировать. Нашъ умъ нерѣдко изнемогаетъ подъ черепашьимъ ходомъ аргумента, останавливающагося на такихъ положеніяхъ, которыя и безъ дальнѣйшихъ объясненій представляются намъ ясными, какъ день; мы приходимъ часто въ нетерпѣніе отъ этой массы соображеній и вопросовъ, которые намъ кажутся вовсе ненужными; мы иногда даже обвиняемъ автора въ педантизмѣ за его столь мелкое распластываніе понятій и предложеній, и наконецъ прямо негодуемъ, когда на самомъ интересномъ для насъ мѣстѣ, когда читатель напрягаетъ всю силу своей мысли и вниманія, его, подъ предлогомъ дальнѣйшаго разъясненія, вдругъ прерываютъ возраженіемъ или вопросомъ, который намъ кажется тривіальнымъ и плоскимъ. Все это явленіе, почти неизбѣжное всякій разъ, когда приходится имѣть дѣло съ діалогами дидактическаго характера, подобно Платоновскимъ, и здѣсь-то кроется тайна той трудности чтенія ихъ, на которую такъ мужественно указалъ впервые Льюисъ.

Всѣхъ діалоговъ, дошедшихъ до насъ подъ именемъ Платонов-

скихъ, 35, и еще къ тому 13 писемъ философа къ разнымъ лицамъ. Эти послѣднія однако, за исключеніемъ 7-го, относительно котораго мнѣнія ученыхъ еще раздѣляются, признаны всѣ до единаго подложными. У древнихъ повидимому чувство уваженія къ истинѣ было менѣе развито, нежели у насъ: они не прочь были помистифировать въ случаѣ чего — изъ видовъ ли благочестія, или другихъ,—тѣмъ болѣе, что, при отсутствіи научной критики и средствъ гласности, это можно было дѣлать съ большой безнаказанностью: шансовъ на изобличеніе было мало. Отсюда-то эта масса подложныхъ сочиненій, которыми такъ богата древняя литература. Къ нимъ и принадлежатъ псевдо-Платоновы письма, сочиненныя не раньше полувѣка послѣ его смерти, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже еще позднѣе. Что до діалоговъ, то и они не всѣ могутъ быть признаны подлинными. Еще въ древности, какъ передаетъ намъ Діогенъ Лаэрцій, по рукамъ ходили діалоги, приписываемые Платону, но на самомъ дѣлѣ сфабрикованные его учениками: этотъ писатель и даетъ намъ ихъ списокъ; но даже изъ упомянутыхъ тридцати пяти подлинность многихъ стала въ послѣднее время подвергаться сомнѣнію. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ изложеніе тѣхъ критеріевъ, которыми пользуются ученые при опредѣленіи подлинности тѣхъ или другихъ діалоговъ: эти критеріи -частью филологическаго, частью эстетическаго, частью хронологическаго, частью обще-литературнаго характера, но конечно ни одинъ изъ нихъ не отличается математической точностью и часто противорѣчитъ одинъ другому. Вопросъ поэтому о подлинности многихъ діалоговъ далеко еще не разрѣшенъ и находится, какъ говорится, подъ сомнѣніемъ. Наиболѣе прочно установленною почитается подлинность тѣхъ изъ нихъ, для которыхъ имѣется свидѣтельство Аристотеля, либо прямо цитирующаго ихъ какъ Платоновскіе, либо упоминающаго о нихъ въ такомъ смыслѣ; а менѣе прочно—тѣхъ. за которые ручаются лишь общія традиціи и внутренній характеръ ихъ. Вотъ списокъ наиболѣе извѣстныхъ діалоговъ, составленный Ибервегомъ, въ нисходящемъ порядкѣ ихъ подлинности: «Республика», «Тимей», «Законы», «Федонъ», «Пиръ», «Федръ». «Горгій», «Менонъ», «Гиппій Младшій», «Менексенъ», «Теэтетъ», «Филебъ», «Софисты», «Политикъ». «Апологія», «Лизидъ», «Лахъ», «Протагоръ», «Эвтидемъ», «Кратилъ».

Но еще труднѣе, нежели опредѣленіе подлинности Платоновскихъ діалоговъ, является классификація ихъ по содержанію. Для

систематическаго изученія какой-нибудь философской системы намъ важно прежде всего привести сочиненія даннаго мыслителя въ извѣстный порядокъ. Чаще всего мы распредѣляемъ ихъ по отдѣльнымъ, хотя и связаннымъ одна съ другой, группамъ, смотря по предмету, въ нихъ трактуемому, либо располагаемъ ихъ въ извѣстномъ преемственномъ порядкѣ такъ, чтобы каждое изъ этихъ сочиненій находилось во внутренней связи съ предыдущимъ и изученіе его служило ступенью къ изученію послѣдующаго. Ни тотъ, ни другой родъ классификаціи не примѣнимъ къ сочиненіямъ нашего философа. Уже спустя столѣтіе послѣ его смерти знаменитый ученый своего времени и директоръ Александрійской библіотеки, Аристофанъ изъ Византіи, сдѣлалъ попытку распредѣлить Платоновы діалоги въ рядъ трилогій (т. е. группъ по три), руководствуясь характеромъ содержанія. Спустя еще три слишкомъ вѣка другой ученый—пиѳагореецъ Тразиллъ, распредѣлилъ ихъ на томъ же принципѣ на девять тетралогій (группа изъ четырехъ), но ни тотъ, ни другой не выполнили своей задачи съ достаточнымъ успѣхомъ, и всѣ дальнѣйшія попытки въ томъ же направленіи были столь же безплодны. Объясняется это просто тѣмъ, что отдѣльные Платоновы діалоги не представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльныхъ сюжетовъ, и рѣдко какой изъ нихъ занимается *однимъ* какимъ-нибудь вопросомъ или даже нѣсколькими, но близко одинъ къ другому стоящими. Наряду съ предметами политическаго характера вы встрѣтите въ одномъ и томъ же діалогѣ подробное изложеніе ученія о душѣ или о воспоминаніи, а тамъ, гдѣ трактуется теорія идей, внезапно вводится и разбирается вопросъ о всемірной гармоніи или о достоинствахъ реторики. Ясно поэтому, что всякую попытку разграничить и распредѣлить діалоги по предмету, въ нихъ излагающемуся, заранѣе ждетъ неудача,—развѣ только мы рѣшимся пожертвовать ихъ цѣльностью и рвать ихъ на отдѣльныя страницы.

Расположить ихъ одинъ за другимъ въ логическомъ или генетическомъ порядкѣ, въ силу внутренней ихъ связи, также не легко, потому что именно такой связи, которая бы соединила всѣ діалоги въ одно органическое цѣлое, у Платона не имѣется. Мы привыкли ожидать отъ мыслителя, выступающаго на публичное поприще, полнаго и отчетливаго міросозерцанія, разработаннаго если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ въ существенныхъ своихъ деталяхъ. Мы полагаемъ, что идеи, имъ провозглашаемыя

суть плоды долгой, хотя и тихой, незамѣтной работы мысли, къ которымъ онъ пришелъ послѣ строгой критики, и которыя нашелъ наконецъ истинными. Мы беремъ его ученіе, какъ разъ навсегда установившееся, и разбираемъ независимо отъ тѣхъ убѣжденій, которыя авторъ могъ имѣть раньше или можетъ имѣть въ будущемъ. Приступая съ подобнаго рода мыслями къ изученію Платоновской философіи, мы испытываемъ сильное разочарованіе. По одному и тому же вопросу у него имѣются различныя мнѣнія, и нѣтъ ни одной доктрины, отъ важной до мелкой, которую бы онъ проводилъ въ цѣлости черезъ всѣ свои діалоги. Онъ то урѣзываетъ свои мнѣнія, то дополняетъ, то измѣняетъ, то совсѣмъ отвергаетъ, и часто защищаетъ въ одномъ діалогѣ то, противъ чего ожесточенно сражается въ другомъ. Такъ напр., соглашаясь съ Сократомъ, что добродѣтель и знаніе тождественны, и что сталобыть первая поддается преподаванію, онъ въ концѣ своей жизни отказывается отъ этого положенія, тѣмъ самымъ отрицая всю этическую систему, которую онъ раньше такъ тщательно строилъ. Точно также свое ученіе объ идеяхъ—это сердце его философіи—онъ самъ же въ одномъ изъ своихъ наиболѣе блестящихъ діалоговъ «Парменидъ» до того разбиваетъ въ дребезги, что многіе новѣйшіе ученые никакъ не могутъ примириться съ мыслью, чтобы этотъ діалогъ могъ выйти изъ-подъ его пера. Даже сама форма діалога у него не до конца выдержана: не говоря уже объ «Апологіи», гдѣ она по существу не могла имѣть мѣсто, она почти исчезаетъ напр. въ послѣднемъ его сочиненіи—«Законахъ», уступая мѣсто обычному связному методу изложенія отъ лица автора.

Такое крайнее непостоянство во взглядахъ и даже пріемахъ можетъ показаться страннымъ, но оно объясняется тѣмъ глубокимъ духомъ скептицизма, которымъ былъ проникнутъ умъ Платона, не смотря на всю кажущуюся его догматичность. Онъ былъ сынъ своего вѣка, но это не значитъ, чтобы онъ, подобно Протагору, когда-либо отчаялся найти истину: Платонъ былъ увѣренъ, что она существуетъ, но онъ лишь сомнѣвался въ своихъ силахъ дойти до нея. Въ каждый моментъ своего развитія, когда, казалось, истина была уже у него въ рукахъ, онъ все же никакъ не могъ отдѣлаться отъ тайной мысли, что быть можетъ онъ ошибается. Онъ вѣрилъ въ будущее, но не довѣрялъ настоящему, и эта струя скептицизма, еле примѣтная, но все же могучая,

разъѣдала какъ ржа самыя завѣтныя догмы его ученія. Быть можетъ Платонъ слишкомъ широко смотрѣлъ на вещи, слишкомъ часто становился — мысленно главнымъ образомъ въ положеніе противника, чтобы вѣрить въ исключительную правоту своей точки зрѣнія и абсолютную безошибочность своихъ мнѣній. Какъ бы то ни было, фактъ остается неизмѣннымъ: мы не встрѣчаемъ у него такой стройной и тщательно координированной системы, какую мы привыкли видѣть у другихъ философовъ, — напр. Спинозы или Гегеля; у него даже, какъ уже давно было замѣчено, системы, въ строгомъ смыслѣ этого слова, совсѣмъ нѣтъ, а имѣются лишь различныя мнѣнія, — правда, связанныя между собою общностью тенденцій, — выражающія отдѣльные моменты въ процессѣ развитія Платоновской мысли. Эти мнѣнія, изложенныя на бумагѣ, и дошли до насъ подъ формою діалоговъ, и искать поэтому между послѣдними тѣсной внутренней связи, которая бы давала намъ возможность изучать ихъ въ извѣстномъ послѣдовательномъ порядкѣ, совершенно напрасный трудъ.

Критики начала нашего столѣтія сразу замѣтили этотъ особенный характеръ Платоновскихъ сочиненій, и знаменитѣйшій изъ нихъ, Шлейермахеръ, сдѣлалъ попытку, стоя на этой почвѣ, объединить ихъ въ одномъ общемъ принципѣ, который-бы и освѣтилъ надлежащимъ образомъ такое крайнее разнообразіе и противорѣчивость доктринъ Платона, и далъ въ то же самое время возможность классифицировать его діалоги. Онъ провозгласилъ теорію, что Платонъ приступилъ къ своимъ сочиненіямъ съ предопредѣленнымъ планомъ и имѣлъ въ виду не сразу развернуть во всей ея полнотѣ общую и цѣльную картину своей системы, но, такъ сказать, постепенно подготовить умъ читателя къ воспріятію ея. Платонъ не думалъ развивать своей системы генетически, а дидактически, и согласно съ этимъ его діалоги естественно распадаются на три группы: элементарную, подготовительную и построительную.

Попытка была довольно остроумна, но, какъ уже вскорѣ показалъ другой извѣстный ученый Германнъ, совершенно произвольна. Какъ можно въ самомъ дѣлѣ предположить, и какими фактами можемъ мы такое предположеніе обосновать, что Платонъ приступилъ къ своей литературной работѣ съ предопредѣленнымъ планомъ, да еще къ тому дидактическаго характера? Германнъ вмѣсто этого предлагаетъ стать на другую, болѣе естественную

точку зрѣнія, — и именно ту, какую мы указали выше, — что діалоги, какъ они существуютъ, не представляютъ единаго и органически сплоченнаго цѣлаго, а являются лишь отдѣльными выраженіями Платоновской мысли въ отдѣльные моменты ея развитія. Большаго мы искать въ нихъ и не въ состояніи, и не вправѣ, и всякая попытка къ стройной классификаціи ихъ должна быть оставлена разъ навсегда.

Отсюда ясно, какое громадное значеніе пріобрѣтаетъ для насъ знаніе хронологическаго порядка, въ которомъ діалоги Платона появлялись одинъ за другимъ изъ-подъ его пера: только тогда можемъ мы опредѣлить положеніе — и историческое, и логическое — каждаго діалога въ ряду всѣхъ другихъ. Къ сожалѣнію, и это намъ не вполнѣ доступно, и лучшіе авторитеты, сходясь относительно наиболѣе позднихъ произведеній Платона, никакъ не могутъ прійти къ общему заключенію относительно самыхъ раннихъ изъ нихъ. Одни, относя начало литературной дѣятельности Платона къ Сократовскому періоду, считаютъ за первые его діалоги «Хармидъ», «Лизидъ» и «Лахъ», въ то время какъ другіе, полагая, что онъ сталъ писать не раньше своего 40-го года, признаютъ за первые «Федръ», «Іонъ» и «Пиръ». Мы не претендуемъ дать свое личное мнѣніе на этотъ счетъ, а приведемъ два списка діалоговъ—одинъ—Джоуэтта, а другой—Иберверга—какъ два наиболѣе популярныхъ типа хронологической классификаціи. Первый изъ нихъ ставитъ діалоги въ такомъ порядкѣ: «Хармидъ», «Лизидъ», «Лахъ», «Протагоръ», «Эвтидемъ», «Кратиллъ», «Федръ», «Іонъ», «Пиръ», «Менонъ»... «Апологія», «Критонъ», «Федонъ», «Горгій»... «Республика», «Тимей», «Критій», «Парменидъ», «Теэтетъ», «Софистъ», «Политикъ», «Филебъ», «Законы», а второй—«Федръ», «Пиръ», «Протагоръ», «Горгій»... «Менонъ», «Республика», «Тимей», «Критій»... «Федонъ», «Кратиллъ», «Теэтетъ», «Филебъ» и «Законы».

Если однако классификація діалоговъ на тѣхъ или другихъ началахъ невозможна, то все же мы можемъ найти въ нихъ рядъ такихъ мнѣній, которыя наиболѣе постоянно и ярко характеризуютъ Платона, какъ философа. Мы должны ихъ брать въ разброску изо всѣхъ діалоговъ, взаимно поправляя и дополняя. Мы конечно не получимъ при этомъ вполнѣ законченной, органически связанной и округленной системы, но у насъ будетъ, во всякомъ случаѣ, общая картина всего того, что Платонъ наиболѣе

*

долго и серьезно признавалъ за окончательную истину. Такъ до сихъ поръ поступали историки философіи и, смотря по содержанію, распредѣляли собранные вмѣстѣ взгляды Платона на три отдѣла: 1) діалектику, или ученіе объ идеяхъ и познаніи; 2) физику, или ученіе о космосѣ и душѣ, и 3) этику или ученіе о нравственности и государствѣ. Безъ сомнѣнія, и это подраздѣленіе не вполнѣ точно и исчерпывающе; но за неимѣніемъ лучшаго, а также благодаря давности его существованія (говорятъ, оно впервые было сдѣлано самими учениками Платона), намъ приходится имъ удовольствоваться и согласно съ этимъ сдѣлать обзоръ философской системы Платона.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Историческій моментъ.—Міръ матеріальный и міръ идеальный.—Идеи—ихъ природа и отношеніе къ предметамъ чувственнаго воспріятія.—Иллюстрація.—Коренное противорѣчіе въ Платоновскомъ міросозерцаніи.—Знаніе реальное и мнимое.—Орудіе истиннаго познаванія.—Важность вопроса объ абсолютномъ знаніи.—Отвѣтъ на него Платона—теорія воспоминанія.—Произвольность ея и значеніе въ исторіи мысли.—Выводы практической морали и историческій ихъ смыслъ.—Іерархія идей.—Высочайшее благо.—Божество.—Сотвореніе міра.—Косное начало.—Матеріальная форма.—Міровая душа.—Космологія.—Психологія.—Природа души.—Добродѣтель.—Любовь.

Въ разговорѣ съ однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ Гербертъ Спенсеръ какъ-то замѣтилъ, что, вообще говоря, тамъ, гдѣ условія дѣйствительной жизни не представляютъ здоровой пищи или достаточнаго простора для человѣческой дѣятельности, мысль ударяется въ метафизику. Это замѣчаніе, очень мѣткое вообще, какъ нельзя вѣрнѣе схватываетъ характеръ того историческаго момента, въ который появилась великая метафизическая система Платона. Греція жила удивительной жизнью. Фазы ея эволюціи слѣдовали одна за другою съ ошеломляющей быстротой; формы общественной и политической жизни смѣнялись, какъ смѣняются сцены въ какой-нибудь волшебной феерiи, и греческій геній, какъ легендарный Фаэтонъ, мчался по небесному своду, сверкая и грохоча, все выше и выше поднимаясь по скользкой и опасной тропинкѣ. Это была какая-то безумная скачка, отъ которой мы, от-

даленные потомки, испытываемъ чувство, подобное тому, которое вызываютъ въ насъ—да простится намъ это сравненіе—антраша особенно смѣлаго и дерзкаго акробата. Мы съ захватывающимъ духъ волненіемъ все какъ бы ждемъ катастрофы; мы не можемъ отдѣлаться отъ этой мысли; наши нервы напряжены—и, увы въ большинствѣ случаевъ наши опасенія оправдываются. Греческій геній жегъ себя, такъ сказать, съ двухъ сторонъ, и достигши въ два-три поколѣнія неслыханнаго расцвѣта, сталъ такъ же быстро меркнуть и угасать. Эпоха, въ которую жилъ и мыслилъ Платонъ, какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ моментомъ, когда леденящее дыханіе смерти впервые коснулось Эллады: общественныя формы ея стали обнаруживать признаки разложенія, искусство стало спускаться съ своей недосягаемой высоты, и сама мысль начала биться и кружиться въ сѣтяхъ все охватывающаго скептицизма. Еще и еще немного, одно лишь поколѣніе—и прекрасная Греція падетъ подъ ударомъ завоевателя, какъ созрѣвшій плодъ падаетъ при легкомъ дуновеніи вѣтра.

Платонъ не мирился съ дѣйствительностью и, съ силою творчества, рѣдко превзойденной въ исторіи мысли, создалъ себѣ міръ вѣчный и прекрасный, недоступный ни времени, ни самой смерти. Матеріальный міръ съ его быстронесущимися формами, его измѣнчивыми судьбами, его страданіями и несовершенствомъ поблекъ, потускнѣлъ,—почти исчезъ при свѣтѣ другого міра,—высшаго, незыблемаго и единственно дѣйствительнаго. Что, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ изъ себя эта вся совокупность явленій, которую мы называемъ пышнымъ именемъ «міръ»? Безпрестанное движеніе, безпрерывная смѣна разрозненныхъ, ничѣмъ не связанныхъ вещей, гдѣ нѣтъ ни постояннаго, ни вѣчнаго, про что мы могли бы сказать, что это *то*, а не *другое*. Все, какъ Гераклитъ говорилъ, находится въ состояніи неостанавливающагося теченія, въ которомъ нѣтъ ничего опредѣленнаго, въ которомъ не за что ухватиться, гдѣ все ускользаетъ изъ рукъ, гдѣ все мѣняется, переходитъ одно въ другое,—гдѣ, словомъ, нѣтъ *бытія*, а есть лишь *становленіе*. Считать все это за дѣйствительность такъ же безсмысленно, какъ принимать китайскія тѣни, проходящія передъ нашими глазами на полотнѣ, за реальныя фигуры: реальность, если гдѣ-нибудь существуетъ, должна быть въ другомъ мѣстѣ, а не здѣсь, въ этомъ калейдоскопѣ вѣчно несущихся явленій и формъ, гдѣ все *становится*, и никогда не *есть*.

Но реальность должна гдѣ нибудь существовать, и принимать все исключительно за иллюзію, за совершенный обманъ нашихъ чувствъ невозможно. Даже бредъ больного предполагаетъ существованіе мозга,—тѣмъ болѣе этотъ міръ, со своимъ безконечнымъ рядомъ явленій, поминутно взывающихъ къ нашимъ элементарнымъ органамъ чувствъ. Мы можемъ уподобить всѣ воспринимаемыя нами вещи волнамъ быстро текущей рѣки и, какъ таковыя, признать ихъ преходящими и недѣйствительными; но кто можетъ усомниться въ существованіи нѣкоторой реальности, вызывающей эти волны и являющейся неизмѣннымъ ихъ субстратомъ, т. е. воды? Даже больше, взявъ весь міръ, какъ одно цѣлое, и признавъ, что въ немъ все—одно лишь становленіе, т. е. переходъ изъ одного состоянія въ другое, развѣ этимъ самымъ мы не предполагаемъ существованія нѣчто такого, которое лежитъ въ основѣ такого становленія? Вѣдь для того, чтобы явленіе было переходомъ изъ одного состоянія въ другое, необходимо допустить существованіе *чего-нибудь*, которое бы этотъ переходъ совершало, т. е. бытіе, которое бы становилось—подобно тому, какъ, признавая данное явленіе за движеніе, мы этимъ самымъ допускаемъ существованіе того, что движется.

Найти эту реальность и составляетъ основную задачу Платоновской философіи, и отвѣтомъ на нее служитъ знаменитое ученіе объ идеяхъ.

Представимъ себѣ группу вещей—предметовъ или явленій,—которыя принято называть однородными, т. е. такими, которыя, не смотря на все свое разнообразіе въ формахъ или признакахъ, заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя основныя свойства, общія всѣмъ входящимъ въ данную группу вещамъ. Таковы будутъ напримѣръ люди (Сократъ, Аристидъ, Критій), деревья (береза, сосна, дубъ), мебель (столъ, стулъ, кровать), альтруистическія чувства (великодушіе, состраданіе, любовь) и т. д. Не смотря на множество различій, отдѣляющихъ однѣ изъ этихъ вещей отъ другихъ, входящихъ съ ними въ одну и ту же группу, онѣ все таки имѣютъ нѣчто общее, которое дѣлаетъ ихъ вещами *этой* группы, а не *другой*, именно *тѣми*, а не другими,—людьми, а не напримѣръ звѣрями, деревьями, а не травою, мебелью, а не утварью, чувствами альтруистическими, а не эгоистическими. Это общее «нѣчто», которымъ опредѣляется принадлежность вещи къ той или другой группѣ (т. е. роду или виду), состоитъ изъ такъ называемыхъ постоян-

ныхъ признаковъ, объединяемыхъ въ родовое или видовое понятіе. Мы въ настоящее время полагаемъ, что эти понятія суть лишь абстракты, которые хотя и имѣютъ свои корни въ конкретныхъ вещахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не существуютъ нигдѣ, кромѣ какъ въ нашемъ умѣ: это—бытія субъективныя, а не объективныя. Но не такъ думалъ Платонъ. Теорія абстрагирующаго процесса была для него и для всей предыдущей философіи Греціи совершенно неизвѣстна, и, подобно всѣмъ своимъ современникамъ, онъ не умѣлъ отдѣлять логическое существованіе вещей отъ дѣйствительнаго. Все, что̀ мы познаемъ, казалось ему, должно имѣть объективное существованіе, такъ какъ иначе мы не могли бы его познать. Ничто, т. е. не-бытіе, мы познать не можемъ, такъ какъ оно не можетъ возбудить въ насъ ни ощущенія, ни впечатлѣнія: отрицать это, думалъ онъ, значило бы допустить, что *ничто* можетъ произвести *нѣчто*; разъ слѣдовательно у насъ имѣется знаніе чего-нибудь, это, *что-нибудь* должно существовать: въ противномъ случаѣ и у насъ не было бы этого знанія. Для всякой мысли поэтому долженъ существовать объектъ: самый фактъ ея постулируетъ это, и этотъ объектъ долженъ имѣть дѣйствительное существованіе извнѣ нашего ума.

И вотъ Платонъ полагаетъ, что то, что̀ мы называемъ теперь понятіемъ, а онъ идеей вещей, имѣетъ дѣйствительное существованіе, отдѣльное отъ этихъ вещей и независимое отъ нашей мысли. Тѣ родовые и видовые признаки, которые мы считаемъ свойствами вещей, внѣ ихъ не существующими, являлись во мнѣніи Платона свойствами идей, входящихъ въ эти вещи въ качествѣ составныхъ ихъ элементовъ. Взявъ напримѣръ рядъ красивыхъ вещей—красивое лицо, красивую статую, красивую мелодію, красивый переплетъ и т. д., Платонъ говоритъ, что эти вещи дѣлаются красивыми оттого что въ нихъ входитъ, съ ними сочетается красота, т. е., что «только благодаря красотѣ красивыя вещи становятся красивыми». Эта красота есть идея красивыхъ вещей, подобно тому, какъ человѣкъ есть идея Сократа, Аристида, Критія, а дерево—идея березы, сосны, дуба, и т. д. Идея такимъ образомъ есть не что иное, какъ наше понятіе, съ тою однако существенной разницей, что она въ дѣйствительности, объективно существуетъ. Идея есть бытіе, живое воплощеніе всѣхъ родовыхъ и видовыхъ признаковъ вещей,—воплощеніе не отвлеченное, не субъективное, а конкретное и объективное. Она, такъ сказать, живая, кристал-

зованная квинтъ-эссенція всѣхъ вещей, входящихъ въ одну и ту же однородную группу: она—человѣкъ по преимуществу и въ отдѣльности отъ единичныхъ людей, столь не похожихъ въ частностяхъ одинъ на другого; она—дерево въ отличіе отъ единичныхъ деревьевъ; она—животное въ отличіе отъ единичныхъ животныхъ, и т. д. Она—типъ или, скорѣе, прототипъ, первообразъ вещей, живой и существующій въ дѣйствительности.

Мало того. Платоновскія идеи существуютъ не только для цѣлыхъ группъ — родовыхъ и видовыхъ,—но и для единичныхъ вещей и предметовъ, т. е. не только напримѣръ для дерева вообще, и для березы въ частности, но и для *этой* березы, а не другой въ особенности. Какой-нибудь отдѣльный и опредѣленный человѣкъ—назовемъ его Сократомъ — постоянно, въ каждый моментъ, подвергается измѣненіямъ внѣшнимъ и внутреннимъ: различныя положенія, состоянія, возрастъ и пр. безпрерывно измѣняютъ его такимъ образомъ, что по истеченіи нѣкотораго періода времени онъ какъ-бы перерождается и становится другимъ человѣкомъ. Все-же подъ всѣми этими измѣненіями скрывается нѣчто такое, неуловимое, но реальное, въ силу чего Сократъ постоянно остается, въ глубинѣ своей сущности, тожественнымъ съ самимъ собой. Это «нѣчто» составляетъ какъ-бы сущность Сократа, чистый типъ его личности,—если можно такъ выразиться,—въ различные моменты его жизни: оно и есть идея Сократа, существующая отдѣльно и объективно.

Отсюда съ достаточной ясностью вытекаетъ ученіе Платона объ отношеніи идей къ предметамъ матеріальнаго міра. Какъ чистыя сущности вещей, составляющихъ группы, равно какъ и вещей единичныхъ, идеи суть какъ-бы воплощенія этихъ группъ и понятій вещей—типы коллективные и индивидуальные, которые дѣлаютъ данную вещь именно такой, а не другой. Безъ Красоты (мы обозначаемъ здѣсь Платоновскую идею прописной буквой) не было-бы красивыхъ вещей, безъ Справедливости не было-бы справедливыхъ поступковъ, безъ Дерева не было бы отдѣльныхъ деревьевъ; благодаря именно тому, что существуютъ эти идеи: Красота, Справедливость и Дерево — стало возможнымъ, чтобы данныя вещи могли сдѣлаться красивыми, данные поступки—справедливыми и данныя растенія—деревьями. Идея по отношенію къ вещамъ играетъ такую-же роль, какъ концепціи художника или ремесленника по отношенію къ ихъ произведеніямъ. Худож-

никъ, составляя себѣ концепцію богини Минервы, создаетъ по ней цѣлый рядъ статуй, которыя, несмотря на разнообразіе въ матеріалѣ, формѣ и пр., становятся изображеніями Минервы; точно такъ-же и плотникъ, создавъ себѣ концепцію кровати, дѣлаетъ цѣлый рядъ мебели, которая есть кровать въ силу этой концепціи. Богиня Минерва и кровать въ умахъ художника и плотника являются какъ-бы типами и первообразами всѣхъ статуй и кроватей, ими сдѣланныхъ. Точно такъ-же и идеи суть типы или первообразы, по которымъ созданы вещи нашего чувственнаго міра. И подобно тому, какъ статуи художника и кровати плотника суть какъ-бы вещественныя копіи съ ихъ концепцій, такъ и вещи чувственнаго міра суть не что иное, какъ вещественныя копіи съ данныхъ идей. Разница лишь та, что въ то время, какъ концепціи художника или плотника существуютъ лишь въ ихъ умѣ, идеи существуютъ въ реальности.

Въ качествѣ такихъ моделей вещей, идеи первѣе ихъ, и въ то время какъ онѣ, вещи, измѣнчивы и бренны, какъ всякая копія, идеи должны быть неизмѣнны, т. е. всегда быть абсолютно тожественными сами съ собой и существовать отъ вѣчности до вѣчности. Кромѣ того, какъ кристаллизованныя сущности вещей, идеи существуютъ отдѣльно отъ послѣднихъ,—но не на ряду съ ними, а исключительно: онѣ—реальности не въ ряду другихъ, а реальности по преимуществу—единственныя и абсолютныя. Вещи же не обладаютъ никакимъ дѣйствительнымъ бытіемъ; подобно отраженію въ зеркалѣ: онѣ—невѣрные, неясные снимки, имѣющіе существованіе, да и то призрачное—только благодаря идеямъ. Вселенная поэтому распадается какъ бы на два міра: одинъ міръ—идей, единственно реальный, неизмѣнный и вѣчный, а другой—вещей, призрачный, бренный и измѣнчивый; въ первомъ обитаютъ оригиналы и типы, во второмъ—копіи и снимки; въ первомъ нумены, во второмъ феномены, въ первомъ—бытіе, во второмъ—становленіе. Платонъ иллюстрировалъ все это слѣдующимъ поэтическимъ сравненіемъ. Представимъ себѣ, говорилъ онъ, подземную пещеру съ широкимъ, но высокимъ отверстіемъ къ свѣту, а въ пещерѣ — людей, находящихся тамъ со дня своего рожденія, и скованныхъ по рукамъ и ногамъ, спиною къ передней стѣнѣ. Сзади нихъ пылаетъ яркій огонь, и между ними и этимъ огнемъ, по тропинкѣ, идущей вдоль отверстія, безпрестанно проходятъ люди, бросая тѣнь въ пещеру, на противоположную ея стѣну. Не будучи

въ состоянiи повернуть головы и не зная слѣдовательно, что происходитъ за ихъ спиною, люди въ пещерѣ видятъ однѣ лишь тѣни и естественно принимаютъ ихъ за дѣйствительныя фигуры, за реальныя существа. Но вотъ, представимъ себѣ, что одинъ изъ этихъ людей освобождается отъ цѣпей и выбирается черезъ отверстiе пещеры на открытый воздухъ, въ незнакомый ему мiръ. Въ первые моменты конечно онъ ничего, кромѣ боли въ глазахъ, не испытаетъ, но затѣмъ, мало по малу привыкая къ свѣту, онъ начнетъ присматриваться и видѣть цѣлый рядъ новыхъ, неизвѣстныхъ ему вещей—небо, землю, воду, людей, деревья и пр. Сначала, если его кто нибудь начнетъ увѣрять, что все, что онъ видитъ,—реальности, а то, что онъ раньше видалъ въ пещерѣ,—однѣ лишь тѣни ихъ, онъ, вѣроятно, не повѣритъ,—подумаетъ, что надъ нимъ смѣются, и, быть можетъ, еще такъ обидится, что махнетъ рукой и полѣзетъ обратно въ свою родную пещеру. Но предположимъ, что онъ—человѣкъ недюжинный, и что у него хватитъ мужества выслушать всѣ эти непрiятныя ему вещи: онъ начнетъ тогда провѣрять, сравнивать, ощупывать и размышлять, и наконецъ согласится, что прежде онъ жилъ фантомами, —что онъ зналъ однѣ лишь тѣни вещей, и что только теперь ему удалось постигнуть дѣйствительный мiръ. Быть можетъ, движимый любовью къ своимъ жалкимъ собратьямъ, онъ возвратится въ подземную мглу и начнетъ разсказывать про свои впечатлѣнiя; но они подпимутъ его на смѣхъ, назовутъ свихнувшимся фантазеромъ и, если, при переходѣ отъ свѣта къ мраку, онъ еще на время ослѣпнетъ и не сможетъ различить даже и тѣни, проходящiя по стѣнѣ, надъ нимъ начнутъ еще острить и спрашивать, не оставилъ-ли онъ тамъ, наверху, свой умъ и свои глаза, и т. д. Смыслъ этой басни ясенъ: пещера—это нашъ видимый мiръ, тѣни, проходящiя на стѣнѣ,—суть вещи этого мiра, а люди, сидящiе тамъ и принимающiе эти тѣни за дѣйствительность,—это мы сами, самоувѣренные и упрямые слѣпцы, считающiе вещи чувственнаго мiра за реальность.

Во всемъ этомъ есть однако пунктъ, настоятельно требующiй разъясненiя. Какимъ образомъ вещи становятся копiями идей? Въ силу чего напр. великое множество деревьевъ, именуемыхъ березами и отличающихся во многихъ отношенiяхъ одно отъ другого, являются копiями съ идеи березы, а не другой? Каково дѣйствительное отношенiе вещей къ идеямъ, такъ чтобы первыя могли сдѣлаться снимками съ послѣднихъ? Платонъ отдѣлывается общи-

ми мѣстами и говоритъ, что вещь участвуетъ παδδυχυ въ идеѣ. что въ ней есть нѣчто изъ того, что есть идея, что наконецъ подобно тому, какъ концепція художника воплощается въ его статуѣ, такъ и идея воплощается въ вещи. Но все ли этимъ сказано? Врядъ-ли! Самъ Платонъ въ одномъ мѣстѣ сознается, что, не смотря на то, что таково его убѣжденіе на этотъ счетъ, онъ не смогъ бы объяснить, какимъ образомъ происходитъ это участіе вещи въ идеѣ, а само это убѣжденіе подвергаетъ такой разрушительной критикѣ въ своемъ «Парменидѣ», что позднѣйшимъ философамъ не осталось ничего, что можно было бы къ ней прибавить. Въ самомъ дѣлѣ, если идея, какъ живой типъ, по существу своему едина и нераздѣльна, то какъ можетъ она войти необходимымъ элементомъ во многое и разнообразное, не потерявъ въ то же время этого единства и нераздѣльности? Одно изъ двухъ: или идея входитъ въ каждую отдѣльную вещь данной группы цѣликомъ,—тогда она перестаетъ быть единой, или она входитъ въ каждую вещь частью,—и тогда она перестаетъ быть нераздѣльной. Философъ самъ не могъ найти выхода изъ этой дилеммы,—тѣмъ менѣе можемъ мы.

Но какъ бы то ни было, этимъ путемъ Платону удалось, оставаясь на почвѣ Гераклитова положенія о безконечной измѣнчивости, а потому недѣйствительности вещей матеріальнаго міра, построить новый міръ, гдѣ царствуетъ вѣчная реальность. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разрѣшилъ и другую проблему, тѣсно связанную съ первой и выдвинутую греческой мыслью 5-го вѣка. То было знаменитое положеніе Протагора о томъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. Какъ читатель уже знаетъ изъ біографіи Сократа, этотъ смѣлый философъ, такъ же оставаясь все время на точкѣ зрѣнія Гераклита, не поколебался вывести изъ основного тезиса своего учителя заключеніе о крайней относительности нашего знанія. Если чувственный міръ находится въ состояніи постояннаго движенія и измѣненія, то все наше знаніе отрывочно, неполно и несовершенно; мало того, такъ какъ феномены этого міра доступны лишь нашимъ ощущеніямъ и чувственнымъ воспріятіямъ, а эти послѣднія различны у различныхъ индивидовъ, то это отрывочное, неполное и несовершенное знаніе не имѣетъ даже объективной достовѣрности, а лишь субъективную. Истина такимъ образомъ не только не полна, но и относительна, и не только относительна вообще для всего чело-

вѣчества, но разнится въ степени и значеніи для каждой отдѣльной личности. Съ этимъ Платонъ соглашался. И онъ говорилъ, что знаніе матеріальнаго міра состоитъ исключительно изъ чувственныхъ воспріятій, а такъ какъ одна и та же вещь можетъ восприниматься различно различными субъектами въ различное время, то такое знаніе не въ состояніи установить прочныхъ фактовъ и исчерпать истинную природу вещей. Оно, словомъ, не объективно-истинное, а только мнѣніе — нѣчто среднее между совершеннымъ знаніемъ и полнымъ незнаніемъ — соотвѣтственно съ тѣмъ, какъ предметъ этого мнѣнія представляетъ лишь промежуточную стадію между бытіемъ и не-бытіемъ, т. е. становленіе, феноменъ. Объективно-истинное знаніе должно быть выше мнѣнія и имѣть дѣло съ предметами болѣе высшими, нежели тѣ, которыми занимается послѣднее, т. е. предметами, представляющими реальное и неизмѣнное бытіе. Протагоръ такихъ предметовъ не видѣлъ, потому что не поднимался выше калейдоскопической игры явленій чувственнаго міра, гдѣ дѣйствительно ихъ нѣтъ. Но у Платона они были: то были его идеи, составляющія міръ сверхчувственныхъ вещей. Познаваніе этого міра и есть истинное знаніе, совершенное и полное, передъ которымъ обращается въ ничто всякое другое: оно не только знаніе par excellence, но и единственно возможное для человѣка, — другого знанія нѣтъ и не можетъ быть. Только потому, что у насъ имѣются идеи, возможно такого рода знаніе: уничтожьте первыя, лишите ихъ неизмѣнности и вѣчности свойствъ, — исчезнетъ и второе, и останется одна софистика, гдѣ каждый толкуетъ вещи по своему и каждый по своему правъ. А подобно тому, какъ объектъ знанія выше, нежели объекты мнѣнія, самый способъ достиженія перваго несравненно выше, нежели тотъ, которымъ достигается второе. Въ опроверженіе тѣхъ философовъ, которые отрицали движеніе и считали его за иллюзію, циникъ Діогенъ, говорятъ, вышелъ изъ своей бочки и торжественно прошелся взадъ и впередъ, думая этимъ наглядно доказать нелѣпость подобныхъ мнѣній. Конечно такого рода побѣдоносные аргументы были совершенно неумѣстны, такъ какъ противники его никогда и не думали отрицать, что *иллюзія* движенія существуетъ: они говорили, что это только иллюзія, видимость, но вовсе не объективно существующее явленіе. Подобнымъ образомъ, говоритъ преданіе, этотъ же самый циникъ, не видѣвшій дальше

своего носа, вздумалъ показать несостоятельность Платоновской теоріи идей, говоря, что онъ дѣйствительно видитъ и ощупываетъ бочку, но что онъ никакъ не видитъ и не въ состояніи ощупать идеи бочки. Гдѣ-же она? спрашиваетъ онъ. «И не мудрено, отвѣтилъ ему Платонъ, что ты ея не видишь: ты смотришь глазами, а не разумомъ». Точно такъ-же, прибавимъ мы отъ себя, Діогенъ могъ бы утверждать, что онъ видитъ однѣ лишь буквы и строчки и не видитъ идеи автора, и думать при этомъ, что онъ правъ, ссылаясь на свои чувственныя воспріятія. т. е. зрѣніе, слухъ, осязаніе и пр. Дѣло въ томъ, училъ Платонъ, что эти чувственныя воспріятія имѣютъ дѣло только съ тѣми предметами, которые находятся вокругъ насъ, въ матеріальномъ мірѣ явленій, но они рѣшительно не годятся, какъ только мы переступаемъ за предѣлы этого міра и стремимся познать предметы другого, высшаго порядка: чувственныя воспріятія не у мѣста въ сверхчувственномъ мірѣ, и тамъ нужно пользоваться совсѣмъ инымъ орудіемъ познаванія. Платонъ это орудіе указалъ: это — разумъ, та высшая способность нашего ума, которая имѣетъ дѣло съ категоріями бытія и вѣчности, а не съ быстро-мелькающими феноменами нашего міра. При помощи его мы познаемъ идеи, т. е. достигаемъ знанія подобно тому, какъ при помощи органовъ чувствъ мы знакомимся съ вещами, т. е. пріобрѣтаемъ мнѣніе, и какъ послѣднее состоитъ изъ отрывочныхъ представленій вещей, такъ знаніе состоитъ изъ стройныхъ концепцій идей. Отсюда возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ возможно для насъ знаніе, когда объекты его, идеи, находятся внѣ условій нашего бытія, внѣ пространства и времени? Мы готовы допустить, что идеи, по самой сущности своей, недоступны нашимъ ощущеніямъ, а только разуму; но какимъ образомъ можетъ дойти до нихъ разумъ самъ? Вопросъ трудный, и самая постановка его дѣлаетъ честь Платоновскому генію. Въ самомъ дѣлѣ, человѣческій умъ несовершененъ и конеченъ: какъ же можетъ онъ подняться надъ матеріальнымъ міромъ, бреннымъ и относительнымъ, и дойти до познанія вѣчнаго и абсолютнаго? Надъ этимъ «проклятымъ» вопросомъ тщетно билась метафизическая мысль впродолженіе вѣковъ, сознавая, что отъ разрѣшенія его въ ту или другую сторону зависитъ само ея существованіе: если абсолютъ дѣйствительно доступенъ нашему познанію, то метафизика, которая имъ занимается, имѣетъ полное и наивысшее право на существованіе; но если такое познаніе невозможно, тогда

всякое ея ученіе безплодно и мнимо, какъ писаніе по водѣ. Мы теперь знаемъ, въ какую сторону склоняется разрѣшеніе этой проблемы: чуть ли не на глазахъ настоящаго поколѣнія метафизика потерпѣла одни удары за другими отъ науки и даже отъ ея собственныхъ представителей, и недалеко уже то время, когда она будетъ вполнѣ и на вѣки заброшена, какъ ея младшія сестры — астрологія и алхимія. Мы начинаемъ все яснѣе и яснѣе сознавать, что такого рода знаніе, котораго такъ настойчиво добивается метафизика, не только недостижимо, но что, даже если-бы оно и было достижимо, все же оно было бы безполезно, такъ какъ мы вращаемся, живемъ и дѣйствуемъ въ мірѣ отношеній, къ которому абсолюты не приложимы. Мы постепенно теряемъ къ метафизическимъ проблемамъ интересъ, какъ мы потеряли интересъ къ задачѣ о квадратурѣ круга или къ диспутамъ о происхожденіи первой матеріальной молекулы. Но не такъ оно было раньше, когда возможность объединить явленія внѣшней и внутренней природы въ общіе законы и такимъ образомъ создать реальное и единственно полезное знаніе казалось немыслимой или, въ лучшемъ случаѣ, проблематической. Тогда каждый скептическій кризисъ, въ который періодически, съ роковой необходимостью впадала метафизическая мысль, выдвигалъ впередъ этотъ основной вопросъ о возможности познаванія абсолютовъ и о способахъ его достиженія. Платонъ, основатель метафизики, съ геніальной прозорливостью увидѣлъ необходимость считаться съ этимъ вопросомъ, и результатомъ явилась его знаменитая теорія воспоминаній, —теорія, прекрасная какъ сонъ или мечта, но и не болѣе реальная, нежели онѣ. Живые первообразы чувственныхъ вещей— идеи—живутъ въ надзвѣздной сферѣ, составляя особый міръ. Чистыя, безъ цвѣта, безъ формы, безъ протяженія, возсѣдаютъ онѣ тамъ, какъ божество, сіяя вѣчною красою и истиною, недоступныя никому, кромѣ Безсмертнаго разума. Но съ ними обитали и души передъ тѣмъ, какъ онѣ ниспосланы были въ наши бренныя оболочки. Тогда, во время своего обитанія въ горнихъ областяхъ, онѣ созерцали въ нѣмомъ восторгѣ эти державныя идеи, пропитываясь ихъ свѣтомъ и составляя себѣ точныя понятія объ истинѣ и бытіи; теперь же заключенныя въ тѣлесную оболочку, какъ въ темницу, онѣ поставлены среди быстро несущагося потока жизни, имѣя передъ своими взорами не вѣчность, не совершенства, не неизмѣнность, а мелькающіе феномены, полные только уродства и непостоянства.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти феномены суть блѣдныя копіи вѣчныхъ идей,—и передъ мысленными взорами впечатлительной души раскрывается—смутно сначала, но яснѣе потомъ, другой, лучшій міръ, въ которомъ она нѣкогда жила и который былъ ей такъ дорогъ. Она начинаетъ вспоминать, какъ мы начинаемъ вспоминать родныя лица при взглядѣ на ихъ фотографіи, хотя бы отъ времени выцвѣтшія: образы будятъ память, и мало по малу, напрягая всѣ свои силы, душа начинаетъ подмѣчать знакомый обликъ идей среди шумнаго и несвязнаго вихря вещей и явленій. Чѣмъ полнѣе отрѣшается она отъ вліяній внѣшняго міра, чѣмъ глубже всматривается она въ пеструю игру явленій, тѣмъ ярче оживаютъ въ ней воспоминанія, тѣмъ живѣй встаютъ передъ ней давно забытые образы идей. Она все выше и выше поднимается надъ чувственными воспріятіями, чуждыми ей съ самаго рожденія, и начинаетъ постепенно создавать себѣ понятія, соотвѣтствующія ея воспоминаніямъ,—понятія, все болѣе и болѣе сложныя, все болѣе и болѣе высокія.

Такова теорія, которую Платонъ выдвинулъ въ видѣ разрѣшенія вопроса о возможности для насъ познать идеи—истинное, абсолютное бытіе, въ противоположность феноменальному становленію, доступному чувственному воспріятію. Эта теорія, какъ читатель видитъ, совершенно произвольна и не имѣетъ за собой ни одного факта, на который она могла бы опираться. Но мы не станемъ здѣсь вдаваться въ критику ея: это значило бы критиковать всю метафизику, какъ систему и методъ мышленія; мы лишь укажемъ на тотъ фактъ, что эта самая теорія, не смотря на всю свою необоснованность, подъ различными формами и съ легкими измѣненіями прошла красной нитью черезъ всю исторію европейской философіи. Ибо что́ такое знаменитое ученіе о врожденныхъ идеяхъ, державно господствовавшее вплоть до появленія Канта и имѣющее послѣдователей и понынѣ, какъ не Платоновская теорія воспоминаній, приспособленная къ новому міросозерцанію?

Конечно духъ въ картезіанской философіи ни о чемъ не вспоминаетъ; но онъ рождается съ тѣми же зародышами или, лучше сказать, тѣмъ же потенціальнымъ знаніемъ, что́ и душа у Платона. И тамъ, какъ и здѣсь, знаніе чувственнаго міра признается за мнимое, но въ обоихъ случаяхъ ощущенія и воспріятія играютъ роль стимуловъ, подъ вліяніемъ которыхъ духъ человѣческій достигаетъ знанія вѣчнаго и неизмѣннаго. Теоріи

эти не тождественны, но сходны, и вліяніе одной на другую отрицать нельзя.

Теорія воспоминаній, важная сама по себѣ, какъ попытка разрѣшить основную проблему о философскомъ знаніи, получаетъ въ нашихъ глазахъ еще бо́льшее значеніе въ виду тѣхъ выводовъ, которые непосредственно изъ нея вытекаютъ. Душа, заключенная въ тѣсную оболочку тѣла, начинаетъ присматриваться къ безконечной смѣнѣ внѣшнихъ явленій и улавливать по снимкамъ первообразы вещей, которые она нѣкогда видала лицомъ къ лицу. Она начинаетъ вспоминать свою первоначальную обитель, гдѣ ея жизнь была полна блаженнаго созерцанія вѣчно сіяющихъ идей: она начинаетъ тосковать и рваться вонъ изъ давящей клѣтки къ высокимъ небесамъ, къ царству Добра, Истины и Красоты. Чѣмъ она чувствительнѣе, тѣмъ ярче горятъ воспоминанія и тѣмъ сильнѣе ея жажда возвратиться въ свою родную страну. Стѣны ея темницы заслоняютъ ей взоръ, тѣлесныя оковы отягчаютъ ей крылья, но тѣмъ непреоборимѣе становятся ея стремленія освободиться отъ связывающихъ ее путъ. Нетерпѣніе растетъ у нея по мѣрѣ увеличенія ея знаній; презрѣніе и ненависть къ чувственнымъ предметамъ все усиливается, и съ затаенной тоской ждетъ она момента своего освобожденія, одержимая однимъ страстнымъ порывомъ перешагнуть за предѣлы земного существованія. Небесныя мелодіи звучатъ въ ея ушахъ немолчнымъ призывомъ, и она прислушивается къ нимъ въ такомъ же восторженномъ экстазѣ, какъ святая Цецилія къ звукамъ своего органа, ища за конечнымъ—безконечное и за смертнымъ—безсмертное.

Съ неподражаемымъ искусствомъ великаго поэта Платонъ рисуетъ это въ своемъ «Федрѣ», развертывая передъ нашими взорами картину дивной красоты. Мы тронуты ею: душа, словно готическій соборъ, рвущаяся въ небеса, къ возвышеннымъ идеаламъ, прочь отъ сѣрой, испошляющей дѣйствительности, представляетъ одинъ изъ тѣхъ образовъ, которые постоянно поражаютъ человѣческое воображеніе, внушая безмолвное преклоненіе и жажду подражанія. На этомъ фонѣ была построена вся духовная жизнь Западной Европы въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ, но Платонъ былъ первый, кто намъ его далъ. И это знаменательно. Древняя Греція, колыбель нашей цивилизаціи, жила жизнью здороваго организма, не занимающагося ни разъѣдающимъ самоанализомъ, ни какими бы то ни было патологическими вопросами своего суще-

ствованія. Она не была мнительна и брала дѣйствительность какъ она есть, находя высшее для себя наслажденіе въ самомъ упражненіи своихъ способностей и отправленіи своихъ функцій. Жизненный путь для нея не былъ ни миссіей, ни испытаніемъ, ниспосланными свыше; она его проходила, мало заботясь о томъ, куда онъ ведетъ; она безмятежно и свѣтло глядѣла на все окружающее, инстинктивно лишь поворачиваясь къ теплымъ лучамъ солнца, подобно египетскому цвѣтку. Ученіе Платона было первою нотою скорби, пронесшейся въ радостной дотолѣ атмосферѣ. Это былъ вздохъ, впервые вырвавшійся изъ человѣческой груди, которая внезапно почувствовала тягость земной жизни. Люди остановились въ смущеніи: откуда шелъ этотъ звукъ? каковъ его смыслъ? И сразу все какъ бы стало ясно. Природа вовсе не такъ хороша, какъ они до сихъ поръ думали; страданіе и зло составляютъ преобладающія въ ней силы; жизнь трудна и далеко не прекрасна, и наслажденія чувствъ мимолетны и ничтожны. Что же въ такомъ случаѣ этотъ міръ? Гдѣ цѣль жизни? Человѣчество призадумалось — и съ какой-то болѣзненной поспѣшностью, съ какимъ-то злорадствомъ стало рыться въ глубочайшихъ извилинахъ души и жизни, отыскивая въ нихъ бренное и призрачное, и отбрасывая и топча это все, какъ ненужный соръ. Все было облито горькимъ ядомъ безпощаднаго анализа,—и съ громкимъ воплемъ отчаянія изуродованная, исполосованная душа, все еще жаждущая счастья, стала рваться вонъ изъ этихъ мѣстъ, гдѣ лежали ея разбитые идеалы и все дышало разрушеньемъ. Сводъ небесъ, вѣчно лазурный, вѣчно неизмѣнный,—вотъ гдѣ живетъ истинное счастье и радость: туда душа должна стремиться, чтобы отдохнуть отъ безсмысленныхъ страданій земной дѣйствительности и обрѣсть новую, высшую и единственно свѣтлую жизнь.

Нездоровыя условія общественной жизни лежатъ въ основѣ Платоновскаго стремленія къ идеаламъ и презрѣнія къ реальной жизни. Исторія сама выдвинула основные мотивы такой философіи, и они царствуютъ понынѣ. Исчезнутъ ли они когда нибудь,— мы не беремся сказать, но спустя 20 слишкомъ вѣковъ они остались такими же свѣжими, какими впервые вышли изъ устъ великаго мыслителя.

Ученіе объ идеяхъ въ связи съ теоріей воспоминаній составляетъ сущность философіи Платона, ея зерно. Эту часть, какъ уже сказано было, принято называть діалектикой въ отличіе отъ

физики и этики и переходомъ отъ первой къ послѣднимъ является ученіе объ іерархіи идей. Вещи чувственнаго міра расположены въ извѣстномъ восходящемъ и нисходящемъ порядкѣ отъ частнаго къ общему, отъ единичнаго къ собирательному, отъ конкретнаго къ абстрактному. Идеи, по отношенію къ которымъ эти вещи являются копіями, должны поэтому быть также расположены по извѣстной іерархической лѣстницѣ, какъ напр. Сократъ, человѣкъ. живое существо, организмъ, тѣло, бытіе, и т. д.—соотвѣтственно порядку, въ какомъ идутъ наши понятія. Каждая идея включена въ другую, болѣе широкую, надъ нею стоящую, и въ свою очередь включаетъ въ себѣ другую, менѣе широкую, находящуюся подъ нею, такъ что весь міръ идей представляется какъ бы одной сплошной цѣпью, въ которой каждое звено входитъ въ слѣдующее, бо́льшее, нежели оно само. Такимъ образомъ, взявъ самыя низшія идеи (Сократъ), мы найдемъ, что онѣ являются какъ бы субстанціями, производящими сущностями—по отношенію къ видимымъ и вообще чувственнымъ вещамъ, но лишь модусами, т. е. формою проявленія, для другихъ, стоящихъ выше ея по іерархической лѣстницѣ (человѣкъ и пр.). Такъ оно и со всякой другой идеей, гдѣ бы она ни находилась: она—субстанція для низшихъ и модусъ для высшихъ идей, и весь рядъ завершается одной верховной идеей, которая уже ни для какой другой не является модусомъ, но для всѣхъ субстанціей. То идея блага: она такъ относится ко всѣмъ прочимъ своимъ сестрамъ, какъ эти послѣднія относятся къ феноменамъ матеріальнаго міра. Всѣ идеи являются какъ бы среднимъ членомъ отношенія между идеей блага и нашимъ чувственнымъ міромъ, а благо какъ бы солнцемъ всего мірозданія. И подобно тому, какъ солнце даетъ намъ свѣтъ, въ которомъ мы только и можемъ жить, такъ и благо есть источникъ бытія: благо и бытіе такимъ образомъ не тожественны, но какъ солнце выше испускаемаго свѣта, такъ и благо выше бытія. Оно есть причина всего существующаго и, какъ таковая, оно есть Богъ. Богъ есть благо, а такъ какъ по вышесказанному благо есть источникъ бытія, то значитъ міръ былъ созданъ оттого, что Богъ всеблагъ. Спрашивается однако,—и это уже относится къ области Платоновской физики,—какимъ образомъ вообще міръ сталъ возможенъ? изъ какихъ элементовъ онъ былъ сотворенъ? Нужно сознаться, что Платонъ далъ весьма неудовлетворительный или, въ лучшемъ случаѣ, неясный отвѣтъ на это. Съ одной

стороны, міръ не можетъ быть чистымъ продуктомъ идей, т. е. имѣть субъективное *для нихъ* существованіе: предположить это — значило бы идти въ разрѣзъ, какъ уже давно было замѣчено критиками, со всѣмъ дуалистическимъ характеромъ античнаго міровоззрѣнія. Платонъ былъ совершенно чуждъ того абсолютнаго идеализма, который былъ такъ рѣзко установленъ въ 17-омъ вѣкѣ Берклеемъ. Къ тому же, тогда непонятна была-бы та блѣдность копіи, то несовершенство снимка, которыя насъ такъ поражаютъ въ феноменальномъ мірѣ и которыя можно лишь объяснить присутствіемъ въ немъ нѣкотораго начала, противоположнаго природѣ идей и противодѣйствующаго имъ. Съ другой же стороны, предположить существованіе такого начала въ видѣ протяженной, ощутимой и косной матеріи—значило бы противорѣчить самому понятію объ идеяхъ, какъ о бытіи, которому исключительно принадлежатъ реальность и вѣчность. Гдѣ же исходъ? Что нѣчто, кромѣ Идеи, *должно* было существовать, прежде чѣмъ міръ могъ быть созданъ, является элементарнымъ постулатомъ нашего разума: изъ ничего не можетъ быть создано ничто, и для того, чтобы творить, необходимъ кромѣ творческаго начала — въ данномъ случаѣ идеи—еще и матеріалъ. Но такъ какъ этотъ послѣдній не можетъ быть матеріальнымъ, въ строгомъ смыслѣ слова, то остается допустить, что онъ былъ «ничто». Читатель, мало знакомый съ метафизическимъ методомъ мышленія, быть можетъ не сразу пойметъ, какъ это нѣчто существующее можетъ быть ничѣмъ, т. е., какимъ образомъ «ничто» можетъ имѣть положительное существованіе. Но онъ долженъ имѣть въ виду, что по основнымъ канонамъ метафизики во всякомъ отрицаніи заключается положительный элементъ, опредѣляющій его специфическій характеръ. Темнота, напр., въ силу этого положенія, есть нѣчто большее, нежели простое отсутствіе свѣта: она есть не-свѣтъ плюсъ еще коечто. дѣлающее изъ нея не состояніе только, но еще и объективно, въ дѣйствительности, существующее явленіе, отличное отъ другихъ. Идея есть бытіе; все, что ей противополагается. есть небытіе: но это не-бытіе есть нѣчто большее, нежели одно отрицаніе бытія: оно само есть своего рода бытіе, объективно существующее. Изъ этого Гегель въ половинѣ нашего столѣтія выводилъ тожество бытія и небытія; но Платонъ до этого не доходилъ: метафизическій парадоксъ игралъ у него другую роль. Идеи существовали отъ вѣчности; внѣ ихъ существовало ничто (читатель

замѣтить, что метафизикамъ нельзя сказать: внѣ ихъ *не* существовало ничто), но это «ничто» само было чѣмъ-то. Чѣмъ-же? Безграничной, неосязаемой, неопредѣленной *формой* протяженія безъ наполняющихъ ее тѣлъ. Кантъ, а за нимъ другіе, еще въ большей степени, показали, что пространство, какъ и время, есть необходимая форма нашего чувственнаго воспріятія,—форма, не существующая независимо отъ тѣлъ и дошедшая до нашего сознанія путемъ сравненія, сложенія и отвлеченія разстояній между этими тѣлами. Платонъ думалъ иначе и придавалъ этой формѣ объективное существованіе,—концепцію, которую хотя и трудно реализовать, но необходимо постулировать,—ибо, въ противномъ случаѣ, гдѣ размѣстились бы созданныя тѣла и откуда взялись бы разстоянія между ними? Эта-то форма, которая въ качествѣ прямого отрицанія идеи, есть ничто, не-бытіе, и представляетъ тотъ своеобразный матеріалъ, изъ котораго Деміургъ создалъ чувственные предметы, уподобивъ ихъ идеямъ. Она сосуществовала съ Богомъ отъ вѣчности, но въ состояніи неупорядоченнаго хаоса безъ опредѣленныхъ свойствъ, хотя и съ извѣстными возможностями. Міръ поэтому есть сочетаніе двухъ противоположныхъ началъ, изъ которыхъ одно есть источникъ всего разумнаго, прекраснаго и совершеннаго, а другое—нелѣпаго, уродливаго и грѣшнаго. Оба враждуютъ между собою,—и отсюда-то безпрерывное переходденіе отъ одного къ другому, отъ бытія къ небытію.

Но такой міръ былъ бы мертвымъ, неподвижнымъ міромъ,—огромнымъ тѣломъ безъ жизни, безъ смысла, еслибы въ немъ не обитала душа. Если внимательно присмотрѣться къ окружающей насъ природѣ, то мы не сможемъ не замѣтить удивительной цѣлесообразности, господствующей въ ней на каждомъ шагу. Объяснять ее механической игрой силъ или атомовъ такъ же нелѣпо, какъ объяснять идейное содержаніе картины рядомъ безсмысленныхъ движеній руки художника. Работой послѣдняго руководилъ не случай, а смыслъ, его кисть направлялась намѣченной цѣлью, и вся картина есть результатъ сознательной его дѣятельности и воплощеніе его разумной мысли. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ это сказать относительно вселенной, гдѣ каждое явленіе имѣетъ свой смыслъ и свою цѣль. А если это такъ, то въ ней должна обитать душа, ибо что̀ такое разумъ,—эта сила, приспособляющая средства къ цѣлямъ,—какъ не часть, и притомъ высшая часть души? Это

подтверждается еще живымъ примѣромъ человѣка. Онъ состоитъ изъ тѣла и души, какъ то показываетъ намъ двойной характеръ его отправленій; и подобно тому, какъ первое есть не что иное, какъ часть мірового тѣла, состоящая изъ земли, влаги, огня и прочихъ космическихъ элементовъ, такъ и душа должна быть частью міровой души, откуда она взята и куда по истеченіи времени вернется. Одно предполагаетъ другое, какъ вдыхаемый нашими легкими воздухъ предполагаетъ существованіе атмосфернаго воздуха. И какъ міровое тѣло неизмѣримо больше нашего человѣческаго тѣла, такъ и міровая душа должна быть несравненно выше и совершеннѣе нашей человѣческой души. Космосъ поэтому есть живой организмъ, гдѣ все приводится въ движеніе, все направляется къ цѣли и все оживляется силой и дѣятельностью души: онъ—живое существо, столь же сознательное и сознающее, какъ человѣкъ или звѣрь. Но откуда эта душа взята? Изъ чего она состоитъ? Богъ, говоритъ Платонъ, взялъ оба отъ вѣчности существовавшія начала: недѣлимое и неизмѣнное, и дѣлимое и измѣняемое, которыя соотвѣтственно воплощены въ идеяхъ и въ матеріальной формѣ; смѣшавъ эти два начала, онъ получилъ третье, нѣчто среднее между ними, и изъ всѣхъ этихъ трехъ началъ создалъ міровую душу. Она такимъ образомъ состоитъ изъ трехъ элементовъ и каждый изъ нихъ имѣетъ свою отдѣльную область, которую онъ животворитъ и познаетъ. Въ первой находятся вѣчныя и неизмѣнныя сущности—идеи; во второй—объекты чувственнаго воспріятія, а въ третьей—предметы смѣшаннаго характера, а именно—такъ думалъ нашъ философъ—математическіе. Лишь только міровая душа соединилась съ міровымъ тѣломъ, все стало приходить въ порядокъ и гармонію: прежде всего образовались огонь и земля, а за ними, какъ пропорціональные члены великаго космическаго отношенія, воздухъ и вода. Огонь такъ относится къ воздуху, какъ воздухъ къ водѣ, а воздухъ такъ относится къ водѣ, какъ вода къ землѣ. Основная же форма огня есть тетраэдръ, воздуха—октаэдръ, воды—икосаэдръ, а земли—кубъ. *) Все мірозданіе представляется въ видѣ огромнаго шара, по всѣмъ частямъ котораго разлита міровая душа, приводящая въ движеніе небесныя сферы и пла-

*) *Тетраэдръ*, *октаэдръ* и *икосаэдръ*—геометрическія тѣла, ограниченныя равносторонними треугольниками: четырехгранникъ, осьмигранникъ и двадцатигранникъ.

петы. Въ центрѣ этого шара неподвижно покоится нашъ земной шаръ, пронизанный міровой осью. Вокругъ земли на гармоничныхъ разстояніяхъ описаны круги, на которыхъ — также отдѣленныя гармоничными интервалами — находятся вѣчно движущіяся солнце, луна и пять планетъ. Кругомъ всего этого, въ видѣ шарообразнаго покрова, раскинулся небесный сводъ, усѣянный неподвижными звѣздами, и этотъ сводъ, равно какъ и солнце, луна и планеты совершаютъ каждыя сутки полный кругооборотъ на міровой оси. Каждая звѣзда — такой же живой организмъ съ тѣломъ и душою, какъ и наша земля.

На подобныя теоріи, понятно, невозможно смотрѣть какъ на вкладъ въ науку: онѣ лишь интересны, какъ моментъ въ исторіи человѣческой мысли, когда она не видѣла еще необходимости считаться съ фактами и считала возможнымъ дать умозрительное объясненіе всѣхъ тайнъ мірозданія.

На этомъ намъ-бы слѣдовало остановиться, такъ какъ третій отдѣлъ Платоновской философіи — этика — ни разработана въ достаточной степени, ни имѣетъ отдѣльнаго существованія отъ его политическаго ученія. Нравственность есть реализація высшаго блага, но это невозможно иначе, какъ въ государствѣ. Она проявляется только въ общественной организаціи по тому, какъ мысль проявляется во времени и пространствѣ. Государство такимъ образомъ является необходимымъ условіемъ къ достиженію человѣкомъ нравственныхъ своихъ идеаловъ: отсюда важность его и значеніе ученія о немъ.

Все-же мы можемъ очертить здѣсь вкратцѣ нѣкоторые основные взгляды Платона въ области этики, которыхъ намъ врядъ-ли удастся коснуться при обзорѣ его политическихъ доктринъ. Индивидуальная этика, въ отличіе отъ общественной, ее выключающей, зиждется на психологіи, т. е. ученіи о природѣ души. Въ противоположность до-Сократовскимъ философамъ, Платонъ считалъ душу субстанціей не матеріальной, но и не простой. Въ нее входятъ три различныхъ элемента, какъ въ міровую душу: элементъ — вѣчный и неизмѣнный, другой — бренный и измѣнчивый, а третій -сочетаніе первыхъ двухъ. Первый есть сѣдалище разума, познающаго идеи; второй — обитель страстей, а третій — жилище духа (θυμὸς духъ, мужество — непереводимое слово). Изъ нихъ безсмертенъ одинъ лишь разумъ, но тѣмъ не менѣе всѣ они связаны въ одно цѣлое. Платонъ поэтически воображалъ душу въ видѣ возницы и двухъ

крылатыхъ коней, впряженныхъ въ колесницу. У боговъ—и возница, и кони благородны и безсмертны, у людей-же только возница и одинъ изъ коней: другой — низкаго происхожденія и нечистой крови. Души боговъ и людей живутъ вмѣстѣ въ царствѣ идей, но въ то время, какъ окрыленныя колесницы первыхъ скользятъ по небесному своду съ поразительной легкостью и быстротой, колесницы вторыхъ слѣдуютъ за ними съ трудомъ, и то и дѣло, благодаря капризамъ строптиваго коня, склоняются и готовы упасть съ вышины. Много требуется усилій, чтобы укротить и держать подъ уздой этого коня, и горе тому возницѣ, который не съумѣетъ съ нимъ справиться: съ шумомъ и грохотомъ колесница падетъ съ небесной тверди, и душа, потерявъ свои крылья, вынуждена будетъ войти въ тѣлесную оболочку. Тогда начинается ея земная юдоль, продолжающаяся 10 тысячъ лѣтъ: во все продолженіе этого времени она должна переходить изъ одного тѣла въ другое, пока не отроститъ своихъ крыльевъ и не сможетъ вернуться на свою родину. Участь ея печальна и тяжела, но та душа, которая одарена живымъ стремленіемъ въ небеса и презрѣніемъ къ землѣ, можетъ войти въ оболочку философа, и тогда ея земное скитаніе оканчивается въ 3 тысячи лѣтъ.

Отсюда—значеніе добродѣтели, потому что, какъ училъ еще Сократъ, добродѣтель есть благо, а благо души состоитъ въ приближеніи къ Божеству и въ возвращеніи въ небеса. Вмѣстѣ съ тѣмъ добродѣтель есть знаніе, и для каждой части души существуетъ особый видъ добродѣтели. Познавательная часть— разумъ —должна стремиться къ истинѣ, красотѣ и добру, этимъ тремъ естествамъ верховной идеи блага; оттого знаніе ихъ или мудрость есть добродѣтель разума. Мужественная часть души — духъ — должна помогать разуму, не опасаясь и не останавливаясь ни передъ чѣмъ: оттого ея добродѣтель состоитъ въ мужествѣ или знаніи того, чего нужно бояться и чего нѣтъ. Добродѣтель-же чувственной части души—страстей—должно быть умѣренность и самообладаніе, т. е. знаніе того, чѣмъ можно пользоваться и чѣмъ нѣтъ, такъ какъ только строгимъ самообузданіемъ можетъ она содѣйствовать остальнымъ частямъ души въ ихъ стремленіи къ идеаламъ. И если каждая изъ этихъ частей будетъ исполнять свой долгъ какъ слѣдуетъ, то къ добродѣтелямъ ихъ прибавится еще по одной, —а именно, справедливость.

Такимъ образомъ страсти или стремленіе къ чувственнымъ

наслажденіямъ и вообще къ удовлетворенію своихъ чувственныхъ потребностей Платонъ считаетъ за противунравственный элементъ человѣческой натуры, который слѣдуетъ всячески подавлять и, если можно, совсѣмъ уничтожить. Здѣсь свинцовая туча аскетической морали впервые показывается на ясномъ дотолѣ горизонтѣ античнаго міра, и хотя еще не мало вѣковъ пройдетъ, пока ей удастся застлать весь небосклонъ, но и первыя ея очертанія, не смотря на ихъ кажущуюся красоту, были уже достаточно зловѣщи, чтобы человѣческая душа, подобно птицѣ передъ грозой, почувствовала безпокойство и смущеніе.

Въ заключеніе —о пресловутой платонической любви, которую мы таки порядочно испошлили, перекраивая ее на нашъ болѣзненный или лицемѣрный вкусъ. Любовь, половую любовь Платонъ никогда не думалъ отрицать или осуждать: напротивъ, онъ заходилъ иногда въ своихъ взглядахъ на этотъ счетъ гораздо дальше, чѣмъ оно могло-бы показаться позволительнымъ въ настоящее время. Но онъ выше ея ставилъ другого рода любовь, —а именно, духовное сліяніе, совмѣстное стремленіе двухъ натуръ къ достиженію философскаго знанія, т. е. знанія идей: для такого союза высшей цѣлью является истина, а восторги его заключаются въ сознаніи этого общаго стремленія къ божественной цѣли. Въ переводѣ на современныя понятія и языкъ, такая любовь есть идеальная форма дружбы, которая хотя и не исключаетъ эроса, но настолько выше его, насколько моральныя и интеллектуальныя стремленія выше чувственныхъ. Платоническая любовь слѣдовательно не отрицаетъ половой, но вмѣстѣ съ тѣмъ она выростаетъ на духовной красотѣ, а не на тѣлесной, и ищетъ не плотскаго, а духовнаго, не бреннаго, а безсмертнаго...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Значеніе политическихъ взглядовъ Платона для настоящаго времени.—Утопіи вообще и Платоновская въ частности. „Республика". Возникновеніе обществъ и ихъ органическіе элементы.—Ошибочность Платоновскихъ взглядовъ. –Политическія формы общества и ихъ недостатки. Идеальное правленіе философовъ.—Роль воспитанія.—Въ чемъ оно состоитъ: гимнастика, музыка, поэзія и математика.—Значеніе этихъ предметовъ образованія.—Цѣли воспитанія: распредѣленіе общественныхъ обязанностей и правъ, и реализація высшаго блага.—Классы и ихъ добродѣтели.—Коренная ошибка Платоновской схемы.—Необходимость въ обществѣ единодушія и согласія.—Взгляды Платона на частную собственность и семью.—Уничтоженіе обоихъ институтовъ.—Брачное сожительство и положеніе дѣтей.—Неестественность Платоновскаго режима.—Положеніе женщины, ея права, обязанности и воспитаніе.—Основной недостатокъ Платоновскаго міросозерцанія.

Во всей системѣ философіи Платона ничто, быть можетъ, насъ такъ не интересуетъ, какъ его ученіе о государствѣ и вообще объ обществѣ. Прогрессъ науки обнаружилъ несостоятельность большинства его взглядовъ въ различныхъ областяхъ человѣческаго познанія: попытка его отторгнуть завѣсу, отдѣляющую міръ чувственный отъ сверхчувственнаго, и такимъ образомъ разрѣшить высочайшія проблемы бытія и знанія признана въ настоящее время—какъ и всѣ ей подобныя—тщетной и невозможной; его космогонія, равно какъ и космологія низ-

ведены на уровень наивныхъ фантазій, вызывающихъ нынѣ улыбку на устахъ даже школьника, и даже въ психологіи мы сдѣлали достаточные успѣхи, чтобы умозрѣнія нашего философа на этотъ счетъ казались намъ грубыми и натянутыми. Не такъ однако обстоитъ съ его политическими доктринами. Наука объ обществѣ—соціологія—до сихъ поръ является лишь благочестивымъ желаніемъ, и та часть, которая занимается политическими отправленіями общественнаго организма, до сихъ поръ не пошла дальше первоначальной эмпирической стадіи. Кой-какіе горизонты, правда, передъ нами уже раскрываются, и мы, хотя еще и смутно, какъ въ сумеркахъ, начинаемъ уже мало по малу различать тропу, по которой шли человѣческія общества; но все-же мы до сихъ поръ еще не обладаемъ ни однимъ закономъ, который съ большей или меньшей ясностью объяснилъ бы намъ прошлое или сослужилъ бы указаніемъ для настоящаго и будущаго. Индуктивный методъ до сихъ поръ еще почти неприложимъ къ явленіямъ общественнаго міра, сами факты либо не собраны, либо недостаточно опредѣлены, и въ своей практической дѣятельности мы руководствуемся главнымъ образомъ или требованіями момента, или общими апріористическими принципами. При такихъ условіяхъ многое изъ того, что по этимъ вопросамъ говорилъ Платонъ, до сихъ поръ еще не потеряло своего интереса и даже значенія: быть можетъ, будущая наука отвергнетъ и эти его доктрины, какъ отвергла другія; но пока, на той ступени, на которой находятся общественныя знанія въ настоящее время, онѣ для насъ цѣнны и заслуживаютъ полнаго вниманія.

«Республика» Платона начинаетъ собой рядъ тѣхъ произведеній политическаго характера, которыя рисуютъ намъ типы наилучшихъ, по мнѣнію авторовъ, общественныхъ организацій, обезпечивающихъ счастье личности. Такого рода картины принято называть утопіями, придавая этому слову значеніе неосуществимаго, хотя-бы даже и желательнаго, проекта. Такихъ утопій въ сущности было и есть очень много: каждый изъ насъ, чувствуя въ тотъ или другой моментъ несовершенство или неудовлетворительность даннаго общественнаго строя, составляетъ себѣ болѣе или менѣе сознательный идеалъ соціальной организаціи, которая бы удовлетворяла физическимъ и духовнымъ потребностямъ человѣческаго существа. Рѣдко однако кто изъ насъ вырабатываетъ этотъ идеалъ во всѣхъ необходимыхъ деталяхъ и излагаетъ

его на бумагѣ въ назиданіе современникамъ и потомкамъ; но такія попытки были, и ихъ-то называютъ утопіями по преимуществу. Платонъ, св. Августинъ, Томасъ Моръ, Кампанелла, Морелли, Мабли, Кабэ, Сен-Симонъ и Фурье—вотъ рядъ главныхъ именъ, не считая нашихъ современниковъ, какъ Беллами, Гертцка и Вильямъ Моррисъ, съ которыми связаны наиболѣе извѣстныя попытки дать картину совершеннаго общественно-политическаго строя. Самые же замѣчательные изъ нихъ—это проекты Т. Мора, жившаго въ XVI в., и Платона. «Утопія», — фантастическій островъ, куда Моръ перенесъ мѣсто дѣйствія своего разсказа,—сдѣлалась нарицательнымъ именемъ для всѣхъ подобныхъ проектовъ; со вторымъ—намъ предстоитъ познакомиться въ этой главѣ.

Общественная организація, по Платону, вытекаетъ изъ самыхъ условій существованія, среди которыхъ поставленъ человѣкъ. Его организмъ безпрестанно расходуетъ свои силы, и этотъ расходъ, необходимое условіе его дѣятельности, долженъ быть постоянно восполняемъ. Пища, кровъ и одежда являются поэтому предметами первой необходимости, безъ которыхъ трата жизненныхъ силъ не можетъ быть возмѣщена. Но можетъ-ли отдѣльный индивидъ удовлетворить всѣмъ этимъ нуждамъ? Платонъ думаетъ, что нѣтъ, и въ этой самонедостаточности личности видитъ причину возникновенія человѣческихъ обществъ. Человѣкъ ищетъ другихъ себѣ подобныхъ, съ которыми онъ соединяется для общей работы, и при ихъ помощи устраиваетъ жизнь такъ, что становится возможнымъ удовлетворять всѣмъ главнымъ потребностямъ жизни. Ясное однако дѣло, что каждый человѣкъ обладаетъ нѣкоторыми способностями, въ силу которыхъ онъ пригоденъ къ извѣстной работѣ больше, нежели къ другой; къ тому же, занимаясь постоянно однимъ и тѣмъ-же дѣломъ, онъ пріобрѣтаетъ больше сноровки, и теряетъ меньше времени при переходѣ отъ одного занятія къ другому. Естественно поэтому, что если каждый членъ общины изберетъ себѣ ту работу, къ которой онъ наиболѣе способенъ, и станетъ заниматься ею исключительно, то всѣ они, вмѣстѣ взятые, успѣютъ удовлетворить своимъ потребностямъ и скорѣе, и полнѣе, нежели въ томъ случаѣ, еслибы каждый изъ нихъ брался за всевозможные роды дѣятельности. Раздѣленіе труда поэтому является первымъ и основнымъ началомъ, на которомъ покоится человѣческое общество, и, согласно указаннымъ тремъ потребностямъ въ пищѣ, кровѣ и одеждѣ, это общество

не можетъ состоять менѣе, нежели изъ 3—4 человѣкъ: земледѣльца, плотника и ткача или сапожника; но земледѣльцу нуженъ плугъ, плотнику — инструменты, а ткачу или сапожнику—станокъ, шилья или кожа; слѣдовательно и 4 человѣкъ будетъ мало: нужны кузнецы, механики и даже пастухи, которые пасли бы стада и занимались выдѣлкой кожъ. Но и этого мало. Подобно тому, какъ человѣкъ не можетъ жить одинъ, такъ и общество не можетъ жить изолированнымъ: существуетъ масса вещей, которыя обществу необходимы, но которыхъ оно не можетъ по тѣмъ или другимъ причинамъ само производить. Является потребность въ сношеніяхъ съ другими общинами, у которыхъ все это имѣется,—и возникаетъ торговля. Но торговля означаетъ обмѣнъ, а обмѣнъ не можетъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ нѣтъ излишка въ продуктахъ. Нашему обществу поэтому необходимы земледѣльцы, плотники, ткачи и т. д., да еще и новый классъ купцовъ, постоянно разъѣзжающихъ по сосѣднимъ общинамъ и вывозящихъ и ввозящихъ товары. Даже этого мало: общество разрослось, каждый членъ его занимается своимъ дѣломъ, — какъ же будетъ производиться обмѣнъ продуктовъ въ самомъ обществѣ? Сапожникъ, скажемъ, сдѣлалъ пару сапогъ, но ему нужно поправить крышу: станетъ-ли онъ теперь бѣгать по городу съ сапогами въ рукахъ, ища плотника? а если послѣднему нужны не сапоги, но хлѣбъ? Отправится-ли сапожникъ, у котораго жилище полно воды отъ дождя, льющагося черезъ крышу, искать теперь земледѣльца, которому нужны сапоги, и, вымѣнявъ ихъ на хлѣбъ, бѣжать съ послѣднимъ къ плотнику? Конечно это абсурдъ: нужны лавочники и даже оптовые торговцы, которые спеціально занимались бы дѣломъ обмѣна. Но какъ насчетъ войны наступательной и оборонительной? Людей теперь въ нашей общинѣ много: пожалуй, имъ можетъ не хватить земли на пропитаніе. Что же дѣлать? А у сосѣдей какъ разъ имѣется полоска земли, которая, нужна ли имъ самимъ или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ весьма кстати пригодилась бы нашей собственной общинѣ. Быть можетъ случится и такъ, что сосѣди почувствуютъ вожделѣніе къ нашей землицѣ,—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ пойдутъ войны и появится, согласно требованіямъ раздѣленія труда, и особый классъ воиновъ, которые, чтобы успѣшно выполнять свое дѣло, также должны спеціализироваться, и т. д.

Картина эта, понятно, не отличается большимъ историческимъ

правдоподобіемъ. Жизнь обществами не есть человѣческое изобрѣтеніе: она существуетъ и у животныхъ высшаго типа, и человѣкомъ лишь наслѣдуется въ эволюціонномъ процессѣ на ряду съ прочими физическими, духовными и соціальными свойствами и инстинктами. Раздѣленіе труда, — за исключеніемъ, быть можетъ, самыхъ элементарныхъ формъ, основанныхъ на различіи половъ или возрастовъ, такъ-же не могло имѣть мѣста: первобытный человѣкъ не нуждался ни въ кровѣ, ни въ одеждѣ; пищу-же онъ находилъ готовою на деревьяхъ или въ землѣ, и срывая ее или выкапывая, онъ тутъ-же ее и съѣдалъ. Но даже и на болѣе позднихъ стадіяхъ развитія, когда ни открытое небо, ни закрытая пещера не могли болѣе удовлетворить появившейся въ человѣкѣ потребности въ кровѣ, я когда ни древесные листья, ни плоды или коренья не могли уже долѣе служить ему одеждой или пищей,— даже тогда, говоримъ, такого рѣзкаго раздѣленія труда, какъ представлялъ себѣ Платонъ, не могло быть: охотникъ-ли, или пастухъ, или даже позднѣе земледѣлецъ—до историческій человѣкъ стольже часто сколачивалъ себѣ шалашъ, какъ и металъ стрѣлы или проводилъ борозду. Система раздѣленія труда появляется поздно, и въ той совершенной формѣ, въ какой рисовалъ ее Платонъ, она не существовала даже въ самой Греціи. То-же самое приходится сказать и объ обмѣнѣ и торговлѣ: существованіе ихъ среди самого общества предполагаетъ цѣлый рядъ экономическихъ категорій, какъ рынокъ, отчуждаемость продукта труда и частную собственность въ болѣе или менѣе развитой формѣ, которыхъ никоимъ образомъ не могло быть при племенномъ и общинномъ коммунизмѣ первобытныхъ обществъ. Какъ попытка слѣдовательно прослѣдить возникновеніе и развитіе соціальнаго организма, эта теорія не выдерживаетъ никакой критики; но она важна по своимъ указаніямъ на тѣ органическіе элементы, изъ которыхъ, по мнѣнію Платона, слагается и должно слагаться человѣческое общество. Въ основѣ его лежатъ экономическія потребности, и право въ немъ состоять членомъ обусловливается трудомъ, общественно полезнымъ и необходимымъ.

И вотъ наше общество устроилось, но для правильной и нормальной его жизни нужны законы, которые регулировали-бы взаимныя отношенія его членовъ и обезпечили-бы преуспѣяніе всего организма. Въ виду этого необходимы правители, издающіе такіе законы и наблюдающіе за ихъ исполненіемъ. Такіе люди такъ-же

нужны—если еще не больше,—какъ земледѣльцы, плотники, сапожники, купцы, торговцы и воины. Они и имѣются въ каждомъ изъ извѣстныхъ намъ обществъ, и согласно тому, въ рукахъ какого класса находится кормило правленія, т. е. изъ какой среды исходятъ личности, издающія и исполняющія законы, Платонъ раздѣлялъ—въ «Республикѣ» и «Законахъ»—всѣ формы правленія на три разряда. Прежде всего идетъ правленіе единоличное, которое, смотря по тому, законное оно или незаконное, т. е. добровольно-ли народомъ ввѣренное или узурпированное, называется либо монархіей, либо тиранніей. Вторая форма правленія -совершенно противоположна первой: правителемъ является самъ народъ въ своей коллективной личности—демократія,—безъ всякаго различія рода, ценза и интеллектуальныхъ и моральныхъ качествъ; но и она можетъ быть законная или незаконная, смотря по тому способу, какимъ овладѣла властью. Третья же форма, къ которой Платонъ, какъ и его ученикъ Аристотель, имѣлъ наибольшее пристрастіе, состоитъ въ правленіи класса богатыхъ и способныхъ,—аристократія, которая однако, если завладѣла государственнымъ рулемъ насильственно, вырождается въ олигархію. Подъ эту-же форму Платонъ подводитъ и военную республику—тимократію,—гдѣ власть принадлежитъ сословію военныхъ.

Всѣ эти формы правленія казались ему однако болѣе или менѣе несовершенными. Лучше всѣхъ, быть можетъ, была-бы монархія, но то обстоятельство, что она легко можетъ перейти въ тираннію, перевѣшиваетъ всѣ ея прочія достоинства и дѣлаетъ ее опасною для народнаго благосостоянія. Демократія—также не безъ большихъ недостатковъ: народная толпа глупа, невѣжественна и полна предразсудковъ. Она измѣнчива, капризна и не умѣетъ отличать истины отъ лжи. Она не владѣетъ собой и легко дѣлается игрушкой въ рукахъ краснорѣчиваго демагога и ловкаго интригана. Лучше всего было-бы правленіе людей отборныхъ по своимъ способностямъ, серьезности и знаніямъ; но гдѣ ихъ взять? ни богатые, ни военные, какъ таковые, не вносятъ съ собой достаточной гарантіи тому, что ихъ правленіе не перейдетъ въ классовое, противународное, олигархическое. Нужно поэтому создать новый классъ, если мы желаемъ имѣть государство совершенное, идеальное,—классъ, который состоялъ-бы изъ подобныхъ отборныхъ людей, и которому исключительно была-бы ввѣрена задача государственнаго правленія.

Мы раньше видѣли, что для болѣе или менѣе обезпеченнаго въ своихъ матеріальныхъ нуждахъ общества необходимы два обширныхъ разряда гражданъ: однихъ—и это самые многочисленные,—которые заняты экономически производительнымъ трудомъ, и другихъ—чья роль состоитъ въ охраненіи общественной безопасности какъ извнѣ, такъ и внутри. Для успѣшнаго выполненія возложенной на каждаго изъ нихъ задачи необходимо полное и абсолютное раздѣленіе между ними труда, сообразно ихъ способностямъ и наклонностямъ, такъ чтобы членъ одного класса не только не могъ вмѣшиваться въ кругъ дѣятельности другого класса, но и не смѣлъ заниматься работой какого-нибудь члена *своего*-же класса, т. е., чтобы сапожникъ напримѣръ не только не могъ высказывать свое мнѣніе или принимать участіе въ дѣлахъ военныхъ, но не смѣлъ, бросивъ свое шило, вдругъ взяться за портняжную иглу. Теперь-же мы установили еще одно,—а именно, что обществу, желающему не только существовать, но еще быть счастливымъ и совершеннымъ, необходимо имѣть отдѣльное сословіе правителей, взятыхъ не на-обумъ изъ того или другого класса, въ силу какихъ-либо внѣшнихъ отличій, но изъ людей, достойныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и умственнымъ способностямъ. И эти правители, въ свою очередь, должны составить классъ, т. е. быть связанными общимъ воспитаніемъ, идеями и интересами въ одну корпорацію повелѣвающихъ, по отношенію къ которымъ всѣ остальные граждане являются повинующимися — подданными. Каковъ-же это классъ? каковы его квалификаціи? Это философы,—люди, стоящіе на высотѣ культуры и достигшіе реальнаго знанія, т. е. знанія идей. «До тѣхъ поръ,—провозглашаетъ нашъ мыслитель основной канонъ своего политическаго ученія:—до тѣхъ поръ, пока философы не станутъ царями, или цари и князья не проникнутся духомъ философіи, такъ чтобы политическая сила и мудрость соединились въ одно, а люди съ низшими способностями были совсѣмъ исключены изъ этихъ сферъ,—до тѣхъ поръ, говоримъ мы, государство—нѣтъ! само человѣчество — не избавится отъ зла. Только тогда, когда все устроится, какъ мы говоримъ, идеальное государство осуществится и будетъ преуспѣвать.»

Спустя цѣлый рядъ столѣтій этой-же самой мысли, почти въ тожественной формѣ, суждено было возродиться въ мозгу другого человѣка, а именно Сенъ-Симона (Огюстъ Контъ, который,

какъ извѣстно, также провозгласилъ подобное мнѣніе, былъ ученикъ послѣдняго). Такъ мало за этотъ громадный періодъ времени—23 вѣка—успѣли двинуться впередъ наши политическія идеи! Мы не беремся судить, насколько осуществленіе этой мысли было-бы желательнымъ для человѣчества: быть можетъ, зло отъ атрофіи гражданскихъ функцій большей части общества перевѣшивало-бы то благо, которымъ сопровождалось бы усиленное приложеніе освобожденной энергіи къ сферѣ личнаго самосовершенствованія; но вопросъ не въ этомъ, а именно въ томъ, осуществима-ли эта мысль вообще? Историческій опытъ показалъ намъ, что нѣтъ,—что люди не настолько безкорыстны, ни проницательны, ни безошибочны, чтобы, при отсутствіи общественнаго контроля и соучастія, какой-бы то ни было классъ могъ успѣшно править государственной ладьей на исключительное благо народа. Личные и классовые интересы и предразсудки, индивидуальные недостатки и идіосинкразіи, и безчисленное множество другихъ обстоятельствъ мѣшаютъ возникновенію и существованію идеальныхъ правителей, какіе рисовались воображенію Платона, Сенъ-Симона и др.: это коренится въ несовершенствахъ не одной какой-нибудь страны, не одной какой-нибудь эпохи, а всего человѣчества и всей исторіи. Игнорировать этотъ фактъ такъ-же невозможно, какъ игнорировать само несовершенство нашего духовнаго и физическаго существа, и современное человѣчество, или по крайней мѣрѣ Западная Европа должна была послѣ вѣковыхъ страданій отказаться отъ подобной мечты и сознать, что нѣтъ другого залога общественному благополучію, кромѣ какъ въ самодѣятельности общества.

Все-же мы не должны думать, что Платонъ закрывалъ глаза на трудности, лежащія на его пути къ достиженію идеала: по крайней мѣрѣ онъ понималъ, что такія совершенныя личности, какъ его правители, не рождаются, а въ лучшемъ случаѣ—если онѣ вообще возможны—дѣлаются: отсюда преобладающее, можно сказать, огромное значеніе у него воспитанія. Мы ниже увидимъ, какія еще другія цѣли преслѣдовало воспитаніе въ Платоновскомъ государствѣ; теперь посмотримъ, въ чемъ оно состояло и какимъ образомъ вырабатывались достойные правители.

Роль воспитанія принадлежитъ самому государству, на руки которому ребенокъ передается чуть-ли не съ перваго дня своего рожденія. Начинается оно, какъ и слѣдуетъ ожидать, попеченіемъ о физическомъ развитіи будущаго гражданина,—попеченіемъ, ко-

торое въ сущности никогда не прекращается до самой его смерти. Но уже съ того самаго момента, когда въ ребенкѣ пробуждается сознаніе, начинается его систематическое нравственное и умственное воспитаніе, и здѣсь Платонъ предвосхищаетъ идеи Руссо и новѣйшихъ педагоговъ, которые поняли значеніе раннихъ впечатлѣній на духовную натуру человѣка и настаиваютъ на необходимости для здороваго ея развитія тщательно подобранныхъ вліяній съ ранняго младенчества. Съ 3-хъ приблизительно лѣтъ вплоть до юношескаго возраста, лѣтъ до 16-ти, безпрерывно тянется образованіе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: изученіе миѳовъ, гимнастическія упражненія, чтеніе и письмо и наконецъ музыка, въ которую включается и поэзія. Первые, т. е. миѳы, должны конечно быть очищены отъ непристойныхъ элементовъ, нравственныхъ и религіозныхъ, и имѣть исключительной цѣлью пробужденіе въ ребенкѣ эстетическаго чувства и воображенія. Подъ гимнастикою слѣдуетъ подразумѣвать не тѣ упражненія, которыя имѣютъ въ виду образованіе атлетовъ, съ цѣлью побѣждать на публичныхъ играхъ, а военную выправку, ловкость, стойкость и выносливость—точь-въ-точь какъ оно было въ Спартѣ. Нужно научать дѣтей владѣть оружіемъ, переносить тяжести лагерей и походовъ и закалить тѣло противъ всякаго рода физическихъ вліяній и невзгодъ. Нужно внушать имъ чувство безпрекословнаго повиновенія и любовь къ скромному образу жизни, не терпящему ни роскоши, ни даже комфорта. Но главными факторами нравственнаго воспитанія должны быть музыка и поэзія: онѣ возбуждаютъ сильныя и возвышенныя чувства, онѣ наполняютъ воображеніе высокими образами, вызывая вмѣстѣ съ тѣмъ жажду подражанія, и наконецъ развиваютъ въ насъ то чувство гармоніи, ровности и уравновѣшенности, которое для грека было драгоцѣннѣе всего прочаго. Платонъ однако былъ убѣжденъ, что въ томъ видѣ, въ какомъ эти два искусства существуютъ, они совершенно непригодны для воспитательныхъ цѣлей. Сила ихъ могуча,—тѣмъ тщательнѣе должны они быть очищены отъ зловредныхъ элементовъ, могущихъ нанести хрупкой человѣческой нравственности неописуемый вредъ. Есть напримѣръ роды музыки, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ способны вносить одну лишь деморализацію: одни—вульгарны по стилю, другіе — неестественны по формѣ, третьи—просто безсодержательны, а четвертые—не вызываютъ другихъ эмоцій, кромѣ сладострастія, изнѣженности,

лѣни, и т. д. Такая музыка должна быть совершенно исключена изъ идеальнаго государства: въ немъ она должна быть строга по формѣ, важна и медленна по темпу, и возвышенна и вмѣстѣ съ тѣмъ проста по содержанію. Только при такихъ условіяхъ она можетъ сдѣлаться первоклассной общественной силой,—«цитаделью и оплотомъ государства», всякое измѣненіе въ которой, говоритъ Платонъ, неминуемо ведетъ за собой коренное измѣненіе и въ законахъ государства!

Но еще бо̀льшее вниманіе слѣдуетъ обратить на поэзію. Большинство поэтическихъ твореній страдаютъ тѣми же недостатками, что и музыкальныя, да къ тому еще и сюжеты ихъ далеко не всегда подходящи. Платонъ приводитъ цѣлый рядъ произведеній того времени, въ которыхъ авторы даютъ самыя превратныя понятія о мірѣ, о Богѣ, о жизни за гробомъ, о душѣ, и доказываетъ, что громадное большинство ихъ способно внушить лишь дурныя страсти и безнравственныя наклонности, вродѣ трусости, лицемѣрія, изнѣженности, пьянства, жестокости, и т. д. Онъ считаетъ поэтому необходимымъ выкинуть изъ существующей поэтической литературы—даже изъ Гомера—всѣ тѣ мѣста, которыя, по его мнѣнію, вредны, и для вящщей безопасности рѣшается совершенно изгнать изъ государства современныхъ поэтовъ наравнѣ со всѣми прочими жрецами искусствъ, не подходящихъ подъ его идеалъ: они-де, всѣ до одного, учителя ложной морали, достойные за свой талантъ быть украшенными вѣнками, но за свое пагубное вліяніе на нравы—быть выпроваженными за предѣлы страны. Только сочинители философскихъ діалоговъ, религіозныхъ драмъ и благородныхъ миѳовъ оставляются, остальные должны быть высланы.

Съ 16-ти лѣтъ юноша начинаетъ изучать математическія науки: геометрію и астрономію. Мы не должны удивляться тому значенію, которое придавали этимъ наукамъ древніе греки вообще и Платонъ въ частности. Многихъ отраслей знанія, которыя теперь существуютъ, тогда еще не было совсѣмъ, а изъ тѣхъ, которыя тогда уже были въ зачаткѣ, какъ напримѣръ медицина, ни одна еще не перешла за первоначальную эмпирическую стадію своего развитія. Одна лишь математика—и главнымъ образомъ геометрія—стала уже слагаться въ организованную систему со всѣми признаками науки. Знаніе математики казалось поэтому знаніемъ par excellence, и человѣческій умъ не то съ благого-

вѣніемъ, не то съ чувствомъ трепета останавливался передъ его поразительными истинами, его непреложными выводами и своеобразнымъ методомъ, такъ рѣзко отличавшимся отъ грубыхъ, такъ сказать, на ощупи основанныхъ методовъ прочихъ отраслей знанія. Воображеніе импонировалось чудесами математики, знакомство съ ней казалось сверхчеловѣческимъ, и люди, обладавшіе имъ, являлись чуть-ли не полу-богами или по крайней мѣрѣ мудрецами. Платонъ смотрѣлъ на все это точно такъ-же, какъ и его современники; но въ его глазахъ изученіе математики имѣло еще то крупное достоинство, что подготовляло и пріучало людей отрѣшаться отъ чувственныхъ воспріятій, улавливать неизмѣнное подъ измѣнчивымъ,—словомъ, ставило ихъ на тотъ путь, который ведетъ къ познанію идей.

Математика такимъ образомъ была органическимъ элементомъ въ Платоновской системѣ воспитанія, и ею въ сущности заканчивается для большинства гражданъ теоретическое образованіе. Въ 18 лѣтъ они вступали въ практическую жизнь, занимаясь впродолженіе 2-хъ лѣтъ главнымъ образомъ военнымъ искусствомъ. На 20-мъ же году происходитъ нѣчто вродѣ экзамена или просѣва: тѣ изъ молодыхъ людей, которые не обнаружили достаточныхъ умственныхъ способностей и нравственныхъ достоинствъ, вродѣ неподкупности, прямоты и пр., но которые вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно мужественны и безстрашны, остаются въ классѣ воиновъ: на нихъ возлагается дѣло защиты государства отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Но тѣ, которые отличались и въ томъ, и въ другомъ, идутъ дальше и продолжаютъ свое воспитаніе и образованіе съ цѣлью подготовиться къ посту администраторовъ и законодателей. До 30-ти лѣтъ эти люди занимаются всѣми существующими науками въ ихъ внутренней и взаимной связи: это какъ-бы высшее образованіе, имѣющее цѣлью не столько увеличить количество знаній, сколько развить въ учащихся способности къ самостоятельному и правильному мышленію. Тогда опять тѣ, которые не обнаружили большихъ успѣховъ, занимаютъ низшія административныя и исполнительныя должности; остальные же приступаютъ къ изученію высочайшей изъ всѣхъ наукъ, этому вѣнцу человѣческаго познанія, — къ діалектикѣ, наукѣ объ идеяхъ. Они постигаютъ всѣ тайны мірозданія и становятся философами, способными созерцать истое бытіе—истину, добро и красоту. Эти-то люди, цвѣтъ страны, превосходящіе всѣхъ

согражданъ своими умственными и нравственными качествами, и дѣлаются, спустя извѣстное число лѣтъ, проведенныхъ въ практической дѣятельности, правителями государства.

Читатель, надѣемся, не попрекнетъ насъ за то, что мы остановились на Платоновской системѣ воспитанія: оно играло у него слишкомъ большую роль, чтобы можно было ограничиться парой словъ. Оно вырабатывало классъ философовъ—правителей,—элементъ въ общественной организаціи, который, по мнѣнію нашего мыслителя, отличаетъ идеальное и совершенное государство отъ всякаго другого. Но оно ведетъ еще и къ другимъ результатамъ. Прежде всего оно дѣлаетъ возможной ту классификацію гражданъ по способностямъ и наклонностямъ, на которой основывается раздѣленіе труда и установленіе классовъ, —два основныхъ устоя Платоновской республики. Человѣку дается полная возможность развивать свои способности въ той или другой сферѣ и пріобрѣтать соотвѣтствующія знанія: въ какой изъ этихъ сферъ онъ окажетъ наилучшіе успѣхи, и въ какой стало-быть онъ сможетъ быть наиболѣе полезенъ обществу, — къ той его и приставятъ: этимъ обезпечится maximum производительности наличныхъ силъ страны. Но выше всего этого стоитъ главная и общая цѣль воспитанія, а именно—развитіе въ людяхъ добродѣтели, т. е. реализація высшаго блага. Добродѣтель, если не тожественна со счастіемъ, есть во всякомъ случаѣ его причина, какъ порокъ—причина зла, а такъ какъ единственный raison d'être государства есть обезпеченіе за каждой личностью, входящей въ его составъ, наибольшей суммы этого счастія, то главнымъ и конечнымъ предметомъ заботъ его должна быть добродѣтель, т. е. выясненіе нравственныхъ идеаловъ и насажденіе ихъ въ сердцахъ и умахъ людей. Въ чемъ же добродѣтель состоитъ?

Мы знаемъ, что душа міровая и человѣческая состоятъ изъ трехъ элементовъ: раціональнаго, ирраціональнаго или чувственнаго, и средняго между ними,—мужественнаго; точно такъ-же и государство слагается изъ трехъ классовъ, совершенно аналогичныхъ этимъ элементамъ. Первый классъ — классъ философовъ —соотвѣтствуетъ верховной части души—разуму: и тотъ, и другой правятъ, и тотъ, и другой имѣютъ дѣло съ идеями. Второй классъ—воины—представляетъ не что иное, какъ общественное, такъ сказать, воплощеніе второго элемента души —духа, который хотя и противоположенъ разуму (классу философовъ), но всегда является его

помощникомъ и союзникомъ. Третій-же, самый низшій классъ,—классъ работниковъ,—занимающійся физическимъ трудомъ, вполнѣ сходенъ съ третьей, низшей частью души, имѣя дѣло съ матеріальными предметами и никогда не поднимаясь выше феномальнаго міра.

Отсюда естественно, что и добродѣтель или нравственное совершенство каждаго изъ этихъ классовъ должно быть аналогично добродѣтелямъ соотвѣтствующихъ частей души: первый классъ достигаетъ высоты своего призванія, когда онъ обладаетъ знаніемъ идей или мудростью; второй—не иначе можетъ выполнять свои обязанности, какъ будучи мужественъ, а третій—долженъ видѣть свой нравственный идеалъ въ самообладаніи и повиновеніи. Эти добродѣтели представляются болѣе, чѣмъ цѣлями, къ которымъ классы должны стремиться: онѣ суть необходимыя условія существованія класса, какъ таковаго: безъ мудрости нѣтъ философовъ и правителей, безъ мужества—нѣтъ воиновъ, и безъ самообладанія и повиновенія нѣтъ рабочаго сословія. Каждый изъ этихъ классовъ долженъ практиковать свою добродѣтель, и только ее одну,—подобно тому, какъ каждый обязанъ заниматься исключительно своимъ дѣломъ: въ этомъ заключается основное требованіе справедливости,—добродѣтели, общей для каждаго гражданина безъ различія классовъ.

Платоновское государство состоитъ такимъ образомъ изъ трехъ сословій, рѣзко отдѣленныхъ одно отъ другого родомъ дѣятельности и нравственными стремленіями. Схема конечно въ высшей степени искусственная, принимая общество скорѣе за механически сколоченное зданіе, чѣмъ за организмъ, компактный и цѣльный, медленно, но безпрерывно развивающійся. Но здѣсь, быть можетъ, важно не столько то, что нашъ философъ считаетъ возможнымъ искусственно построить такое общество—хотя конечно и это крупное заблужденіе, отъ котораго мы не вполнѣ еще избавились и понынѣ,—сколько то, что, по его мнѣнію, разъ навсегда установленныя формы общества постоянно для него пригодны и цѣлесообразны. Онъ не видалъ динамической стороны соціальнаго организма и не зналъ, что количество, интенсивность и взаимоотношенія въ немъ силъ постоянно мѣняются, и что слѣдовательно смѣна формъ является не только естественной спутницей, но и необходимымъ условіемъ общественнаго прогресса. Мечтать поэтому о томъ, что обществу можно обезпечить наибольшую сумму блага,

втиснувъ его въ разъ навсегда застывшія, окостенѣлыя, хотя-бы и совершенныя формы, не только напрасно, но и противорѣчитъ требованіямъ соціальнаго прогресса.

Эта глубокая ошибка лежитъ въ основѣ всего дальнѣйшаго развитія Платоновской схемы. Государство не должно быть ни слишкомъ малымъ, ни слишкомъ обширнымъ, а какъ разъ такихъ размѣровъ, которые удовлетворяли-бы матеріальнымъ нуждамъ народа и требованіямъ нормальнаго общежитія. Оно не должно быть также ни слишкомъ бѣднымъ, ни слишкомъ богатымъ: въ первомъ случаѣ оно терпѣло-бы нужду, порождающую разнаго рода зло, физическое и нравственное, а во второмъ— появились-бы на сцену роскошь, развратъ, тунеядство и прочіе пороки — дѣтища богатствъ. Вообще, говоритъ онъ, во всѣхъ странахъ, гдѣ имѣются большія богатства, господствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крайняя бѣдность: государство не составляетъ одного цѣлаго, а распадается какъ-бы на два отдѣльныхъ класса—богатыхъ и бѣдныхъ, постоянно между собою враждующихъ и борющихся. Въ *его* государствѣ заниматься производствомъ матеріальнаго богатства будетъ одинъ лишь третій, самый многочисленный, классъ; остальные-же два будутъ жить трудомъ послѣдняго, получая отъ него опредѣленное и скромное содержаніе. Такой режимъ предотвратитъ образованіе въ государствѣ указанныхъ двухъ экономически-противоположныхъ классовъ и устранитъ одну изъ главныхъ причинъ междоусобицъ, такъ часто ведущихъ къ гибели общества. Однако и этого недостаточно: зависть и ревность—два могущественныхъ чувства, выростающихъ на институтахъ частной собственности и семьи, являются весьма важными факторами деморализаціи и разложенія въ общественной жизни. Эти чувства, стало быть, также надлежитъ уничтожить, а для этого не остается ничего другого, какъ вырвать съ корнемъ сами институты.

Этотъ пунктъ въ Платоновской схемѣ болѣе, нежели какой-либо другой, вызывалъ и продолжаетъ вызывать враждебную критику; но замѣчательная вещь: всякій разъ, какъ общественные реформаторы принимались строить подобнаго рода соціальныя схемы, они неминуемо доходили до тѣхъ же или аналогическихъ заключеній. Врядъ-ли конечно кто изъ такихъ реформаторовъ смотрѣлъ на эти институты съ точки зрѣнія историческаго момента и видѣлъ въ нихъ закономѣрныя категоріи, появляющіяся на извѣстной стадіи общественнаго развитія. Врядъ-ли они видѣли

ту тѣсную между ними связь, въ силу которой учрежденія являются двумя соотносительными результатами одного и того-же общаго экономическаго движенія, и наконецъ, едва-ли для нихъ была вполнѣ понятна та чисто-экономическая роль, которую, къ благу-ли или несчастью народа, частная собственность играетъ въ его жизни. Они могли лишь констатировать выплывающія на поверхность отрицательныя явленія, вродѣ недовольства или преступленій противъ личности, являющихся обычными и печальными результатами существованія «моего» и «твоего»; но этого было для нихъ достаточно,—въ особенности для Платона, передъ глазами котораго совершалось быстрое и неудержимое разложеніе аѳинской политики, благодаря безпрестанной борьбѣ поземельныхъ собственниковъ съ денежной буржуазіей. Въ идеальномъ государствѣ этого не должно быть: правящіе классы, философы и воины, должны жить какъ одна семья, не встрѣчая никакихъ поводовъ къ раздорамъ и спорамъ въ сталкивающихся желаніяхъ присвоить въ свою исключительную собственность или пользованіе тѣ или другія вещи. За исключеніемъ того, что абсолютно необходимо для немедленнаго потребленія, у нихъ не должно быть ничего такого, про что они могли-бы сказать: это—мое. У нихъ нѣтъ ни отдѣльныхъ домовъ, закрытыхъ для остальныхъ гражданъ, ни другого имущества или имѣнія, на которыя тотъ или другой индивидъ имѣлъ-бы исключительныя права. Все принадлежитъ всѣмъ сообща,—и даже столъ у нихъ долженъ быть общій, какъ на о. Критѣ или въ Спартѣ.

То же самое и относительно семьи. Платонъ видитъ всю деликатность этого вопроса, котораго люди всѣми силами стараются не затрогивать, и передъ которымъ, какъ передъ святыней, останавливаются и опускаютъ руки самые дерзкіе радикалы. Философъ долго колеблется выразить свое мнѣніе на этотъ счетъ,—это мнѣніе столь необычайно! но вопросъ первостепенной важности для жизни общества, и трусливое замалчиваніе его недостойно серьезнаго политическаго мыслителя. И онъ рѣшается: институтъ семьи долженъ быть разрушенъ, т. е. всякое болѣе или менѣе продолжительное сожительство мужчины и женщины съ вытекающими изъ него обязательствами, нравственными и матеріальными, какъ по отношенію другъ къ другу, такъ и къ дѣтямъ. Не говоря уже о томъ, что обладаніе женщиной въ смыслѣ исключенія всѣхъ прочихъ мужчинъ можетъ легко подать поводъ къ зависти, ревности, пре-

ступленіямъ и даже междоусобицамъ, — самое существованіе семьи вноситъ противорѣчивый элементъ въ государственную организацію, какъ ее понималъ Платонъ. Философы и воины существуютъ только для государства и не должны имѣть никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ общественныхъ; между тѣмъ семейная организація какъ бы обособляетъ личность, замыкая ее въ отдѣльный мірокъ и вводя въ ея мысль постороннія заботы. Тутъ, стало быть, дѣло даже не въ томъ, что человѣку часто приходится стать въ фальшивое положеніе и идти на компромиссы въ желаніи примирить интересы лично-семейные съ общественными: уже одного того факта, что онъ перестаетъ принадлежать всецѣло государству, достаточно, чтобы осудить семью, какъ элементъ противогосударственный. Женщины должны принадлежать всѣмъ и никому, причемъ функція дѣторожденія должна служить исключительно цѣлямъ государства и стать подъ его контроль. Философы періодически рѣшаютъ о числѣ потребныхъ государству гражданъ и назначаютъ извѣстные праздники для брачныхъ союзовъ, въ которые могутъ вступать мужчины лишь между 25-ти и 45-ти лѣтнимъ возрастомъ, и женщины между 20-ти и 40-лѣтнимъ: этотъ-де періодъ наиболѣе нормаленъ и обезпечиваетъ физическое и духовное здоровье дѣтей, и всякія сношенія до него считаются вредными, нечистыми, а потому преступными. Эти союзы происходятъ не въ силу взаимной склонности обѣихъ сторонъ, но по указаніямъ правителей, которые постановляютъ—кому съ какой женщиною сойтись. Красивѣйшія и благороднѣйшія женщины, чья любовь наиболѣе драгоцѣнна, отдаются тѣмъ гражданамъ, которые либо по своимъ физическимъ и нравственнымъ достоинствамъ, либо по своимъ выдающимся заслугамъ стоятъ выше всѣхъ своихъ соперниковъ: онѣ являются какъ бы призами для достойнѣйшихъ, стимулируя ихъ къ благородному соревнованію, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются матерями прекраснѣйшихъ дѣтей, — ибо, говоритъ Платонъ, въ государствѣ надлежитъ придерживаться того же принципа, что и въ хозяйствѣ, гдѣ мы подбираемъ подходящую самку для даннаго самца такъ, чтобы получить потомство желаемаго типа. Эта цѣль—доставить государству способныхъ гражданъ—становится у Платона господствующей; ради нея онъ забываетъ благо личности, для реализаціи котораго только и существуетъ идеальное государство; и во имя ея онъ приноситъ въ жертву все, что̀ мы считаемъ наиболѣе дорогимъ и святымъ. Съ

безпощадно-прямолинейной логикой утверждаетъ онъ, что дѣти, родившіяся больными и уродливыми или сверхъ назначеннаго комплекта, должны быть немедленно убираемы прочь и безжалостно умерщвляемы. Такую же участь должны раздѣлять и здоровые младенцы, но явившіеся на свѣтъ отъ родителей, перешагнувшихъ за законный возрастъ, 45 и 40 лѣтъ, когда брачные союзы могутъ совершаться безпрепятственно, но должны быть безплодны. Какъ только ребенокъ рождается и оставляется въ живыхъ, его немедленно отнимаютъ у матери и отсылаютъ въ дальніе воспитательные дома, куда матери поочередно приходятъ и кормятъ всѣхъ находящихся тамъ дѣтей безразлично: ни ребенокъ такимъ образомъ не знаетъ своей матери, ни мать—своего ребенка, но всѣ дѣти, родившіяся на 10-мъ мѣсяцѣ послѣ извѣстныхъ праздниковъ, называютъ отцами и матерями всѣхъ тѣхъ, которые въ то время сошлись въ брачномъ союзѣ. Этимъ окончательно отнимается почва, на которой могла-бы сложиться частная семья: вмѣсто нея выростаетъ семья общественная, въ предѣлахъ и интересахъ своихъ совпадающая съ самимъ государствомъ.

Намъ неудобно входить здѣсь въ оцѣнку подобныхъ взглядовъ на семью, съ точки зрѣнія общественнаго института: она, пожалуй, и неумѣстна будетъ въ этомъ очеркѣ. Но мы не можемъ не отмѣтить того факта, что, увлеченный своими высокими идеями о государствѣ, Платонъ создалъ не только воображаемое общество, но и воображаемыхъ человѣческихъ существъ. Онъ лишилъ ихъ плоти и крови и сдѣлалъ какими-то ходячими единицами, имѣющими значеніе лишь по стольку, по скольку онѣ идутъ на составленіе общей суммы — государства. Онъ отнялъ у нихъ благороднѣйшія психическія потребности—въ любви половой и родительской,—и оставилъ имъ одну лишь физіологическую функцію; да и эту послѣднюю философъ не прочь былъ-бы стереть съ лица воображаемой земли, еслибы считалъ возможнымъ или нашелъ способъ увеличить народонаселеніе, не прибѣгая къ ней. Мы не можемъ признать режимъ, который онъ ставитъ на его мѣсто, возможнымъ или даже желательнымъ: контроль въ области брачныхъ союзовъ, быть можетъ, до нѣкоторой степени и необходимъ, но онъ не долженъ переходить за предѣлы человѣчности и обращать общество въ конный заводъ.

Въ тѣсной связи съ вышеприведеннымъ стоятъ взгляды Платона на положеніе женщины въ обществѣ. Въ эпоху, когда

жилъ Платонъ, она уже оставила свою прялку и вышла изъ своего терема-гинекея, о которомъ мы читаемъ у Гомера, и, не имѣя еще юридическихъ правъ, тѣмъ не менѣе уже стала человѣческой личностью и общественной силой. Но нашъ философъ пошелъ еще дальше. Онъ равно далекъ былъ отъ рыцарскаго ей поклоненія, подъ которымъ лишь скрывается презрѣніе къ ней, какъ къ существу вѣчно несовершеннолѣтнему, и отъ того буржуазнаго лицемѣрія, которое хочетъ видѣть въ женщинѣ воплощеніе «тихихъ добродѣтелей» или «украшеніе домашняго очага» и вмѣстѣ съ тѣмъ отсылаетъ ее на фабрику или на улицу. Для Платона женщина была прежде и послѣ всего человѣкъ съ тѣми же правами и обязанностями, что и мужчина, и согласно съ этимъ онъ хочетъ, чтобы она получила то же самое воспитаніе и образованіе въ поэзіи, въ музыкѣ, гимнастикѣ, математикѣ и пр., и занимала тѣ же государственные посты, что и тотъ. Философъ хорошо зналъ, какого рода доводы приведутъ противъ него его противники, но онъ зналъ также и какъ имъ отвѣтить. Ему укажутъ на анатомическія и физіологическія различія въ организмахъ женщинъ и мужчинъ и напомнятъ его же принципъ, въ силу котораго различія въ силахъ и способностяхъ должны вести—если уже не для блага самой личности, то по крайней мѣрѣ для блага общества—къ соотвѣтствующему различію въ обязанностяхъ и правахъ. Онъ не отрицаетъ силы этого аргумента и не старается отъ него уклониться, но указываетъ, что этотъ аргументъ къ дѣлу вовсе не относится. На свѣтѣ, говоритъ онъ, существуютъ плѣшивые и не плѣшивые: слѣдуетъ-ли изъ этого, что однимъ мы должны отвести сферу дѣятельности менѣе привилегированную, нежели другимъ? Конечно нѣтъ, потому что въ такихъ вопросахъ мы должны принимать въ соображеніе не всякія особенности въ физической или духовной природѣ людей, а только тѣ, которыя такъ или иначе имѣютъ отношеніе къ данному роду дѣятельности Плѣшивость нисколько не мѣшаетъ человѣку быть мудрымъ или мужественнымъ и слѣдовательно выполнять обязанности правителя или воина; но развѣ большей помѣхой являются извѣстныя особенности женскаго организма и, въ частности, функція дѣторожденія? Платонъ рѣшительно отрицаетъ это: онъ убѣжденъ, что между способностями и силами мужчины и женщины не существуетъ никакой качественной разницы, которая оправдывала бы рѣзкое разграниченіе въ правахъ и сферахъ дѣятельности ихъ. Правда,

говоритъ онъ,—и исторія доказала ненадобность даже этой уступки,—правда, существуютъ нѣкоторыя занятія, какъ напримѣръ пряденіе или стряпня, гдѣ женщины отъ природы отличаются больше, нежели мужчины, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что мы должны всѣхъ ихъ безъ исключенія засадить за ту или другую изъ этихъ работъ: среди женщинъ, какъ и среди мужчинъ, есть такія, которыя болѣе способны быть философами, нежели кухарками, или отличаются въ тѣлесныхъ упражненіяхъ больше, нежели въ пряжѣ. Обратить поэтому всѣхъ женщинъ въ пряхъ или кухарокъ было бы такъ же нелѣпо, какъ обратить всѣхъ мужчинъ въ воиновъ или въ философовъ; все зависитъ исключительно отъ рода способностей, которыми одарена личность, а никакъ не отъ пола ея. Въ силу этого Платонъ и требуетъ, чтобы женщина имѣла доступъ ко всѣмъ занятіямъ и общественнымъ постамъ наравнѣ съ мужчиной, и чтобы единственнымъ критеріемъ въ распредѣленіи этихъ занятій была не принадлежность къ тому или другому полу, а обладаніе тѣми или другими па то данными. «Итакъ,— заключаетъ Платонъ:—законъ, который мы предлагаемъ, вполнѣ согласенъ съ требованіями природы, а потому — не невозможенъ и не фантастиченъ; тотъ же порядокъ вещей, который существуетъ па дѣлѣ, въ дѣйствительности представляетъ не больше, какъ нарушеніе естественнаго права».

За женщиною такимъ образомъ признается полная государственная правоспособность, и, освобожденная отъ тѣхъ обязанностей и трудовъ, которые сопряжены съ семейной организаціей общества, она дѣлается правителемъ или воиномъ, какъ и мужчина. Естественно, что въ виду этого она должна вмѣстѣ съ мужчиной пройти черезъ одну и ту же систему воспитанія и образованія, и здѣсь Платону вновь приходится отвѣчать на нѣкоторыя возраженія противниковъ, — возраженія, которыя съ такимъ-же апломбомъ выставлялись тогда, какъ и теперь. Насчетъ поэзіи и музыки дѣло еще сносно: пожалуй, даже обученіе этимъ предметамъ придастъ женщинѣ нѣкоторую пикантность, которой раньше въ гинекеяхъ не было мѣста. Но какъ насчетъ математики или философіи? Не убьетъ-ли это все, что̀ такъ привлекательно въ ней, что̀ ей наиболѣе къ лицу, что̀ составляетъ даже отличительную ея особенность,—именно то неуловимое нѣчто, которое зовется женственностью? А еще болѣе гимнастика, при занятіяхъ которой она по правиламъ должна будетъ обнажаться: вѣдь это значитъ за-

вѣдомо отнимать у нея ея лучшее украшеніе и охрану—стыдъ, и прямо толкать ее на путь безнравственности и разврата! Но Платонъ смѣется надо всѣмъ этимъ: для него подобныя возраженія отзываются лишь предразсудками, которые, онъ увѣревъ, исчезнутъ съ теченіемъ времени, когда эти нынѣ столь шокирующіе порядки потеряютъ характеръ новизны. Люди привыкаютъ ко всему: они привыкнутъ и къ этому, и все, что теперь кажется безсмысленнымъ и безнравственнымъ, станетъ казаться естественнымъ, какъ еслибы оно существовало споконъ вѣка.

Что же касается до необходимости для женщинъ обнажаться при гимнастикѣ и такимъ образомъ подвергаться насмѣшкамъ и опасностямъ, то Платонъ не безъ сарказма замѣчаетъ, что былобы очень печально, если-бы женская нравственность охранялась одной лишь одеждою. Онъ лучшаго мнѣнія о женщинѣ, нежели всѣ эти рьяные идеологи «женственности», и считаетъ вполнѣ возможнымъ, чтобы она сохранила свою скромность, не смотря на наготу. Пусть, говоритъ онъ, добродѣтель служитъ ей одеждой, пусть она ей будетъ броней и защитой отъ посягательствъ на ея чистоту: тогда женщина сможетъ безнаказанно обнажаться и раздѣлять съ мужчиной труды военные и правительственные.

Во всемъ этомъ слышатся знакомыя намъ нотки, и мы не знаемъ, чему больше удивляться: прозорливости-ли и благородству Платоновскихъ взглядовъ на женщину, какъ на человѣческую и гражданскую личность, или тому, какъ стары возраженія противниковъ женской эмансипаціи, которыя мы слышимъ еще и теперь, въ современный намъ вѣкъ. Во всякомъ случаѣ Платонъ былъ первый изъ европейскихъ мыслителей, который съумѣлъ отрѣшиться отъ вѣковыхъ предразсудковъ и стать на высшую точку зрѣнія, съ которой женщина перестаетъ оцѣниваться, какъ самка, и пріобрѣтаетъ значеніе человѣческаго существа. Идеалъ былъ высокій,—столь высокій, что нуженъ былъ цѣлый рядъ столѣтій, чтобы онъ сталъ достояніемъ всего человѣчества и могъ приблизиться къ реализаціи.

Мы старались изложить какъ можно яснѣе и подробнѣе политическіе взгляды великаго мыслителя. Что они по тѣмъ или другимъ причинамъ не вполнѣ приложимы, сознавалъ уже самъ Платонъ, который въ концѣ своей жизни долженъ былъ отказаться отъ нихъ и составить другой проектъ, ближе принимавшій въ соображеніе дѣйствительныя условія жизни. Въ своемъ сочиненіи

«Законы», оставшемся, къ сожалѣнію, недоконченнымъ, онъ даетъ картину общества, построеннаго уже на другихъ принципахъ, гдѣ нѣтъ мѣста ни рѣзкому раздѣленію на классы, ни общности имущества и женщинъ. Но первый проектъ все же остался его наиболѣе любимымъ дѣтищемъ, и, быть можетъ, когда часъ его смерти былъ близокъ, онъ ни о чемъ такъ не жалѣлъ, какъ о томъ, что не могъ привести его въ исполненіе. Къ сожалѣнію, мы въ настоящее время не могли бы раздѣлять ни тѣхъ восторговъ, ни тѣхъ надеждъ, которые повидимому Платону внушала его утопія. Человѣческая мысль движется впередъ, и одно изъ самыхъ цѣнныхъ ея завоеваній состоитъ въ умѣньи опредѣлять въ каждый данный моментъ предѣлы возможности для осуществленія того или другаго идеала. Мы отказались бы поэтому отъ Платоновскихъ идеаловъ, какъ отъ неосуществимыхъ, даже если-бы они были совершенны; но они къ тому же никогда и не были такими. Не вдаваясь въ частности, мы спросимъ лишь одно: гдѣ въ Платоновскомъ государствѣ народъ? Мы знакомы съ философами, мы знаемъ воиновъ, но нигдѣ собственно мы не видимъ народа. Тамъ, гдѣ-то, глубоко внизу, во мракѣ и удушьи копошится сѣрая масса подобно нагимъ рудокопамъ въ шахтахъ или чернымъ муравьямъ въ земляномъ муравейникѣ: народъ-ли это? какую роль онъ играетъ? какъ онъ живетъ? страдаетъ-ли? мыслитъ-ли? Намъ неизвѣстно: мы знаемъ лишь, что онъ работаетъ на все общество, и что общество живетъ его трудомъ, но дальше этого народъ съ нимъ не имѣетъ ничего общаго. Для кого же въ такомъ случаѣ и для чего строитъ Платонъ свое государство? Не для горсти-ли философовъ и не для того-ли только, чтобъ обезпечить имъ досугъ для «философствованія» и дать возможность устраивать политическіе эксперименты? Народная масса у Платона — это та толпа гребцовъ-невольниковъ, которою приводится въ движеніе государственная ладья: она нужна, потому что обществу нужны физическій трудъ и черная работа, но иного мѣста, какъ въ трюмѣ, ей нѣтъ: тамъ она должна жить и работать, не зная ни свѣта, ни счастья, ни того, что происходитъ на верху. Она стоитъ внѣ политической организаціи, какъ тѣ илоты, на которыхъ покоилось спартанское общество; она создана не для себя, а для философовъ, и всѣ толки объ обязанностяхъ къ ней послѣднихъ теряютъ всякій реальный смыслъ.

Новыя изданія Ф. ПАВЛЕНКОВА:

Соціологія. *Шарля Летурно.* Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора *А. С. Трачевскаго.* Цѣна 1 р. 50 к.

Антропологія. *Кржнвицкаго.* Переводъ съ польскаго подъ ред *Р. И. Сементковскаго* Съ рисунками въ текстѣ. Цѣна 1 р. 50 к.

Физіологія страстей. Д-ра *Ш. Летурно.* Переводъ *В. В. Святловскаго.* Ц. 1 р

Очеркъ психологіи. *Вундта.* Перев. съ нѣмецкаго Г. Паперна. Ц. 75 коп.

Экономическая система Карла Маркса. Проф. Вѣнскаго университета *Гросса.* Перев. *Рашковскаго.* Новое изданіе. Цѣна 20 коп.

Исторія религіи. Проф. *Мензиса.* Переводъ съ англійскаго *М. Чепинской.* 336 стр. Ц. 1 р.

Прогрессивная нравственность. Проф. *Фаулера.* Переводъ съ англійскаго, подъ ред. *Владиміра Соловьева.* Цѣна 40 коп.

Психическіе факторы цивилизаціи. *Л. Уорда.* Переводъ съ англійскаго. 324 стр. Ц. 80 коп.

Представительное правленіе. *Д. Стюарта Милля.* Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *Р. Сементковскаго.* Цѣна 60 коп.

Общественный прогрессъ и регрессъ. Проф. *Грефа.* Перев. съ французскаго. *Г Паперна.* Ц. 1 р. 50 к.

Женщина передъ судомъ науки. *Жака Лурбе.* Переводъ съ франц. *Е. Предтеченскаго.* Ц. 30 к.

Наслѣдство и раздѣлъ. *Я. Абрамова.* Книжка эта составляетъ № 2 «Популярно-юридической библіотеки». Ц. 25 к.

Кометы и падучія звѣзды. Популярныя бесѣды *Е. Предтеченскаго.* Съ 26 рис. Ц. 40 коп.

Живописная астрономія. *К. Фламмаріона.* Переводъ *Е. А. Предтеченскаго.* Съ 382 рисунками въ текстѣ и 3 хромолитографіями. Цѣна 3 р.

Біологія. *В. Лункевича.* Съ 208 рисунками въ текстѣ и хромолитографіей. Ц. 2 руб.

Научныя забавы. *Федо.* Явленія и опыты, основанные на обманѣ чувствъ. Переводъ *Е. А. Предтеченскаго.* Съ 128 рис. Ц. 60 к., въ переплетѣ 1 р. 10 к.

Сочиненія Ч. Диккенса. Томъ X. Съ портретомъ и біографіей Диккенса. Ц. 1 р 50 к. Содержаніе: Лавка древностей. Записки путешественника не по торговымъ дѣламъ. Станція Мёгби. Мёдфогскія записки. Рецепты д-ра Мериголда. Безъ выхода.

Съ 1894 г. издается въ Петербургѣ Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

СКАЗОЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Въ составъ этой библіотеки войдутъ избранныя сказки всѣхъ странъ и народовъ. Всѣхъ к нижекъ предполагается выпустить отъ 150 до 200. Въ каждой книжкѣ помѣщается одна большая и… нѣсколько маленькихъ сказокъ, иллюстрированныхъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ рисунковъ. Всѣ книжки нумеруются отъ первой до послѣдней. Цѣна книжекъ отъ 5 до 25 коп.

До 1 февраля 1896 г. выпущено 78 книжекъ, въ составъ которыхъ вошли слѣдующія сказки

№№ книжекъ

СКАЗКИ АНДЕРСЕНА.

1. Дочь болотнаго царя. Съ 15 рис., портретомъ и біографіей Андерсена (15 коп.).
2. Райскій садъ. Съ 6 рис. (8 коп.).
3. Домовой и лавочникъ. Свинья-копилка. На птичьемъ дворѣ. Красные башмачки. Съ 6 рис. (10 коп.).
4. Супъ изъ колбасной палочки. Съ 6 рис. (6 к.)
5. Оле-Лукъ-Ойе. Ленъ. Свинья. Капля воды. Съ 3 рис. (10 коп.).
6. Цвѣты маленькой Иды. Сосѣднія семейства. Пастушка и трубочистъ. Съ 10 рис. (10 коп.).
7. Снѣжная царица. Съ 16 рис. (15 к.).
8. Анна-Лизбета. Съ 10 рис. (6 к.)
9. Самое невѣроятное. Комета. Небесный листъ. Съ 9 рис. (5 к.).
10. На дюнахъ. Съ 8 рис. (15 к.).
11. Послѣдній сонъ стараго дуба. Калѣка. Съ 8 рис. (8 коп.).
12. Бузинная старушка. Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. Съ 9 рис. (8 коп.).
13. Колокоъ. Стойкій оловянный солдатикъ. Мотылекъ. Съ 7 рис. (6 коп.)
14. Ибъ и Христиночка. Сновидѣніе. Перо и чернильница. Съ 10 рис. (10 к.)
15. Камень мудрости. Съ 5 рис. (8 к.).
16. Большой морской змѣй. Свѣчи. Съ 4 рис. (5 коп.).
17. Золотое сокровище. Елка и профессоръ. Съ 10 рис. (6 коп.).
18. Дикіе лебеди. Съ 6 рис. (8 к.).
19. Сынъ привратника. Съ 9 рис. (8 к.).
20. Морская царевна. Должна-же быть разница. Съ 10 рис. (10 коп.)
21. Соловей. Жаба. Съ 11 рис. (8 к.).
22. Попутчикъ. Съ 7 рис. (8 к.).
23. Исторія пяти горошинъ. Елка. Дѣвочка со спичками. Съ 6 рис. (6 к.).
24. Калоши счастья. Съ 7 рис. (10 к.).
25. Она никуда не годилась. Старый домъ. Дѣтская болтовня. Съ 7 рис. (8 коп.).
26. Исторія одной матери. Кто-жъ въ этомъ сомнѣвается. Навозный жукъ. Съ 9 рис. (8 к.)
27. Безобразный утенокъ. Маргаритка. Серебряная монетка. Съ 13 рис. (8 к.)
28. Тѣнь. Мѣдный кабанъ. Какъ старикъ ни сдѣлаетъ—все хорошо. Съ 9 рис. (10 к.).
29. Бутылочное горлышко. Подъ ивой. Съ 13 рис. (10 к.).
30. Дѣва льдовъ. Съ 19 рис. (18 коп.).

СКАЗКИ ГАУФА.

31. Холодное сердце. Съ 10 рис., портретомъ и біографіей Гауфа (18 коп.).
32. Свинчаок Калифъ-аистѣ. Молодой англичанинъ. Съ 10 рис. (12 к.).
33. Преданіе о золотомъ. Маленькій Мукъ. Съ 16 рис. (15 к.).
34. Карликъ-носъ. Съ 10 рис. (12 коп.).
35. Приключеніе Саида. Съ 11 рис. (15 к.).
36. Принцъ-Самозванецъ. Еврей Абнеръ, который ничего не видалъ. Съ 7 рис. (10 коп.).

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА.

37. Корона морского царя. Друзья короля Осман. Неумѣстная гордость. Король Карлъ. Съ 10 рис., портретомъ и біографіей Густафсона (10 коп.)
38. Пастухъ и принцесса. Цвѣты радости. Такъ водится на войнѣ. Баржа. Съ 10 рис. (10 к.)
39. Храмъ истины. Король, страдавшій безсонницей. Каменная глыба. Скороспѣлка. Попугаи и жаворонокъ. Съ 12 рис. (10 к.).
40. Парижская кукла. Бѣлка. Исторія одного дерева. Земной глобусъ папы. Съ 10 рис. (10 к.)
41. Три брата. Маленькій сборникъ сказокъ. Съ 9 рис. (10 коп.).

СКАЗКИ ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ.

42. Говорящій дубъ. Красный молотокъ. Съ 9 рис. портретомъ и біографіею Жоржъ-Зандъ. (18 к.
43. Розовое облако. Съ 5 рис. (12 коп.).
44. Великанъ Іеусъ. Съ 6 рис. (15 коп.).
45. Крылья мужества. Съ 9 рис. (25 коп.).

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ

въ стихахъ.

№№ 46 по 70, цѣна каждой книж. 10

СКАЗКИ КАРМЕНЪ СИЛЬВА.

71. Омуль. Замокъ вѣдьмы. Съ 10 рис., портретомъ и біографіей Карменъ Сильва (15 к.)
72. Оленья долина. Близнецы. Чаклау. Съ 11 рис. (15 коп.).
73. Піатра Арса. Караиманъ. Вирфуль-ку-доръ. Фурника. Съ 13 рис. (15 коп.).

СКАЗКИ ЛАБУЛЭ.

74. Мальчикъ-съ-пальчикъ. Маленькій человѣкъ. Доволенъ-ли ты? Или приключеніе съ носами. Съ 16 рис. портретомъ и біографіей Э. Лабулэ. (15 коп.).
75. Ивонъ и Финетта. Съ 17 рис. (15 коп.).
76. Зербинъ бирюкъ. Золотое руно. Съ 21 рис. (18 коп.).
77. Паша-Пастухъ. Фрагoлетта. Божьи гуси. Съ 25 рис. (15 коп.).
78. Вацъ-Банъ. Съ 13 рис. (15 коп.).

Потемкинъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Г. А. ПОТЕМКИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. В. Огаркова.

Съ портретомъ Потемкина, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1892.

Популярно-научныя книги.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ. Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ФИЗІОЛОГІЯ ДУШИ. А. Герцена. профессора Лозан университета. Съ франц. Ц. 1 р.

МІРЪ ГРЕЗЪ. Д-ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ. гипнотизмъ, иллюзіи. Съ франц. Ц. 1 р.

РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графиньи. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц 400 рис. Ц. 1 р. 50 к

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. П. Мантегацца. Пер. съ 5-го итальян. изд. Ц 1 р. 50 к.

ПРОГРЕССЪ НРАВСТВЕННОСТИ. Летурно. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Ц. 1 р. 50 к

УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМІИ. Д-ра Реньяра Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Съ 110 рис Ц. 1 р. 75 к

КОТОРЫЙ ЧАСЪ? Н. Вавилова. Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнеч. часовъ. Съ 13 рис Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к

СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярные очерки міровѣдѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. Фламмаріона Съ франц. 100 рис. Ц. 1 р. 25 к

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Ренье. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Съ 76 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. В. Чиколева. съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. В Чиколева. Ц. 30 к.

О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ. В Чиколева. Ц. 25 к

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ А. Гано и Ж Маневрье. Перев. Ф Павленкова, В Черкасова и С. Степанова. Съ 840 рис. Ц. 1 р. 50 к

СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. В. Чиколева. Ц. 75 к.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ. О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ Д-ра Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ. Жоли. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВО Ц. Ломброзо. Съ рис. Ц. 2 р

ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопатина, Ц. 75 к.

ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа. съ 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.

ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. Н. Жуковскаго Съ 72-мя рис. Ц. 60 к.

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Сост. Г. Гисандье. Съ рис. Переводъ съ французск. Ц. 50 к.

СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев съ франц Ф Павленковъ. 500 стр. Ц 2 р. 50 к.

ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Профес. Да-Коста Съ нѣм 704 стр., 43 рис. Ц 3 р. 50 к

ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опытъ популярно-научной философіи. А. Секки. Перев. съ франц. Ф Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 60 к.

БЕ[illegible] Техническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 80 рис. Ц. 75 к.

ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ. А. Брема. (Дополненіе къ „Жизни животныхъ"). Со многими рисунками Цѣна 2 р.

ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ. Д-ра Мейра и Приса. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ Ніоде. Переводъ съ французск. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

ЗАКОНЫ ПОДРАЖАНІЯ. Ж. Тарда. Переводъ съ франц. Цѣна 1 р. 50 к.

ГИГІЕНА ЖЕНЩИНЫ. Д-ра медицины М. Тилле. Перев. съ франц. Ц. 40 к.

СОХРАНЕНІЕ ЗДОРОВЬЯ. Д-ра Эйдама. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 7 рис. Цѣна 40 к.

ФАБРИЧНАЯ ГИГІЕНА. Д-ра В. Святловскаго. 720 стр. и 3 рис. Ц. 4 р.

ДОМАШНЕЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ Д. Саломонса. Перев. съ англ. Д. Головъ. Со мног. рисун. Ц. 1 руб.

НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ А. Альмедингена. 2 ч. Ц. каждой 50 к.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ. Дебьера. Перев. съ французск. М. Энгельгарта. Со многими рисун. Ц. 1 р.

ДАРВИНИЗМЪ. Популярное изложеніе ученія Дарвина въ примѣненіи къ жизни растеній. животныхъ и человѣка. Ц. 60 к.

ЗАПИСКИ ЖЕЛУДКА. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 50 коп.

ДОМАШНІЙ ОПРЕДѢЛИТЕЛЬ ПОДДѢЛОКЪ. А. Альмедингена. Ц. 60 к.

ШКОЛЬНЫЙ САДОВОДЪ. А. Волотовскаго. Съ 8 рис. Цѣна 20 к.

ОГОРОДНИЧЕСТВО. Практическія наставленія для сельскихъ учителей. Ф. Шубелера. Съ 137 рис. Цѣна 60 коп.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Августа 1892 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.
Предисловіе 4
I. Первые шаги временщика 5
II. Возвышеніе Потемкина 15
III. Активъ и пассивъ «князя Тавриды» 26
IV. Могущество, причуды, капризы и романы Потемкина . . 38
V. Путешествіе Екатерины II на Югъ 48
VI. Очаковъ, Петербургъ и Измаилъ 58
VII. Конецъ Потемкинской феерiи 69

Литература.

1) „Потемкинъ“, историческая монографія А. Г. Брикнера;
2) „Архивъ князя Воронцова“, томы I—XXXVII;
3) „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“ Карповича;
4) Сочиненія Державина;
5) Сочиненія А. С. Пушкина;
6) „Донъ-Жуанъ“ Байрона.
7) „Записки Энгельгардта“,
8) „Семейство Разумовскихъ“ Васильчикова;
9) „Дневникъ Храповицкаго“;
10) „Исторія Екатерины II“ Бильбасова;
и мног. друг.
11) Журналы: „*Русская Старина*“ („Записки Болотова“, Гарновскій, Позье, „Принцъ де-Линь въ Россіи“ Бильбасова, „Екатерина и Потемкинъ,—подлинная ихъ переписка“, Князь „Г. А. Потемкинъ-Таврическій“ и проч.); „*Русскій Архивъ*“ („С. Г. Зоричъ“, „Князь Г. Г. Орловъ“, „Дѣянія князя Г. А. Потемкина-Таврическаго“ графа Самойлова, „Потемкинскій праздникъ“, „Лордъ Мальмсбюри о Россіи“ и др.); *Историческій Вѣстникъ*“ („Екатерининскій Временщикъ“, „Замѣчательныя богатства князя Потемкина“ Пыляева, „Столѣтіе кончины Потемкина“ Шубинскаго и пр.).
12) Газеты: „*Новое Время*“ („Ловеласы и Плѣниры“ Пыляева).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Князь Потемкинъ-Таврическій—это громкое и блестящее имя давно привлекало вниманіе историковъ и поэтовъ. Его необычайное возвышеніе и могущество, необыкновенная жизнь, закончившаяся такою-же необыкновенною смертью, интересовали и тѣхъ, и другихъ. Въ литературахъ различныхъ странъ ему посвящены изслѣдованія, поэмы и романы. Одни изъ историковъ новѣйшаго времени и современники князя смотрѣли на него, какъ на «язву Россіи» и какъ на человѣка, отличавшагося только возмутительными пороками; другіе, находя, что онъ не стѣснялся никакими нравственными догмами, въ то же время признавали за нимъ огромные таланты и большія заслуги передъ государствомъ. И этими противорѣчивыми взглядами, составляющими удѣлъ многихъ людей необыкновенныхъ, наполнена почти вся литература о Потемкинѣ. Но можно думать, что всѣ эти разнорѣчія способны слиться въ томъ представленіи о личности временщика, по которому онъ, являясь лицомъ, надѣленнымъ несомнѣнными дарованіями и оказавшимъ большія государственныя заслуги, въ то-же время въ высокой степени обладалъ пороками своей эпохи, еще шире проявившимися въ немъ, благодаря его кипучей, необузданной натурѣ и могуществу.

Изъ громадной литературы о Потемкинѣ мы въ своемъ очеркѣ главнымъ образомъ пользовались извѣстною монографіей профессора Брикнера «Потемкинъ», а также обстоятельными біографическими матеріалами о временщикѣ, помѣщенными въ «Русской Старинѣ» за 1875 г., кромѣ всѣхъ тѣхъ источниковъ, которые поименованы нами выше.

ГЛАВА I.

Первые шаги временщика.

Интересъ, возбуждаемый личностью Потемкина.—Рожденіе его и дѣтство.—Отецъ Потемкина.—Свѣдѣнія о матери.—Ученіе.—Богатое воображеніе и мечты „Грица“.—Червь честолюбія.—Крайности и противоположности въ характерѣ.—Склонность къ религіозному.—Университетъ.—Золотая медаль.—Успѣхи въ Петербургѣ.—Исключеніе изъ Университета.—Поступленіе въ дѣйствительную военную службу.—Долгъ архіепископу Амвросію.—Успѣхи по службѣ.—Участіе въ событіи 28 іюня 1762 г.—Награды.—Извѣстность при дворѣ.—Заискиванія у государыни.—Находчивость, смѣлость и остроуміе.—Потеря глаза.—Тоска и отчаяніе.—Сцена съ Орловыми.—Опять во дворцѣ.—Винигретъ должностей.—«Опекунство» надъ инородцами.

Среди извѣстныхъ въ исторіи баловней счастія, изумлявшихъ современниковъ своимъ могуществомъ, успѣхами и богатствомъ и служившихъ у потомковъ матеріаломъ для созданія фантастическихъ легендъ о ихъ необыкновенномъ возвышеніи,—одною изъ самыхъ крупныхъ личностей является Потемкинъ. Близкій другъ прославленной императрицы; выключенный за неуспѣшность изъ университета и тѣмъ не менѣе обладавшій громадными талантами; желавшій въ юности поступить въ монахи, а потомъ въ теченіи долгихъ лѣтъ бывшій обладателемъ цѣлаго гарема роскошныхъ красавицъ; сынъ захудалаго помѣщика и впослѣдствіи бросавшій милліоны на свои затѣи и угощавшій дамъ на балахъ дессертомъ изъ бриллiантовъ; человѣкъ, за которымъ ухаживали коронованныя особы и который въ теченіи долгихъ лѣтъ держалъ въ своихъ рукахъ судьбы родины и Европы; оригиналъ, о чудачествахъ, капризахъ и выходкахъ котораго составилась цѣлая литература на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ — «великолѣпный князь Тавриды» представляетъ богатый психологическій матеріалъ для на-

блюдателя. Около этого колосса Екатерининскаго царствованія группируется рядъ людей, политическихъ событій и общественныхъ явленій, характеризующихъ данную эпоху и представляющихъ не менѣе интересный матеріалъ и для историка. Жизнь Потемкина поучительна и для философа, представляя собою примѣръ суетности земного величія и пустоты дѣятельности, не согрѣтой горячимъ стремленіемъ къ идеальной и возвышенной цѣли. Этотъ временщикъ, испытавшій все, что только возможно на землѣ, въ моменты самаго высокаго своего положенія томился безъисходной тоской... Онъ, скучавшій въ золоченныхъ чертогахъ и неудовлетворявшійся баснословною роскошью, умеръ среди пустынной степи и двѣ мѣдныя грязныя монеты закрыли на вѣчный сонъ его глаза.

Рожденіе, дѣтство и первые шаги знаменитаго князя извѣстны больше изъ устныхъ преданій, нежели на основаніи точныхъ письменныхъ источниковъ. Поэтому нѣкоторыя данныя о вышеозначенномъ времени довольно проблемматичны и часто прикрашены вымыслами,—какъ, впрочемъ, и многое въ жизни Потемкина. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, народная фантазія, пораженная зрѣлищемъ необычайнаго могущества человѣка, старается найти зачатки этого явленія еще въ самомъ далекомъ прошломъ героя и окружаетъ его чуть не съ пеленокъ сверхъестественнымъ романтическимъ ореоломъ. Не избѣжалъ этой участи и «князь Тавриды», хотя дѣйствительно онъ по своимъ свойствамъ болѣе чѣмъ кто-нибудь другой,—имѣлъ право на это.

Григорій Александровичъ Потемкинъ, сынъ небогатаго, вышедшаго въ отставку маіора, увидѣлъ свѣтъ въ селѣ Чижевѣ близъ Смоленска въ сентябрѣ 1739 г. Размышляя о многихъ особенностяхъ будущаго присоединителя Крыма,—особенностяхъ, которыхъ въ полномъ размѣрѣ не могла привить атмосфера, окружавшая Потемкина въ позднѣйшіе годы,—невольно обращаешься къ свойствамъ его отца. Александръ Васильевичъ Потемкинъ, отецъ будущаго «свѣтлѣйшаго», по разсказамъ современниковъ, былъ человѣкъ гордый, порою необузданный и не стѣснявшійся въ своихъ желаніяхъ насколько это позволяло его положеніе. Такъ, при живой еще первой женѣ, онъ женился на другой, мучилъ послѣднюю ревнивыми подозрѣніями и пр. Разсказываютъ еще, что онъ, явившись для освидѣтельствованія въ военную коллегію, чтобы уволиться по болѣзни, причиненной ранами, полученными въ сраженіяхъ, отъ службы и узнавъ въ одномъ изъ присутствовавшихъ членовъ—служившаго у него когда-то въ ротѣ унтеръ-офицеромъ, сказалъ:

— Какъ? И онъ будетъ меня свидѣтельствовать! Я этого не перенесу и останусь еще въ службѣ, какъ ни тяжки мои раны! И онъ дѣйствительно послѣ того остался еще 2 года на службѣ.

Весьма возможно, что нѣкоторыя изъ чертъ сына представляли унаслѣдованныя свойства отца. Но несомнѣнно и то, что въ значительной степени выдававшіяся въ Потемкинѣ качества:—надменность, гордость, неудержимость желаній,—выработались въ немъ, благодаря его положенію и окружающей обстановкѣ: встрѣчая раболѣпное, безграничное поклоненіе даже отъ самыхъ высшихъ сановниковъ, «князь Тавриды» привыкъ третировать всѣхъ окружающихъ; не встрѣчая серьезныхъ соперниковъ себѣ по уму и талантамъ,—онъ гордился своими умственными преимуществами; не находя преградъ исполненію самыхъ необузданныхъ желаній, онъ привыкъ считать ихъ закономъ для всего окружающаго.

Впрочемъ, вліяніе отца на сына могло выразиться только въ передачѣ послѣднему наслѣдственныхъ качествъ, такъ какъ Григорій Александровичъ, или, какъ его звали въ дѣтствѣ и юности, «Грицъ», рано осиротѣлъ: отецъ его умеръ въ 1746 г. Относительно матери будущаго «свѣтлѣйшаго», Дарьи Васильевны, урожденной Скуратовой, и отношеній ея къ сыну—имѣется мало данныхъ. Она изъ скромныхъ, «захудалыхъ» дворянокъ, благодаря сказочному возвышенію сына, сдѣлалась статсъ-дамою при дворѣ,—была красива и не глупа. Сохранились указанія на то, что сынъ впослѣдствіи не питалъ особенно нѣжныхъ чувствъ къ матери, такъ какъ она осуждала донъ-жуанскія наклонности своего вельможнаго дѣтища, не щадившаго въ ухаживаніяхъ даже родныхъ племянницъ.

По смерти мужа мать «Грица» съ дѣтьми переселилась въ Москву, гдѣ родственникъ покойнаго Потемкина—Григорій Матвѣевичъ Козловскій былъ президентомъ камеръ-коллегіи. Этотъ родственникъ покровительствовалъ семьѣ будущаго князя, и съ сыномъ Козловскаго Сергѣемъ Потемкинъ, по достиженіи возраста, посѣщалъ, до поступленія въ университетъ, учебное заведеніе Литкеля въ нѣмецкой слободѣ.

Потемкинъ, обладавшій пламеннымъ воображеніемъ и необычайною памятью, рано отдался книгамъ и своимъ грандіознымъ мечтамъ. Тогда уже въ немъ замѣчались странности и не укладывавшіеся въ обычные рамки поведенія — поступки и мысли. То, что часто служитъ признакомъ людей крупныхъ, избранныхъ личностей, неудовлетворяющихся обыденною сутолокою житейскихъ мелочей и умъ которыхъ жаждетъ подходящей пищи, часто пере-

брасываясь отъ одного къ другому,—то не рѣдко кажется окружающимъ сумасбродствомъ. Такъ было и съ Потемкинымъ. Родившись съ необычайными способностями и богатымъ воображеніемъ (что доказывается достовѣрными показаніями современниковъ и колоссальными планами князя) онъ немогъ удовлетвориться «пошлою прозою» жизни, на которую его обрекала судьба, не поставивши высоко по рожденію будущаго властелина. Съ другой стороны, время, въ которое жилъ Потемкинъ, богатое «авантюрами», создававшими изъ ничтожества могущественныхъ вельможъ, а также и классическая литература съ ея знаменитыми героями, любителемъ которой былъ «Грицъ» съ дѣтства, все это могло распалять въ кипучемъ умѣ мальчика честолюбивыя стремленія. Многія свидѣтельства современниковъ указываютъ на этого червя честолюбія, который съ юности еще грызъ «великолѣпнаго князя Тавриды». То ему нравится и влечетъ къ себѣ величіе архіерейскаго служенія,—блескъ и поклоненіе: онъ желаетъ быть архіереемъ. То ему хочется быть министромъ и военачальникомъ. Попадаются и совершенно дѣтскія мечты о скупкѣ домовъ за Яузою и постройкѣ на мѣстѣ ихъ одного «преогромнаго зданія».

Въ кипучей натурѣ Потемкина жили часто противоположныя крайности, что нерѣдко является признакомъ людей съ дарованіями. Склонный еще въ юности къ созерцанію, религіозный, до тонкости вникавшій въ вопросы богословія, умѣвшій цитировать святыхъ отцовъ и не шутя думавшій о монашествѣ,—Потемкинъ въ то же время способенъ былъ проявлять безшабашный сенсуализмъ, передъ которымъ блѣднѣютъ самыя роскошныя мифы, посвященныя этому культу. Многіе, знавшіе князя, разсказываютъ о его, сохранившейся на всю жизнь, страсти къ наукамъ отвлеченнымъ и чтенію классиковъ. Во время своей силы «свѣтлѣйшій», вмѣстѣ съ гаремомъ красавицъ, арапами и челядью, держалъ у себя ученыхъ раввиновъ, раскольниковъ и начетчиковъ. Онъ любилъ, послѣ разъѣзда своихъ гостей, собирать эту часть своего штата, стравливалъ спорщиковъ другъ съ другомъ, самъ принималъ участіе въ преніяхъ и изощрялъ такимъ образомъ еще болѣе свои знанія.

Для всякаго недюжиннаго ума всегда будетъ интересною область таинственнаго, мистическаго; мучающагося сомнѣніями человѣка неотразимо влечетъ приподнять «покровъ Изиды». Помимо этого у Потемкина вкусъ къ богословію и религіознымъ мыслямъ могъ развиться и отъ частыхъ собесѣдованій съ духовными лицами въ юности, изъ которыхъ особенно полезнымъ собесѣдникомъ и на-

ставникомъ его былъ іеродіаконъ греческаго монастыря Дорофей. Во всякомъ случаѣ даже въ раннюю пору жизни Потемкина, изъ сохранившихся о ней данныхъ, видно, что его давно волновала жажда славы и подвиговъ, желаніе властвовать надъ другими. Какъ будто уже тогда у него являлось предчувствіе колоссальной власти и могущества, заставлявшаго впослѣдствіи даже представителя «гордаго Альбіона» Лорда Мальмсбюри (Гарриса) заискивать у нецеремонившагося съ посланниками князя.

Поступивъ въ только-что учрежденный университетъ, Потемкинъ первое время съ жаромъ отдался изученію наукъ, что такъ отвѣчало его кипучей любознательности. За дарованія и успѣхи онъ удостоился золотой медали и затѣмъ, когда Шуваловъ приказалъ выбрать 12 лучшихъ воспитанниковъ университета и прислать ихъ въ Петербургъ, въ числѣ избранныхъ оказался и «Грицъ». Студенты были приняты въ домахъ вельможъ столицы и у иностранныхъ посланниковъ, причемъ, по отзывамъ современниковъ, Григорій Потемкинъ производилъ особенно хорошее впечатлѣніе своею находчивостью и остроуміемъ, а также свѣдѣніями въ богословіи и «эллино-греческомъ» языкѣ. Наконецъ, воспитанники были представлены императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Весьма возможно, что молодой, лелѣявшій высокія мечтанія Потемкинъ, увидѣвъ роскошный дворъ Елисаветы, при которомъ блистало столько «баловней» счастья, часто не надѣленныхъ даже скромными талантами,—еще болѣе распалился честолюбивыми вожделѣніями; и можетъ быть это обстоятельство отчасти было причиною того, что «Грицъ» сталъ манкировать университетомъ.

Наука въ тогдашнемъ обществѣ не была еще настолько уважаемою персоною, чтобы доставить ученому высокое положеніе въ обществѣ. Развитая мускулатура, высокій ростъ и физическая красота могли создать владѣльцу ихъ гораздо болѣе блестящую карьеру, чѣмъ даже изобрѣтеніе чего-нибудь въ родѣ «бинома» Ньютона. И понятно, военная служба, дававшая возможность лучше проявить вышеупомянутыя качества,—являлась тогда самою удобною ареною для молодыхъ честолюбцевъ, предпочитавшихъ ее всему другому. Эта истина была очень проста, чтобы ее вскорѣ не усвоилъ и Потемкинъ. Разсказываютъ, однако, что непосредственными причинами исключенія «Грица» изъ университета (около 1760 г.) были его самостоятельныя занятія и усердное чтеніе, а также и душеспасительныя бесѣды съ монахами, отвлекавшія его отъ лекцій. Какъ-бы то ни было, но будущій меценатъ и покровитель ученыхъ и

литераторовъ, которые впослѣдствіи пресмыкались передъ нимъ, воспѣвали его въ высокопарныхъ одахъ и вымаливали отъ него милостей, былъ исключенъ изъ университета «за лѣность и нерадѣніе». Слѣдуетъ указать на то интересное обстоятельство, что вмѣстѣ съ Потемкинымъ той-же участи подвергся и извѣстный Новиковъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. Будетъ не лишено справедливости замѣчаніе, что тогдашняя наука и способы ея преподаванія были настолько педантичны и сухи, что не укладывались въ живыя души талантливыхъ учениковъ,—и это являлось, въ свою очередь, причиною охлажденія послѣднихъ къ ученію.

Потемкинъ окончательно положилъ разстаться съ мечтами объ учености и «командованіи попами»: онъ рѣшился поступить въ дѣйствительную военную службу. По обычаю того времени, еще мальчикомъ его записали въ конную гвардію рейтаромъ. Занимаясь въ университетѣ, онъ постепенно былъ повышаемъ въ чинахъ, дойдя въ 1759 г. до каптенармуса. Отмѣтимъ то обстоятельство, что чинъ капрала «Грицъ» получилъ, по докладу Елисаветѣ Ивана Шувалова, за свои успѣхи въ богословіи и «эллино-греческомъ» языкѣ еще во время своей поѣздки въ Петербургъ въ 1757 г. О желаніи своемъ поступить на службу Потемкинъ сообщилъ одному изъ наиболѣе часто посѣщаемыхъ имъ въ Москвѣ іерарховъ, Амвросію Зертисъ-Каменскому, впослѣдствіи извѣстному архіепископу Московскому и Калужскому. Тотъ одобрилъ его намѣреніе и далъ будущему «свѣтлѣйшему» на дорогу пятьсотъ рублей. Въ отношеніи уже къ этому, облагодѣтельствовавшему его другу Потемкинъ выказалъ ту небрежность и безпорядочность, которыя такъ часто проявлялъ впослѣдствіи ко многимъ своимъ нравственнымъ обязательствамъ. «Великолѣпный князь Тавриды», бросая громадныя суммы на прихоти, сдѣлавъ десятки своихъ родственниковъ и клевретовъ милліонерами и богачами,—не любилъ платить даже скромныхъ долговъ. Такъ было и съ этими 500 р. Амвросія. Потемкинъ, обѣщавшись заплатить ихъ вскорѣ и съ процентами, не исполнилъ этого обязательства даже по отношенію къ наслѣдникамъ архіепископа.

Въ Петербургѣ «Грицъ» занялся усерднымъ изученіемъ строевой службы и обнаружилъ въ этомъ искусствѣ неменьшія способности, какъ и въ изученіи 2—3 года назадъ догматическихъ отвлеченностей и тонкостей. Онъ обратилъ на себя вниманіе какъ прекраснымъ знаніемъ службы, такъ и хорошею ѣздою, статностью и красотою. Все это сдѣлалось причиною того, что онъ былъ вскорѣ произведенъ въ вахмистры и взятъ ординарцемъ къ любимому

дядѣ императора Петра III Георгу Голштинскому, правя въ то же время ротою, въ которой служилъ.

Время, въ какое попалъ Потемкинъ въ Петербургъ, было самое удобное для людей съ честолюбивыми стремленіями. Хотя въ точности и не выяснена роль Потемкина въ событіяхъ при воцареніи Екатерины и разсказы о его участіи въ нихъ довольно сбивчивы, но мы дѣйствительно видимъ, что счастіе ему улыбнулось; онъ находился въ спискѣ представленныхъ Григоріемъ Орловымъ къ наградамъ и сама государыня писала о немъ Понятовскому слѣдующее: «Въ конной гвардіи офицеръ Хитрово и унтеръ-офицеръ Потемкинъ направляли все благоразумно, смѣло и дѣятельно».

Четыреста душъ крестьянъ, чинъ подпоручика гвардіи и камеръ-юнкера при дворѣ — были первыми скромными наградами «Свѣтлѣйшаго», который въ эпоху своего могущества говаривалъ нѣкоторымъ довѣреннымъ лицамъ, что могъ бы быть и королемъ Польскимъ и великимъ герцогомъ Курляндскимъ, но что на все это было ему «наплевать!»

Мечты молодого честолюбца исполнялись: первый самый трудный шагъ—начало было сдѣлано. Потемкинъ сталъ извѣстенъ государынѣ. которая не могла не обратить вниманія на величественнаго конногвардейца, отличавшагося образованіемъ и остроуміемъ. Много разсказовъ имѣется въ литературѣ о томъ, какъ велъ себя въ это время при дворѣ Потемкинъ и чему онъ главнымъ образомъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ. Передаютъ, напримѣръ, что «князь Тавриды» умѣлъ поддѣлываться подъ чужой голосъ, чѣмъ нерѣдко забавлялъ Григорія Орлова. Объ этомъ узнала и государыня, пожелавшая поближе познакомиться съ забавникомъ. Спрошенный о чемъ-то Екатериною, Потемкинъ отвѣчалъ ей ся же голосомъ и выговоромъ, чему она до слезъ смѣялася. По тѣмъ же разсказамъ, на достовѣрность которыхъ можно полагаться лишь до извѣстной степени, Орловы, сначала покровительствовавшіе «Грицу», потомъ стали ревниво слѣдить за всѣми шагами его и даже какъ то разъ сильно исколотили палками будущаго властелина.

Несомнѣнно только, что Потемкинъ былъ принятъ при дворѣ и часто находился, въ качествѣ камеръ-юнкера, въ обществѣ государыни, не могшей не чувствовать симпатіи къ молодому придворному, умъ, находчивость и смѣлость котораго ей не разъ пришлось оцѣнить. Такъ однажды Екатерина обратилась къ Потемкину за столомъ съ вопросомъ на французскомъ языкѣ,—тотъ отвѣчалъ ей по русски. Сидѣвшій за столомъ знатный сановникъ—изъ породы

Половіевъ—замѣтилъ Потемкину, что подданный обязанъ отвѣчать своему государю на томъ языкѣ, на которомъ былъ сдѣланъ вопросъ. Но молодой камеръ-юнкеръ, нисколько не смущаясь, возразилъ:

— А я, напротивъ того, думаю, что подданный долженъ отвѣтствовать своему государю на томъ языкѣ, на которомъ вѣрнѣе можетъ мысли свои объяснить: русскій же языкъ учу я слишкомъ 22 года.

Въ другой разъ императрица играла въ карты съ Григоріемъ Орловымъ. Потемкинъ подошелъ къ столу, оперся на него рукою и смотрѣлъ въ карты государыни. Орловъ шепнулъ ему, чтобъ отошелъ.

— Оставьте его,—возразила государыня, — онъ вамъ не мѣшаетъ!

Но къ честолюбцу, начавшему съ такими явными знаками успѣха свою карьеру, подкрадывалось страшное несчастіе: онъ окривѣлъ на правый глазъ. Исторія съ этимъ глазомъ также послужила поводомъ для многихъ часто самыхъ фантастическихъ разсказовъ. Ходили слухи, что глазъ Потемкину вышибъ кулакомъ Алексѣй Орловъ; что ему во время ссоры съ однимъ придворнымъ послѣдній выкололъ глазъ шпагою и т. п. Но достовѣрнѣе всего является разсказъ племянника «Свѣтлѣйшаго»—графа Самойлова, оставившаго очень цѣнное для исторіи Потемкина жизнеописаніе знаменитаго дяди. По разсказу Самойлова, Потемкинъ, возвратившись изъ Москвы въ 1763 г. послѣ коронаціи Екатерины II, заболѣлъ горячкою. Всегда отличаясь своенравностью, онъ и въ этомъ случаѣ не хотѣлъ лѣчиться обычнымъ порядкомъ и не обратился къ патентованнымъ докторамъ, а взялъ для этого простого знахаря «Ерофеича» (изобрѣтателя знаменитой водочной настойки), обвязавшаго ему голову какою-то доморощенною припаркою. Почувствовавъ страшный жаръ и боль въ головѣ и обвязанномъ глазу, Потемкинъ сорвалъ повязку и замѣтилъ на глазу наростъ, застилавшій ему зрѣніе. Въ нетерпѣніи онъ сорвалъ этотъ наростъ булавкою и окривѣлъ. Какъ бы то ни было Потемкинъ лишился употребленія одного глаза и мы легко можемъ представить себѣ его страшное отчаяніе. Его звали Алкивіадомъ, — и какою жестокою насмѣшкою была бы эта кличка по отношенію къ окривѣвшему Потемкину!

По свойственной его страстной натурѣ крайности, жизнерадостный до того Потемкинъ теперь отдался самому мрачному отчаянію. Все казалось ему погибшимъ: завоеванное уже вниманіе государыни, а съ нимъ—блескъ, слава и могущество... Онъ, по разсказамъ совре-

менниковъ, цѣлыхъ 18 мѣсяцевъ просидѣлъ безвыходно дома, въ комнатѣ съ закрытыми ставнями, валялся въ постели, отростилъ бороду и принималъ только самыхъ близкихъ людей. Въ наиболѣе сильные пароксизмы отчаянія Потемкинъ возвращался къ мечтамъ дѣтства о постриженіи въ монахи, усердно занимался богословскими вопросами и изучалъ богослужебные обряды... Весьма возможно, что въ его головѣ роились и другіе планы—во что бы то ни стало тѣмъ или другимъ способомъ завоевать себѣ извѣстность,—и если ему казалась погибшею его карьера при дворѣ, то онъ могъ стать извѣстнымъ вообще на поприщѣ государственной службы. Племянникъ Потемкина сообщаетъ, что дядя за время своего уединенія много читалъ книгъ и «изощрялъ свой умъ познаніями».

Въ концѣ концовъ Потемкинъ по своей живой натурѣ, лелѣя разные планы, примирился съ своимъ недостаткомъ, который, по отзывамъ современниковъ, былъ почти не замѣтенъ и очень немного портилъ его замѣчательную красоту. Съ повязаннымъ глазомъ Потемкинъ сталъ мало по малу появляться въ обществѣ и, наконецъ, снова, по желанію Екатерины, попалъ во дворецъ.

Тотъ фактъ, что Потемкинъ былъ вызванъ изъ своего уединенія самою императрицею, указываетъ, что послѣдняя его помнила и интересовалась его судьбою. И весьма правдоподобны разсказы о томъ, что Орловы не желали появленія его во дворцѣ, иначе онъ еще ранѣе попалъ бы въ придворныя сферы, въ которыхъ имѣлъ такой успѣхъ.

Какъ бы то ни было, но въ одинъ прекрасный день къ отшельнику явились Алексѣй и Григорій Орловы.

— Тезка, — сказалъ Григорій, — Государыня приказала мнѣ глазъ твой посмотрѣть!

Но Потемкинъ не хотѣлъ сначала исполнить этого требованія; тогда Орловы силою сняли повязку съ глаза и убѣдились, что ихъ соперникъ окривѣлъ.

— Ну, тезка, — проговорилъ тогда Григорій Орловъ, — а мнѣ сказывали, что ты проказничаешь... Одѣвайся: государыня приказала привести тебя къ себѣ!

Такимъ образомъ состоялось вторичное появленіе Потемкина при дворѣ.

Мы не будемъ передавать всѣхъ разсказовъ, относящихся до жизни Потемкина за это время: событія ея не представляются интересными и кромѣ того имѣется мало документальныхъ данныхъ объ этомъ періодѣ. Блестящіе дни временщика, изумившаго Европу

своимъ великолѣпіемъ и могуществомъ, были еще впереди. Одно только можно сказать, что онъ нерѣдко за описываемое время бывалъ во дворцѣ, забавлялъ государыню своими выходками и давалъ ей возможность знакомиться съ своимъ выдающимся умомъ и дарованіями. Не было, вѣроятно, недостатка со стороны Орловыхъ и ихъ сильной партіи въ желаніи дискредитировать Потемкина, такъ настойчиво становившагося имъ поперекъ дороги. Ничего нѣтъ необычайнаго и въ томъ, что они старались подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ удалить его отъ двора и дали ему, между прочимъ, очень неавантажную командировку въ Швецію, которая, впрочемъ, по другимъ источникамъ относится къ болѣе раннему періоду службы Потемкина. Весьма возможно также, что бывали дни, когда сама императрица, настроенная Орловыми, менѣе дружелюбно относилась къ будущему временщику.

Во всякомъ случаѣ на Потемкина за эти 7—8 лѣтъ не пролилось особенныхъ милостей и его служебное повышеніе шло довольно обыкновенными шагами. Намъ нѣтъ надобности дѣлать скучное перечисленіе его наградъ и производствъ; скажемъ только, что онъ въ 1768 г. былъ пожалованъ въ камергеры.

Мы не можемъ пройти молчаніемъ того обстоятельства, что будущему могущественному человѣку, простершему свою длань надъ обширною Россіею, приходилось за это время часто занимать неподходящія должности и дѣлать почти опереточные скачки отъ одного дѣла къ другому. То онъ «занимаетъ казначейскую должность» и наблюдаетъ за шитьемъ казенныхъ мундировъ; то засѣдаетъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, «дабы слушаніемъ, читаніемъ и собственнымъ сочиненіемъ текущихъ резолюцій навыкалъ быть способнымъ и искуснымъ къ сему мѣсту»,—какъ сказано въ указѣ Синоду. Можетъ быть, знаніе богословскихъ книгъ и церковныхъ обрядностей Потемкинымъ оправдывало въ достаточной степени его присутствіе въ помянутомъ учрежденіи; но довольно странно, что въ 1767 году съ двумя ротами своего полка онъ былъ командированъ въ Москву, гдѣ тогда собралась извѣстная «Большая коммиссія» для составленія «Уложенія». Въ ней Потемкинъ участвовалъ въ качествѣ опекуна депутатовъ отъ татаръ и другихъ иновѣрцевъ, выбравшихъ его опекуномъ «по той причинѣ, что они не довольно знаютъ русскій языкъ»,—а также былъ членомъ «коммиссіи духовно-гражданской». О дѣятельности его въ этомъ знаменитомъ собраніи не сохранилось данныхъ, такъ что неизвѣстно, какъ онъ «опекалъ» ввѣрившихъ ему свои интересы иновѣрцевъ.

Итакъ, мы видимъ, что Потемкинъ прошелъ за время съ 1761 г. по 1769 г. цѣлый винигретъ должностей: онъ «надзиралъ за мундирами», былъ камеръ-юнкеромъ, сидѣлъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ Синода, числился опекуномъ татаръ и состоялъ вмѣстѣ съ тѣмъ на дѣйствительной военной службѣ.

Но всѣ эти ранги были слишкомъ мелки для души, жаждавшей громкихъ подвиговъ, богатства, власти и славы. А такою была несомнѣнно душа Потемкина. И скоро мы его увидимъ въ блескѣ недосягаемой власти, — фигурою, способною приковать къ себѣ глубокое вниманіе и историковъ, и психологовъ, и поэтовъ. Незримо созрѣвали сѣмена, зароненныя Потемкинымъ въ душу государыни и наступало время, когда повелительница Сѣвера, славившаяся своимъ умѣньемъ выбирать людей, должна была опереться на могучую руку Потемкина.

ГЛАВА II.

Возвышеніе Потемкина.

Отъѣздъ въ армію.—Письмо къ императрицѣ. — Знаменитые эпизоды первой турецкой войны.—Участіе въ нихъ Потемкина.—Аттестація его княземъ Голицынымъ. — «Обширныя и дальновидныя замѣчанія». — Чума и Григорій Орловъ —Возрастаніе интереса у государыни къ Потемкину.— Васильчиковъ.— Письмо Екатерины.—Пріѣздъ Потемкина въ Петербургъ.—Его «случай».— Письмо императрицы къ Гримму. — Интересъ въ придворной сферѣ и у посланниковъ къ новому любимцу.—Встрѣча съ Орловымъ.—Потемкинъ—генералъ-адъютантъ.—Письма жены Сиверса и посланниковъ.—Власть и значеніе Потемкина.—Поклоненіе и лесть окружающихъ.—Награды и милости.—Потемкинъ—графъ и князь.—Воспѣваніе его поэтами.—Первые шаги въ сферѣ государственныхъ дѣйствій.—Зачатки обширныхъ плановъ.—Уничтоженіе Запорожской сѣчи.—Мимолетная немилость и власть снова.

Въ засѣданіи «Большой Коммиссіи» 2 января 1769 г. маршалъ собранія Бибиковъ объявилъ, что «господинъ опекунъ отъ иновѣрцевъ и членъ коммиссіи духовно-гражданской, Григорій Потемкинъ, по Высочайшему Е. И. В. соизволенію, отправляется въ армію волонтеромъ».

Потемкинъ захотѣлъ искать свою «фортуну», довольно еще туго дававшуюся ему въ аппартаментахъ дворца, гдѣ кишѣли всевозможныя интриги и было слишкомъ много конкуррентовъ, привлекавшихъ вниманіе государыни,—на поляхъ битвъ. Но Потемкинъ слѣ-

лалъ это не просто, а съ великолѣпіемъ и помпезностью, которыя такъ характерны для него; въ этомъ случаѣ ему хотѣлось произвести побольше впечатлѣнія на государыню. Онъ обратился къ ней, прося дозволенія ѣхать въ армію, воевавшую съ турками,—съ очень интереснымъ письмомъ, изъ котораго мы приведемъ небольшія выдержки:

„Безпримѣрныя Вашего Величества попеченія о пользѣ общей,—писалъ Потемкинъ,—учинили отечество наше для насъ любезнымъ. Долгъ подданнической обязанности требовалъ отъ каждаго соотвѣтствованія намѣреніямъ Вашимъ... Я Ваши милости видѣлъ съ признаніемъ, вникалъ въ премудрыя указанія Ваши и старался быть добрымъ гражданиномъ. Но Высочайшая милость, которою я особенно взысканъ, наполняетъ меня отмѣннымъ къ персонѣ В. В. усердіемъ. Я обязанъ служить государынѣ и моей благодѣтельницѣ, и такъ благодарность моя тогда только изъявится во всей своей силѣ, когда мнѣ для славы Вашего Величества удастся кровь пролить... Вы изволите увидѣть, что усердіе мое къ службѣ Вашей наградитъ недостатки моихъ способностей, и Вы не будете имѣть раскаянія въ выборѣ Вашемъ...»

Такимъ громкимъ письмомъ заявилъ будущій «великолѣпный князь» о своемъ желаніи послужить «обожаемой монархинѣ». Онъ отправился въ армію (переименованный изъ камергеровъ въ генералъ-маіоры), находившуюся подъ начальствомъ кн. Голицына, осаждавшаго крѣпость Хотинъ, на Днѣстрѣ. Эта первая при Екатеринѣ война съ Турціей, какъ извѣстно, ознаменовалась громкими побѣдами русскихъ войскъ, покрывшихъ себя славою подъ начальствомъ графа Румянцева-Задунайскаго, смѣнившаго Голицына. Знаменитые погромы турокъ при Ларгѣ и Кагулѣ завершились выгоднымъ для Россіи миромъ при Кучукъ-Кайнарджи.

Эта же война доставила и первые лавры Потемкину. Еще при князѣ Голицынѣ онъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ стычекъ и сраженій, заслужившихъ ему похвалы главнокомандующаго. Изучивъ хорошо конную службу,—о чемъ онъ и упоминалъ въ цитированномъ выше письмѣ къ Екатеринѣ,—и дѣйствительно оказавъ въ этомъ дѣлѣ крупный организаціонный талантъ впослѣдствіи,—Потемкинъ и при этихъ первыхъ своихъ военныхъ опытахъ оказался лихимъ кавалеристомъ.

«Непосредственно рекомендую В. В. мужество и искусство,—писалъ Екатеринѣ князь Голицынъ въ рапортѣ о пораженіи Молдаванжи-Паши въ августѣ 1769 г.,—которое оказалъ въ семъ дѣлѣ генералъ-маіоръ Потемкинъ; ибо кавалерія наша до сего времени еще не дѣйствовала съ такою стройностью и мужествомъ, какъ въ сей разъ, подъ командою вышеозначеннаго генералъ-маіора».

Мы не будемъ перечислять подробно подвиговъ Потемкина за время до конца 1770 г., когда послѣдовала по случаю зимняго времени пріостановка военныхъ дѣйствій. Не будемъ разсказывать объ этомъ подробно уже по одному тому, что потомъ на долю Потемкина выпало главенство въ веденіи другой войны съ Турціей, гдѣ пришлось яснѣе выказать ему свои достоинства и недостатки. Скажемъ только, что ему пришлось участвовать почти во всѣхъ знаменитыхъ сраженіяхъ этого періода, приходилось проявлять личное мужество и отличную распорядительность въ самостоятельныхъ дѣйствіяхъ, участвовать въ первомъ взятіи Измаила русскими и пр. Но его съ полей битвъ тянуло въ Петербургъ, во дворецъ, къ источнику величія, милостей и богатствъ... Тамъ жила государыня, вниманіе которой, въ смыслѣ совершенія блестящей карьеры, стоило гораздо больше, чѣмъ истребленіе десятковъ армій и взятіе дюжинъ крѣпостей. Потемкинъ прибылъ въ Петербургъ въ концѣ 1770 г. съ отличными рекомендаціями Румянцева. Въ письмѣ Задунайскаго къ государынѣ перечислялись заслуги Потемкина и, между прочимъ, говорилось:

«Сей чиновникъ, имѣющій большія способности, можетъ сдѣлать о землѣ, гдѣ театръ войны состоялъ, обширныя и дальновидныя замѣчанія, которыя по свойствамъ своимъ заслуживаютъ быть удостоенными высочайшаго вниманія и уваженія, а посему и ввѣряю ему для донесенія Вамъ многія обстоятельства, къ пользѣ службы и славы имперіи относящіяся...».

Весьма возможно, что «обширныя и дальновидныя замѣчанія» Потемкина, склоннаго ко всему громкому и грандіозному, заключали уже и тогда въ себѣ зародышъ знаменитаго «греческаго проекта», который такъ пугалъ Европу въ прошломъ столѣтіи и до сихъ поръ стоитъ передъ народами въ образѣ грознаго «восточнаго вопроса». Знаменитыя побѣды Румянцева, въ которыхъ и самъ Потемкинъ принималъ извѣстное участіе, могли заронить въ голову пылкаго честолюбца, хватавшагося за всякій поводъ къ возвышенію, мысль о легкомъ уничтоженіи Турціи и о замѣнѣ луны—крестомъ на храмѣ св. Софіи. Впослѣдствіи этотъ «греческій проектъ» не шутя занималъ Потемкина и государыню, причемъ на постъ византійскаго императора прочили самого могущественнаго временщика.

Въ означенное время, во дворцѣ за благосклонность государыни происходила, какъ и всегда, борьба партій. Возросшее послѣ Чесменской побѣды Алексѣя Орлова вліяніе этой фамиліи возбудило недовольство со стороны партіи Панина и другихъ, энергично про-

тиводѣйствовавшихъ могучимъ Орловымъ. Въ этой борьбѣ придворныхъ партій самымъ рѣшительнымъ ходомъ — было выставленіе кандидата на вниманіе императрицы. Въ случаѣ успѣха выставлявшая его партія получала богатство, значеніе и власть.

Потемкинъ, хотя и благосклонно встрѣченный государынею, видѣлъ, что его часъ еще не пробилъ. Орловъ являлся пока слишкомъ могущественнымъ человѣкомъ, чтобы съ нимъ можно было легко справиться. О подробностяхъ пребыванія будущаго временщика въ Петербургѣ за время съ конца 1770 г. и до отъѣзда его снова въ армію въ 1771 г. не сохранилось подробностей. Извѣстно только, что онъ, между прочимъ, завязалъ прочныя дружескія отношенія съ двумя приближенными къ Екатеринѣ лицами: библіотекаремъ государыни Петровымъ и Иваномъ Перфильевичемъ Елагинымъ. Это было очень ловкимъ шагомъ со стороны не дававшаго маху будущаго героя Тавриды. Первый изъ помянутыхъ людей, хорошо знакомый съ княземъ раньше и бывшій довольно извѣстнымъ виршеплетомъ тогдашняго времени, постоянно напоминалъ государынѣ о Потемкинѣ,—къ которому она и безъ того чувствовала симпатію,—воспѣвая его въ стихахъ и прозѣ. Еще по поводу побѣды будущаго «свѣтлѣйшаго» при Фокшанахъ (1770 г.), командовавшаго небольшимъ самостоятельнымъ отрядомъ, ходили при дворѣ вирши Петрова:

Онъ жилъ среди красотъ и аки Ахиллесъ
На ратномъ полѣ вдругъ онъ мужество изнесъ:
Впервый пріялъ онъ громъ, и громъ ему послушенъ,
Впервые встрѣтилъ смерть—и встрѣтилъ равнодушенъ!

Черезъ Елагина и Петрова Потемкинъ испросилъ дозволеніе императрицы—писать ей письма и получать черезъ нихъ-же словесные отвѣты. Разумѣется, эти письма Потемкина, вообще отличавшагося недурнымъ стилемъ, были хорошо задуманы. Карабановъ сообщаетъ, что, «съ любопытствомъ прочитывая всѣ письма, государыня видѣла, съ какимъ чувствомъ любви и съ какою похвалою изъясняется Потемкинъ на счетъ ея особы; она сперва приказывала передавать ему словесные отвѣты, а потомъ сама принялась за перо и вела съ нимъ переписку».

Всѣ обстоятельства складывались такъ, что въ императрицѣ постепенно наростало чувство благосклонности къ Потемкину, не забывавшему систематически и упорно вести свою линію,—и эта благосклонность должна была наконецъ, отразиться на его повышеніи. Въ то время, когда будущій временщикъ въ дѣйствующей арміи проявлялъ по прежнему храбрость и распорядительность, коман-

дуя уже цѣлымъ резервнымъ корпусомъ (подъ Силистріей) и отличаясь во многихъ дѣлахъ, въ Петербургѣ, при дворѣ, дѣла принимали оборотъ, оказавшійся весьма выгоднымъ для Потемкина.

Турція за русскія побѣды подарила намъ страшную чуму, которая ознаменовалась особенными ужасами въ Москвѣ и опаснымъ бунтомъ, въ которомъ между прочимъ погибъ архіепископъ Амвросій. Противная Орловымъ партія, во главѣ которой стоялъ извѣстный Никита Ивановичъ Панинъ, убѣдила государыню, что въ Москву необходимо послать «довѣренную особу, какая-бы, имѣя полную власть, въ состояніи была избавить тотъ городъ отъ совершенной погибели», и указала на Григорія Орлова, отправка котораго изъ столицы соотвѣтствовала и затаеннымъ желаніямъ государыни. Но партія Панина, можетъ быть, разсчитывавшая на то, что моровая язва уберетъ ненавистнаго ей Орлова, ошиблась въ разсчетахъ. Этотъ богатырь вернулся изъ Москвы цѣлъ и невредимъ.

Извѣстно, съ какою энергіей и отвагою, а также разумною распорядительностью дѣйствовалъ онъ при усмиреніи волненій и прекращеніи болѣзни. Заслугъ его не могла не признать еще такъ недавно отмѣнно благоволившая къ нему императрица. Орловъ съ царскимъ тріумфомъ вступилъ снова въ Петербургъ. Въ Царскомъ Селѣ въ честь его воздвигнуты до сихъ поръ существующія тріумфальныя ворота и выбита медаль. На воротахъ красовалась громкая надпись:

Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва.

А на медали, выбитой въ честь побѣдителя чумы, на одной сторонѣ изображенъ портретъ, а на другой—бросающійся въ пропасть Курцій, съ извѣстной подписью: «и Россія таковыхъ сыновъ имѣетъ».

Но звѣзда счастія Орлова уже начинала меркнуть и ей не суждено было засіять прежнимъ блескомъ. Вскорѣ, какъ извѣстно, Григорій Орловъ съ чисто азіатскимъ великолѣпіемъ и роскошью, окруженный громаднѣйшею свитою, отправился на конгрессъ въ Фокшаны для веденія мирныхъ переговоровъ съ турецкими уполномоченными. Раздраженный неуступчивостью турецкихъ пословъ и ведя себя съ ними крайне высокомѣрно, онъ самовольно уѣхалъ съ неудавшагося конгресса, но былъ встрѣченъ курьеромъ съ письмомъ государыни, предлагавшей ему поселиться въ Гатчинѣ...

Наступала очередь «великолѣпнаго князя Тавриды», возвышеніе котораго и вскорѣ-же обнаружившееся громадное значеніе однако для многихъ было неожиданностью.

Произведенный въ 1773 г. въ генералъ-поручики, Потемкинъ,

жадно стремившійся въ Петербургъ и несомнѣнно хорошо освѣдомляемый обо-всемъ, происходившемъ въ придворныхъ сферахъ, получилъ въ концѣ этого года слѣдующее письмо отъ государыни, которое мы сообщаемъ въ выдержкахъ:

«Господинъ генералъ-поручикъ и кавалеръ! Вы, я чаю,—писала Екатерина въ обычномъ своемъ полушутливомъ тонѣ,—столь упражнены глазеньемъ на Силистрію, что Вамъ нѣкогда письма читать... Все то, что Вы сами предпріемлете, ничему иному приписать не должно, какъ горячему вашему усердію ко мнѣ персонально и къ любезному отечеству, котораго службу Вы любите... Прошу по пустому не вдаваться въ опасности... Вы, читавъ сіе письмо, можетъ статься, сдѣлаете вопросъ: къ чему оно писано? На сіе имѣю Вамъ отвѣтствовать; къ тому, чтобы Вы имѣли подтвержденіе моего образа мыслей объ Васъ, ибо я всегда къ Вамъ весьма доброжелательна».

Несомнѣнное расположеніе государыни, сквозившее въ строчкахъ этого письма, заставило Потемкина торопиться отъѣздомъ изъ арміи. Онъ прибылъ въ Петербургъ въ началѣ января 1774 г. и уже черезъ два, три мѣсяца сдѣлался могущественнымъ человѣкомъ, за которымъ раболѣпно ухаживали люди, незадолго передъ тѣмъ третировавшіе его, какъ parvenu.

Какія причины способствовали этой благосклонности Екатерины къ Потемкину, благосклонности, которая была настолько прочна, что продержалась до самой смерти князя? Несомнѣнно государыня хорошо помнила остроумца камергера, такъ забавлявшаго ее своими выходками и порою интерессовавшаго своими широкими планами. Потемкинъ очень ловко съумѣлъ за время своего отсутствія поддерживать интерессъ къ себѣ, онъ часто писалъ государынѣ письма, гдѣ, конечно, не скупился на выраженія, въ самомъ лучшемъ свѣтѣ выставлявшія его горячія чувства и преданность къ обожаемой повелительницѣ; государыня слышала о военныхъ знаніяхъ Потемкина, о его подвигахъ, о которыхъ ей постоянно докладывали друзья «Грица», имѣвшіеся при дворѣ. Все это могло сильно дѣйствовать на воображеніе императрицы. А съ другой стороны Васильчиковъ, ненадѣленный дарованіями и неспособный раздѣлять широкихъ плановъ государыни, входившей уже въ роль, навязывавшуюся ей многими льстецами, «величайшей монархини» въ Европѣ, не могъ, конечно, удовлетворять своей повелительницы. Эти обстоятельства и подняли Потемкина въ глазахъ Екатерины, а онъ уже крѣпко уцѣпился за счастливый случай и не выпускалъ его почти до конца изъ своихъ сильныхъ рукъ. Сама Екатерина такъ писала о новомъ своемъ избранникѣ Гримму (въ іюлѣ 1774 года): «Генералъ

Потемкинъ болѣе въ модѣ, чѣмъ многіе другіе и смѣшитъ меня такъ, что я держусь за бока»... и въ другомъ письмѣ: «я удалилась отъ нѣкоего очень скучнаго гражданина...» «Потемкинъ —одинъ изъ самыхъ смѣшныхъ и забавныхъ оригиналовъ сего желѣзнаго вѣка».

Какъ-бы ни объяснялось это быстрое вниманіе государыни, но несомнѣнно, что уже съ марта 1774 г. Потемкинъ является могучимъ временщикомъ, безусловно подавлявшимъ всѣхъ своимъ авторитетомъ и получившимъ громадное вліяніе на государственныя дѣла. Несмотря на то, что за послѣдніе годы жизни князя не существовало той непосредственной близости его къ государынѣ, которая имѣла мѣсто лишь въ первые годы возвышенія Потемкина, и «Свѣтлѣйшій» подолгу отсутствовалъ изъ Петербурга, тѣмъ не менѣе его власть и вліяніе на императрицу были громадны.

Безъ преувеличенія можно сказать, что во всемірной исторіи найдется мало такихъ примѣровъ, какой представляется Потемкинымъ. Окруженный сѣтью интригъ, встрѣчая могущественныхъ завистниковъ, пользовавшихся всякимъ промахомъ врага, чтобы очернить его передъ повелительницею, великолѣпный князь Тавриды все-таки всѣхъ побѣждалъ: онъ въ продолженіе 18 лѣтъ былъ могучимъ властелиномъ, презрительно попиравшимъ ненавистниковъ, и преданнымъ другомъ государыни, получившей за свой умъ и таланты названіе «Великой». И эту дружбу, вліявшую не на одни отечественныя дѣла, но и на европейскія, и лишь изрѣдка затемнявшуюся мимолетными вспышками недовольства, было-бы слишкомъ односторонне и несправедливо объяснять одними личными искательствами, а не способностями и несомнѣнными дарованіями князя.

Въ нѣсколько мѣсяцевъ на новаго счастливца пролились необычайныя милости. Кажется, ни одинъ изъ извѣстныхъ въ исторіи повелителей не расплачивался такъ щедро и такъ роскошно за оказанныя услуги, какъ Екатерина, раздавшая своимъ приближеннымъ сотни тысячъ крестьянъ, между тѣмъ, какъ сначала царствованія она лелѣяла, по крайней мѣрѣ въ письмахъ къ корифеямъ западной мысли и науки, мечты о снятіи тягостей рабства на родинѣ. И самая львиная часть этихъ щедротъ государыни выпала на долю Потемкина, добившагося, наконецъ, того, что было предметомъ его давнишнихъ мечтаній.

По пріѣздѣ въ столицу Потемкинъ черезъ Григорія Орлова, не утратившаго добрыхъ отношеній къ Екатеринѣ, но уже не имѣвшаго прежней къ ней близости, свидѣлся съ государыней. Вѣроятно

Орловъ, думавшій еще о возвращеніи къ себѣ прежней благосклонности государыни, не полагалъ, что устроенное имъ свиданіе приведетъ къ роковымъ послѣдствіямъ Объ отношеніи этихъ двухъ временщиковъ ходило много разсказовъ. Такъ, говорили, напримѣръ, что Потемкинъ однажды поднимался по дворцовой лѣстницѣ, направляясь къ государынѣ, а Григорій Орловъ спускался по той-же лѣстницѣ, возвращаясь домой. Потемкинъ, смущенный этою встрѣчей, обратился къ своему предшественнику съ привѣтствіемъ и, не зная, что сказать, спросилъ его:

— Что новаго при дворѣ?

— Ничего,—отвѣтилъ холодно Орловъ—только вы поднимаетесь, а я иду внизъ.

Потемкинъ, добившись представленія Екатеринѣ, придерживался въ своихъ личныхъ дѣлахъ правила «ковать желѣзо, пока горячо»,—и уже въ февралѣ, поощренный привѣтливымъ отношеніемъ государыни, самъ обратился къ ней съ просьбой о пожалованіи генералъ-адъютантомъ.

«Сіе не будетъ никому въ обиду, — закончилъ Потемкинъ свою просьбу,—а я приму за верхъ моего счастія, тѣмъ паче, что находясь подъ особливымъ покровительствомъ Вашимъ, удостоюсь принимать премудрыя повелѣнія ваши и, вникая въ оныя, сдѣлаюсь вяще способнымъ къ службѣ Вашей и отечества».

Свершилось! И уже 1-го марта 1774 г. Екатерина сообщала Бибикову о назначеніи его друга Потемкина генералъ-адъютантомъ. Она заканчивала это письмо слѣдующимъ образомъ: «Глядя на него (Потемкина) веселюсь, что хотя одного человѣка совершенно довольнаго около себя вижу».

Каждое восхожденіе новой звѣзды надъ трономъ, какъ мы уже сказали выше, составляло въ глазахъ придворныхъ событіе огромной государственной важности. Оно являлось такимъ и для представителей иностранныхъ государствъ, такъ какъ облеченный довѣренностью временщикъ, могъ своимъ вліяніемъ на государыню перетянуть чашу вѣсовъ въ ту или другую сторону. Немудрено, что каждое событіе, совершавшееся во дворцѣ, всякое измѣненіе въ составѣ лицъ, приближенныхъ къ монархинѣ, волновало дипломатическія сферы и перья посланниковъ и министровъ иностранныхъ державъ усиленно работали въ это время.

То же было и при повышеніи Потемкина, съ тою только разницею, что этотъ «случай» надѣлалъ еще больше шума, чѣмъ всѣ другіе. Знать, — а въ особенности высокопоставленныя кумушки

интересовались всякою мелочью относительно новой звѣзды. Такъ, жена новгородскаго губернатора Сиверса доставляла мужу подробныя реляціи о первыхъ шагахъ восходившаго свѣтила. «Новый генералъ адъютантъ — писала она въ мартѣ — дежуритъ постоянно вмѣсто всѣхъ другихъ»... «Говорятъ онъ скроменъ и пріятенъ»... Въ апрѣлѣ: «покои для новаго генералъ-адъютанта готовы, и онъ занимаетъ ихъ; говорятъ, что они великолѣпны... Я часто вижу Потемкина, мчащагося по улицѣ шестернею»...

Петръ Ивановичъ Панинъ въ мартѣ 1774 г. писалъ пріятелю про Потемкина: «Мнѣ представляется, что сей новый актеръ роль свою играть будетъ съ великою живностью и съ многими перемѣнами»...

Прусскій посланникъ, графъ Сольмсъ доноситъ своему правительству: «Повидимому Потемкинъ сдѣлается самымъ вліятельнымъ лицомъ въ Россіи. Молодость, умъ и положительность доставляютъ ему такое значеніе, какимъ не пользовался даже Орловъ».

Вообще говоря, съ первыхъ-же шаговъ Потемкина всѣ угадали въ немъ грозную силу, которая не дастъ себя въ обиду и съ которою опасно бороться. Все начало преклоняться передъ могучимъ совѣтникомъ и «наперсникомъ Минервы», какъ звалъ Потемкина Державинъ. Въ обществѣ, воспитанномъ въ крѣпостной обстановкѣ, лишенномъ образованія и въ которомъ не могли еще въ ту пору, благодаря сложившимся историческимъ условіямъ, выработаться понятія о правѣ и справедливости, отсутствовала вѣрная оцѣнка истинныхъ заслугъ человѣка и не было стойкости убѣжденій. Все, что имѣло силу, блескъ и богатство — только это одно и возбуждало поклоненіе. То же самое проявилось и по отношенію къ Потемкину. Его недавніе недоброжелатели лебезили передъ временщикомъ и умоляли о милостяхъ. Когда познакомишься съ низкими свойствами этой толпы и ея жадностью къ презрѣнному металлу, то невольно прощаешь «князю Тавриды» ту надменность, которую онъ проявлялъ къ окружавшимъ съ самыхъ первыхъ дней своего возвышенія.

Мы впослѣдствіи скажемъ подробнѣе о всѣхъ тѣхъ дарахъ, которыми наградила Потемкина Екатерина; эти богатства, несмотря на страшное мотовство князя, по смерти его простирались до колоссальной суммы въ нѣсколько десятковъ милліоновъ. Трудно перечислить всѣ отличія, выпавшія на долю баловня счастія: это былъ-бы длинный, утомительный перечень. Здѣсь мы упомянемъ только, что уже въ первое время, за $1^1/_2$, 2 года своей близости къ Екатеринѣ, онъ

получилъ громадныя суммы денегъ, десятки тысячъ душъ крестьянъ, бриліанты и другія драгоцѣнности. Въ 1774 году Потемкинъ былъ уже генералъ-аншефомъ, вице-президентомъ военной коллегіи и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго.

Въ 1775 г., во время празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, Потемкинъ былъ возведенъ въ графское достоинство и уже въ мартѣ 1776 г., по усердной просьбѣ къ германскому императору самой Екатерины, пожалованъ въ княжеское достоинство Священной Римской Имперіи съ титуломъ «Свѣтлѣйшаго». Иностранные государи, по настояніямъ своихъ представителей въ С.-Петербургѣ, наперерывъ старались выказать ему свое благоволеніе, награждая высшими знаками отличія, и только Георгъ III, представитель «Гордаго Альбіона» не соблаговолилъ снабдить Потемкина орденомъ «Подвязки». Милости лились цѣлымъ потокомъ не только на самого Потемкина, но и на его родственниковъ. Мать его была пожалована въ статсъ-дамы, сестры и племянницы тоже были приближены ко двору и послѣднія получили придворныя званія. Эти знаменитыя племянницы, пользуясь положеніемъ дяди, эксплуатировали доброту государыни, а также срывали все, что возможно, съ самого «свѣтлѣйшаго», отношенія котораго къ этимъ родственницамъ не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ и относительно ихъ не выходилъ изъ роли Донъ-Жуана.

Слава могущественнаго князя уже за эти два первые года его повышенія гремѣла по Россіи. Московскій университетъ, выключившій изъ числа своихъ студентовъ Потемкина «за лѣность и нехожденіе», воспѣвалъ новаго сановника въ высокопарныхъ латинскихъ виршахъ. Сумароковъ и Херасковъ превозносили его, какъ мецената. Митрополиты и архіепископы обращались къ нему съ почтительными письмами и просили его ходатайствъ. Протоіерей Алексѣй посвятилъ князю своего сочиненія «Церковный Словарь».

Съ первыхъ же дней своего повышенія Потемкинъ показалъ, что онъ совсѣмъ не хочетъ быть только «мебелью» при дворѣ; подобная роль для честолюбиваго, гордаго князя, для человѣка такого ума, какой былъ у Потемкина, являлась неудобною. Мы видимъ, что уже въ эти два года почти ни одно рѣшеніе государыни не обходится безъ совѣта съ нимъ, многое дѣлается по его иниціативѣ, такъ что въ сущности онъ является главнымъ ея совѣтникомъ и притомъ совѣтникомъ авторитетнымъ. Нужно сказать, что многія его дѣйствія были исполнены извѣстнаго такта и благородства, исключавшаго

представленіе о его «черной» зависти ко всякому успѣху, сдѣланному помимо него. Такъ онъ настоялъ на усиленіи арміи Задунайскаго новыми подкрѣпленіями изъ Россіи и о нестѣсненіи его инструкціями. Зная еще силу Никиты Панина, онъ очень ловко доказалъ свою услужливость послѣднему, устроивъ командировку брата его Петра Панина для окончательной расправы съ пугачевцами. Къ этому же времени (1775 г.) относится и уничтоженіе Запорожской Сѣчи, произведенное по мысли и инструкціямъ Потемкина. Это гнѣздо смѣлыхъ бандитовъ, нападавшихъ на своихъ и чужихъ и грабившихъ безнаказанно магометанъ и православныхъ, не могло быть терпимо въ благоустроенномъ государствѣ. Генералъ Текеллій съ сильнымъ отрядомъ явился въ Запорожье и занялъ мѣсто, гдѣ помѣщалась Сѣчь, войсками. Вѣроятно, уже и въ это время государыня познакомилась съ обширными планами Потемкина о борьбѣ съ Турціей, объ организаціи нашихъ окраинъ, примыкавшихъ къ этой странѣ, о заселеніи Новороссіи и расширеніи предѣловъ Россіи до Чернаго моря и владычествѣ ея на послѣднемъ. Мы подробнѣе скажемъ объ этихъ планахъ въ слѣдующихъ главахъ, здѣсь же упомянули о нихъ, чтобы объяснить титулъ «генералъ-губернатора Новороссійскаго», которымъ именуется Потемкинъ еще съ конца 1774 года.

Но набѣгали тучки и на счастіе свѣтлѣйшаго. Его возвышеніе было такъ необычайно, власть такъ громадна, надменность такъ велика, что у него, кажется, не имѣлось приверженцевъ въ придворныхъ сферахъ; всѣ были противъ него и выискивали случай замѣнить непріятнаго любимца болѣе удобнымъ человѣкомъ. И эта борьба одного князя съ цѣлымъ сонмомъ враговъ, повторяемъ, указываетъ намъ, какими огромными силами и вліяніемъ на государыню обладалъ этотъ человѣкъ. Тѣмъ не менѣе трудно было и Таврическому держаться постоянно на одинаковой высотѣ власти. Уже въ 1776 г. у Потемкина явился соперникомъ Завадовскій, вмѣстѣ съ Безбородко взятый государыней изъ канцеляріи Румянцева къ себѣ въ секретари. Особенное благоволеніе государыни къ Завадовскому уязвило въ самое сердце Потемкина, не терпѣвшаго совмѣстниковъ. Онъ уѣхалъ на нѣкоторое время изъ столицы, и всѣ уже думали, что его могуществу пришелъ конецъ. Но князь, вернувшись, сразу, какъ гигантъ, разорвалъ всѣ интриги и сѣти враговъ: онъ опять безраздѣльно завладѣлъ вниманіемъ государыни и вліяніемъ на дѣла.

Князь заложилъ прочный фундаментъ въ душѣ императрицы.

Для того, чтобы судить о расположеніи къ нему государыни и довѣріи къ его уму, что и было главною причиною могущества временщика,—стоитъ прочитать только письма Екатерины: въ нихъ встрѣчается масса самыхъ лестныхъ эпитетовъ и самыхъ дружескихъ пожеланій, съ увѣреніями въ неизмѣнномъ благоволеніи, и эти письма тянутся длинною полосою, не измѣняя своего дружескаго тона до самой смерти князя. Увѣренный въ своихъ силахъ и неизмѣнномъ расположеніи къ себѣ императрицы, Потемкинъ могъ смѣло рѣшаться на самые грандіозные и несбыточные планы, на которые у другихъ его современниковъ не хватало ни силы, ни отваги, ни фантазіи.

ГЛАВА III.

Активъ и пассивъ «князя Тавриды».

Жизнь государства.—«Польза» и «вредъ» историческихъ явленій.—Политическая ариѳметика.—Экзаменъ Потемкину. — Князь-красавецъ.—Образованіе и знанія Потемкина. — Отзывы современниковъ. — Любовь къ изящнымъ искусствамъ.—Стремленіе къ грандіозности. — «На аршинъ» выше римскаго Петра!—Пороки князя.—Сладострастіе.—Сложность натуры Потемкина.—Лѣнь и энергія.—Добрыя черты его нрава.—«Стихійность» натуры князя.—Отзывъ де-Линя.—«Активъ» князя.—«Греческій» проектъ.— Фантазіи князя.—Положеніе Россіи на югѣ.—Пребываніе и дѣятельность въ Новороссіи.—Постройка городовъ.—Екатеринославъ и его чудеса.—Мнѣніе Іосифа II.—Военныя реформы.—Избавленіе солдата отъ мучительной эвипировки и наказаній. — Личность Потемкина, какъ матеріалъ для поэзіи.

Прежде, чѣмъ подробно разсказывать о дальнѣйшихъ дѣяніяхъ и ростѣ могущества Потемкина, мы считаемъ необходимымъ представить общій характеръ «великолѣпнаго князя Тавриды», его «активъ» и «пассивъ»,—какъ они выяснились изъ всей его жизни.

Жизнь государства представляетъ такое сложное стихійное явленіе, что часто является затруднительнымъ произносить категорическіе приговоры о «вредѣ» или «пользѣ» дѣяній государственныхъ людей, надѣленныхъ несомнѣнными талантами, но представлявшихъ не особенно симпатичныя нравственныя свойства. Да и до сихъ поръ, собственно говоря, не установленъ точный критерій для оцѣнки «полезности» историческихъ явленій. По отношенію къ отдѣльной личности въ общемъ, можетъ быть, считается достаточно точнымъ подраздѣленіе явленій на «вредныя» и «полезныя», смотря

потому, доставляютъ-ли они страданіе или болѣе или менѣе глубокое наслажденіе индивиду. Но по отношенію къ жизни государствъ усвоено обыкновенно другое воззрѣніе. Побѣдоносная война, за которую достается кусокъ территоріи и срывается громадная контрибуція съ побѣжденныхъ, считается полезнымъ государственнымъ явленіемъ. А между тѣмъ сколько страданій доставляетъ она. Сколько рыданій матерей, женъ и дѣтей раздается по убитымъ! Сколько страшныхъ, тяжелыхъ сценъ скрывается даже для побѣдившаго государства въ этомъ громкомъ словѣ—«побѣдоносная» война!

Весьма возможно, что округленіе границъ государства, спасающее его отъ политическихъ неурядицъ и неустройствъ, отъ набѣговъ хищныхъ племенъ и обезпечивающее болѣе правильное развитіе производительныхъ силъ страны, — въ значительной степени вознаградитъ въ будущемъ за тѣ жертвы, которыя потратятся въ борьбѣ за это «округленіе»: поля, увлажненныя кровью народа, можетъ быть, будутъ приносить богатую жатву отдаленнымъ потомкамъ. Точно также громадныя траты на то, чтобъ «стать твердою ногою» на морѣ,—могутъ отразиться въ будущемъ значительнымъ подъемомъ силъ государства путемъ развитія его сношеній съ болѣе образованными странами, что будетъ способствовать и его собственному прогрессу. Много есть историческихъ событій, въ которыхъ худое такъ тѣсно переплетается съ хорошимъ, что не скоро еще найдутся «трезвые» историки, способные взвѣсить на точныхъ аптекарскихъ вѣсахъ критики «вредъ» и «пользу» этихъ событій. Этотъ взглядъ на историческія событія цѣликомъ можно перенести и на государственныхъ дѣятелей, содѣйствовавшихъ появленію ихъ въ исторіи: въ нихъ свѣтлыя стороны часто переплетаются съ такими, отъ которыхъ съ отвращеніемъ отвертывается пуристъ-историкъ, ищущій и на страницахъ великой книги жизни народовъ воплощенія отвлеченныхъ нравственныхъ идеаловъ, но забывающій при этомъ, что и «великіе» люди созданы изъ того-же земного праха, въ которомъ со временъ Адама гнѣздится цѣлая масса пороковъ. Въ исторіи не мало встрѣчается такихъ личностей, которыя отталкиваютъ насъ многими своими безнравственными качествами, но которыя обладали огромными талантами и утилизація ихъ дарованій оказывалась полезною государству. Къ числу такихъ личностей принадлежитъ и великанъ Екатерининскаго царствованія Потемкинъ. Что онъ былъ изъ породы людей «крупныхъ» не однимъ только ростомъ,—въ этомъ трудно сомнѣваться: за это достаточно говоритъ его колоссальное могущество, державшееся до конца, благо-

даря его громадному авторитету въ глазахъ государыни, умѣвшей, по единодушному приговору историковъ, узнавать и цѣнить таланты. За это говорятъ отзывы современниковъ, не имѣвшихъ повода курить фиміамы князю за его милости, — и разсказы умныхъ и опытныхъ иностранцевъ, къ числу которыхъ принадлежали такіе недюжинные люди, какъ принцъ де-Линь, лордъ Мальмсбюри, Сегюръ и др. За это, наконецъ, говорятъ краснорѣчиво и дѣла, совершенныя «великолѣпнымъ» Таврическимъ сатрапомъ. Если-бы историки желали быть справедливыми, то послѣ тщательно произведеннаго экзамена Потемкину, —они должны были-бы выдать ему такой дипломъ: пять съ плюсомъ—за способности и знанія и единица—за поведеніе. Въ самомъ дѣлѣ, — нравственный «пассивъ» князя былъ колоссаленъ, но у него имѣлось кое-что крупное и въ «активѣ».

По части внѣшности можно было-бы многое занести въ «активъ» Потемкина. Помѣщенный здѣсь портретъ князя, по странной прихоти долго не позволявшаго снимать съ себя изображеній, относится уже къ послѣднимъ годамъ его жизни и видимо художникъ польстилъ оригиналу. Но въ молодости и въ средніе годы, когда князя еще не сокрушали болѣзни отъ безпорядочной жизни, это былъ красавецъ: трехъ-аршинный Адонисъ. Среди придворныхъ издали уже узнавали князя «по возносящейся выше прочихъ главѣ его» (выраженіе племянника Потемкина-Самойлова). Отзывы современниковъ единогласно утверждаютъ о замѣчательной физической красотѣ и мощи «свѣтлѣйшаго». При высокомъ ростѣ, онъ обладалъ пропорціональнымъ сложеніемъ, могучими мускулами и высокою грудью. Орлиный носъ, высокое чело, красиво выгнутыя брови, голубые пріятные глаза, прекрасный цвѣтъ лица, оттѣненный нѣжнымъ румянцемъ, мягкіе свѣтло-русые, вьющіеся волосы, ровные—ослѣпительной бѣлизны зубы—вотъ обольстительный портретъ князя въ цвѣтущіе годы. Не мудрено, что онъ, по количеству своихъ романовъ, о которыхъ мы подробнѣе скажемъ ниже, не уступалъ знаменитому герою романтическихъ новеллъ—Донъ-Жуану-ди-Теноріо. Потемкинъ, окруженный ореоломъ могущества, богатства и блеска,—былъ неотразимъ для женщинъ своего времени, конечно, не лелѣявшихъ тѣхъ свѣтлыхъ идеаловъ, которые встрѣчаются у героинь тургеневскихъ романовъ. Даже потеря зрѣнія въ одномъ глазу не портила его внѣшняго вида. Впрочемъ, порою, въ особенности въ годы зрѣлые, общее впечатлѣніе портила угрюмость князя, набѣгавшая на его чело, изборожденное уже морщинами. Тогда онъ, по словамъ очевидца, подперевъ подбородокъ рукою, нахмуривъ

чело и уставивъ единственный смотрѣвшій глазъ на собесѣдника, принималъ звѣрское выраженіе. Но даже и въ старые годы,—Потемкинъ умеръ 52 лѣтъ,—«сгорбленный, съеженный, невзрачный (слова де-Линя), когда остается дома,—онъ выпрямляется, вскидываетъ надменно голову, онъ гордъ, прекрасенъ, величественъ, увлекателенъ, когда является передъ своею арміею, точно Агамемнонъ въ сонмѣ греческихъ царей»... Во всякомъ случаѣ, въ самой наружности князя, въ его величественной осанкѣ — сразу виденъ былъ человѣкъ недюжиннаго калибра.

Нельзя не отмѣтить и того, что Потемкинъ былъ человѣкъ многосторонне-образованный для своего времени. Онъ отличался быстрымъ пониманіемъ и феноменальною памятью. Хорошо зная французскій языкъ, онъ былъ прекрасно знакомъ съ выдающимися французскими писателями. Мы уже знаемъ про его свѣдѣнія въ «эллиногреческомъ» языкѣ и богословіи. Онъ былъ начитанъ и въ классической литературѣ и въ его письмахъ часто встрѣчаются обычныя для того времени цитаты изъ классическихъ авторовъ. По отзывамъ современниковъ, масса свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ имъ отъ лицъ разныхъ профессій, съ которыми онъ сталкивался, и усвоенныхъ, благодаря огромной памяти, была колоссальна. Въ молодости князь писалъ стихи, сатиры и эпиграммы—и впослѣдствіи мы нерѣдко видимъ его въ качествѣ редактора и исправителя слога самой Екатерины (онъ исправлялъ текстъ оперы «Олегъ», сочиненный государыней и др.). Естественно, что во время своего могущества Потемкинъ считался меценатомъ, отъ котораго не мало перепадало милостей «жрецамъ Аполлона». Въ сонмѣ этихъ поэтовъ, воспѣвавшихъ любимца счастья, патетичнѣе всѣхъ звучала высоко-настроенная лира Державина, во многихъ великолѣпныхъ строфахъ увѣковѣчившаго память объ Екатерининскомъ гигантѣ. Въ большомъ умѣ и блестящихъ талантахъ князя не можетъ быть сомнѣній: это подтверждается подавляющимъ количествомъ свидѣтельствъ современниковъ. «Великій человѣкъ,—говоритъ Суворовъ,—великъ умомъ и ростомъ!» Отзывы Сегюра, де-Линя, Мальмсбюри, Массона, Екатерины и мн. другихъ—рисуютъ его не только человѣкомъ съ огромными дарованіями, но даже геніальнымъ. Разумѣется, есть отзывы и не такіе благопріятные для временщика: въ колоссальной личности князя такъ все сплеталось—и хорошее и дурное,—и такъ часто онъ выставлялъ на показъ свои громадные пороки, что его нравственные недостатки, въ глазахъ пуристовъ, набрасывали тѣнь и на его умственныя достоинства. Не мало было конечно у князя не-

доброжелателей, обойденныхъ имъ въ ихъ стремленіи къ власти; не мало было и завистниковъ и, понятно, такія лица не скупились клеймить все въ Потемкинѣ. Но повторяемъ,—въ чемъ другомъ, а въ умѣ и выдающихся дарованіяхъ «наперсника Минервы» невозможно сомнѣваться.

Не забудемъ упомянуть и того, что князь считался знатокомъ изящныхъ искусствъ. Собранная имъ коллекція картинъ, — и собранная не по одному только тщеславному побужденію затмить всѣхъ роскошью,—была колоссальна и заключала произведенія величайшихъ въ мірѣ художниковъ. Но болѣе всего князь любилъ и понималъ музыку и архитектуру. Въ обоихъ этихъ искусствахъ сказалась страсть его ко всему величественному: музыкальные оркестры его были громадны, а стремленіе къ грандіозности въ архитектурѣ выразилось яснѣе всего въ томъ фактѣ, что, задумавъ строить въ Екатеринославѣ соборъ, «подобный храму Петра въ Римѣ», онъ велѣлъ «прикинуть аршинъ» къ размѣрамъ римскаго колосса, чтобъ превзойти даже этотъ величайшій храмъ на землѣ! Фундаментъ этого храма, постройкѣ котораго, конечно, какъ и большинству грандіозныхъ плановъ Потемкина, не суждено было осуществиться не только впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, но и втеченіе столѣтій, — этотъ фундаментъ служитъ теперь *оградою* для сооруженной внутри его церкви.

Переходя къ нравственнымъ свойствамъ князя, мы должны прежде всего остановиться на его честолюбіи: оно еще съ первой юности было его преобладающею нравственною чертою. Блистать, сіять, властвовать надо всѣми и всѣмъ—этому Ваалу были принесены громадныя жертвы «великолѣпнымъ» временщикомъ. Но это-же честолюбіе не могло направляться у такого умнаго человѣка, какъ князь,—да еще желавшаго отличиться передъ такою выдающеюся государынею, какою представляется Екатерина II,—на цѣли мелкія: ему должны были удовлетворять только громкія государственныя дѣянія. Есть люди идеи, которые стремятся къ осуществленію идеаловъ во имя ихъ нравственной красоты, во имя глубокой потребности принести счастіе людямъ,—къ такой породѣ Потемкинъ не принадлежалъ. Но его умъ, въ союзѣ съ честолюбіемъ, все-таки ознаменовались полезными для государства пріобрѣтеніями.

Громадныя, представлявшія народное достояніе, суммы,—издержанныя на себя княземъ; безцеремонное его обращеніе съ казенными деньгами и людьми; созданная имъ у трона толпа приверженцевъ и клевретовъ, жадно расхищавшихъ народное добро вотъ круп-

ныя статьи пассива князя. Страшное напряженіе силъ государства, безразсчетная трата ихъ ради цѣлей своего ненасытнаго честолюбія—тоже отмѣтится большимъ грѣхомъ на Таврическомъ. Правда, онъ порою жалѣлъ солдатъ, не хотѣлъ, чтобъ ихъ много гибло въ битвахъ, допекалъ своихъ подчиненныхъ за ихъ хотя и геройскіе, но стоившіе много жизней подвиги; но съ другой стороны, тратя казенные милліоны во время второй войны съ турками, на балы, любовницъ и прихоти,—онъ заставлялъ «любимыхъ» солдатъ, которыхъ такъ жалѣлъ, гибнуть отъ холода и голода.

Его сладострастіе, переходившее всякія границы и не щадившее близкихъ родственныхъ узъ, выдѣлялось даже среди нравовъ того развратнаго общества, въ которомъ онъ жилъ. Его надменность была похожа на надменность какого-нибудь восточнаго деспота, не считающаго другихъ даже за людей.

Но натура князя Таврическаго такъ сложна, что было-бы несправедливо весь его нравственный образъ пачкать густою черною краской. Въ немъ положительно встрѣчаются черты, которыя кажутся свѣтлыми блестками и во многомъ противорѣчатъ отзывамъ его хулителей. Развратный, лѣнивый, валявшійся по цѣлымъ недѣлямъ неодѣтымъ на диванахъ, князь мгновенно преображался: онъ развивалъ необыкновенную энергію и дѣятельность, чтобъ потомъ опять предаться dolce far niente. Страстно приняться за что-нибудь и вскорѣ остыть было вообще удѣломъ многихъ дѣйствій Потемкина. Привыкшій, какъ восточный сатрапъ, нѣжиться на дорогихъ и мягкихъ подушкахъ, онъ вдругъ мчался днемъ и ночью по отвратительной дорогѣ, въ простой кибиткѣ. Да и разсказы о его необычайной надменности во многомъ кажутся преувеличенными: по крайней мѣрѣ, многіе говорятъ, что онъ проявлялъ ее главнымъ образомъ по отношенію къ знатнымъ сановникамъ, будучи простъ съ низшими. Во всякомъ случаѣ, князь не былъ мелокъ и мстителенъ. Екатерина и другіе современники постоянно указывали въ немъ на эту черту и на «благородство» по отношенію къ его многочисленнымъ врагамъ, которымъ онъ не отплачивалъ жестокостью. Можетъ быть, это объяснялось въ князѣ сознаніемъ своей громадной силы: зачѣмъ было ему мелко мстить соперникамъ, когда онъ могъ устранять ихъ только величественнымъ мановеніемъ руки? У князя было столько широкихъ плановъ, его богатое воображеніе такъ часто разъигрывалось, что онъ могъ и не замѣчать своихъ мелкихъ непріятелей. Только тамъ, гдѣ вопросъ шелъ о его могуществѣ и гдѣ князь думалъ, что соперникъ могъ быть ему опасенъ,

тогда только онъ обрушивался на врага съ львиной энергіей и сметалъ его съ своей дороги.

Во всякомъ случаѣ это была необычайная личность, надѣленная высокими дарованіями и выросшая на почвѣ «желѣзнаго» 18 вѣка, въ обществѣ, не имѣвшемъ нравственной узды; личность безъ нравственной дисциплины, для которой не было иного закона, кромѣ личнаго желанія и колоссальнаго честолюбія, но большія дарованія которой не могли пройти безслѣдно для страны. Это было стихійное явленіе природы: ураганъ, ломавшій столѣтніе дубы и оставлявшій въ цѣлости былинку; гроза съ страшнымъ громомъ и молніею, истреблявшая многое, но и проливавшая порою потоки благодатнаго дождя, утучнявшаго государственную ниву.

Смѣсь противоположныхъ качествъ въ характерѣ Потемкина очень ярко очерчена въ любопытномъ портретѣ князя, набросанномъ принцемъ де-Линь, который хорошо зналъ Таврическаго, долго живя при немъ въ арміи во вторую турецкую войну. Приведемъ нѣкоторыя черты изъ этого наброска.

«Трусливый за другихъ,—пишетъ де-Линь о князѣ,—онъ самъ очень храбръ: онъ останавливается подъ выстрѣлами и спокойно отдаетъ приказанія... Онъ очень озабоченъ въ ожиданіи опасности, но веселится среди нея и скучаетъ среди удовольствій. То глубокій философъ, искусный министръ, великій политикъ, то десятилѣтній ребенокъ. Онъ вовсе не мстителенъ, онъ извиняется въ причиненномъ горѣ, старается исправить несправедливость. Одною рукою онъ подаетъ условные знаки женщинамъ, которыя ему нравятся, а другою—набожно крестится. Съ генералами онъ говоритъ о богословіи, съ архіереями—о войнѣ. Онъ-то гордый сатрапъ Востока, то любезнѣйшій изъ придворныхъ Людовика XIV. Подъ личиною грубости онъ скрываетъ очень нѣжное сердце; онъ не знаетъ часовъ, причудливъ въ пирахъ, въ отдыхѣ и во вкусахъ: какъ ребенокъ, всего желаетъ и, какъ взрослый, умѣетъ отъ всего отказаться... Легко переноситъ жару, вѣчно толкуя о прохладительныхъ ваннахъ, и любитъ морозы, вѣчно кутаясь въ шубы»...

Присоединеніе Крыма съ Таманью, округленіе южныхъ границъ Россіи, оживленіе и заселеніе пустынной Новороссіи, постройки цѣлаго ряда городовъ на Югѣ,—основаніе прочнаго владычества Россіи на Черномъ морѣ, постройки обширнаго флота,—вотъ главныя государственныя заслуги князя. Реорганизація войскъ и облегченіе тяжестей солдатской аммуниціи и одежды—тоже должно быть записано въ активъ Потемкину.

«Греческій проектъ», который считается принадлежащимъ князю, не шутя занималъ Екатерину и былъ пугаломъ для Европы. Князь считалъ его вполнѣ осуществимымъ: удачникъ и баловень

счастія думалъ, что и на это огромное предпріятіе хватитъ у Россіи «пушечнаго мяса». Все, задуманное и совершенное княземъ на югѣ, было только преддверіемъ этой грандіозной затѣи: завоевать всю Турцію, взять Константинополь, «войти при плескахъ въ храмъ Софіи», водрузить тамъ крестъ и образовать изъ столицы османлисовъ центръ громаднаго христіанскаго государства. Эти мысли подробно развивались княземъ въ пространныхъ запискахъ императрицѣ, которая жаждала подвиговъ, долженствовавшихъ прославить ея царствованіе во всѣ вѣка и народы. Мысли о проектѣ князь проводилъ въ перепискѣ и разговорахъ съ сановниками, въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта и въ непрестанныхъ бесѣдахъ съ самою государынею, хотя и обладавшею положительнымъ умомъ, но иногда склонявшеюся къ несбыточнымъ планамъ, льстившимъ ея достаточно развитому тщеславію. Нужно сказать, что въ запискахъ князя этотъ вопросъ ставился широко; въ нихъ, казалось, не было упущено ни что, могущее способствовать осуществленію проекта: надежда на общее возмущеніе угнетенныхъ османами славянъ, на энергію и беззавѣтную храбрость русскихъ войскъ, на возможность избавиться отъ соревнованія державъ—брошенными имъ подачками. Что эти мысли сильно занимали самое государыню, видно изъ ея переписки, разговоровъ, а также того факта, что родившемуся во время разгара «греческихъ» мечтаній внуку ея дано было имя Константина и выбита въ честь этого событія медаль, на которой изображенъ Софійскій храмъ въ Константинополѣ и Черное море съ сіяющею надъ нимъ звѣздою. Эта же мысль сквозитъ и въ надписи въ честь Потемкина, сдѣланной на тріумфальныхъ воротахъ въ Царскомъ Селѣ послѣ взятія Очакова, когда князь возвратился въ столицу:

Ты въ плескахъ внидешь въ храмъ Софіи!

Разумѣется, въ роскошномъ воображеніи князя этотъ проектъ долженъ былъ осуществиться очень скоро: Потемкину въ гиперболическихъ мечтахъ уже грезился рядъ городовъ и военныхъ портовъ по всему сѣверному побережью Чернаго моря. Русскій флагъ гордо развѣвается на цитаделяхъ крѣпостей, на многочисленныхъ военныхъ корабляхъ и торговыхъ судахъ, плавающихъ по морю. Корабли проходятъ безпрепятственно чрезъ Дарданеллы и Босфоръ въ Средиземное море, разнося всюду славу Екатерины и русскаго имени, пріобрѣтая родной странѣ богатства и приводя въ почтительный страхъ сосѣднія страны. На мѣстѣ пустынь возникаютъ безчисленные города съ великолѣпными храмами и зданіями, затмѣвающими своимъ блескомъ лучшіе архитектурные памятники Европы.

Роскошный, пышный планъ, достойный своего «великолѣпнаго» изобрѣтателя! Однако, можно сказать, что хотя много вынесъ русскій народъ на своихъ плечахъ, — но вѣроятно исполненіе подобнаго плана стоило-бы ему всѣхъ прежнихъ испытаній, взятыхъ вмѣстѣ. Можно думать, что фантазія князя въ этой области значительно остыла, когда ему привелось осуществлять только часть своей широкой програмы. Вторая война съ турками, гдѣ Потемкину самостоятельно пришлось приводить въ исполненіе только небольшую часть колоссальнаго плана, и то съ тяжелыми, страшными усиліями, — доказала ему воочію, что гораздо легче выдумывать сказочные проекты, чѣмъ осуществлять ихъ на дѣлѣ.

Но то, что сдѣлано княземъ въ этой области, доказываетъ дальновидность и широкое пониманіе имъ государственныхъ интересовъ. Безкровное присоединеніе Тавриды, этого чуднаго полуострова, съ Таманью и странъ Прикубанскихъ является самою важною заслугою князя передъ государствомъ.

Положеніе Россіи на югѣ въ то время было далеко не такъ обставлено, какъ это-бы слѣдовало для могущественной державы. Наши границы были отодвинуты отъ Чернаго моря значительною своею частью; флотъ отсутствовалъ; на устьяхъ Днѣпра, на Днѣстрѣ и Бугѣ, по сосѣдству, былъ цѣлый рядъ грозныхъ турецкихъ крѣпостей. Крымъ, хотя и освобожденный отъ сюзеренства Турціи по Кучукъ-Кайнарджійскому миру, на самомъ дѣлѣ былъ еще довольно послушнымъ орудіемъ въ рукахъ турецкихъ эмиссаровъ и во всякомъ случаѣ грозилъ намъ, какъ союзникъ Турціи, въ возможной войнѣ съ этою послѣднею державою. Насъ безпокоили грабежи и разбои буджакскихъ и ногайскихъ татаръ. Все это дѣлало присоединеніе Крыма важною государственною необходимостью. Извѣстно, что присоединеніе къ Россіи этого когда-то нашего грознаго врага, благодаря осмотрительной политикѣ и разумнымъ распоряженіямъ князя, совершилось почти безкровно въ 1783 году. Князь, ловко воспользовавшись возникшими безурядицами въ Крыму, заставилъ покровительствуемаго нами Шагинъ-Гирея, путемъ обѣщанія ему наградъ и милостей, отречься отъ своихъ правъ на Крымъ, который и былъ присоединенъ къ Россіи, а важнѣйшіе пункты его были заняты русскими войсками. Вмѣстѣ съ тѣмъ были усмирены ногайскіе и буджакскіе татары, причинявшіе намъ не мало неудобствъ.

Много вниманія было отдано Потемкинымъ Новороссіи, не забывавшимъ впрочемъ ничего, клонившагося къ осуществленію намѣченнаго плана. Князь велъ дѣятельную переписку съ нашимъ по-

сланникомъ въ Турціи Булгаковымъ, интересовался положеніемъ дѣлъ въ Молдавіи и Валахіи и всѣмъ, происходившимъ въ подвластныхъ Турціи славянскихъ земляхъ. Онъ заботился и объ обезпеченіи русскихъ границъ со стороны Кавказа и набѣговъ его хищныхъ обитателей; велъ переговоры о подданствѣ Грузинскаго царя Ираклія и т. п.

Но въ этомъ планѣ округленія и укрѣпленія границъ нашихъ со стороны Турціи многому суждено было исполниться только подконецъ жизни князя Таврическаго. Пока-же онъ лишь готовился къ этой борьбѣ съ Турціей, о важнѣйшихъ эпизодахъ которой мы скажемъ послѣ. Очаковъ, Бендеры, Измаилъ, Аккерманъ, Анапа и другіе пункты, являвшіеся бѣльмомъ на глазу у насъ, были взяты значительно позже, теперь-же необходимо было готовить кадры для гигантской борьбы.

Съ конца 70-хъ годовъ Потемкинъ проводитъ долгіе мѣсяцы въ Новороссіи, наѣзжая только на время въ Петербургъ. Одна изъ частей его широкой программы осуществлялась съ лихорадочною быстротою: основывается рядъ городовъ,—Екатеринославъ, Николаевъ, Херсонъ. Послѣдній, заложенный въ 1778 г. на устьѣ Днѣпра, долженъ былъ служить верфью, на которой предполагалось строить многочисленные корабли для будущаго Черноморскаго флота. Основывается великолѣпная гавань—нынѣшній Севастополь, привлекаются въ южный край массы поселенцевъ,—въ эти богатыя производительными силами земли, но пустынныя степи,—лишенныя обывателей. Хотя, разумѣется, и тутъ далеко не было осуществлено то, что задумывалъ князь: въ главномъ городѣ Новороссіи, Екатеринославѣ, пространство котораго полагалось въ 300 квадратныхъ верстъ, должны были возникнуть «судилища, на подобіе древнихъ базиликъ», устроиться лавки вродѣ «Пропилей въ Афинахъ», музыкальная консерваторія и др.; но и то, что было сдѣлано, изумляло современниковъ: русскихъ и иностранцевъ, глазѣвшихъ во время путешествія Екатерины на диковинки, возникшія какъ-бы по волшебству въ пустынной странѣ. Всѣ эти чудеса конечно рекомендовали энергію и предпріимчивость Потемкина. Въ особенности князь гордился созданнымъ имъ черноморскимъ флотомъ и просилъ государыню главнымъ образомъ обратить на него вниманіе. «Я,—писалъ ей Потемкинъ,—матушка, прошу воззрѣть на здѣшнее мѣсто (Севастопольская гавань) какъ на такое, гдѣ слава твоя *оригинальная* и гдѣ ты не дѣлишься ею съ твоими предшественниками; тутъ не слѣдуешь по стезямъ другого».

Созданіе всѣхъ этихъ чудесъ въ очень короткій промежутокъ времени стоило громадныхъ жертвъ. Препятствія, съ которыми приходилось бороться при исполненіи задуманнаго, были громадны, но князь былъ не изъ такихъ людей, чтобы остановиться передъ ними и испугаться жертвъ. Быть можетъ, не безполезно привести здѣсь мнѣніе современника объ оборотной сторонѣ медали. Французскій посланникъ при нашемъ дворѣ графъ Сегюръ приводитъ отзывъ о томъ, чего стоили эти планы Потемкина. Отзывъ принадлежитъ императору Іосифу II, лично обозрѣвавшему преобразованную княземъ Новороссію.

«Мы,—говорилъ императоръ,—въ Германіи и Франціи не смѣли-бы предпринимать того, что здѣсь дѣлается. Владѣлецъ рабовъ приказываетъ—рабы работаютъ; имъ ничего не платятъ или платятъ мало; ихъ кормятъ плохо; они не жалуются...

Для работъ, начертанныхъ Потемкинымъ, изъ многихъ мѣстъ родины высылались толпы потребныхъ мастеровъ, а также на эти работы употребляли мѣстное населеніе и войска. Гигіеническое состояніе, питаніе ихъ и вообще вся обстановка жизни этой арміи труда—не составляли особенныхъ заботъ для «свѣтлѣйшаго». Чума, свирѣпствовавшая на югѣ въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, выхватывала также не мало жертвъ среди этихъ людей. И для историка единственнымъ утѣшеніемъ въ настоящемъ случаѣ остается только то обстоятельство, что эти русскія кости были подножіемъ далеко не такихъ безполезно-грандіозныхъ сооруженій, какъ пирамиды египетскихъ фараоновъ.

Въ качествѣ воротилы военной коллегіи и спеціалиста въ военномъ дѣлѣ, князь еще съ первыхъ дней своего возвышенія обращалъ на войска особое вниманіе. Зная хорошо конницу, онъ особенно прославился устройствомъ иррегулярной кавалеріи: князь образовалъ много полковъ изъ черноморскихъ и донскихъ казаковъ, которыхъ онъ былъ гетманомъ. «Легкоконные полки», сформированные имъ, обращали на себя лестное вниманіе и государыни, и ея блестящей свиты во время знаменитаго путешествія по Тавридѣ и Новороссіи. Хотя справедливость требуетъ сказать, что многіе спеціалисты военнаго дѣла, современные князю, осуждали преимущественное вниманіе его къ конницѣ въ ущербъ развитію пѣхоты.

Но что вызывало единогласныя похвалы даже ненавистниковъ князя въ военныхъ его преобразованіяхъ—это гуманная реформа въ области солдатской экипировки. Мы не можемъ себѣ представить, какія лишенія долженъ былъ выносить солдатъ того времени. Не-

удобства тяжелаго оружія и узкаго костюма, такъ сказать, вѣнчались пыткою отъ головнаго убора: волоса было нужно завивать, пудрить, плесть косы. Безъ преувеличенія можно сказать, что только «богатыри» того желѣзнаго вѣка могли выносить пытку этого ужаснаго наряда, — совершенно негигіеничнаго и способствовавшаго тому, что солдаты «паршивѣли».

Въ извѣстной запискѣ князя сказано много дѣльнаго по этому поводу. «На что солдатамъ пукли?—говоритъ онъ: всякъ долженъ согласиться, что полезнѣе голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, саломъ, мукою, шпильками и косами».

«Солдаты русскіе,—говоритъ племянникъ князя,—никогда не забудутъ того, что князь остриженіемъ волосъ избавилъ ихъ отъ головныхъ болѣзней и издержекъ на пудреніе головы». Онъ-же говоритъ, что Потемкинъ былъ озабоченъ искорененіемъ жестокихъ наказаній, практиковавшихся въ войскахъ и являлся въ военномъ дѣлѣ противникомъ педантизма и «шагистики». Даже извѣстный недоброжелатель Потемкина, находившій для послѣдняго только жесткія слова осужденія,—С. Р. Воронцовъ хвалитъ князя за введеніе удобнаго и соотвѣтствующаго климату обмундированія войскъ. Но эти гуманныя реформы Потемкина, введенныя, правда, не во всѣхъ войскахъ,—какъ извѣстно, недолго продержались. Императоръ Павелъ, имѣвшій достаточно поводовъ ненавидѣть князя и желавшій истребить всякую память о временщикѣ, отмѣнилъ его распоряженія. И еще про недавнее николаевское время мы знаемъ, какъ тяжело было тогда солдатское житье во всѣхъ его подробностяхъ. Только прошедшему гуманному царствованію суждено было измѣнить въ этой сферѣ порядки въ сторону гигіеничности и удобствъ.

Мы въ крупныхъ чертахъ въ этой главѣ старались обрисовать какъ характеръ «великолѣпнаго князя», такъ и тѣ главныя дѣянія, въ которыхъ выразился его геній. Но было и еще много вопросовъ и сферъ дѣятельности, которые захватывались его всемогущимъ вліяніемъ. Намъ не разъ еще придется въ дальнѣйшемъ изложеніи указывать на черты этой замѣчательной личности, исполненной рѣзкихъ противорѣчій, громадныхъ пороковъ и крупныхъ талантовъ,—личности, окруженной массою легендарныхъ сказаній, полубожескимъ поклоненіемъ однихъ и страшною ненавистью другихъ. Жизнь князя до того необычайна своими эпизодами, его могущество до того подавляло, а роскошь ослѣпляла и наконецъ само время, съ его людьми и событіями, въ которое онъ жилъ, настолько заинтри-

говываютъ, что понятнымъ кажется фактъ появленія князя какъ въ русской, такъ и въ иностранной литературахъ въ качествѣ одного изъ любимѣйшихъ персонажей романовъ и сказаній.

Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, даже изъ того, что здѣсь сказано, видно, что этотъ человѣкъ былъ совсѣмъ не чета другимъ временщикамъ, появлявшимся у трона и оставившимъ память о себѣ только жаднымъ хватаніемъ царскихъ милостей. Но, кромѣ того, въ личности Потемкина есть много и другихъ интересныхъ подробностей, о которыхъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ,—вмѣстѣ съ указаніемъ частностей его отношеній къ государынѣ, насколько онѣ выясняются изъ ихъ переписки и разсказовъ современниковъ.

ГЛАВА IV.

Могущество, причуды, капризы и романы Потемкина.

Власть князя.—Письма къ нему Екатерины.—Ничто необходится безъ него.—Отношенія къ государынѣ.—Обращеніе съ посланниками и знатью.—Анекдотъ объ оригинальной помощи.—Отзывы Гельбига и Ришелье.—Безнаказанность дѣйствій князя.—Низкій уровень общества.—Романы князя.—Отношенія его къ племянницамъ.—«Надежда-безнадежная».—Письма къ «Варинькѣ».—Отрывокъ изъ письма С. Р. Воронцова.—Устраненіе княземъ счастливыхъ соперниковъ.—Пустота души князя и его пресыщеніе.—Припадки меланхоліи.—«L'enfant gâté de Dieu».—Сцена за обѣдомъ.—Выходки и причуды.—Эполетъ въ 400.000 рублей.—Забавники у князя.—Разсказъ о Спечинскомъ.—Нежеланіе платить долги.—Часовщикъ Фази и 1.400 рублей.

Какъ мы уже сказали ранѣе, Потемкинъ гигантскими шагами шелъ къ безпримѣрному могуществу и въ самое короткое время опередилъ въ довѣріи и милостяхъ государыни всѣхъ ея приближенныхъ въ прошедшемъ. По разсказамъ современниковъ, какъ упомянуто выше, онъ въ первые 2—3 года своего повышенія получилъ нѣсколько милліоновъ рублей на наши деньги и десятки тысячъ душъ крестьянъ. И это могущество продолжалось непрерывно почти до самой смерти «великолѣпнаго князя»: его власти не могли сломить ни время, ни происки многочисленныхъ враговъ, ни сила появлявшихся у трона Екатерины новыхъ приближенныхъ. Трудно даже сказать, въ какое время значеніе князя достигло своего апогея: во время-ли первыхъ годовъ его близости къ императрицѣ, въ послѣдующій-ли періодъ,—въ годы приготовленій къ осуществленію «греческаго проекта» или тогда наконецъ, когда князь томился

подъ стѣнами Очакова и Измаила. Это могущество тянется широкою ровною полосою до самой смерти Потемкина. Завадовскій, Зоричъ, Ланской, Корсаковъ, Ермоловъ и Дмитріевъ-Мамоновъ интересовали дворъ только временно, и дѣятельность ихъ не могла имѣть высокой цѣны, тогда какъ на «своего князя» Екатерина надѣялась, какъ на каменную гору, и обращалась къ нему за совѣтами по всѣмъ дѣламъ государственнымъ и своимъ личнымъ.

Появившаяся за послѣднее время въ историческихъ журналахъ обширная переписка Екатерины съ Потемкинымъ ясно говоритъ о томъ, какъ дружелюбно относилась государыня къ князю и какъ высоко цѣнила его дарованія. Есть цѣлый рядъ ея записочекъ къ нему, относящихся до первыхъ лѣтъ ихъ знакомства. Самый нѣжный букетъ изысканно ласковыхъ словъ достается на долю князя. Въ письмахъ послѣдующихъ періодовъ хотя и слышатся отголоски нѣжныхъ дружескихъ чувствъ, но эти письма уже болѣе солидны и въ нихъ трактуется о всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ современной внѣшней и внутренней политики. Мы не можемъ, конечно, приводить многихъ выдержекъ изъ этихъ интересныхъ историческихъ документовъ,—такъ ихъ много,—но укажемъ хотя-бы на слѣдующее мѣсто изъ письма къ Потемкину (1783 г.), когда послѣдній былъ въ Новороссіи, озабоченный вопросомъ о присоединеніи Крыма и устройствомъ пустыннаго края, котораго онъ былъ генералъ-губернаторомъ. Въ это время на югѣ Россіи свирѣпствовала чума. Потемкинъ отъ усиленныхъ занятій, а также, вѣроятно, и отъ безпорядочной жизни—опасно заболѣлъ. И вотъ въ какихъ выраженіяхъ императрица обращалась къ князю о томъ, чтобъ онъ былъ осторожнѣе и берегъ свое здоровье.

«Всекрайно меня обезпокоиваетъ твоя болѣзнь,—писала государыня,—я вѣдаю, какъ ты не умѣешь быть больнымъ, и что во время выздоровленія никакъ не бережешься; только сдѣлай милость, вспомни въ настоящемъ случаѣ, что здоровье твое въ себѣ какую важность заключаетъ, благо имперіи и мою славу добрую; поберегись, ради самого Бога, не пусти мою просьбу мимо ушей, важнѣйшее предпріятіе въ свѣтѣ безъ тебя оборотится ни во что...»

Да не подумаетъ читатель, что подобное письмо является исключеніемъ,—нѣтъ, почти всѣ они таковы: вездѣ видна забота о здоровьѣ Потемкина, вездѣ надежда на его умъ, на свѣтлое соображеніе и преданность. Обо всемъ пишетъ ему государыня: она проситъ рекомендовать ей людей въ сенатъ, командировъ въ полки; спрашиваетъ мнѣніе его по польскому вопросу, объ Австріи, Пруссіи и т. д. Даже вопросъ о награжденіи клобуками архіереевъ оставляется нерѣшеннымъ до присылки отвѣта отъ князя.

Въ высшей степени трогательны письма Екатерины къ князю во время первыхъ мѣсяцевъ 2-й турецкой войны и осады Очакова. Престарѣлая государыня въ нихъ дала примѣръ бодрости своего духа подданному. Не знавшій до того неудачъ, баловень счастія, всѣ желанія котораго исполнялись въ скорости, испытывалъ страшный упадокъ духа во время медленно и неудачно шедшихъ военныхъ дѣйствій. Екатерина обнадеживала его, просила не тужить о потеряхъ и находила массу нѣжныхъ словъ утѣшенія для этого колоссальнаго ребенка.

Изъ всего этого мы видимъ, что отношенія Екатерины къ Потемкину, составлявшія основу его могущества, были такъ дружески прочны, что ихъ не могло ничто нарушить. Это были отношенія людей, которыхъ связывало воспоминаніе о свѣтломъ прошломъ и, можетъ быть, объ испытанныхъ совмѣстно огорченіяхъ; союзъ людей, лелѣявшихъ сообща широкіе планы, знавшихъ слабости другъ друга и умѣвшихъ взаимно прощать ихъ; дружба монархини къ человѣку, испытанному уму котораго и преданности она довѣрялась.— къ человѣку, облагодѣтельствованному ею и потому питавшему къ ней искреннюю благодарность.

О проявленіяхъ могущества князя можно было-бы исписать цѣлые томы,—оно было легендарнымъ. Послѣ кратковременныхъ размолвокъ Потемкина съ государынею, порою многимъ казалось, что князь терялъ силу: онъ удалялся изъ дворца (хотя его комнаты постоянно оставались за нимъ), былъ какъ будто удрученъ оказанною немилостью; но наступала минута, князь опять являлся во дворецъ, ковы, начатые противъ него, рушились какъ будто-бы какимъ-то волшебствомъ, противники его прятались по угламъ и онъ, съ надменно поднятою головою, опять царилъ надъ приниженной толпой, изгибавшейся передъ нимъ въ три погибели. Онъ устранилъ и сильныхъ когда-то Орловыхъ, Панина, Чернышева. Даже такой опасный соперникъ, какъ богатый, образованный и умный А. Р. Воронцовъ, постоянно осуждавшій за глаза, во время отсутствія князя, его проекты, притихалъ, когда тотъ появлялся. Сношенія съ иностранными дворами велись съ вѣдома князя, какъ и почти всѣ внутреннія дѣла: онъ противодѣйствовалъ Пруссіи, рѣшалъ финансовые вопросы (не всегда только съ пользою для государства), способствовалъ примиренію Екатерины съ «молодымъ дворомъ» и участвовалъ въ подготовкѣ событій, поведшихъ ко второму раздѣлу Польши. Передъ нимъ лебезилъ юркій Сегюръ, кланялся гордый Гаррисъ (лордъ Мальмсбюри), ухаживали

коронованныя особы. Онъ ни съ кѣмъ не стѣснялся: пріѣзжавшіе къ нему въ расшитыхъ золотыхъ мундирахъ, орденахъ и лентахъ иностранные послы встрѣчали князя часто босымъ, въ халатѣ и въ страшномъ, невозможномъ дезабилье. Это ставило въ большое затрудненіе посланниковъ, олицетворявшихъ собою цѣлыя націи и своихъ повелителей. Юркій Сегуръ выпутывался изъ затрудненія тѣмъ, что самъ начиналъ амикошонствовать съ княземъ: онъ подсаживался къ нему на диванъ, хлопалъ князя по плечу и спрашивалъ его: «ah, mon prince! Comment ça va, mon prince?»

Что-же касается до русскихъ сановниковъ, то съ ними великолѣпный князь еще менѣе церемонился. Они постоянно толпились въ его пріемныхъ, а князь часто къ нимъ и не показывался,—а если и являлся, то въ невозможномъ видѣ и не говорилъ ни слова. Немногимъ онъ позволялъ быть съ собою на короткую ногу. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и извѣстный Гарновскій, ловкій довѣренный князя, чудесно обдѣлывавшій и его, и собственныя дѣла. Этотъ могъ являться къ нему даже въ халатѣ, тогда какъ въ то же время предъ небрежно валявшимся властелиномъ стояли на вытяжку министры и покрытые лаврами побѣдъ воины. И часто случалось такъ, что князь, при приходѣ Гарновскаго, говорилъ этой раззолоченной толпѣ:

— Подите вонъ, намъ дѣло есть!

Иногда обращавшіеся съ просьбами къ князю люди получали въ очень оригинальной формѣ удовлетвореніе,—доказывавшее могущество князя. Мы приведемъ здѣсь разсказъ, находящійся въ числѣ извѣстныхъ анекдотовъ у Пушкина.

Безбородко собирался пожаловаться на напроказившаго Ш. государынѣ. Перепугавшаяся родня бросилась къ Потемкину за защитой. Князь велѣлъ Ш. быть на другой день у себя и приказалъ: «Чтобъ онъ со мною былъ посмѣлѣе!» Ш. явился въ назначенное время. Потемкинъ вышелъ изъ своего кабинета и молча сѣлъ играть въ карты. Въ это время является Безбородко. Князь принимаетъ его какъ нельзя хуже и продолжаетъ играть. Вдругъ онъ подзываетъ къ себѣ Ш.

— Скажи, братъ,—говоритъ Потемкинъ, показывая ему свои карты,—какъ мнѣ тутъ сыграть?

— Да мнѣ какое дѣло, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ Ш.—играйте, какъ умѣете!

— Ахъ, мой батюшка,—возразилъ Потемкинъ,—и слова нельзя сказать тебѣ: ужъ и разсердился!

Выходка подѣйствовала. Безбородко, увидя, что Ш. не церемонится даже съ княземъ, раздумалъ жаловаться.

Для того, чтобы показать, какъ думали о силѣ Потемкина современники, приведемъ мнѣніе о могуществѣ его двухъ изъ нихъ, въ достовѣрности показаній и справедливости взгляда которыхъ нѣтъ поводовъ сомнѣваться.

«Вся Россія,—говоритъ Гельбигъ,—и сосѣднія государства должны были трепетать при страшной мысли, что судьба цѣлыхъ поколѣній зависитъ отъ каприза этого человѣка».

«Положеніе Потемкина,—писалъ въ 1790 г. герцогъ Ришелье,—превосходитъ все, что можно вообразить себѣ въ отношеніи къ могуществу безусловному. Онъ царствуетъ во всемъ пространствѣ между горами Кавказа и Дунаемъ и раздѣляетъ власть императрицы въ остальной части государства».

Для Потемкина не существовало ни законовъ, ни сената, ни министровъ: уже черезъ 3—4 мѣсяца послѣ своего возвышенія, онъ, по сообщенію англійскаго дипломата Гуннинга, собственною властью и вопреки сенату распорядился винными откупами невыгоднымъ для казны способомъ. Не забудемъ, что свое могущество князь порою неразборчиво употреблялъ на самыя недобросовѣстныя цѣли. Такъ, мы знаемъ, что онъ взялъ себѣ винный откупъ, а его довѣренный Гарновскій безъ церемоніи просилъ Безбородко, приготовившемся пересмотрѣ таможеннаго тарифа, запретить ввозъ стекла и издѣлій изъ него въ Россію. Это бы дало громадныя выгоды Потемкину, которому, какъ извѣстно, принадлежалъ стеклянный заводъ.

Только человѣкъ, увѣренный въ своемъ могуществѣ и безнаказанности, могъ продѣлывать то, что дѣлалъ Потемкинъ: онъ бралъ отовсюду, гдѣ хотѣлъ, казенныя деньги,—ему не смѣли сопротивляться,—и не давалъ въ нихъ никакого отчета. Въ Новороссіи и Крыму онъ самъ и его генералы раздавали громадные участки земли и даже съ населеніемъ, находившимся тамъ... Намъ понадобилось бы исписать цѣлые томы, чтобы перечислить все то, въ чемъ проявлялась необыкновенная власть князя.

И какъ отвратительно было то общество, въ которомъ пришлось жить Потемкину и которое наложило на него свой отпечатокъ! Унижавшееся передъ находившимся въ силѣ временщикомъ, оно безцеремонно бросало его, едва только замѣчая собиравшуюся надъ нимъ немилость. Въ «запискахъ» Энгельгардта встрѣчается слѣдующій разсказъ, относящійся къ 1783 г. Императрица была недовольна княземъ и уже готовились экипажи для его заграничнаго вояжа. Князь не показывался во дворцѣ, пересталъ видѣться съ государыней. Знать перестала бывать у него, а за нею и прочаго званія люди, такъ что Милліонная улица, прежде запруженная экипа-

жами, не оставлявшими мѣста для проѣзда, была совершенно пуста. Но немилость императрицы продолжалась короткое время: она убѣдилась въ несправедливости наговоровъ на князя и вернула ему свое благоволенiе. И опять, черезъ два часа послѣ этого, Миллiонную запрудили экипажи и сотни лицъ снова спѣшили расшаркиваться передъ княземъ... Было-бы большимъ ригоризмомъ требовать со стороны Потемкина, чтобы онъ, въ свою очередь, не платилъ надменностью и презрѣнiемъ подобному обществу.

Могущественный, роскошный и богатый,—а въ цвѣтущемъ возрастѣ и красавецъ,—князь представлялъ лакомую приманку для женщинъ, въ особенности для искательницъ приключенiй и тщеславныхъ дочерей Евы, плѣнявшихся мыслью —прiобрѣсти земныя блага черезъ привязанность временщика. И дѣйствительно конецъ 18 вѣка, такъ отличавшiйся обилiемъ ловеласовъ и развратницъ, имѣлъ въ немъ одного изъ самыхъ блестящихъ и счастливыхъ Донъ-Жуановъ. У князя были десятки романовъ съ женщинами всевозможныхъ нацiй и ранговъ. Страсть къ женщинамъ, бывшая вмѣстѣ съ честолюбiемъ преобладающею стороною его натуры, не щадила даже родственныхъ связей. Не даромъ въ одной брошюрѣ современнаго ему автора Потемкинъ былъ названъ «Княземъ Тьмы».

Въ высшей степени интересны отношенiя князя къ его племянницамъ, урожденнымъ Энгельгардтъ. Отношенiя къ нимъ вельможнаго дяди, являвшагося сенсуалистомъ до полной распущенности, были совершенно не платоническаго характера. Какъ извѣстно, эти племянницы были вызваны въ Петербургъ, приближены ко двору и старанiями дяди получили блестящее свѣтское воспитанiе. Любимѣйшими изъ нихъ были—Александра,—впослѣдствiи графиня Браницкая,—на рукахъ которой и умеръ Потемкинъ, и Варвара, впослѣдствiи княгиня Голицына, которую Державинъ звалъ «Златовласою Плѣнирою». Благодаря не особенно нравственной школѣ дяди, племянницы отличались большою даже для того времени распущенностью нрава, такъ что одну изъ нихъ, Надежду, самъ князь звалъ «Надежда-безнадежная». Каждая изъ племянницъ, благодаря дядѣ, упрочивала свою судьбу и получала богатства. Мы приведемъ нѣкоторыя письма князя къ Варварѣ, изъ которыхъ увидимъ какъ характеръ ихъ отношенiй, такъ и то, какой искусникъ былъ князь «въ наукѣ страсти нѣжной» и какъ его мучила ревностью шустрая племянница. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ billet doux Потемкина:

«Прости, mon amour, mon âme, mon tout ce que j'aime!»

«Варинька, когда я люблю тебя до безконечности, когда мой духъ не имѣетъ, окрючь тебя, другой пищи, то если ты этому даешь

довольную цѣну: мудрено-ли мнѣ вѣрить, когда ты обѣщала меня любить вѣчно. Я люблю тебя, душа моя,—а какъ? Такъ, какъ еще никого не любилъ... Прости, божество милое; я цѣлую всю тебя».

«Варинька, жизнь моя, ангелъ мой! Пріѣзжай, голубушка, сударка моя, коли меня любишь...»

«Матушка, Варинька, душа моя, жизнь моя! Ты заспалась, дурочка, и ничего не помнишь... Я, идучи отъ тебя, тебя укладывалъ и расцѣловалъ и одѣлъ шлафрокомъ и одѣяломъ, и перекрестилъ...»

«Варинька, моя жизнь, красавица моя, божество мое; скажи, душа моя, что ты меня любишь, отъ этого я буду здоровъ, веселъ, счастливъ и покоенъ; моя душа, я весь полонъ тобою, моя красавица. Прощай, цѣлую тебя всю...»

Вотъ какъ писалъ «свѣтлѣйшій» Варинькѣ, называя ее «губки сладкія» и «улыбочка моя милая». Но эти «сладкія губки» за каждую свою ласку тянули и деньгами, и подарками и донимали постояннымъ, мучительнымъ надоѣдательствомъ о покровительствѣ и милостяхъ роднымъ и поклонникамъ. Эта племянница и другія ея сестры, какъ жадная стая, набрасывались на подряды, рекомендовали могущественному дядѣ подрядчиковъ и срывали съ послѣднихъ громадные куртажи.

Говоря объ отношеніяхъ дяди къ племянницамъ, мы должны упомянуть о слѣдующемъ фактѣ. Семенъ Романовичъ Воронцовъ, отправляя свою дочь въ началѣ царствованія Александра I въ Россію, говорилъ, что онъ этого не рѣшился-бы сдѣлать при Потемкинѣ.

Кромѣ романовъ съ племянницами, у князя было безконечное количество другихъ. Даже во время самыхъ тяжелыхъ дней долгой осады Очакова у него, въ роскошной землянкѣ, былъ цѣлый гаремъ красавицъ.

Мы не имѣемъ возможности перечислять всѣхъ любовныхъ похожденій «великолѣпнаго князя Тавриды». Понятно, что, обладая громадными средствами и могуществомъ и любя этотъ спортъ, онъ не зналъ препятствій въ исполненіи желаній. Однако, хотя многіе его панегиристы и говорятъ, что онъ оставался красавцемъ до конца, очаровывая женщинъ, но всего вѣрнѣе предположить, что послѣднія толпами набрасывались на «свѣтлѣйшаго» въ его даже почтенные годы только потому, что видѣли въ немъ источникъ всѣхъ благъ, которыя такъ высоко цѣнятся на землѣ низменными людями.

Заканчивая разсказъ о любовныхъ приключеніяхъ князя, мы должны упомянуть и о томъ, что ревнивый Потемкинъ не стѣснялся устранять счастливыхъ соперниковъ въ ухаживаніи очень неблаговидными средствами. Упомянемъ объ одномъ изъ извѣстныхъ примѣровъ мести Потемкина счастливому сопернику. Это—маіоръ Щегловскій, сосланный въ Сибирь за то, что приглянулся ка-

кой-то знатной польской паннѣ, за которою ухаживалъ самъ могущественный Донъ-Жуанъ.

Однако, жизнь, хотя и исполненная внѣшняго блеска и могущества, но не согрѣтая плодотворнымъ, сознательнымъ и благороднымъ стремленіемъ къ опредѣленной цѣли; жизнь, неосвѣщенная теплымъ отношеніемъ къ ближнему; существованіе, главнымъ стимуломъ котораго является честолюбіе—такая жизнь не способна удовлетворять натуры недюжинныя. То же испыталъ на себѣ и Потемкинъ.

Червь честолюбія грызъ ему сердце. При его страшной гордости, всякое предпочтеніе, оказанное другому, приводило его въ бѣшенство. Хотя онъ и былъ могущественнымъ человѣкомъ, но и его пугала порою мысль о возможности измѣненія его положенія. Не зная удержу своимъ страстямъ и удовлетворяя всѣ желанія, извѣдавъ все, что только можно было въ области матеріальныхъ благъ, онъ испыталъ страшную скуку пресыщенія. Власть избаловала его: едва только удовлетворялось одно желаніе, за нимъ возникали новыя и новыя... Несмотря на то, что его окружали толпы подобострастно кланявшихся людей, онъ чувствовалъ себя одинокимъ и въ душѣ своей не находилъ плодотворной силы, чтобы сносить это тяжелое нравственное одиночество. Его тяготилъ золотой вѣнецъ могущества или, какъ въ прекрасномъ стихотвореніи Лермонтова, князь чувствовалъ, что онъ

. . . . . одинъ,
Какъ замка мрачнаго, пустаго
Ничтожный властелинъ...

Хотя у Потемкина и была «желѣзная» натура одного изъ богатырей прошлаго вѣка, но безпорядочная жизнь подтачивала и его крѣпкое здоровье. А физическіе недуги еще болѣе усугубляли его порою ужасное нравственное состояніе. Не мудрено, что могущественный князь, можетъ быть, и казавшійся другимъ безконечно счастливымъ, порою испытывалъ припадки мрачной хандры и нѣмого отчаянія, въ которые къ нему боялись подступиться. Или пресыщенный благами жизни вельможа заполнялъ пустоту своей души невозможными выходками: капризами, причудами и почти юродствомъ.

Во время припадковъ меланхоліи неумытый, неодѣтый и нечесанный князь валялся по цѣлымъ недѣлямъ въ своей спальнѣ или отдавался глубокимъ религіознымъ настроеніямъ. Въ немъ развилось суевѣріе. «Онъ воображаетъ,—говоритъ про религіозность князя де-Линь,—что любитъ Бога, а самъ боится дьявола, котораго считаетъ сильнѣе и могущественнѣе самого Потемкина».

Князь самъ называлъ себя «l'enfant gâté de Dieu». Иногда на него находила совершенно неожиданно для окружающихъ тоска. Однажды, напримѣръ, князь за столомъ былъ очень веселъ, любезенъ, говорилъ, шутилъ, а потомъ сталъ задумчивъ, грустенъ и сказалъ: «Можетъ-ли человѣкъ быть счастливѣе меня? Все, чего желалъ я, всѣ прихоти мои исполнялись какъ будто какимъ очарованіемъ: хотѣлъ чиновъ и орденовъ—имѣю; любилъ играть—проигрывалъ суммы несчетныя; любилъ давать праздники—давалъ великолѣпные; любилъ дорогія вещи—имѣлъ столько, что ни одинъ частный человѣкъ не имѣетъ такъ много и такихъ рѣдкихъ; словомъ, всѣ страсти мои въ полной мѣрѣ выполнялись». Проговоривъ это, онъ бросилъ фарфоровую тарелку на полъ, разбилъ ее въ дребезги, ушелъ въ спальню и заперся тамъ.

Было-бы напрасною попыткою передать въ краткомъ очеркѣ обо всѣхъ тѣхъ выходкахъ и причудахъ, которыми князь утолялъ свою тоску и пресыщеніе: на это-бы понадобились фоліанты. Будучи гурманомъ и пресытившись тонкостями иностранной кухни, обжираясь пастетами, трюфелями и ананасами, онъ иногда чувствовалъ неодолимую потребность поѣсть соленыхъ огурцовъ, рѣдьки, клюквы, капусты. За всѣми этими продуктами посылались, даже изъ подъ Очакова, безчисленные курьеры, скакавшіе дни и ночи, загонявшіе лошадей и выбивавшіе зубы ямщикамъ для того, чтобъ поспѣть съ какою-нибудь диковинною рѣдькою, икрою или калужскимъ тѣстомъ къ «свѣтлѣйшему» Эти-же курьеры во время войны—скакали въ Парижъ или другой какой-нибудь заграничный пунктъ за покупками башмаковъ, лентъ и другихъ бездѣлушекъ для безчисленныхъ любимицъ князя.

Князь забавлялся съ бриллiантами и другими драгоцѣнными камнями, пересыпалъ ихъ изъ руки въ руку, любуясь ихъ блескомъ, или раскладывалъ разнообразными фигурами. Въ одеждѣ Потемкина замѣчались рѣзкіе переходы: то онъ ходилъ въ солдатскомъ мундирѣ изъ грубаго сукна, то его платье было страшно тяжело отъ унизывавшихъ его драгоцѣнностей. Кстати сказать, эта привычка вельможъ прошлаго времени украшать себя бриллiантами, бывшая сродни азіатской роскоши и нашедшая высшее выраженіе въ одеждѣ—въ торжественные дни—Потемкина, справедливо изумляла иностранцевъ и давала имъ поводъ дѣлать о русской знати обидныя замѣчанія. До чего былъ роскошенъ ассортиментъ украшеній у Потемкина, видно изъ того, что у него, напримѣръ, одинъ бриллiантовый эполетъ стоилъ 400.000 р.! Были пуговицы и пряжки на башмаки, стоившія десятковъ тысячъ...

Все, что ни дѣлалъ «великолѣпный князь Тавриды» — все это было запечатлѣно роскошью и фантастическимъ чудачествомъ или въ лучшемъ случаѣ — оригинальничаньемъ. Въ числѣ этихъ забавъ его были и пиры, о самомъ знаменитомъ изъ которыхъ мы скажемъ ниже.

При князѣ дежурилъ не малый штабъ забавниковъ. Были шуты, изъ которыхъ особенно извѣстенъ Моссе, забавлявшій князя своими выдумками и остротами. Мы уже ранѣе сказали, что князь возилъ съ собою раскольниковъ и иновѣрцевъ и забавлялся ихъ распрями. Онъ выписалъ къ себѣ купца изъ Тулы, отлично игравшаго въ шахматы. Узнавъ, что въ Херсонѣ есть чиновникъ, умѣющій хорошо передразнивать извѣстныхъ лицъ, князь немедленно выписалъ его къ себѣ, и приказалъ показать искусство, передразнить и его, князя, — а затѣмъ отпустилъ. Мимолетные капризы властелина исполнялись немедленно.

Одинъ изъ безчисленныхъ адъютантовъ князя Спечинскій, жившій въ Москвѣ и считавшійся въ отпуску, получилъ приказъ немедленно явиться къ должности, подъ Очаковъ. Родственники засуетились: одни боятся немилости «свѣтлѣйшаго», другіе чуютъ неожиданное счастье. Молодой человѣкъ, наскоро снарядившись, скачетъ день и ночь и является въ лагерь Потемкина. О немъ немедленно докладываютъ. Князь приказываетъ явиться. Адъютантъ съ трепетомъ входитъ въ его палатку и находитъ Потемкина въ постели, со святцами въ рукахъ. Между ними происходитъ слѣдующій діалогъ:

— Ты, братецъ мой, адъютантъ такой-то? спрашиваетъ князь.

— Точно такъ, ваша свѣтлость! отвѣчаетъ Спечинскій, ни живъ, ни мертвъ.

— Правда-ли, что ты святцы знаешь наизусть!

— Точно такъ.

Потемкинъ смотритъ въ святцы и спрашиваетъ:

— Какого-же святого празднуютъ 18 мая?

— Мученика Θеодота, ваша свѣтлость!

— Такъ. А 29 сентября?

— Преподобнаго Киріака.

— Точно. А 5 февраля?

— Мученицы Агафьи, ваша свѣтлость.

Потемкинъ закрылъ святцы и закончилъ аудіенцію словами:

— Ну, поѣзжай себѣ домой!

Къ числу довольно странныхъ выходокъ князя нужно отнести и то, что, разбрасывая безъ преувеличенія милліоны на пустяки, онъ не любилъ платить своихъ долговъ, обижая иногда и очень бѣдныхъ кредиторовъ. Такъ онъ не желалъ уплатить долга часовщи-

ку Фази 1.400 р. и только тогда, когда императрица заступилась за этого швейцарца, князь приказалъ отдать помянутую сумму *мѣдными* деньгами, такъ что ими пришлось наполнить цѣлыхъ двѣ комнаты. Когда кредиторъ являлся къ князю, послѣдній обыкновенно звалъ правителя своей канцеляріи Попова и, спрашивая, почему долгъ не отданъ,—дѣлалъ условный знакъ, по которому Поповъ и судилъ, уплатить деньги или нѣтъ.

Въ этихъ капризахъ и выходкахъ достаточно обрисовывается какъ могущество Потемкина, такъ и его больная, пресыщенная душа, жаждавшая избавиться отъ тоски.

Вскорѣ князь завершилъ блестящею феэріею свои выходки и удовлетворилъ страсти къ громадному и изумительному. Онъ, какъ опытный режиссеръ, поставилъ великолѣпное зрѣлище. Ареною для этого спектакля служилъ край, которому князь посвятилъ свои силы и таланты и гдѣ онъ царилъ; статистами и актерами—населеніе, собранное изъ разныхъ пунктовъ пустынной страны, а зрителями—нѣсколько монарховъ и блестящая плеяда царедворцевъ. Мы говоримъ о знаменитомъ путешествіи Екатерины II въ Тавриду и Новороссію, совершенномъ при блестящей обстановкѣ въ 1787 г.

ГЛАВА V.

Путешествіе Екатерины II на Югъ.

Дѣянія Екатерины. — Шаблонность историческихъ оцѣнокъ. — Потемкинъ — вѣрный и способный помощникъ государыни. — Его заботы о Новороссіи и дѣятельность.—Причины поѣздки Екатерины на Югъ.—Подготовка спектакля Потемкинымъ.—Блестящій кортежъ съ коронованными особами.—Подробности спектакля.—Римскія галеры.—Хандра князя въ Кіевѣ.—Разсказъ Черткова о чудесахъ Потемкина.—Встрѣча съ Понятовскимъ.—Гордый князь цѣлуетъ у Понятовскаго руку. — Блестящіе эскадроны. — Встрѣча съ Іосифомъ II.—Въѣздъ въ Херсонъ на колесницѣ.—Крымъ.—Татарская гвардія.—Стихи въ честь князя.—Эффектная сцена въ Инкерманѣ—Отзывъ Іосифа о Потемкинѣ.—Ангорскія козы.—Симферополь и Карасубазаръ.—Отзывы Гельбига.—Впечатлѣнія поѣздки.—Благодарность императрицы.—Ея письма.

Самая счастливая эпоха, наполненная громкими дѣлами Екатерины, совпадаетъ со временемъ могущества Потемкина и вліяніемъ его на государыню.

Въ задачу нашего очерка не входитъ подробное разсмотрѣніе всѣхъ событій того времени и положенія европейскихъ державъ, но мы должны назвать главныя изъ подвиговъ Екатерины по внѣш-

ней политикѣ: завоеваніе преобладающаго значенія въ Европѣ, блестящія турецкія войны, шведскую войну, раздѣлъ Польши, мирное пріобрѣтеніе Крыма, Тамани и при-кубанскихъ странъ Кажется, трудно спорить противъ того, что главные подвиги Екатерины II относятся больше къ области внѣшней политики. Были, конечно, и значительныя внутреннія реформы: учрежденіе губерній, основаніе государственнаго банка и проч. Но на ряду съ этимъ, какъ извѣстно. происходили и явленія совсѣмъ иного порядка...

Вообще говоря, большинство историковъ довольствуется во взглядѣ на исторію еще достаточно шаблонными пріемами. Наши взгляды не привыкли еще подробно и вѣрно различать историческія перспективы: при взглядѣ, напримѣръ, на Екатерининскую эпоху, мы видимъ блескъ знаменитыхъ побѣдъ, роскошный дворъ, умную государыню, и намъ кажутся мелкими подробностями темныя пятна картины... Если-бы историки отрѣшились отъ шаблонныхъ маперъ заполнять картину блескомъ, а отводили-бы законное мѣсто и темнымъ пятнамъ, то, можно ручаться, что многія изображенія самыхъ знаменитыхъ эпохъ въ исторіи утратили-бы свой элегантный блескъ и радужныя краски.

Во всѣхъ великихъ дѣяніяхъ Екатерины былъ совершителемъ или подготовителемъ великолѣпный князь Тавриды. Другіе громкіе дѣятели начала ея царствованія и друзья государыни постепенно сходили со сцены. Панинъ, Григорій Орловъ и Захаръ Чернышевъ умерли,—и Потемкинъ все меньше и меньше встрѣчалъ соперниковъ по способностямъ и значенію.

Князь за свою дѣятельность вознаграждался баснословно щедро государыней: чинами, деньгами и дворцами, причемъ Потемкинъ не стѣснялся продавать разъ уже полученное, чтобъ снова этимъ завладѣть: такъ было, какъ извѣстно, съ дворцами Аничковскимъ и Таврическимъ, дважды ему подаренными. Всѣ русскіе ордена были уже у него, въ томъ числѣ и недавно учрежденный орденъ св. Владиміра, котораго онъ былъ однимъ изъ первыхъ кавалеровъ. Въ началѣ 1784 года онъ былъ пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ и президентомъ военной коллегіи, генералъ-губернаторомъ Крыма и сдѣланъ шефомъ кавалергардскаго корпуса. Эти новыя званія еще болѣе расширяли сферу власти князя, и такъ подавлявшаго современниковъ своимъ могуществомъ. Но главныя заботы въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія свѣтлѣйшій посвящалъ Новороссіи и Тавридѣ, его любимымъ дѣтищамъ. Мы уже говорили о томъ, что присоединеніе Крыма, Тамани и Прикубанской области было величай-

шею государственною заслугою князя. Онъ это зналъ, гордился этимъ и хотѣлъ устройствомъ помянутыхъ областей докончить начатое. Эти заботы занимали князя долгій срокъ, что было довольно необычнымъ явленіемъ для свѣтлѣйшаго, умѣвшаго выдумывать и начинать геніальные проекты, но у котораго нехватало терпѣнія долго заниматься ими и возиться со скучными подробностями исполненія. Съ начала восьмидесятыхъ годовъ, какъ сказано выше, мы видимъ князя въ Крыму и Новороссіи, гдѣ онъ развиваетъ кипучую дѣятельность: строитъ флотъ, крѣпости, организуетъ войска, основываетъ города, привлекаетъ поселенцевъ, изрѣдка лишь наѣзжая въ Петербургъ. Мы уже, говоря о греческомъ проектѣ, указали на важность этой дѣятельности князя, интересовавшей глубоко и императрицу. Эти работы Потемкина уже по одному тому должны были привлекать вниманіе государыни и современниковъ, что онѣ поглощали громадныя суммы, расходовавшіяся княземъ безконтрольно. До императрицы доходили слухи о неправильной тратѣ денегъ и, вообще, о безполезности этихъ работъ и дѣятельности Потемкина и ей, можетъ быть, частью лично хотѣлось провѣрить эти слухи, хотя подобное предположеніе гадательно. Скорѣе всего желаніе императрицы ѣхать въ Крымъ и Новороссію возникло отчасти по горячимъ просьбамъ князя, хотѣвшаго поразить государыню созданнымъ имъ цѣлымъ царствомъ, отчасти, можетъ быть, по причинамъ политическимъ: сдѣлать демонстрацію противъ Турціи и повидаться съ монархами сосѣднихъ странъ, а также показать себя народу и узнать страну.

Какъ бы то ни было, но объ этой поѣздкѣ говорилось въ придворныхъ сферахъ еще въ 1784 г. Изъ писемъ Екатерины видно, что она собиралась совершить вояжъ и раньше 1787 года, но боялась чумы, еще не оставившей нашего юга. Эта поѣздка, наконецъ состоявшаяся въ началѣ 1787 года и послужившая одною изъ причинъ послѣдовавшей за тѣмъ турецкой войны, была совершена при такой обстановкѣ, которая возможна только или въ сказкѣ, или при могуществѣ Потемкина.

Но прежде, чѣмъ разсказывать объ этомъ феерическомъ путешествіи, мы сдѣлаемъ нѣсколько предварительныхъ объясненій. Князь долго подготовлялъ свой тріумфъ и потратилъ громадныя средства. Онъ хотѣлъ безраздѣльно пожать лавры за свои дѣянія и постарался обезопасить себя отъ нѣкоторыхъ невыгодныхъ для него обстоятельствъ. Расказываютъ, что князь удалилъ отъ себя къ пріѣзду Екатерины лично извѣстнаго ей генерала Тутолмина, своего энергичнаго и талантливаго помощника, чтобы онъ не раздѣлялъ

съ нимъ благодарности повелительницы. Желая, чтобы Румянцевъ, бывшій малороссійскимъ генераломъ-губернаторомъ, не могъ соперничать съ нимъ въ блескѣ пріема государыни, Потемкинъ устроилъ такъ, что Задунайскому не отпускали денегъ, между тѣмъ какъ самъ свѣтлѣйшій бралъ ихъ отовсюду.

Князь уже въ 1786 году отправился въ свое владѣніе для подготовленій къ встрѣчѣ государыни. Императрица, сопровождаемая Мамоновымъ и блестящею огромною свитою, выѣхала изъ Петербурга, или вѣрнѣе изъ Царскаго Села, 7-го января 1787 г.— «осмотрѣть свое маленькое хозяйство», какъ она шутливо выражалась. Ея старшій и вѣрный приказчикъ ничего не упустилъ для того, чтобы представить ввѣренную ему часть въ блестящемъ видѣ и достойно встрѣтить хозяйку. Съ конца 1784 г. уже начались дѣятельныя приготовленія: Потемкинъ тогда еще отправлялъ— можетъ быть, ранѣе ожидая государыню,—бригадиру Синельникову и другимъ подчиненнымъ ордера съ расписаніемъ, гдѣ должны были строиться дворцы для государыни, по набросаннымъ свѣтлѣйшимъ проектамъ, обѣденные столы, станціи, на которыхъ повелительница должна была останавливаться. Но главныя приготовленія на югѣ происходили уже въ присутствіи самого князя. Можетъ быть достаточно уже насоливши мѣстному населенію, онъ старался въ это время его задобрить, чтобы императрицѣ представить мирную картину довольныхъ администраторомъ обывателей. Въ Кременчугѣ и другихъ городахъ свѣтлѣйшій давалъ балы, роскошныя пиршества и концерты, собиравшіе грековъ, сербовъ, молдаванъ и другія народности, которымъ импонировалъ, конечно, блескъ, окружавшій могущественнаго сатрапа. Тысячи рабочихъ, пригнанныхъ изъ разныхъ областей государства, трудились надъ созданіемъ Екатеринослава,—города, который въ пылкихъ мечтаніяхъ Потемкина долженъ былъ возвѣщать въ вѣка славу «Великой» и превзойти величайшіе города Европы, но которому судьба, какъ бы въ насмѣшку надъ планомъ князя, судила быть обыкновеннымъ губернскимъ захолустьемъ, похожимъ какъ двѣ капли воды на другіе города Россіи. Кременчугу приказано было быть похожимъ на столицу. Взрывались днѣпровскіе пороги, устраивались дороги, дворцы и даже цѣлые города: такъ возникли Алешки, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Херсона; еще въ октябрѣ 1786 года этого города совсѣмъ не существовало, а уже въ апрѣлѣ слѣдующаго—онъ былъ отстроенъ, заселенъ малороссіянами и запорожцами. Были приняты энергическія мѣры, чтобы въ разныхъ мѣстахъ, черезъ которыя проѣзжала

4*

императрица, ее встрѣчали и привѣтствовали толпы татаръ, киргизовъ, нагайцевъ и туркменъ.

Устройство дороги въ Крымъ черезъ Кизикерманъ и Перекопъ, по которой долженъ былъ прослѣдовать царственный кортежъ, поручено было полковнику Корсакову при такихъ инструкціяхъ свѣтлѣйшаго: «Сдѣлать богатою рукой, чтобы не уступала римскимъ. Я назову ее Екатерининскій путь». На Днѣпрѣ строились десятки роскошныхъ галеръ въ римскомъ вкусѣ, на которыхъ плыло потомъ 3000 человѣкъ. Самая роскошная была для императрицы «Днѣпръ», построенная съ необычайною пышностью, и «Бугъ» для самого виновника этой единственной въ своемъ родѣ исторической феерія. «Десна» предназначалась для громадной столовой, въ которой императрица давала торжественные обѣды. Вся исторія обновленія «полуденнаго края» и приготовленія его къ встрѣчѣ государыни напоминаетъ по своей размашистости, великолѣпію и обилію принесенныхъ жертвъ затѣи римскихъ царей, сбиравшихъ дани съ цѣлаго міра для увѣковѣченія пышными затѣями своего владычества и воздвигавшихъ постройки, удивлявшія потомковъ. Мы уже говорили объ отзывѣ императора Іосифа II о произведенныхъ Потемкинымъ чудесахъ.

Императрица потому уже должна была придти въ восторгъ отъ всего видѣннаго во владѣніяхъ любимца, что въ малороссійскомъ генералъ-губернаторствѣ Румянцева (котораго императрица неособенно любила), лишенномъ колоссальныхъ средствъ, бывшихъ у Потемкина, видѣли только обыкновенную, печальную, скромную и сѣренькую Русь.

Потемкинъ встрѣтилъ государыню въ Кіевѣ, гдѣ она пробыла довольно долго, частью задерживаемая княземъ, доканчивавшимъ приготовленія къ изумительному спектаклю, котораго свидѣтелемъ былъ конецъ прошлаго вѣка. Князь ничего не забылъ даже о самыхъ небольшихъ бутафорскихъ вещахъ: онъ успѣвалъ прослушивать торжественнуюораторію, приготовленную къ пріѣзду Екатерины извѣстнымъ итальянскимъ капельмейстеромъ Сарти. Самъ же свѣтлѣйшій собственноручно написалъ тему, которую долженъ былъ развить въ своемъ привѣтственномъ словѣ Екатеринѣ витія архіепископъ Екатеринославскій и Таврическій Амвросій. На тріумфальныхъ воротахъ въ Перекопѣ по приказанію князя красовалась надпись: «Предпослала страхъ и принесла миръ».

Разсказываютъ, впрочемъ, что во время пребыванія въ Кіевѣ на князя напалъ припадокъ страшной хандры, которая такъ часто его посѣщала даже на недосягаемой высотѣ власти. Онъ не все время жилъ

во дворцѣ, а пребывалъ въ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ его окружала многочисленная толпа льстецовъ, жаждавшая милостей. Во время этихъ припадковъ хандры трудно было приступиться къ князю. Онъ не стѣснялся оказывать полное неуваженіе даже такимъ лицамъ, какъ графъ Румянцевъ. А знатные и чванливые польскіе паны, прибывшіе въ Кіевъ и составлявшіе оплотъ русской партіи въ Польшѣ, выносили отъ князя страшныя грубости.

Но чуть только путешественники вступили въ собственныя владѣнія князя—его хандра пропала: начался торжественный тріумфъ свѣтлѣйшаго и единодушныя рукоплесканія знатнаго партера.

Нужно сказать, что враги и завистники князя нашептывали Екатеринѣ недобрыя рѣчи. Они говорили, что громадныя суммы, взятыя княземъ изъ казны, издержаны на личныя его прихоти, что никакого флота, городовъ, крѣпостей въ краю нѣтъ и что это пріобрѣтеніе, которымъ гордился князь, стоило мало и въ государственномъ смыслѣ. И тѣмъ пріятнѣе государынѣ было убѣдиться, что все это оказалось напраслиною, возведенною на «дорогого ученика» Екатерины, какъ называла она князя.

Много есть въ литературѣ разсказовъ о впечатлѣніи, произведенномъ на современниковъ чудесами Потемкина. Мы приведемъ только изъ записокъ Гарновскаго сообщеніе Черткова, человѣка неспособнаго къ безшабашной лести.

«Я былъ съ его свѣтлостью,—разсказываетъ Чертковъ,—въ Тавридѣ, Херсонѣ и Кременчугѣ мѣсяца за два до пріѣзда туда Ея Величества. Нигдѣ ничего тамъ не было отмѣннаго; словомъ, я сожалѣлъ, что онъ позвалъ туда государыню по пустому. Пріѣхалъ съ нею, Богъ знаетъ что тамъ за чудеса явилися. Чортъ знаетъ, откуда явилися строенія, войска, людство, татарва, одѣтая прекрасно, казаки, корабли... Какое изобиліе въ яствахъ, напиткахъ, словомъ, во всемъ,—ну, знаешь,—такъ что придумать нельзя, чтобы пересказать порядочно. Я иногда ходилъ, какъ во снѣ, право, какъ сонный—самъ себѣ не вѣрилъ ни въ чемъ, щупалъ себя: я ли? гдѣ я? не мечту ли, не привидѣніе ли вижу? Ну, надобно правду сказать: ему, ему только одному можно такія дѣла дѣлать, и когда онъ успѣлъ все это сдѣлать?»

Только чародѣй Потемкинъ могъ продѣлывать такія вещи.

Мы должны отмѣтить нѣкоторыя подробности этого знаменитаго путешествія, послѣдствіемъ котораго былъ окончательный разрывъ нашъ съ Турціей.

Громадная флотилія галеръ двигалась торжественно по Днѣпру, окруженная со всѣхъ сторонъ шлюпками и челноками. Въ нѣкоторыхъ, наиболѣе живописныхъ мѣстахъ, путники останавливались.

Осматривали берега, по которымъ толпился по праздничному разодѣтый народъ и гдѣ стрѣляли изъ пушекъ, происходили маневры казаковъ, фейерверки Въ Каневѣ состоялось свиданіе Екатерины съ польскимъ королемъ, причемъ современники отмѣтили интересный фактъ для гордаго и могущественнаго Потемкина. При встрѣчѣ съ Станиславомъ Понятовскимъ князь поцѣловалъ у него руку! Это объясняли тѣмъ, что въ то время у временщика, можетъ быть, возникло неустойчивое желаніе получить польскую корону, а такъ какъ по законамъ польскимъ королемъ могъ быть только гражданинъ этого государства и подданный его, то цѣлованіемъ руки у Станислава Августа Потемкинъ торжественно свидѣтельствовалъ свои чувства къ Польшѣ. Какъ бы то ни было, но польскій король и Потемкинъ расстались друзьями, и могущество временщика видно уже изъ того факта, что многіе, посвященные въ дѣла политическія, современники приписывали добрымъ чувствамъ князя къ Понятовскому то обстоятельство, что послѣдній еще нѣсколько лѣтъ продержался на тронѣ.

Съ Кременчуга началось полное торжество Потемкина: съ этого города сразу бросалась въ глаза разница съ только что оставленнымъ малорусскимъ намѣстничествомъ и въ особенности въ устройствѣ военной части. Сомнѣнія, внушенныя государынѣ насчетъ «легкоконныхъ» полковъ, сформированныхъ свѣтлѣйшимъ, сразу разсѣялись, когда Екатерина, высадившись въ Кременчугѣ, увидѣла 60 или 70 блестящихъ эскадроновъ, мчавшихся въ карьеръ на встрѣчу своей повелительницѣ.

— О какъ люди злы! сказала она, указывая на бравую конницу, князю де-Линь, сопровождавшему въ числѣ другихъ дипломатовъ государыню.—Какъ имъ хотѣлось обмануть меня!

Для императрицы въ Кременчугѣ было приготовлено великолѣпное помѣщеніе съ прекраснымъ садомъ. Письма Екатерины къ невѣсткѣ и другимъ лицамъ были восторженны: государыня очаровалась всѣмъ видѣннымъ уже на полдорогѣ, между тѣмъ, какъ дальше, въ Крыму, ее ожидали еще большія чудеса. За Кременчугомъ Екатерина встрѣтилась съ императоромъ Іосифомъ II, путешествовавшимъ подъ именемъ графа Фалькенштейна, и блестящій кортежъ включилъ еще новую царственную особу. Хотя Іосифъ II и былъ строгимъ критикомъ Екатерины и въ особенности Потемкина, но и онъ былъ побѣжденъ многимъ изъ видѣннаго.

Мы не можемъ слѣдить подробно за этою увеселительною поѣздкой Екатерины, но должны отмѣтить ея наиболѣе интересные дальнѣйшіе моменты. Въ Херсонъ Екатерина въѣхала въ великолѣпной

колесницѣ, въ которой сидѣла съ Іосифомъ II и Потемкинымъ. Крѣпость, арсеналъ со множествомъ пушекъ, три готовыхъ на верфяхъ корабля, нѣсколько церквей, красивыя зданія, купеческія суда въ портѣ — вотъ что увидѣли изумленные путники на мѣстѣ, гдѣ за 7, 8 лѣтъ передъ тѣмъ была лишь пустынная степь. Восторгъ государыни не зналъ предѣловъ, хотя ее, такъ сказать, ввезли въ этотъ городъ «парадныиъ ходомъ», между тѣмъ какъ Іосифъ II и другіе спутники ея, шныряя по закоулкамъ города и осматривая все, находили недостатки въ исполненіи фортификаціонныхъ работъ, въ постройкѣ кораблей и проч.

Чудная природа Крыма, великолѣпное Черное море, ласкающій. нѣжащій воздухъ, роскошныя горныя панорамы еще сильнѣе подѣйствовали на государыню. Ея письма отсюда къ Гримму и другимъ лицамъ полны дифирамбовъ волшебнику Потемкину. Въ Бахчисараѣ она написала похвальные французскіе стихи въ честь князя, рифмы и достоинства которыхъ не особенно соотвѣтствовали высокому положенію автора. Со времени въѣзда въ Тавриду экипажъ Екатерины окружала блестящая татарская гвардія, составленная Потемкинымъ изъ родовитыхъ мурзъ. Ихъ яркіе костюмы и джигитовка приводили въ восторгъ даже скептика Іосифа II. Но, кажется, самое эффектное зрѣлище было въ Инкерманѣ. Въ спеціально построенномъ для императрицы дворцѣ во время обѣда вдругъ отдернули занавѣсъ, закрывавшій видъ съ балкона; какъ бы по мановенію волшебнаго жезла мурзы и казаки разсыпались въ стороны, и зрители увидѣли великолѣпную Севастопольскую гавань, гдѣ стояли десятки большихъ и малыхъ кораблей,—зачатокъ славнаго Черноморскаго флота. Открылась пальба изъ всѣхъ пушекъ. Екатерина сіяющая, съ огненнымъ взглядомъ провозглашала тосты. Послѣ обѣда государыня вмѣстѣ съ Іосифомъ II поѣхала въ Севастополь на особой шлюпкѣ, заказанной спеціально Потемкинымъ въ Константинополѣ и совершенно сходной съ султанской. Іосифъ II былъ въ восхищеніи отъ гавани и пророчилъ ей великую будущность. И вотъ что онъ писалъ послѣ этого: «Императрица въ восторгѣ отъ такого приращенія силъ Россіи. Князь Потемкинъ въ настоящее время всемогущъ, и нельзя вообразить себѣ, какъ всѣ за нимъ ухаживаютъ». Въ числѣ этихъ ухаживателей былъ и самъ царственный корреспондентъ. Для проѣзда изъ Севастополя по Байдарской долинѣ, тогда почти цѣликомъ принадлежавшей Потемкину, была также устроена новая дорога. Нужно сказать, что князь порою не особенно церемонился съ гостями. Онъ непремѣнно хотѣлъ показать имъ въ одномъ

изъ своихъ имѣній двухъ ангорскихъ козъ, необычайной красоты, и повезъ знатныхъ путешественниковъ по такой убійственной дорогѣ, что придворные экипажи оказались значительно попорченными. Въ Акмечети (Симферополѣ) путники увидѣли садъ въ англійскомъ вкусѣ, который все таки успѣлъ развести князь, а въ Карасубазарѣ, гдѣ онъ имѣлъ прекрасный дворецъ, окруженный садомъ, съ фонтанами и искусственными водопадами, и гдѣ успѣлъ также построить дворецъ и для императрицы,—всѣ были изумлены сказочнымъ фейерверкомъ изъ 300.000 ракетъ.

Вотъ при какой фантастически роскошной обстановкѣ путешествовала Екатерина. Все это невольно напоминаетъ намъ разсказы изъ «Тысячи и одной ночи».

Но наряду съ панегиристами князя были и совершенные антиподы во взглядѣ на его дѣятельность и это сказочное путешествіе. Неоспоримый фактъ, что многое въ помянутой обстановкѣ было показное и достигнуто лишь съ большими жертвами. Но нѣкоторые суровые критики свѣтлѣйшаго, къ числу которыхъ принадлежитъ напр. Гельбигъ, разсказываютъ совершенно невѣроятныя вещи: что большая часть селеній, показанныхъ на пути императрицѣ, были не что иное, какъ театральныя декораціи. Ей показывали нѣсколько разъ одно и то же огромное стадо скота, которое по ночамъ перегоняли съ мѣста на мѣсто. Вмѣсто муки въ мѣшкахъ,—въ интендантскихъ складахъ былъ песокъ и, наконецъ, благодаря полицейскимъ распоряженіямъ, толпы людей, пригнанныхъ издалека, украшали дорогу, по которой ѣхала государыня. Весьма возможно, что кое что въ ходившихъ разсказахъ и было справедливо, въ особенности послѣднее—о «сгонѣ» народа. Но многое въ этихъ разсказахъ, представляющее свѣтлѣйшаго только ловкимъ шарлатаномъ, не можетъ никакимъ образомъ считаться справедливымъ. Правда были несомнѣнно грустные факты: выселеніе татаръ въ Турцію, запустѣніе великолѣпныхъ садовъ, посаженныхъ по велѣніямъ князя, болѣзни и проч. Было много широкихъ неисполнимыхъ начинаній, заброшенныхъ княземъ (вродѣ знаменитаго собора въ Екатеринославѣ, который долженъ былъ на «аршинчикъ» превзойти вышиною могучаго Петра въ Римѣ); но все-таки нужна была его энергія, фантазія, умъ и способности, нужно было, наконецъ, могущество князя, чтобы сдѣлать то хорошее, что дѣйствительно было сдѣлано въ недавно еще управляемомъ имъ краю.

Громадныя награды и наименованіе «Таврическій» были удѣломъ князя послѣ отъѣзда государыни, съ которою онъ разстался въ Харьковѣ.

Долго еще отголоски этого путешествія стояли въ Россіи и Европѣ. Екатерину сопровождали многіе посланники и они въ своихъ письмахъ разнесли по всѣмъ странамъ вѣсти о могуществѣ и великолѣпіи князя Тавриды. Но лучшею наградою его были письма государыни, которая долго не могла забыть видѣннаго.

«А мы здѣсь чванимся, — пишетъ она князю на возвратномъ пути изъ села Коломенскаго,—ѣздою и Тавридою, и тамошними генералъ-губернаторскими распоряженіями, кои добры безъ конца и во всѣхъ частяхъ».

Изъ Твери: «Я тебя и службу твою, исходящую изъ чистаго усердія, весьма, весьма люблю, и самъ ты — безцѣнный; сіе я говорю и думаю ежедневно».

Изъ Царскаго Села: «Другъ мой сердечный, Григорій Александровичъ! Третьяго дня окончили мы свое шеститысячеверстное путешествіе и съ того часа упражняемся въ разсказахъ о прелестномъ положеніи мѣстъ Вамъ ввѣренныхъ губерній и областей, о трудахъ, успѣхахъ, радѣніи и усердіи и попеченіи, и порядкѣ, Вами устроенномъ повсюду, и такъ, другъ мой, разговоры наши, почти непрестанные, замыкаютъ въ себѣ либо прямо, либо сбоку, твое имя, либо твою работу“.

Эти письма достаточно ясно рисуютъ какъ воспоминанія Екатерины о пережитыхъ впечатлѣніяхъ во время вояжа, такъ и ея искреннюю и глубокую благодарность къ старому другу.

Но за этою, начавшеюся тяжелымъ прологомъ работъ, поглотившихъ не малыя жертвы людьми и деньгами, веселою и великолѣпною поѣздкою Екатерины послѣдовалъ трагическій, кровавый финалъ: новая война съ Турціей, въ которой Потемкину пришлось играть роль полководца. И мы видимъ, что этотъ баловень счастья, почти не знавшій неудачъ, и все легко приводившій въ исполненіе, при неуспѣшномъ началѣ компаніи испытывалъ странное уныніе и готовъ былъ отказаться отъ многаго, что несомнѣнно составляло его лучшія дѣла.

Утомило ли бремя лѣтъ свѣтлѣйшаго и парализовало его душевныя силы, или онъ началъ ясно понимать неосуществимость своего широкаго плана, но только мы видимъ, что Потемкинъ въ первые мѣсяцы войны обнаруживалъ страшную нерѣшительность и отчаяніе. И тогда намъ представляется трогательное зрѣлище: Екатерина, старая годами, но бодрая духомъ, въ ласковыхъ задушевныхъ письмахъ вливаетъ свѣжую энергію въ душу тоскующаго и отчаявающагося громаднаго ребенка,—какъ называли Потемкина нѣкоторые современники.

ГЛАВА VI.

Очаковъ. Петербургъ и Измаилъ.

Отношенія къ Турціи.—Манифестъ о войнѣ.—Первыя неудачи.—Отчаяніе князя.—Ободряющія письма Государыни.—Первые успѣхи.—Приказъ эскадрѣ Войновича.—Побѣда при Кинбурнѣ.—Нетерпѣніе по поводу Очакова.—Князь жалѣетъ солдатъ.—Байронъ о Потемкинѣ.—Пиры князя.—Штурмъ Очакова.—Лютый морозъ.—Громадная добыча.—Радость по поводу взятія Очакова.—Пышная встрѣча князя.—Стихи Екатерины.—Проявленія силы князя.—Выѣздъ изъ Петербурга.—Знаменитыя побѣды.—Роскошь Потемкина.—„Тебе, Бога, хвалимъ“ съ пушками.—Новый романъ стараго селадона.—Переговоры о мирѣ.—Сцены въ ставкѣ князя.—Письмо Чернышева.—Штурмъ Измаила.

Наши отношенія съ Турціей давно уже были натянутыми. Потеря Крыма и другихъ владѣній на берегахъ Чернаго моря, демонстративная дѣятельность и нескрывавшіеся планы Потемкина, организовавшаго армію, строившаго флотъ, собравшаго массу артиллерійскихъ снарядовъ и оружія во ввѣренной ему странѣ, все это раздражало турокъ. А путешествіе Екатерины принято было за вызовъ. Послы иностранныхъ державъ—англійскій, французскій, прусскій, кромѣ представителя нашего союзника Іосифа II, которымъ было непріятно возвышеніе Россіи и возможность завладѣнія Чернымъ моремъ и Константинополемъ,—поддерживали задоръ турецкаго правительства. Все это не могло повести къ мирнымъ отношеніямъ и 13 августа 1787 г., вскорѣ послѣ отъѣзда Екатерины, нашъ посланникъ въ Константинополѣ Булгаковъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ, а 7 сентября того же года послѣдовалъ манифестъ о разрывѣ съ Турціей. Началась война, сначала печальная для Потемкина, но потомъ завершившаяся блистательными дѣлами: взятіемъ Очакова, Фокшанами, Рымникомъ, Мачиномъ и кровопролитнымъ, почти безпримѣрнымъ въ военной исторіи штурмомъ и взятіемъ неприступной твердыни Измаила. Изъ секретнаго рескрипта Екатерины къ Потемкину, относящемуся еще къ концу 1786 г., видно, какими громадными полномочіями снабжался князь въ вопросѣ отношеній къ туркамъ; ему предназначалась главная роль какъ въ веденіи войны, такъ и въ начинаніи военныхъ дѣйствій. Нашему послу Булгакову было предписано представлять донесенія какъ Императрицѣ, такъ и Потемкину, съ инструкціями котораго посолъ долженъ былъ сообразоваться. Безъ преувеличенія можно сказать, что главнымъ образомъ отъ Потемкина зависѣло начинать эту войну или предотвратить ее искусною политикой или

соотвѣтственными уступками. Показавъ блистательное состояніе края Государынѣ и ея спутникамъ и, можетъ быть, сначала самъ увѣренный въ своихъ силахъ, онъ, однако, когда опасность оказалась близкою, сталъ сомнѣваться въ быстрой успѣшности кампаніи. Изъ писемъ и разговоровъ князя съ Императрицею видно, что ему хотѣлось продлить нашъ миръ съ Турціею, чтобы докончить организацію флота и арміи. И осужденіе исторіи можетъ быть падетъ на князя за то, что онъ, даже самъ сомнѣвавшійся въ своей готовности, дѣйствовалъ однако вызывающе и такимъ образомъ далъ туркамъ возможность воспользоваться нашею оплошностью.

Какъ бы то ни было, война началась и первые ея шаги оправдывали взгляды скептиковъ современниковъ на дѣятельность свѣтлѣйшаго: у него количество войскъ и ихъ вооруженіе оказались въ блестящемъ видѣ больше на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности: не хватало ни снарядовъ, ни провіанта, ни годныхъ для флота людей.

Изъ писемъ Потемкина при началѣ войны видно, какой упадокъ духа онъ испытывалъ и какое отчаяніе имъ овладѣвало. Вызвавъ къ жизни колоссальный греческій проектъ, онъ при самомъ началѣ осуществленія этого плана сталъ сомнѣваться въ его успѣшности. Князь хотѣлъ сдать начальство надъ войсками Румянцеву, командовавшему украинскою арміею, пріѣхать въ Петербургъ, удалиться отъ дѣлъ и жить частнымъ человѣкомъ; доходило даже до того, что онъ предлагалъ вывести войска изъ Крыма и такимъ образомъ почти уступить блестящее свое пріобрѣтеніе Турціи. Всѣ эти душевныя движенія были вполнѣ въ характерѣ князя: горячій и пылкій, онъ могъ намѣтить громадный планъ; могъ приводить его въ исполненіе, когда приходилось тратить колоссальныя средства и жертвы безотвѣтными людьми родины, давно уже тогда привыкшей приносить ихъ. Но неодолимое упорное препятствіе, котораго онъ былъ не въ состояніи побѣдить, сначала приводило его въ бѣшенство и раздраженіе, а потомъ смѣнялось глубокою горестью и апатіей. Тогда онъ могъ только служить молебны и почти плакать въ своихъ письмахъ къ Государынѣ. Можетъ быть тутъ уже сказывались и почтенные годы князя, которому жизнь отъ пресыщенія могла казаться тяжелою обузою, и ничто его уже не способно было горячо занимать. Екатеринѣ, какъ мы говорили, приходилось вливать бодрость духа въ этого колоссальнаго ребенка. «Оставь унылую мысль, ободри свой духъ»—пишетъ ему испытанный другъ. Послѣ отчаяннаго письма свѣтлѣйшаго о страшномъ вредѣ, прине-

сенномъ бурею эскадрѣ Войновича, постройка которой стоила столькихъ заботъ намѣстнику и столько жертвъ родинѣ, она пишетъ:

„Сколько буря была вредна намъ, авось либо столько же была вредна и непріятелю; неужели, что вѣтеръ дулъ лишь на насъ?... Ты упоминаешь о томъ, чтобы вывести войска изъ полуострова... Я надѣюсь, что сіе отъ тебя письмо было въ первомъ движеніи, когда ты мыслилъ, что весь флотъ пропалъ... Приписываю сіе чрезмѣрной твоей чувствительности и горячему усердію; прошу ободриться и подумать, что добрый духъ и неудачу поправить можетъ. Все сіе пишу къ тебѣ, наилучшему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и болѣе еще имѣетъ расположенія, чѣмъ я сама, но на сей случай я бодрѣе тебя, понеже ты боленъ, а я—здорова... Ни время, ни отдаленность и ничто на свѣтѣ не перемѣнятъ мой образъ мыслей къ тебѣ и о тебѣ“...

Императрица не теряла вѣры въ Потемкина и все повторяла, что былъ бы лишь князь здоровъ, тогда все пойдетъ ладно.

Такъ задушевно писала Государыня къ отчаявшемуся князю, и такія письма должны были пробуждать въ немъ бодрость духа.

Скоро впрочемъ дѣла настолько поправились, что ненавистники князя должны были умолкнуть.

Мы не можемъ слѣдить подробно за этою войною, что завело бы насъ далеко за спеціальные предѣлы очерка. Но мы должны отмѣтить ея главнѣйшіе эпизоды, обрисовывающіе положеніе дѣлъ, а также представляющіе дополнительныя черты къ обрисованному нами въ главныхъ контурахъ характеру полководца.

Отмѣтимъ прежде всего отношеніе къ войнѣ главныхъ персонажей—Потемкина и Екатерины. Потемкинъ, надѣясь на свой черноморскій флотъ, приказалъ контръ-адмиралу Войновичу «произвести дѣло—хотя бы всѣмъ погибнуть»—сказано въ его ордерѣ,—«но должно показать свою неустрашимость къ нападенію и истребленію непріятеля. Сіе объявить всѣмъ офицерамъ вашимъ. Гдѣ завидите флотъ турецкій, атакуйте его во что бы то ни стало, хотя бы всѣмъ пропадать...» А Императрица, послѣ того какъ получила отъ князя извѣстіе о намѣреніи его покинуть армію, выражалась такимъ образомъ: «Честь моя и собственная княжая требуютъ, чтобы онъ не удалялся въ нынѣшнемъ году изъ арміи, не сдѣлавъ какого либо славнаго дѣла, хотя бы Очаковъ взяли...»

Эскадру Войновича, какъ нѣкогда знаменитую армаду Филиппа II испанскаго, истребили не враги, а бури. Этотъ печальный эпизодъ, какъ мы уже знаемъ, страшно поразилъ князя. Его отчаяніе было видно изъ писемъ къ Императрицѣ. Но потомъ произошли событія, которыя немного излечили Потемкина отъ хандры. Нѣсколько

удачныхъ морскихъ стычекъ поправили славу черноморскаго флота, а неудачное нападеніе турокъ на Кинбурнъ, отраженное побѣдоноснымъ Суворовымъ, превратилось для нападавшихъ въ настоящее пораженіе. Надежды свѣтлѣйшаго воскресли. Но все таки его оборонительныя дѣйствія и отсутствіе наступательныхъ приводили всѣхъ въ недоумѣніе. Цѣль компаніи 1787 г.—завладѣніе Очаковымъ не достигалась: сначала и самъ Потемкинъ, и его доброжелательница полагали, что Очаковымъ придется овладѣть скоро, но онъ продержался до конца 1788 г. Государыня обнаруживала страшное нетерпѣніе и во многихъ письмахъ спрашивала: «Скоро ли сдастся Очаковъ?» Многіе не понимали, почему Потемкинъ долго не рѣшался на штурмъ этой крѣпости. Онъ объяснялъ это желаніемъ не терять людей въ отчаянномъ приступѣ, а довести крѣпость до сдачи блокадою.

Въ этомъ случаѣ обнаружилась интересная черта въ Потемкинѣ. Самъ несомнѣнно храбрый и нѣсколько разъ рисковавшій жизнью во время перваго года этой компаніи (около него свистали пули и падали ядра), онъ выражалъ искреннюю скорбь при гибели солдатъ. Можетъ быть тутъ сказались черты пресыщеннаго, изнѣженнаго сибарита, нервы котораго коробило страданіе, происходившее на его глазахъ. Этотъ человѣкъ, который въ исполненіи своихъ гигантскихъ мирныхъ плановъ, распоряжаясь ими издали,—уложилъ десятки тысячъ людей, теперь жалѣлъ около себя сотни солдатъ и допекалъ генія войны—Суворова за его смѣлыя выходки, стоившія большихъ уроновъ.

Вотъ чудный куплетъ изъ Байроновскаго Донъ-Жуана о Потемкинѣ:

Тогда жилъ мужъ, по силѣ Геркулесъ,
Судьбою безпримѣрно отличенный.
Какъ метеоръ, блеснулъ онъ и исчезъ
Внезапною болѣзнью пораженный,
Одинъ въ степи, подъ куполомъ небесъ...

И этотъ человѣкъ, разорившій ради осуществленія гигантскихъ плановъ, внушенныхъ колоссальнымъ честолюбіемъ, цѣлую страну, затруднялся потерею сотенъ солдатъ при осуществленіи начала своего громаднаго греческаго проекта. Слѣдуетъ добавить, однако, для освѣщенія характера Потемкина, богатаго противорѣчіями, что и въ тяжелые дни осады Очакова для развлеченія скучавшаго сотрапа въ его главной квартирѣ около роскошно убранной ставки гремѣлъ каждый вечеръ громадный оркестръ, подъ управленіемъ Сарти, устраивались пиры и праздники—эта folle journée, тянувшаяся недѣли и мѣсяцы.

Однако медлить долго было нельзя: въ Петербургѣ недоброжелатели князя громко говорили о его промахахъ, и сама Императрица

высказывала неудовольствіе. Потемкинъ долженъ былъ рѣшиться на штурмъ Очакова—и онъ рѣшился. Князь обѣщалъ солдатамъ всю добычу (даже пушки и казну), которая будетъ взята въ крѣпости. Послѣ страшнаго кровопролитія, Очаковъ былъ взятъ 6 декабря 1788 г. Стоялъ лютый морозъ и, по преданію, кровь, лившаяся изъ ранъ, моментально застывала. Разсказываютъ, что Потемкинъ во все время штурма, рѣшавшаго судьбу его славы, сидѣлъ на батареѣ, подперши голову рукой и повторяя постоянно: «Господи, помилуй!» Грабежъ и кровопролитіе въ городѣ продолжались три дня. Добыча была громадна. На долю Потемкина между прочимъ достался великолѣпный изумрудъ, величиною съ куриное яйцо, который онъ подарилъ Государынѣ.

Извѣстіе о взятіи Очакова произвело потрясающее дѣйствіе въ Петербургѣ: враги Потемкина должны были прикусить языки, а Императрица возликовала: ея надежды на «друга и ученика» оправдались—онъ пристыдилъ своихъ враговъ! «За ушки взявъ обѣими руками», писала Екатерина Потемкину послѣ полученія извѣстія о взятіи Очакова, «мысленно тебя цѣлую, другъ мой сердечный... Всѣмъ ты рты закрылъ, и симъ благополучнымъ случаемъ доставляется тебѣ еще способъ оказать великодушіе слѣпо и вѣтренно тебя осуждающимъ!» Забыты были всѣ огорченія, страшныя жертвы, тысячи погибшихъ солдатъ, и честь князя и его повелительницы были спасены.

Послѣ взятія Очакова, князь, проживъ нѣкоторое время въ Херсонѣ для распоряженій по части кораблестроенія, отправился въ Петербургъ. Вѣроятно, тріумфъ Марія послѣ побѣды надъ кимврами и тевтонами не былъ болѣе великолѣпенъ, чѣмъ свѣтлѣйшаго.

Въ Петербургѣ готовились къ пышнымъ торжествамъ, ожидая князя. Послѣдовали распоряженія объ иллюминаціи въ Царскомъ Селѣ мраморныхъ воротъ, объ украшеніи ихъ арматурами и подписью изъ оды Петрова: «Ты съ плескомъ внидешь въ храмъ Софіи!» Екатерина была увѣрена въ дальнѣйшихъ быстрыхъ успѣхахъ Потемкина. «Онъ будетъ въ нынѣшнемъ году въ Царьградѣ» говорила она Храповицкому.

Царственная поэтесса къ пріѣзду князя написала стихи въ честь покорителя Очакова:

О пали, пали—съ звукомъ, съ трескомъ
Нѣмецъ и всадникъ, конь и флотъ!
И самъ—со громкимъ вѣрныхъ плескомъ—
Очаковъ—силы ихъ оплотъ!

Расторглись крѣпки днесь заклепы
Самъ Бугъ и Днѣпръ хвалу рекутъ
Струи Днѣпра великолѣпны
Шумнѣе въ море потекутъ.

Сохранилось много воспоминаній объ этой поѣздкѣ героя Очакова, рисующихъ какъ интересныя бытовыя черты того времени, такъ и то униженное поклоненіе, которое проявляли всѣ въ Россіи по отношенію къ могущественному князю. Въ городахъ, въ дни ожиданія свѣтлѣйшаго, по цѣлымъ суткамъ звонили въ колокола, огромныя толпы народа выходили далеко на дорогу для встрѣчи его; всѣ власти—съ губернатора до мелкихъ чиновниковъ, затянутые въ мундиры, трепетно ждали князя. А онъ—могущественный сатрапъ—проходилъ между этой раззолоченной, склонявшейся передъ нимъ толпой, небрежно, не говоря ни съ кѣмъ ни слова и часто не отвѣчая даже кивкомъ головы на подобострастные поклоны окружающихъ.

Въ воспоминаніяхъ одного современника очевидца, видѣвшаго въ эту поѣздку князя въ Харьковѣ, разсказывается:

«На другой, по пріѣздѣ, праздничный день ожидали князя въ соборъ. Свѣтлѣйшій пришелъ уже послѣ „Достойно" и остановился не на приготовленномъ для него сѣдалищѣ подъ балдахиномъ, а съ правой стороны амвона, посреди церкви; взглянулъ вверхъ, во всѣ четыре конца. „Церковь не дурна", сказалъ онъ вслухъ губернатору Кишенскому, вслѣдъ затѣмъ одною рукою взялъ изъ кармана и нюхнулъ табаку, другою вынулъ что-то изъ другого кармана, бросилъ въ ротъ и жевалъ; еще взглянулъ вверхъ; царскіе врата отворялись; повернулся въ экипажъ и уѣхалъ. Былъ онъ съ ногъ до головы въ такомъ видѣ: въ бархатныхъ широкихъ сапогахъ, въ венгеркѣ, крытой малиновымъ бархатомъ съ собольей опушкой, въ большой шубѣ крытой шелкомъ, съ бѣлою шалью около шеи, съ лицомъ, повидимому, неумытымъ, бѣлымъ и полнымъ, но болѣе болѣзненнымъ, чѣмъ свѣжимъ, съ растрепанными волосами на головѣ; показался мнѣ Голіафомъ».

«Голіафъ» прибылъ въ Петербургъ 4 февраля 1789 г. вечеромъ, по иллюминованному пути отъ Царскаго Села до самой столицы и занялъ свое обычное помѣщеніе въ Эрмитажѣ. Екатерина, желая особенно почтить князя Таврическаго, предупредила его представленіе и сама первая посѣтила его. Не будемъ говорить о томъ, какія сцены тогда происходили въ Петербургѣ, и какое могущество представлялъ князь, заслонившій своею колоссальною фигурою мелкую придворную толпу. Въ честь свѣтлѣйшаго давали балы, и весь городъ перебывалъ у него съ нижайшими поклонами. Еще ранѣе онъ получилъ за Очаковъ Георгія I-й степени,—отличіе, дававшееся

обыкновенно только высочайшимъ особамъ; но теперь на него вновь пролились неслыханныя награды отъ благодарной императрицы.

Во всемъ была видна могучая рука Потемкина за это время пребыванія его въ Петербургѣ: въ ходѣ дѣлъ со Швеціей, Польшею и Пруссіей. Его вліяніе на государыню и довѣріе послѣдней къ побѣдоносному вождю выразилось яснѣе всего въ томъ фактѣ, что Потемкину были поручены обѣ арміи: украинская—Румянцева и екатеринославская, такъ что онъ явился полководцемъ всѣхъ военныхъ силъ на югѣ и юго-западѣ. Знаменитый и несправедливо обиженный Задунайскій уѣхалъ въ свою малороссійскую деревню.

Потемкинъ выѣхалъ изъ Петербурга 5 мая 1789 г. Онъ не предчувствовалъ, что это пребываніе въ столицѣ являлось послѣднимъ тріумфомъ и что скоро его звѣзда должна была померкнуть. Но онъ уѣзжалъ какъ тріумфаторъ, могущественный болѣе, чѣмъ когда-нибудь, сопровождаемый на пунктахъ своихъ остановокъ ласковыми, задушевными письмами императрицы, жалѣвшей о его нездоровьѣ и надѣявшейся на его дальнѣйшіе подвиги, долженствовавшіе возвѣстить всему міру о «Минервѣ» и ея достойномъ сподвижникѣ. Посылая ему, напримѣръ, медали съ его портретомъ, она писала: «Я въ нихъ любовалась какъ на образъ твой, такъ и на дѣла того человѣка, въ которомъ я никакъ не ошиблась, знавъ его усердіе и рвеніе ко мнѣ и къ общему дѣлу, совокупленно съ отличными дарованіями души и сердца».

Этотъ годъ, 1789-й, какъ извѣстно, ознаменовался блестящими военными дѣлами русскихъ армій на югѣ: взятіемъ Бендеръ, Фокшанами, занятіемъ Аккермана и знаменитою побѣдою Суворова при Рымникѣ. Мы должны отмѣтить то обстоятельство, что князь оказался благороднымъ и благодарнымъ по отношенію къ Суворову, хотя впослѣдствіи между ними происходили размолвки. Онъ писалъ Суворову: «Объемлю тебя лобызаніемъ, искренними и крупными словами свидѣтельствую свою благодарность!» Онъ просилъ Екатерину наградить знаменитаго полководца безпримѣрно щедро.

Крупныя дѣла дѣлали для Потемкина его талантливые полководцы: Суворовъ, князь Репнинъ, Ушаковъ и другіе, а самъ свѣтлѣйшій провелъ часть компаніи 1789 и почти всего 1790 г. вдали отъ военныхъ дѣйствій. Онъ жилъ въ Дубоссарахъ, а затѣмъ въ Яссахъ и Бендерахъ. Ставка его была необычайно великолѣпна, вокругъ нея былъ посаженъ полковникомъ Бауеромъ садъ въ англійскомъ вкусѣ. На поляхъ битвъ лилась кровь, раздавались стоны и свирѣпые крики, а у князя царили невиданная роскошь и веселье. Сарти съ дву-

мя хорами музыки ежедневно забавлялъ публику. Около Потемкина вился рой красавицъ, ставились балеты, происходили балы, праздники, театральныя представленія. Сарти положилъ на музыку побѣдную пѣснь: «Тебе, Бога, хвалимъ» — и къ ней была приложена батарея изъ десяти пушекъ, которая по знакамъ стрѣляла въ тактъ, а когда пѣли «Святъ, Святъ», тогда изъ орудій производилась скорострѣльная пальба. Музыка во вкусѣ «свѣтлѣйшаго»!

Къ этому времени относится крайне интересный романъ Потемкина, этого пятидесятилѣтняго селадона, пылкость чувствъ котораго не остывала съ годами. Но этотъ романъ, кажется, не отличался тѣми грубыми реалистическими чертами, какъ прежнія похожденія князя. Можетъ быть утомленная и пресыщенная наслажденіями, душа князя жаждала привязанности съ платоническими, идеальными чертами, проглядывающими въ перепискѣ его съ новою избранницею. Это была Прасковья Андреевна Потемкина, жена внучатнаго брата свѣтлѣйшаго, П. С. Потемкина, урожденная Закревская. Замѣчательная красавица, она зажгла такое пылкое пламя въ сердцѣ свѣтлѣйшаго, что онъ, наполненный этою привязанностью, все забывалъ: и славу, и дѣла, и кровавыя сцены войны. Вотъ коротенькія выдержки изъ посланій князя къ этой женщинѣ,— всѣ письма къ которой были одинаково горячи и восторженны.

«Жизнь моя,—писалъ старый грѣшникъ,—душа общая со мною! Какъ мнѣ изъяснить словами мою къ тебѣ любовь, когда меня влечетъ къ тебѣ непонятная сила, и потому я заключаю, что наши души съ тобою сродныя... Нѣтъ минуты, моя небесная красота, чтобы ты выходила у меня изъ памяти! Утѣха моя и сокровище мое безцѣнное,—ты даръ Божій для меня... Изъ твоихъ прелестей неописанныхъ состоитъ мой экстазисъ, въ которомъ я вижу тебя передъ собою... Ты мой цвѣтъ, украшающій родъ человѣческій, прекрасное твореніе... О если-бы я могъ изобразить чувства души моей о тебѣ»!

Вотъ какимъ пылкимъ и нѣжнымъ Ромео бывалъ этотъ страшный человѣкъ, заставлявшій трепетать передъ собою народы! Мы утомили-бы читателя перечисленіемъ благодарственныхъ писемъ императрицы къ князю, всѣхъ наградъ, почестей, подарковъ, сыпавшихся на него въ это время. Упомянемъ лишь о стоившемъ огромныхъ суммъ лавровомъ брилліантовомъ вѣнкѣ, присланномъ Екатериною Потемкину за занятіе Бендеръ. Это были необычайныя милости, и это время представляло, кажется, апогей могущества и славы великолѣпнаго князя Тавриды.

Но уже въ письмахъ государыни можно было-бы усмотрѣть и маленькую черную точку, которая постепенно разрослась въ грозную для князя тучу...

Несмотря на то, что князя ждали въ Петербургѣ по окончаніи осеннихъ военныхъ дѣйствій, и для него были приготовлены великолѣпные аппартаменты во дворцѣ, онъ, однако, не поѣхалъ въ столицу въ 1789 г.

Хотя побѣды компаніи этого года и были блестящи, но положеніе войска и разоренной страны являлось такимъ тяжелымъ, что Потемкинъ не скрывалъ уже самъ этого передъ государыней, которая начинала думать о мірѣ. И 1790-й г. былъ посвященъ переговорамъ объ этомъ. Зимою 1889 — 90 гг. военныхъ дѣйствій не происходило, а князь проживалъ, какъ мы сказали ранѣе, съ невиданною роскошью въ Яссахъ, а затѣмъ въ Бендерахъ, гдѣ у него дежурилъ цѣлый штабъ красавицъ: Потемкина, Де-Виттъ, Гагарина, Долгорукая и другіе. Тутъ-то происходили тѣ гомерическія пиры и безумно расточительныя выходки князя, удивлявшія современниковъ и легендарныя сказанія о которыхъ перешли въ потомство. Здѣсь гремѣлъ оркестръ Сарти изъ 300 человѣкъ, грохотали орудія при тостахъ за красавицъ, раздавались дамамъ во время десерта цѣлыми ложками брилліанты. Ухаживая за Гагариной, князь, по причинѣ ея беременности, обѣщалъ этому новому предмету страсти собрать мирный конгрессъ въ ея спальнѣ. Отсюда летали курьеры за башмаками и лентами для дамъ въ Парижъ. Здѣсь-же разъ произошла сцена, испугавшая присутствовавшихъ. Слишкомъ вольно обращавшійся съ женщинами, Потемкинъ однажды послѣ обѣда у себя, въ большомъ обществѣ, схватилъ княгиню Гагарину за талію, та отвѣтила ему пощечиной. Взбѣшенный сатрапъ всталъ и, не говоря ни слова, вышелъ изъ комнаты. Гости похолодѣли отъ ужаса. Но у князя нашлось настолько такта, чтобы отнестись къ этому, какъ къ невинной шуткѣ: немного погодя, онъ улыбающійся вышелъ изъ кабинета и преподнесъ Гагариной въ знакъ примиренія дорогую бездѣлушку.

Приведемъ кстати разсказъ о происшедшей здѣсь-же сценѣ, характеризующей заносчивость и грубость, порою обнаруживавшіяся въ князѣ при совсѣмъ неподобающей обстановкѣ и даже съ лицами, за женами которыхъ онъ ухаживалъ. Потемкинъ какъ-то за параднымъ обѣдомъ сталъ бранить одного изъ своихъ генераловъ—Кречетникова,—а князь Долгорукій защищалъ бранимаго. Свѣтлѣйшій до того разсердился, что схватилъ Долгорукаго за георгіевскій крестъ, сталъ его дергать и сказалъ:

— Какъ ты смѣешь защищать его? Ты, которому я изъ милости далъ сей орденъ, когда ты во время Очаковскаго штурма струсилъ!

Вставши изъ за стола, князь, однако, вскорѣ подошелъ къ находившимся тутъ австрійскимъ генераламъ и сказалъ:

— Извините, господа, я забылся! Я съ нимъ обошелся такъ, какъ онъ заслуживаетъ.

Страшно чувственный князь не довольствовался имѣвшимся у него въ ставкѣ гаремомъ красавицъ: ему нужны были новыя и новыя, какъ Донъ-Жуану, жертвы. Вотъ, напримѣръ, характерная выдержка изъ письма (относящагося къ болѣе позднему времени) графа Чернышева изъ лагеря подъ Измаиломъ:

«Кромѣ общественныхъ баловъ, бывающихъ еженедѣльно по два, три раза, у князя каждый день собирается немноголюдное общество въ двухъ маленькихъ комнатахъ, великолѣпно убранныхъ; въ оныхъ красуется вензель той дамы, въ которую князь влюбленъ. Тамъ бываютъ одни приглашенные... Впрочемъ, Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится, ибо ждутъ Браницкую, и уже посланъ офицеръ встрѣтить ее. Г-жа Л. должна немедленно пріѣхать и везетъ съ собою молоденькую дѣвушку, лѣтъ 15, 16-ти, прелестную, какъ амуръ...»

Старанія князя, давно, вѣроятно, разочаровавшагося въ скоромъ осуществленіи крупныхъ плановъ, о мирѣ не увѣнчивались успѣхомъ. Конечно, миръ, послѣ такихъ блестящихъ успѣховъ русскаго оружія, долженъ былъ бы быть почетнымъ для насъ; между тѣмъ, Порта, вѣроятно подзадориваемая иностранными державами, не особенно спѣшила вести переговоры и дѣлать уступки. Нужно было сломить упорство Турціи и взять ея послѣдній оплотъ на театрѣ войны—твердыню Измаила. Для совершенія этого дѣла, конечно, лучше всего было назначить Суворова.

Взятіе Измаила считается самымъ знаменитымъ эпизодомъ компаніи 1790 г. и однимъ изъ безпримѣрнѣйшихъ въ исторіи. Не даромъ оно вдохновило геній Байрона, посвятившаго ему столько чудныхъ строкъ въ Донъ-Жуанѣ. Сначала князь надѣялся, что крѣпость сдастся безъ кровопролитія. Но этого не произошло, и рѣшено было штурмовать ее. Всѣ авторитеты того времени полагали, что это страшное дѣло невозможно. Существуетъ преданіе, что Потемкинъ, когда штурмъ уже былъ рѣшенъ, устрашенный опасностью неудачи, предоставилъ Суворову свободу не отваживаться на приступъ. Есть и совсѣмъ легендарный разсказъ о томъ, чѣмъ вызвано рѣшеніе князя однимъ ударомъ покончить съ Измаиломъ. Говорятъ, что, когда ему Де-Витть, гадая на картахъ, сказала, что Измаилъ сдастся черезъ три недѣли, Потемкинъ отвѣтилъ съ улыбкою: «Я умѣю гадать лучше васъ!» и въ ту же минуту послалъ Суворову приказъ взять Измаилъ во что бы то ни стало приступомъ.

Какъ бы то ни было, Суворовъ поспѣшилъ къ стѣнамъ Измаила и, встрѣтивъ уже отступавшія войска, вернулъ ихъ на прежнія позиціи. 3-го декабря онъ самъ вновь размѣстилъ ихъ. Четыре дня прошли въ безуспѣшныхъ переговорахъ съ сераскиромъ о сдачѣ. А утромъ 11 декабря 1790 г. Суворовъ рапортовалъ Потемкину: «Нѣтъ крѣпче крѣпости, ни отчаяннѣе обороны, какъ Измаилъ, падшій передъ трономъ Е. И. В. кровопролитнымъ штурмомъ. Нижайше поздравляю Вашу Свѣтлость».

Страшное и невозможное дѣло совершилось. Курьеромъ къ государынѣ объ этомъ новомъ подвигѣ войскъ былъ отправленъ Валеріанъ Зубовъ, братъ Платона.

Мы избавляемъ читателя отъ изображенія подробностей этого свирѣпаго штурма, гдѣ люди превратились въ звѣрей и дрались до остервенѣнія; приведемъ только нѣсколько прекрасныхъ строкъ изъ Байроновскаго «Донъ-Жуана»:

Надъ крѣпостью раздался крикъ: «Аллахъ!»,
Зловѣщій грохотъ битвы покрывая
И повторился онъ на берегахъ;
Его шептали волны, повторяя;
Онъ былъ и вызывающъ, и могучъ,
И даже, наконецъ, изъ темныхъ тучъ
Святое имя это раздавалось
«Аллахъ, Аллахъ»! повсюду повторялось.
. . . .
Сдавался шагъ за шагомъ Измаилъ,
И превращался въ мрачное кладбище.
. . . .
Нѣтъ, не сдались твердыни Измаила,
А пали подъ грозою. Тамъ ручьемъ,
Алѣя, кровь струи свои катила...
. . . .
Штыки вонзались, длился смертный бой,
И здѣсь и тамъ людей валились кучи;
Такъ осенью, уборъ теряя свой,
Въ объятыхъ бури стонетъ лѣсъ дремучій...

Разсказываютъ, однако, что послѣ этого знаменитаго дѣла, у Суворова съ Потемкинымъ произошла размолвка.

— Чѣмъ я могу наградить ваши заслуги, графъ Александръ Васильевичъ?—спросилъ Потемкинъ героя при свиданіи.

— Ничѣмъ, князь,—отвѣчалъ раздражительно Суворовъ:—я не купецъ и не торговаться сюда пріѣхалъ; кромѣ Бога и государыни меня никто наградить не можетъ!

Этотъ отвѣтъ раздражилъ князя: онъ поблѣднѣлъ и отвернулся.

Передъ знаменитыми пособниками Потемкина падали на югѣ неприступныя твердыни, а тамъ, на сѣверѣ, былъ у князя противникъ, который давалъ себя чувствовать. Это былъ Зубовъ, вліяніе котораго все возростало. До князя доходили объ этомъ точныя вѣсти, и, можетъ быть, вліяніе Зубова отражалось уже на рѣшеніяхъ государыни, которыя не всегда точно соотвѣтствовали желаніямъ князя. Несмотря на то, что князю нужно было бы остаться на мѣстѣ, такъ какъ послѣ взятія Измаила ожидались мирныя предложенія Порты, и, несмотря на то, что государынѣ отъѣздъ князя былъ не особенно желателенъ, Потемкинъ поѣхалъ въ Петербургъ въ февралѣ 1791 г. Это была послѣдняя его поѣздка туда: свалившн твердыню Измаила, онъ потерялъ сраженіе съ Зубовымъ и нашелъ себѣ смерть въ опустошенномъ войною краю.

ГЛАВА VII.

Конецъ Потемкинской феерiи.

Послѣдняя поѣздка князя въ Петербургъ.—Свидѣтельство Болотова о великихъ «приготовленіяхъ» къ пріѣзду князя.—Пребываніе въ Петербургѣ.—Указанія на размолвки съ государыней. —Столкновенія съ Зубовымъ.—Сцена съ камеръ-юнкеромъ Голынскимъ. — Праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ. — Чудовищная роскошь этого торжества.—Слезы Потемкина.—Необходимость отъѣзда въ армію князя.—Причины, задержавшія его въ Петербургѣ.—Фактъ изъ письма Завадовскаго.—Успѣхи на войнѣ Репнина.—Рѣшительное слово Екатерины.—Отъѣздъ князя на югъ. —Послѣднія письма государыни къ князю.—Болѣзнь его.—«Канонъ Спасителю».—Погребальныя дроги въ Галацѣ.—Предчувствія близкой кончины.—Предсмертное письмо Потемкина.—Кончина его.—Стихи Державина.—Впечатлѣніе смерти князя.—Отчаяніе императрицы.—Отзывы современниковъ.—Характеристика князя государынею въ письмѣ къ Гримму.—Наслѣдство князя.—Его долги.—Исторія съ могилою Потемкина.—Резюме.

Послѣдняя поѣздка Потемкина въ Петербургъ сопровождалась тѣми же торжественными сценами, какъ и первая, послѣ Очакова. Въ запискахъ Болотова, достовѣрнаго свидѣтеля тогдашнихъ временъ, объ ожиданіи князя въ Серпуховѣ, на пути къ Москвѣ, сказано: «Лошади, приготовленныя подъ него, стояли фрунтомъ. Судьи же вмѣстѣ съ московскимъ губернаторомъ, прискакавшимъ для срѣтенія онаго, были всѣ распудрены и въ тяжкихъ нарядахъ». А о приготовленіяхъ въ Лопаснѣ тотъ же очевидецъ пишетъ: «Мы нашли и тутъ великія пріуготовленія къ пріѣзду княжескому и видѣли

разставленныя повсюду дегтярныя бочки для освѣщенія въ ночное время пути сему вельможѣ. Словомъ, вездѣ готовились принимать его, какъ бы самого царя».

Вся Москва гремѣла и занималась княземъ, пріѣхавшимъ туда на послѣдніе дни масленицы. Вся знать собиралась къ нему для идолопоклонства. Всюду приказано было исправлять дороги для Потемкина и императрица отправила къ нему на встрѣчу графа Безбородко.

Государыня ждала своего друга съ радостью, вельможи же, которыхъ онъ заслонялъ своимъ присутствіемъ, съ ненавистью. Среди всей придворной толпы одинъ только не боялся предстоявшей встрѣчи—это Зубовъ. Страшно честолюбивый и затаившій ненависть противъ Потемкина, не дававшаго ему быть «первою персоною» въ государствѣ, онъ, поощряемый большою партіею при дворѣ и благоволеніемъ государыни, вздумалъ сломить гиганта и повторить въ своей особѣ его величіе и могущество. Борьба эта для Зубова, благодаря неизмѣримымъ милостямъ государыни, кончилась съ успѣхомъ; но на то, чтобъ замѣнить Потемкина, у Зубова «не хватило пороху»...

Встрѣча князя въ Петербургѣ, куда онъ прибылъ 28 февраля 1791 года, была необыкновенна по своей пышности. Роль его въ устройствѣ всѣхъ тогдашнихъ государственныхъ дѣлъ, по прежнему, была самая главная; но хотя императрица и относилась къ нему постарому благосклонно, однако порою замѣчалось съ ея стороны какъ бы какое-то тайное предубѣжденіе противъ князя,—вѣроятно, результатъ навѣтовъ Зубова... Князь Потемкинъ, по самому своему характеру, не имѣлъ особенныхъ способностей къ мелкимъ интригамъ: онъ привыкъ сокрушать смаху, однимъ ударомъ, но не валилъ противника «подъ ножку». И, понятно, этотъ Голіафъ не могъ терпѣть совмѣстничества во власти съ Зубовымъ.

О прямыхъ столкновеніяхъ между соперниками не имѣется данныхъ, но слишкомъ много было и косвенныхъ причинъ, чтобъ разжечь эту вражду. Державинъ, напримѣръ, разсказываетъ про такой случай. Маіоръ Бехтѣевъ, въ присутствіи многихъ лицъ, громко жаловался Потемкину на отца Зубова, который ограбилъ его, отнявъ у маіора, безъ всякаго права, деревню. Этотъ старый Зубовъ, пользуясь близостью сына къ Екатеринѣ, отличался безобразными и беззаконными дѣйствіями, возмущавшими даже тогдашнее не особенно разборчивое общество. Потемкинъ защитилъ Бехтѣева, заставивъ отца Зубова уладить это дѣло, чѣмъ конечно сильно задѣлъ самолюбіе сына. Еще менѣе молодой временщикъ могъ простить князю

случай, о которомъ самъ впослѣдствіи разсказывалъ: Потемкинъ оказался главнымъ виновникомъ того, что Зубовъ былъ вдвое менѣе богатъ.

Однажды императрица объявила П. Зубову, что даритъ ему за заслуги имѣніе въ Могилевской губерніи, заселенное 11.000 душъ крестьянъ, но потомъ спохватилась, вспомнивъ, что имѣніе это уже подарено Потемкину. Тогда она за столомъ сказала князю:

— Продай мнѣ твое могилевское имѣніе!

Потемкинъ, догадываясь, для кого предполагается покупка, покраснѣлъ до ушей и, быстро оглянувшись, отвѣчалъ, что исполнить желаніе государыни не можетъ, такъ какъ имѣніе вчера продалъ— «вотъ ему!»,—и онъ указалъ на стоявшаго за его креслами молодого камеръ-юнкера Голынскаго. Императрица, догадавшись, что Потемкинъ узналъ ея намѣреніе и сильно смутившись, спросила Голынскаго съ замѣшательствомъ:

— Какъ же ты это купилъ имѣніе у свѣтлѣйшаго?

Потемкинъ, предупреждая отвѣтъ, метнулъ мнимому покупщику выразительный взглядъ и догадливый Голынскій глубокимъ поклономъ государынѣ подтвердилъ выдумку князя Таврическаго.

Въ этомъ поступкѣ видѣнъ гигантскій размахъ «великолѣпнаго князя»: онъ не пожалѣлъ громаднаго богатства. швырнувъ его юношѣ, чтобъ это богатство не досталось Зубову.

Но въ этой борьбѣ «Голіафа» съ ничтожнымъ пигмеемъ много шансовъ было и на сторонѣ послѣдняго. Хотя въ глазахъ императрицы князь и имѣлъ за себя громадныя заслуги и даже подавлялъ ее силою своей личности, почти гипнотизируя государыню, такъ что она шла на встрѣчу многимъ его желаніямъ; но онъ уже опускался, тогда какъ Зубовъ поднимался; Потемкинъ долженъ былъ вскорѣ уѣхать на югъ, Зубовъ оставался при государынѣ, которая находила отраду въ задушевныхъ бесѣдахъ съ новымъ для нея человѣкомъ. Нужно еще сказать, что старѣвшая императрица часто въ это время недомогала: ее печалило тяжелое состояніе государства, измученнаго войнами, внѣшнія усложнявшіяся дѣла и отсутствіе мирныхъ предложеній со стороны Турціи. А затѣмъ и въ отношеніяхъ домашнихъ къ «малому двору»—были недоразумѣнія, которыя разстраивали ее. И возможно, что Екатеринѣ досаждали порою чрезмѣрныя требованія «свѣтлѣйшаго»; она ждала мира и спокойствія и ее пугали новыя осложненія. Какъ бы то ни было, но придворная хроника того времени сохранила разсказы о многихъ размолвкахъ этихъ двухъ крупныхъ персонажей прошлаго вѣка за

послѣдніе дни ихъ встрѣчъ. Слышали мрачный голосъ князя, замѣчали нѣкоторые публично-выраженные знаки недовольства Государыни «свѣтлѣйшимъ». Но конечно общій тонъ отношеній Екатерины къ своему возвеличенному другу оставался попрежнему благосклоннымъ: на него сыпались милостивые знаки вниманія, награды и подарки.

28 апрѣля 1791 года данъ былъ Потемкинымъ великолѣпный праздникъ во вновь подаренномъ ему императрицею Таврическомъ дворцѣ, затмившій своею чудовищною роскошью прежніе пиры этого мота. Праздникъ этотъ — лебединая пѣснь «великолѣпнаго князя Тавриды»—былъ фантастическою сказкою, выхваченною изъ воображенія какого нибудь необузданно восторженнаго поэта. Въ нѣсколько дней передъ дворцомъ, по повелѣнію «свѣтлѣйшаго», образовали большую площадь, простиравшуюся до самой Невы: снесли заборы и зданія, расчистили мѣсто. Воздвигли тріумфальныя ворота и устройства для иллюминаціи. На образовавшейся площади предполагалось празднество для народа: были разставлены закуски, медовый квасъ, пиво, сбитень, а также и развѣшаны подарки,—сапоги, шляпы, кушаки и пр. Но, увы! то, что предназначалось для забавы народа, окончилось для него печально: празднество должно было начаться въ моментъ прибытія государыни, но народъ раньше этого накинулся на выставленное для него угощеніе. Потребовалось вмѣшательство полиціи и произошло нещадное избіеніе толпы.

Внутреннимъ устройствомъ дворца и выработкою программы праздника занимался самъ князь. Какъ размѣры зданія, такъ и груды наполнявшихъ его сокровищъ давали возможность осуществить гигантски разыгравшуюся фантазію Потемкина, котораго притомъ нельзя было упрекнуть въ отсутствіи художественнаго вкуса. Какіе долгіе толки въ Россіи и заграницею оставилъ по себѣ этотъ невозможно-богатый праздникъ,—этотъ апофеозъ роскоши и могущества «великолѣпнаго князя», — обошедшійся, какъ разсказываютъ, въ полмилліона рублей!

Говорятъ, что для иллюминаціи этого праздника скупили весь воскъ въ Петербургѣ и за нимъ, кромѣ того, былъ посланъ еще нарочный въ Москву. Одного этого матеріала было куплено на 70.000 р. Убранство залъ, корридоровъ и пріемныхъ представляло смѣсь азіатской роскоши съ европейскимъ изяществомъ. Болѣе двухсотъ люстръ, кромѣ имѣвшихся во дворцѣ, было взято на прокатъ въ лавкахъ. Особеннымъ великолѣпіемъ поражали двѣ громадныя залы, раздѣленныя колоннадою. Первая—танцевальная—была украшена зеркалами, вазами, люстрами и печами изъ лазурнаго камня; въ дру-

гой князь устроилъ огромный зимній садъ, въ которомъ для большаго эффекта разставлены были колоссальныя зеркала, обвитыя зеленью и цвѣтами. Эти зеркала отражали огни роскошной иллюминаціи. Въ саду высился храмъ съ жертвенникомъ, на которомъ стояла статуя Екатерины изъ паросскаго мрамора, съ надписью— «Матери отечества и мнѣ премилосердой»; кромѣ того имѣлись и жертвенники «благодарности» и «усердія». На лужайкѣ сада стояла пирамида, оправленная золотомъ, осыпанная драгоцѣнными камнями и украшенная вензелемъ монархини. Въ глубинѣ сада виднѣлся гротъ, на стѣнахъ и карнизахъ залъ красовались надписи: «Екатеринѣ Великой», «отъ щедротъ Великія Екатерины» и др. Чудные гобелены, сотни картинъ рѣдчайшихъ мастеровъ и драгоцѣнные ковры — въ громадныхъ количествахъ украшали эти баснословные чертоги. Тутъ были разныя диковинки и чудеса, собранныя за громадныя деньги причудливымъ княземъ: золотой слонъ съ великолѣпными часами, павлиномъ, драгоцѣнныя съ органами люстры герцогини Кингстонъ. Были нѣкоторые намеки и на злобу дня. Громадные гобелены, украшавшіе гостиную, изображали извѣстную библейскую исторію Амана и Мардохея.

Гостей на праздникъ Потемкина собралось нѣсколько тысячъ. При появленіи императрицы, князь самъ высадилъ ее изъ кареты. Гости явились въ маскарадныхъ платьяхъ; самъ Потемкинъ — въ аломъ кафтанѣ и въ епанчѣ изъ черныхъ кружевъ; его украшенная огромнымъ количествомъ бриллiантовъ шляпа была до того тяжела, что ее за «свѣтлѣйшимъ» носилъ адъютантъ.

Екатерина заняла приготовленный для нея тронъ—и въ танцовальной залѣ начался балетъ (кадриль) въ двадцать четыре пары— изъ самыхъ знатнѣйшихъ дамъ и кавалеровъ, въ числѣ которыхъ были великіе князья Александръ и Константинъ. Всѣ участвовавшіе явились въ бѣлыхъ одеждахъ, украшенныхъ бриллiантами на сумму въ десять милліоновъ рублей. Въ заключеніе кадрили протанцовалъ соло знаменитый въ то время балетмейстеръ Ле-Пикъ.

Музыка гремѣла, вмѣсто литавръ грохотали пушки, и съ хоръ раздавалась извѣстная пѣснь Державина:

Громъ побѣды раздавайся,.
Веселися, храбрый Россъ!

На изящно устроенномъ театрѣ даны были два балета и двѣ комедіи. Не обошлось, между прочимъ, и безъ псевдо-патріотическихъ сценъ. Во второй комедіи «Смирнскій купецъ» — продажными невольниками явились жители всѣхъ странъ, кромѣ Россіи. Глубокая иронія на нравы родной страны!

Послѣ блестящаго бала былъ сервированъ не менѣе роскошный ужинъ на 600 человѣкъ. Сотни лакеевъ и гайдуковъ, обряженныхъ въ новыя роскошныя ливреи, прислуживали гостямъ. Потемкинъ стоялъ за кресломъ императрицы, пока она не настояла, чтобъ онъ сѣлъ. Екатерина уѣхала во второмъ часу ночи. При ея выходѣ изъ залы на хорахъ дворца, подъ аккомпаниментъ органа, пропѣта была итальянская кантата, прославлявшая Екатерину:

Царство здѣсь удовольствій,
Владычество щедротъ твоихъ!
Здѣсь вода, земля и воздухъ
Дышитъ все твоей душой!

Потемкинъ, преклонивъ колѣна, въ глубокомъ умиленіи плакалъ, приникнувъ устами къ рукѣ императрицы. Въ этихъ слезахъ вылилась и благодарность за милости, и уязвленное самолюбіе человѣка, которому угрожалъ опасный соперникъ и, можетъ быть, предчувствіе недалекой кончины...

Послѣ этого волшебнаго праздника князь—главнокомандующій всѣми арміями,—вмѣсто того, чтобъ спѣшить къ нимъ, оставался въ Петербургѣ около 3 мѣсяцевъ. Носилась масса слуховъ о причинахъ долгаго пребыванія Потемкина въ столицѣ, доходившихъ до предположеній, что онъ домогался разрѣшенія основать изъ областей, отнятыхъ у Турціи, особое царство и владычествовать въ немъ подъ главенствомъ Россіи. Но для лицъ, лучше посвященныхъ въ дѣла этого времени, ясны были причины медлительности князя: его болѣе, чѣмъ миръ съ Турціей,—чѣмъ блестящія побѣды надъ визиремъ—занимала побѣда надъ Зубовымъ, который мутилъ до бѣшенства Потемкина, не терпѣвшаго соперниковъ во власти.

Могли быть и другія—мелкія—причины, которыя однако для не знавшаго предѣловъ своимъ желаніямъ князя являлись крупными. Вотъ что, напримѣръ, писалъ Завадовскій въ письмѣ къ С. Р. Воронцову объ этихъ «мелкихъ» причинахъ:

«Князь, сюда заѣхавши, инымъ не занимается, какъ обществомъ женщинъ, ища имъ нравиться и ихъ дурачить и обманывать. Влюбился онъ еще въ арміи въ княгиню Долгорукову, дочь князя Барятинскаго. Женщина превзошла нравы своего пола въ нашемъ вѣкѣ: пренебрегла его сердце. Онъ мечется, какъ угорѣлый... Уязвленное честолюбіе дѣлаетъ его смѣхотворнымъ»...

Ко всему этому нужно прибавить, что съ княземъ опять случались жестокіе припадки хандры и отчаянія: у него появлялись предчувствія близкой кончины, которыя на этотъ разъ не обманули его.

Пребываніе въ Петербургѣ полководца, которому слѣдовало-бы спѣшить на югъ, давало поводы врагамъ его на жестокіе нападки,

имѣвшіе на этотъ разъ достаточныя основанія. Къ досадѣ «свѣтлѣйшаго», оставленный во главѣ арміи талантливый полководецъ князь Репнинъ, какъ-бы оттѣнилъ своею энергіею сибаритство Потемкина и его вообще медленныя предшествовавшія дѣйствія. Рядъ блестящихъ побѣдъ, изъ которыхъ главная была одержана надъ верховнымъ визиремъ при Мачинѣ 28 іюня—заставилъ даже «свѣтлѣйшаго» завидовать полководцу и вмѣстѣ злиться на него за успѣхи. Потемкинъ ясно видѣлъ, что можетъ утратить обаяніе побѣдителя въ войнѣ, которую онъ началъ, но которую могъ блестящими ударами кончить другой, принудя несговорчивыхъ турокъ, наконецъ, къ выгодному для Россіи миру; и дѣйствительно Репнинъ уже начиналъ вести мирные переговоры отъ себя.

Мѣра терпѣнія самой императрицы, наконецъ, переполнилась: Потемкинъ могъ и ее компрометтировать, оставаясь и развлекаясь въ Петербургѣ, когда наступали рѣшительные дни на югѣ, отъ которыхъ зависѣла «честь» государыни. Екатерина наконецъ черезъ Зубова или Безбородко хотѣла приказать уѣхать князю. Но никто не осмѣливался пойти къ Потемкину съ столь опаснымъ порученіемъ. Тогда, по разсказамъ современниковъ, она сама пошла и объявила князю въ рѣшительныхъ выраженіяхъ о необходимости отъѣзда въ армію. Потемкинъ долженъ былъ покориться. Раздосадованный своимъ неопредѣленнымъ положеніемъ при дворѣ, тосковавшій и волновавшійся печальными предчувствіями, онъ выѣхалъ изъ Царскаго Села 24 іюля 1791 г., въ 5 часовъ утра. Вѣроятно никогда не чувствовалъ такой горечи и униженія «великолѣпный князь Тавриды», какъ въ эти первые дни своего изгнанія... Больше онъ уже не увидѣлъ столицы, бывшей свидѣтельницею его славы и могущества.

Но было-бы ошибочно полагать, что Екатерина измѣнила отношенія къ своему излюбленному другу. Она по прежнему была его благодѣтельницею. Цѣлый рядъ самыхъ ласковыхъ и ободряющихъ писемъ ея полетѣлъ за княземъ, едва онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Государынѣ нужно было только, чтобъ онъ «для славы имперіи»—уѣхалъ въ армію; но она все-таки попрежнему цѣнила его таланты и сердце. Когда донеслись до императрицы первыя вѣсти о болѣзни Потемкина, она писала ему:

«О чемъ я всекрайне сожалѣю и что меня-же столько безпокоитъ, есть твоя болѣзнь и что ты ко мнѣ пишешь, что не въ силахъ себя чувствуешь оной выдержать. Я Бога прошу, чтобъ отвратилъ отъ тебя сію скорбь, а меня избавилъ отъ такого удара, о которомъ и думать не могу безъ крайняго огорченія».

«Обрадовалъ ты меня,—писала она въ другомъ письмѣ,—прели-

минарными пунктами о мирѣ, за что тебя благодарю сердцемъ и душою. Желаю весьма, чтобъ великіе жары и труды дороги здоровью твоему не нанесли вреда, въ теперешнее паче время, когда всякая минута требуетъ новаго труда. Adieu, mon ami»!

Что болѣзнь князя страшно безпокоила государыню, видно хотя бы изъ замѣтки въ дневникѣ Храповицкаго отъ 28 августа: «Получено извѣстіе черезъ Кречетникова изъ Кіева, что князь Потемкинъ очень боленъ и къ нему поѣхала Браницкая... Печаль и слезы»...

Однако, Потемкинъ, несмотря на болѣзнь, чрезвычайно быстро прискакалъ въ Яссы: въ восемь дней. Разсказываютъ, что онъ былъ страшно раздраженъ дѣйствіями Репнина; но это впрочемъ могло относиться и до условій договора, заключеннаго послѣднимъ съ турками. Во всякомъ случаѣ Потемкинъ вскорѣ призналъ заслуги Репнина и былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, такъ что не заслуживаетъ упрека въ неблагодарности къ талантливому полководцу.

Чувствуя, что болѣзнь усиливается, Потемкинъ испытывалъ мрачную и томительную тоску. Во время ея припадковъ всемогущій князь лечилъ свои душевныя раны обращеніемъ къ Божеству: къ этому времени относится составленіе имъ «канона Спасителю».

Одно время, какъ извѣстно, можно было думать, что мирные переговоры съ турками прервутся. Князь требовалъ между прочимъ независимости Молдавіи, облегченія судьбы Валахіи и уступки Анапы. Мы были страшно истощены войною, а Турція уже вновь выставила громадную армію въ 200.000 человѣкъ, стоявшую подъ начальствомъ великаго визиря на правомъ берегу Дуная, противъ Браилова. Впрочемъ, князю не суждено было дожить до мира: смерть шла скорыми шагами къ «свѣтлѣйшему».

Разныя обстоятельства увеличивали скорбь суевѣрнаго князя и еще болѣе убѣждали его въ близости кончины. Въ половинѣ августа въ Галацѣ скончался братъ великой княгини Маріи Ѳедоровны принцъ Виртембергскій. Князь былъ на похоронахъ и, когда вышелъ, по окончаніи отпѣванія, изъ церкви и приказано было подать ему карету, то вмѣсто этого по ошибкѣ подвезли погребальныя дроги: князь въ ужасѣ отступилъ. Вскорѣ послѣ этого его повезли уже больного въ Яссы. На пути туда онъ назначилъ уполномоченныхъ на мирный конгрессъ: племянника своего А. Н. Самойлова, де-Рибаса и Лашкарева. Въ Яссахъ болѣзнь его усилилась. Въ письмахъ къ Рѣпнину онъ пишетъ: «продолжающіяся мои страданія довели меня до совершенной слабости»... «Мѣсто сіе, наполненное трупами человѣческими и животныхъ, болѣе походитъ на гробъ, нежели на обиталище живыхъ. Болѣзнь меня замучила»...

Въ Петербургѣ, въ дворцѣ, царственная женщина слѣдила съ страшною тревогою за теченіемъ болѣзни стараго друга: читая бюллетени докторовъ, она плакала...

Къ больному пріѣхала его любимая племянница—Браницкая. Князю становилось все хуже и хуже. Хотя у него былъ цѣлый штабъ докторовъ, но «свѣтлѣйшій» не особенно любилъ исполнять ихъ совѣты. Напротивъ, Потемкинъ самъ способствовалъ усиленію болѣзни: онъ много ѣлъ, обливалъ, несмотря на жаръ въ тѣлѣ, холодною водою голову и раздражался по пустякамъ, какъ нетерпѣливый ребенокъ.

27 сентября князь изъявилъ рѣшительное желаніе уѣхать изъ Яссъ, которыя казались ему гробомъ, въ только-что отстроенный Николаевъ. Но, благодаря настоянію докторовъ, онъ еще остался на нѣсколько дней въ столицѣ Молдавіи. Передъ выѣздомъ—Потемкинъ подписалъ слабѣвшею уже рукою слѣдующее послѣднее письмо къ императрицѣ, продиктованное Попову и полученное государынею уже послѣ кончины «свѣтлѣйшаго»: «Матушка, всемилостивѣйшая государыня! Нѣтъ силы болѣе переносить мои мученія, одно спасеніе остается—оставить сей городъ, и я велѣлъ везти себя къ Николаеву. Не знаю, что будетъ со мною. Вѣрный и благодарный подданный (рукою Потемкина:) «я для спасенія уѣзжаю».

Поѣздъ съ больнымъ выѣхалъ изъ Яссъ и прибылъ на первую станцію, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ. Тамъ приготовили было пышную встрѣчу, но изъ кареты доносился страдальческій голосъ: «душно мнѣ, жарко!» Раннимъ утромъ выѣхали изъ мѣста остановки (князя сопровождала большая свита), но проѣхали только нѣсколько верстъ и больной приказалъ остановиться.

— Будетъ теперь,—сказалъ онъ,—некуда ѣхать: я умираю! Выньте меня изъ коляски: я хочу умереть на полѣ!

По другимъ разсказамъ, больной держалъ икону, лобызалъ ее, обливалъ слезами и рыдалъ, взывая: «Боже мой, Боже мой!»

Разсвѣтало. Положили коверъ, принесли кожаную подушку, уложили князя. Онъ ничего не говорилъ и стоналъ. Скоро затѣмъ, сильно вздохнувъ, протянулся и его не стало... Казакъ изъ конвойныхъ первый сказалъ, что князь отходитъ, и умиравшему закрыли глаза на вѣчный сонъ грязными мѣдными монетами...

Вотъ вдохновенные стихи Державина изъ его «Водопада» на смерть князя:

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище—чресла,

Двѣ ленты—покрываютъ очи;
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ, отверсты!
Чей одръ—земля, кровъ—воздухъ синь,
Чертоги—вкругъ пустынны виды?
Не ты-ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты-ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?

Впечатлѣніе отъ неожиданной кончины князя было необыкновенно. Императрица провела нѣсколько дней въ слезахъ и отчаяніи; ей принуждены были бросить кровь. Графъ Эстергази писалъ своей женѣ около этого времени: «Со смертью Потемкина все облечено здѣсь скорбію. Императрица ни разу не выходила; эрмитажа не было; она даже не играла въ карты во внутреннихъ покояхъ». Въ письмахъ къ Гримму и другимъ лицамъ и въ разговорахъ Екатерина высказывала искреннюю и глубокую скорбь о почившемъ и о невозможности замѣнить его другимъ дѣятелемъ. Но большинство лицъ, окружавшихъ ее, были довольны смертью Потемкина. Въ числѣ послѣднихъ считались и коронованныя особы, какъ Станиславъ Понятовскій, боявшійся замысловъ могущественнаго князя на Польшу.

Какъ-же впрочемъ было не радоваться придворнымъ, если даже, по словамъ Массона, не панегириста князя, это былъ человѣкъ необыкновенный, исполинъ, заслонявшій собою всѣхъ. «Онъ созидалъ или разрушалъ,—говоритъ Массонъ,—или спутывалъ все, но и оживлялъ все. Когда отсутствовалъ, только и рѣчей было, что о немъ; появлялся—и глядѣли исключительно на него одного. Вельможи, его ненавистники, игравшіе нѣкоторую роль въ бытность его въ арміи, при его появленіи, казалось, уходили въ землю, уничтожались при немъ»... «Что касается меня,—писалъ С. Р. Воронцову Ростопчинъ,—то я восхищаюсь тѣмъ, что день смерти его положительно извѣстенъ, тогда какъ никто не знаетъ времени паденія Родосскаго колосса».

Говоря словами принца де-Линь, въ характерѣ князя было много исполинскаго, романтическаго и варварскаго. Смерть его произвела громадный пробѣлъ въ Имперіи и смерть эта была такъ же необыкновенна, какъ и вся его жизнь. Понятно, что сосѣдство такого гиганта для людей, обладавшихъ только пороками «свѣтлѣйшаго» безъ его дарованій, было невыгодно.

«Древо великое пало: былъ человѣкъ необыкновенный!» говоритъ о немъ Московскій митрополитъ Платонъ.

Вотъ письмо Екатерины къ Гримму—великолѣпное надгробное

слово «свѣтлѣйшему»: «Страшный ударъ разразился надъ моею головою,—писала государыня,—мой ученикъ, мой другъ, можно сказать, мой идолъ, князь Потемкинъ-Таврическій—умеръ... Это былъ человѣкъ высокаго ума, рѣдкаго разума и превосходнаго сердца... Имъ никто не управлялъ, но самъ онъ удивительно умѣлъ управлять другими»...

Рады были смерти «свѣтлѣйшаго» и родственники, получившіе отъ него колоссальное наслѣдство въ десятки милліоновъ и неисчислимыя художественныя сокровища. Но эти наслѣдники были до того жадны, что просили не разъ Екатерину и даже Павла I о сложеніи долговъ почившаго казнѣ, которыхъ князь оставилъ на громадныя суммы.

Многое было прощено памяти покойнаго! Императрица приказала признать счеты по турецкой войнѣ законченными, хотя тамъ на самый худой конецъ недоставало многихъ милліоновъ и даже было ясно, что эти милліоны перешли въ карманы такихъ креатуръ князя, какъ Поповъ, Фалѣевъ и др Долгъ въ 700.000 р. банкиру Сутерланду былъ уплаченъ государынею, замѣтившею при этомъ, что князь «многія надобности имѣлъ по службѣ и нерѣдко издерживалъ свои деньги».

Хотя императрица скорбѣла первое время, но потомъ постепенно утѣшилась. Она издала по поводу смерти Потемкина пышный манифестъ и приказала изготовить грамоту съ перечисленіемъ всѣхъ его подвиговъ. Эта грамота хранилась въ соборной церкви Херсона, гдѣ также приказано было соорудить мраморный памятникъ Таврическому.

Послѣ смерти князя въ степи, трупъ его привезли въ Яссы, откуда послѣ пышной церемоніи доставили въ Херсонъ, гдѣ его поставили въ подпольномъ склепѣ церкви св. Екатерины. На мѣстѣ кончины «свѣтлѣйшаго» воздвигнутъ былъ памятникъ. Но въ судьбѣ «великолѣпнаго князя Тавриды» все было необыкновенно—и впослѣдствіи воздвигнутый Потемкину въ церкви Херсона памятникъ былъ уничтоженъ, а склепъ засыпанъ землею.

Послѣднее, что было сдѣлано съ останками «свѣтлѣйшаго»—это изслѣдованіе ученой коммиссіи, снаряженной въ 1873 г. Одесскимъ обществомъ исторіи и древностей. Она нашла въ могилѣ Потемкина ящикъ, въ которомъ лежалъ черепъ; на затылкѣ этого черепа виднѣлись клочки темнорусыхъ волосъ; кромѣ того въ ящикѣ лежало нѣсколько костей. Въ склепѣ нашли еще части деревяннаго и свинцоваго гробовъ, остатки позументовъ и гробовыя скобы, а

также три шитыя канителью орденскія звѣзды первой степени: Андрея, Владиміра и Георгія. Вотъ все, что осталось отъ «великолѣпнаго князя Тавриды», изумлявшаго міръ своею роскошью и могуществомъ! Не забудемъ сказать, что въ Херсонѣ, которому далъ жизнь «свѣтлѣйшій», послѣднему на повсемѣстный въ Россіи сборъ воздвигнутъ въ 1836 г. памятникъ.

Итакъ, въ глухой степи, въ туманный часъ разсвѣта, на грубой кожаной подушкѣ, въ страданіяхъ, кончилъ свою бурную жизнь этотъ необыкновенный человѣкъ, надѣленный большими дарованіями, но и утопавшій въ колоссальныхъ порокахъ, державшій въ своихъ рукахъ судьбы отечества и сосѣднихъ странъ. Его необузданная натура не хотѣла знать и не знала препятствій. Въ тотъ вѣкъ, когда вообще слишкомъ мало цѣнилось «пушечное мясо», онъ производилъ безъ содроганія свои колоссальные опыты, стоившіе огромныхъ жертвъ государству. Но и на этой почти недоступной для смертныхъ высотѣ могущества его душа, пресыщенная развратомъ, утомленная почестями, испытывала невыносимую тоску и искала обновляющаго начала: отъ грубыхъ сценъ разврата онъ переходилъ къ сентиментальной, платонической любви и вѣрилъ въ «нравственное сродство» душъ или сочинялъ умилительный «канонъ Спасителю». Во всякомъ случаѣ это была личность не изъ мелкой породы. Громадныя достоинства въ немъ стихійно перемѣшивались съ отвратительными пороками. Но когда представляешь себѣ эту гигантскую личность во всемъ ея ужасающемъ величіи, то ясно видишь, что такія явленія возможны только на почвѣ разнузданныхъ инстинктовъ, не сдерживаемыхъ никакими нравственными «началами». Великолѣпный князь Тавриды до извѣстной степени походилъ на тѣ гигантскіе болотные цвѣты, которые поражаютъ своею величиною, гордымъ и прекраснымъ видомъ, но ихъ чашечки заключаютъ ядовитый сокъ и подъ этими цвѣтами копошатся нерѣдко гады и змѣи. Таковъ былъ и Потемкинъ.

КОНЕЦЪ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Н. ПРЖЕВАЛЬСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПУТЕШЕСТВІЯ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. А. Энгельгардта

Съ портретомъ Пржевальскаго, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ, и съ географической картой.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ И. Г. САЛОВА. МѢЩАНСКАЯ УЛ., Д. № 5

1891

Популярно-научныя книги.

Предсказаніе погоды. Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

Физіологія души. А. Герцена, профессора Лозан. университета. Предисл. Герцена-отца. Съ франц. Ц. 1 р.

Міръ грезъ. Д-ра Симона. Сновидѣнія, галлюцинаціи, Сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Съ франц. Ц. 1 р.

Ручной трудъ. Составилъ Графиньи. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Экстазы человѣка. П Мантегацца. Пер. съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.

Прогрессъ нравственности. Летурно. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Ц. 1 р. 50 к.

Умственныя эпидеміи. Д-ра Реньяра. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

Который часъ? Н. Вавилова. Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнечныхъ часовъ. Съ 13 рис. Одобрено Акад. Наукъ. Цѣна 30 к.

Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія, 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.

Общедоступная астрономія. Фламмаріона. Съ франц. 2-е изд. 100 рис. Ц. 1 р.

Электрическіе аккумуляторы. Э. Ренье. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Съ 76 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

Электрическое освѣщеніе. В. Чиколева, съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Чудеса техники и электричества. В. Чиколева. Ц. 30 к.

О безопасности электрическаго освѣщенія. В. Чиколева. Ц. 25 к.

Электричество и магнитизмъ. А. Гано и Ж. Маневрье. Пер. Ф. Павленкова, В. Черкасова. и С. Степанова. Съ 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Справочная книжка по электротехникѣ. В. Чиколева. Ц. 75 к.

Телефонъ и его практическія примѣненія. Д-ра Мейера и Ириса. Съ 293 рис. Цѣна 2 р. 50 к.

Электрическіе элементы. Ніоде. Переводъ съ французск. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

Записки желудка. Переводъ съ 10 англійскаго изд. П. 50 к.

Сохраненіе здоровья. Общая гигіена д-ра Эйдама. Переводъ А. Д. Карицкаго. Ц. 40 к.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изд. Ц. 2 р.

Главнѣйшія приложенія электричества. Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова. Съ 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Электричество въ домашнемъ быту. Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Съ 157 рис. Ц. 2 р.

Электрическіе звонки. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійск. и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.

Современные психопаты. Д-ра Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

Психологія вниманія. Д-ра Рибо. Пер. съ фран. Ц. 50 к.

Психологія великихъ людей. Жоли. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

Геніальность и помѣшательство. Ц. Ломброзо. 2-е изд. Съ рис. Ц. 1 р.

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопатина. Ц. 75 к.

Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа. съ 3 рис. Бар. Н. Корфа. Ц. 10 к.

Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

Воздушное садоводство. Н. Жуковскаго. 2-е изд. Съ 73 рис. Ц. 60 к.

Эйфелева башня. Сост. Г. Тисандье. Съ рис. Пер. съ франц. Ц. 50 к.

Социальная жизнь животныхъ. Эспинаса. Перев. съ фран. Ф. Павленкова. 500 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Частная медицинская діагностика. Проф. Да-Коста. Съ нѣм. 704 стр., 43 рис. Ц. 3 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. А. Секки. Пер. съ фран. Ф. Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ, А. Альмедингена. Ц. 50 к.

Первобытные люди. Дебьера. Перев. съ франц. М. Энгельгардта. Со многими рис. Ц. 1 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Августа 1891 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

I. Дѣтство и юность 5

II. Подготовка къ путешествіямъ 16

III. Первое путешествіе въ Азію 26

IV. 2-ое и 3-е путешествія въ Азію 41

V. Четвертое путешествіе.—Итоги 53

VI. Характеръ и взгляды Пржевальскаго 63

VII. Послѣдніе дни и кончина Пржевальскаго. . . . 74

Матеріалами для біографіи Пржевальскаго послужили слѣдующія сочиненія:

1) *Дубровинъ.* Н. М. Пржевальскій. Спб. 1890.
2) Памяти Пржевальскаго. Изд. Имп. Рус. Геогр. Общ. Спб. 1889.
3) *Весинъ.* Пржевальскій и его путешествія. Вѣстн. Евр. 1889, № 7—8.
4) *Marthe.* N. M. Prschevalsky. Verh. der Gesellsch. fur Erdkunde zu Berlin. Bd. XV, № 9.
5) *Пржевальскій.* Воспоминанія охотника. Журн. Ох. и Конноз. 1862, № 6—8.
6) *Пржевальскій.* Автобіографія. Русск. Стар. 1888, № 11.
7) » Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ. Спб. 1870.
8) » Монголія и страна тангутовъ. Спб. 1876.
9) » Отъ Кульджи за Тянь - Шань и на Лобъ-Норъ. Спб. 1878.
10) *Пржевальскій.* Третье путешествіе въ Центральной Азіи. Спб. 1883.
11) *Пржевальскій.* Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. Спб. 1888.

I.

Дѣтство и юность.

Происхожденіе Пржевальскаго. — Его родители. — Воспитаніе. — Окружающая среда.—Въ гимназіи.—Гимназическіе порядки. — Увлеченіе военной службой.—Служба въ полку.—Армейская жизнь. -Переходъ въ Академію.—Служба въ Польшѣ.—Мечты о путешествіи и переходъ въ Варшаву.

Во второй половинѣ XVI столѣтія запорожецъ Корнило Паровальскій поступилъ на службу къ полякамъ, принялъ фамилію Пржевальскаго и, отличившись во многихъ битвахъ, получилъ шляхетство, гербъ и имѣнія.

Потомки его перешли въ католичество, но одинъ изъ нихъ, Казиміръ Пржевальскій, бѣжалъ изъ іезуитской школы, въ которой воспитывался, и вернулся къ православію, принявъ имя Кузьмы.

Его сынъ, Михаилъ Кузьмичъ, отецъ знаменитаго путешественника, служилъ въ русской арміи, усмирялъ польскихъ мятежниковъ въ 1832 году, а четыре года спустя вышелъ въ отставку вслѣдствіе разстроеннаго здоровья и поселился у отца, управлявшаго имѣніемъ въ Ельнинскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи. Тутъ познакомился онъ съ сосѣдями — богатой семьей нѣкихъ гг. Каретниковыхъ, младшая дочь которыхъ, Елена Алексѣевна, дѣвушка красивая, умная, энергичная и настойчивая, сильно ему полюбилась.

Отставной поручикъ, бѣдный, болѣзненный и некрасивый (онъ былъ высокаго роста, худой, блѣдный, съ мутными глазами и колтуномъ на головѣ) не могъ назваться завиднымъ женихомъ. Тѣмъ не менѣе увлеченіе было взаимнымъ, и родители Елены Алексѣевны, возмутившіеся было притязаніями Пржевальскаго и отказавшіе ему отъ дома, въ концѣ концовъ уступили и согласились на бракъ, который и состоялся въ 1838 году.

Сначала молодые жили въ имѣніи Каретниковыхъ Кимборовѣ, гдѣ у нихъ родился—31 ~~мая~~ марта 1839 года—сынъ Николай, будущій изслѣдователь Азіи; потомъ переселились въ усадьбу Отрадное, принадлежавшую Еленѣ Алексѣевнѣ. Здѣсь провелъ свое дѣтство нашъ знаменитый путешественникъ—въ средѣ, не особенно благопріятствовавшей духовному развитію.

Родители его стояли вдалекѣ отъ умственнаго движенія своей эпохи; это было довольно заурядное помѣщичье семейство стараго закала—скромное, честное, благочестивое, съ весьма ограниченнымъ кругомъ интересовъ. Объ отцѣ мы знаемъ немного: онъ былъ «человѣкъ практичный и рѣшительный»; дѣти его не помнили: онъ умеръ въ 1846 году, когда старшему сыну не исполнилось еще восьми лѣтъ. Мать — женщина характера твердаго и крутого — вела домъ и хозяйство по старинѣ. Состояніе ея — около 1000 десятинъ земли и 105 душъ крестьянъ—давало возможность вести сытую, но скромную жизнь. По смерти мужа она осталась полновластной хозяйкой; вторымъ лицомъ послѣ барыни была нянька Макарьевна, она же ключница и экономка — типъ не разъ изображавшійся въ нашей литературѣ: преданная до самозабвенія господамъ, сварливая и злая для своей братьи—крѣпостныхъ. Пуще всего допекала она дворовыхъ дѣвушекъ, строго наблюдая за ихъ поведеніемъ (сама она осталась незамужней) и донося барынѣ въ случаѣ «грѣха». Виновную выдавали за перваго попавшагося мужика — по уставу старопомѣщичьей морали.

Она смотрѣла за паничами, баловала ихъ, подкармливала сластями и яблоками, разсказывала сказки и т. д. «Изъ всѣхъ сказокъ — говоритъ Пржевальскій — особенно нравился мнѣ, мальчику непокорному и шаловливому, «Иванъ, великій охот-

никъ»; бывало какъ только закапризничаю, нянька и говоритъ: хочешь я разскажу тебѣ объ Иванѣ великомъ охотникѣ, и я тотчасъ стихаю».

Пржевальскій любилъ ее и со свойственнымъ ему постоянствомъ въ привязанностяхъ сохранилъ эту любовь втеченіе всей жизни. Онъ не замѣчалъ ея злостнаго отношенія къ окружающимъ, но высоко цѣнилъ ея нелицемѣрную преданность господамъ, какой не встрѣтишь «въ нынѣшнее огульно-развратное время», какъ онъ выражался.

«Росъ я въ деревнѣ дикаремъ — разсказываетъ онъ — воспитаніе было самое спартанское, я могъ выходить изъ дома во всякую погоду». Дѣти мокли подъ дождемъ, бѣгали по снѣгу, гуляли одни въ лѣсу, гдѣ водились и медвѣди, лазили по деревьямъ — вообще пользовались большою свободой. Но и потачки имъ не давалось; мать относилась къ нимъ очень строго; розги играли выдающуюся роль въ ея педагогіи, и будущему путешественнику досталось ихъ не мало: онъ уродился порядочнымъ сорванцомъ, и за свои проказы получалъ неукоснительное воздаяніе по предписаніямъ Домостроя. Это впрочемъ не портило семейныхъ отношеній; напротивъ, Пржевальскій нѣжно любилъ свою мать и всегда вспоминалъ о ней съ благодарностью. Она да нянька Макарьевна — едва ли не единственныя женщины, къ которымъ онъ — заклятой женоненавистникъ — относился съ искреннимъ уваженіемъ.

Воспитаніе и окружающая среда имѣютъ большее или меньшее значеніе для человѣка въ зависимости отъ его прирожденныхъ свойствъ. Одни поддаются внѣшнимъ воздѣйствіямъ легче, другіе труднѣе; Пржевальскій принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Натура стойкая, неподатливая, упорная — онъ съ юныхъ лѣтъ обнаруживалъ замѣчательную самостоятельность и всегда былъ «самъ по себѣ». Но и самые неподатливые люди не могутъ вполнѣ освободиться отъ внѣшнихъ вліяній. «Спартанское воспитаніе» не прошло для него безслѣдно: нѣкоторая грубоватость характера и понятій, непріятно поражавшая многихъ, кто сталкивался съ нимъ впослѣдствіи, развилась подъ вліяніемъ грубой среды.

На пятомъ году засадили его за ученье въ день пророка Наума, 1-го декабря, потому что «пророкъ Наумъ наставляетъ на умъ». Учителемъ былъ дядя Павелъ Алексѣевичъ, братъ Елены Алексѣевны, промотавшій собственное имѣнье и пріютившійся у сестры. Человѣкъ безпечный и страстный охотникъ, онъ представлялъ легкомысленный элементъ въ ихъ суровой, ветхозавѣтной семьѣ, но имѣлъ благотворное вліяніе на своихъ питомцевъ (Николая Михайловича и его брата Владиміра), обучая ихъ не только грамотѣ и французскому языку, но также стрѣльбѣ и охотѣ. «Сначала стрѣлялъ я изъ игрушечнаго ружья жолудями, разсказываетъ Пржевальскій—потомъ изъ лука, а лѣтъ 12 получилъ настоящее ружье. Руководителемъ въ охотѣ былъ мой дядя, Павелъ Алексѣевичъ Каретниковъ, который помимо охоты имѣлъ другую страсть — запивалъ время отъ времени, и тогда на охоту не ходилъ». Подъ его вліяніемъ развивалась въ мальчикѣ рано пробудившаяся любовь къ природѣ, превратившаяся наконецъ въ истинную страсть и создавшая изъ него путешественника-натуралиста.

Года черезъ два стали приглашать учителей-семинаристовъ, которые впрочемъ плохо удовлетворяли своему назначенію и часто мѣнялись. Наконецъ попался сносный менторъ, подготовившій мальчиковъ въ училище.

Мать хотѣла отдать ихъ въ кадетскій корпусъ, но когда это не удалось, отправила въ Смоленскъ, гдѣ они были приняты во второй классъ гимназіи.

Въ Смоленскѣ вели они очень скромную жизнь, помѣщаясь на квартирѣ, стоившей два рубля въ мѣсяцъ, подъ присмотромъ крѣпостного «дядьки» Игната, который водилъ ихъ въ гимназію и сопровождалъ на прогулкахъ.

Николай Пржевальскій былъ хорошій товарищъ, но близкихъ друзей не имѣлъ. Сверстники невольно подчинялись его вліянію; онъ былъ коноводомъ своего класса. Онъ всегда заступался за новичковъ — черта, свидѣтельствующая не только о великодушіи, но и о независимомъ характерѣ: въ то время травля новичковъ считалась какъ бы священной обязанностью; надо же «отшлифовать» парня, разсуждали това-

рищи... Но Пржевальскій, какъ мы сказали, былъ самъ по себѣ.

Ученье давалось ему легко: онъ обладалъ изумительной памятью—качество очень важное при тогдашней системѣ преподаванія. Нелюбимымъ предметомъ его была математика, но и тутъ вывозила память: «ему всегда ясно представлялась и страница книги, гдѣ былъ отвѣтъ на заданные вопросы, и какимъ шрифтомъ она напечатана, и какія буквы на геометрическомъ чертежѣ, и самыя формулы со всѣми ихъ буквами и знаками».

Живое воображеніе и феноменальная память опредѣлили весь складъ его ума. Онъ, какъ самъ выражался, мыслилъ образами. Сужденія его о тѣхъ или другихъ явленіяхъ складывались непосредственно, интуитивно; онъ скорѣе смотрѣлъ и видѣлъ, чѣмъ думалъ и заключалъ. Ясный и здравый умъ помогалъ ему быстро оріентироваться и схватывать сущность явленія; книги и письма его полны мѣткихъ замѣчаній, блестящихъ характеристикъ; но полагаясь на первое впечатлѣніе, онъ нерѣдко впадалъ въ поверхностныя сужденія, образчики которыхъ увидимъ ниже.

Какъ противовѣсъ слишкомъ одностороннему развитію памяти и воображенія, было бы полезно развитіе склонности къ отвлеченному мышленію, но гимназія не могла оказать вліянія въ этомъ отношеніи.

Вакаціи, тянувшіяся очень долго, съ мая до октября и даже ноября, мальчики проводили дома въ Отрадномъ. Они помѣщались съ дядей во флигелѣ, куда приходили только на ночь, проводя весь день на охотѣ и рыбной ловлѣ. Это была безспорно полезнѣйшая часть въ воспитаніи будущаго путешественника. Подъ вліяніемъ жизни въ лѣсу, на воздухѣ, закалялось и крѣпло здоровье; развивалась энергія, неутомимость, выносливость, изощрялась наблюдательность; росла и укрѣплялась любовь къ природѣ, придавшая всей его жизни такую своеобразную окраску.

За то книжная сторона его воспитанія сильно хромала. Литературу въ домѣ его родителей замѣняли лубочныя изданія, покупаемыя у коробейниковъ. Въ числѣ прочей дребедени по-

палась ему книжка «Воинъ безъ страха», сыгравшая немаловажную роль въ его жизни. «Написанная прекраснымъ языкомъ» и рисовавшая воинскія добродѣтели самыми яркими красками, она произвела на него глубокое впечатлѣніе. Разсказы о севастопольскихъ подвигахъ тоже кружили ему голову, и въ концѣ концовъ онъ рѣшился поступить въ военную службу.

Гимназическое воспитаніе кончилось въ 1855 году, когда Пржевальскому исполнилось всего 16 лѣтъ.

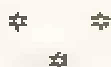
Лѣто провелъ онъ въ деревнѣ, занимаясь охотой и рыбной ловлей, а осенью долженъ былъ отправиться въ Москву и поступить въ полкъ.

Въ тѣ времена это было цѣлое путешествіе, къ которому готовились заблаговременно: ладили экипажи, закупали необходимыя вещи и т. д.

Какъ ни мечталъ Пржевальскій о военныхъ подвигахъ, но разставаться съ родительскимъ домомъ было ему тяжело. Въ послѣдніе дни передъ отъѣздомъ онъ сильно тосковалъ.

«Наконецъ наступила роковая минута. Меня позвали къ матери; я вошелъ въ залу. У большого образа теплилась лампада, а на колѣняхъ передъ нимъ молилась моя мать. Въ углу стояла няня, нѣсколько дворовыхъ, и всѣ плакали. «Станьте здѣсь и молитесь,—обратилась ко мнѣ и брату мать. Мы молча исполнили ея приказаніе. Глубокая тишина водворилась въ комнатѣ, изрѣдка прерываемая тяжкими вздохами. Наконецъ мать встала и взяла образъ; я подошелъ къ ней.—«Да сохранитъ тебя Господь Богъ во всей твоей жизни»,—сказала она и начала благословлять. Этой минуты не вынесла моя переполненная душа. Долго сдерживаемыя слезы разомъ брызнули изъ глазъ, и я заплакалъ какъ ребенокъ.

«Прощай, мой голубчикъ»,—сказала, поцѣловавъ меня, старая няня.—«Прощайте, баринъ, прощайте! дай Богъ вамъ счастья!»—слышалось со всѣхъ сторонъ. Да, это была минута тяжкаго испытанія; я не забуду ее никогда» (Пржевальскій. Воспоминанія охотника).

По пріѣздѣ въ Москву Пржевальскій поступилъ унтеръ-офицеромъ въ Рязанскій пѣхотный полкъ.

Вскорѣ послѣ этого онъ былъ переведенъ прапорщикомъ въ Полоцкій пѣхотный полкъ, стоявшій въ г. Бѣломъ, Смоленской губ. Онъ скоро разочаровался въ военной жизни. Окружающая среда тяготила его: недовольство, которое она возбуждала въ немъ, усиливало его любовь къ природѣ, къ одинокой и привольной жизни среди лѣсовъ. Жажда дѣла разумнаго и плодотворнаго не оставляла его, но гдѣ найти это дѣло? Куда приложить свои силы? Полковая жизнь не давала отвѣта на вопросы — и Пржевальскій снова обращался къ природѣ, уходилъ въ лѣсъ, проводилъ все свободное время на охотѣ, заинтересовался собираніемъ растеній и начиналъ мечтать о путешествіяхъ. Такъ обстановка вырабатывала изъ него будущаго вѣчнаго странника.

Съ другой стороны грубость и низменность окружающаго общества не могла не развивать въ немъ извѣстнаго презрѣнія къ людямъ. Онъ пріучался къ мысли, что это грубое и дикое стадо, для котораго необходимы кулакъ и палка.

«Я невольно задавалъ себѣ вопросъ: гдѣ же нравственное совершенство человѣка, гдѣ безкорыстіе и благородство его поступковъ, гдѣ тѣ высокіе идеалы, передъ которыми я привыкъ благоговѣть съ дѣтства? И не могъ дать себѣ удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы, и каждый мѣсяцъ, можно сказать, каждый день дальнѣйшей жизни убѣждалъ меня въ противномъ, а пять лѣтъ, проведенные на службѣ, совершенно перемѣнили прежніе мои взгляды на жизнь и человѣка». (*Воспоминанія охотника*).

Ему приходилось такъ горько, что по временамъ онъ уходилъ въ лѣсъ и плакалъ.

Поддержкой въ этомъ тяжеломъ положеніи являлась, кромѣ любви къ природѣ, переписка съ матерью и случайныя побывки въ родномъ домѣ. Матери онъ писалъ очень часто, со-

общая ей о всѣхъ мелочахъ своей военной жизни. То, что было хорошаго въ его спартанскомъ воспитаніи: нѣжная любовь матери, сознаніе долга, твердость въ исполненіи обязанностей, которыя она старалась привить дѣтямъ,—оказали здѣсь благотворное вліяніе.

Матеріальное положеніе Пржевальскаго было непривлекательно—особенно въ первое время службы. Собственныхъ денегъ имѣлось мало, а содержали юнкеровъ плохо.

Но матеріальныя невзгоды еще не такъ угнетали его, какъ нравственная неудовлетворенность. Долго онъ терпѣлъ ее, утѣшаясь охотой и чтеніемъ—преимущественно историческихъ книгъ и путешествій; но наконецъ рѣшился выйти изъ своего безотраднаго положенія.

«Прослуживъ пять лѣтъ въ арміи, протаскавшись въ караулы и по всевозможнымъ гауптвахтамъ, и на стрѣльбу со взводомъ, я наконецъ ясно созналъ необходимость измѣнить подобный образъ жизни и избрать болѣе обширное поприще дѣятельности, гдѣ бы можно было тратить трудъ и время для разумной цѣли. Однако эти пять лѣтъ не пропали для меня даромъ. Не говоря уже о томъ, что они измѣнили мой возрастъ съ 17 на 22 года и что впродолженіе этого періода въ моихъ понятіяхъ и взглядахъ на жизнь произошла огромная перемѣна—я хорошо понялъ и изучилъ то общество, въ которомъ находился».

Онъ просилъ начальство о переводѣ на Амуръ, но вмѣсто отвѣта былъ посаженъ на трое сутокъ подъ арестъ. Тогда онъ рѣшился поступить въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба. Для этого нужно было сдать экзаменъ по военнымъ наукамъ, и Пржевальскій ревностно принялся за книги, просиживая надъ ними часовъ по 16 въ сутки, а для отдыха отправляясь на охоту. Великолѣпная память помогла ему справиться съ предметами, о которыхъ онъ раньше не имѣлъ понятія. Только математика да уставы внушали ему нѣкоторое опасеніе. Тѣмъ не менѣе, просидѣвъ около года надъ книгами, онъ отправился въ Петербургъ попытать счастья.

Это былъ первый шагъ впередъ отъ жалкаго прозябанія въ армейскомъ полку къ славной и плодотворной карьерѣ знаме-

нитаго путешественника. Конечно до нея было еще далеко, но все же поступленіе въ Академію явилось переломомъ въ жизни Пржевальскаго.

* *
*

Въ Петербургъ онъ поѣхалъ налегкѣ, занявъ у одной знакомой 170 р. съ обязательствомъ возвратить 270. Къ его великому ужасу на экзаменъ въ Академію явилось 180 человѣкъ: онъ уже рѣшилъ, что провалится; но не смотря на сильную конкурренцію былъ принятъ однимъ изъ первыхъ: большинство явившихся оказались плохо подготовленными.

Живя въ крайне стѣсненномъ матеріальномъ положеніи—нерѣдко впроголодь—онъ сторонился отъ товарищей, не примыкалъ ни къ какому кружку и распредѣлялъ время между посѣщеніемъ лекцій и чтеніемъ книгъ по исторіи и естествознанію.

Военными науками онъ вовсе не интересовался, но на экзаменахъ вывозила его счастливая память. Прочитавъ книгу, онъ могъ цитировать слово въ слово цѣлыя страницы, и притомъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того какъ книга была прочитана. Однажды впрочемъ ему чуть не пришлось распрощаться съ Академіей. Посланный лѣтомъ на съемку въ Боровской уѣздъ, онъ занимался все время охотой; съемка оказалась плохой, и только блестящіе отвѣты на устныхъ экзаменахъ спасли его отъ исключенія.

Въ это же время началась его литературная дѣятельность. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ написалъ статейку *«Воспоминанія охотника»*, которая была напечатана въ *«Журналъ Охоты и Коннозаводства»*. Денегъ за нее онъ не получилъ, но былъ несказанно радъ, что статья явилась въ печати.

Вторымъ литературнымъ дѣтищемъ его было: *«Военностатистическое обозрѣніе Приамурскаго края»*. Статья эта, компилятивная и написанная на заданную тему, отличалась однако такими достоинствами, такимъ добросо-

вѣстнымъ и основательнымъ изученіемъ источниковъ, что обратила на себя вниманіе Географическаго Общества, которое избрало Пржевальскаго своимъ дѣйствительнымъ членомъ.

Въ 1863 году, въ началѣ польскаго возстанія, офицерамъ старшаго курса Академіи было объявлено, что тотъ, кто пожелаетъ отправиться въ Польшу, будетъ выпущенъ на льготныхъ основаніяхъ. Въ числѣ желающихъ оказался и Пржевальскій. Въ іюлѣ 1863 года онъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ полковымъ адъютантомъ въ свой прежній Полоцкій полкъ.

Въ Польшѣ онъ принималъ участіе въ усмиреніи мятежа, но кажется больше интересовался охотой и книгами. Охотничья страсть едва не сыграла съ нимъ злую шутку; увлекшись преслѣдованіемъ какой-то дичи, онъ попалъ однажды въ шайку повстанцевъ и еле успѣлъ ускакать отъ нихъ.

Среди офицеровъ онъ пользовался большимъ уваженіемъ за свой прямодушный, рыцарскій характеръ; но и здѣсь держался особнякомъ.

Вообще, стремленіе къ одиночеству было у него всегда, начиная съ гимназіи и кончая послѣдними годами жизни. Не нравились ему суета, шумъ и дрязги общественной жизни; стѣсненія, которыя она налагаетъ; наконецъ и характеръ его, повелительный и нелишенный властолюбія и нетерпимости, препятствовалъ слишкомъ тѣсному сближенію съ людьми. Онъ былъ отличный товарищъ, радушный хозяинъ, надежный вождь, заботливый патронъ, но окружалъ себя только такими лицами, надъ которыми могъ господствовать.

Въ свободное время онъ усердно занимался, читалъ, изучалъ зоологію и ботанику и мечталъ о путешествіи. Въ то время его занимала Африка—классическое поприще знаменитыхъ путешественниковъ. Подвиги Ливингстоновъ и Бэккеровъ кружили ему голову. Но до Африки было далеко, да и вообще путешествіе казалось несбыточной мечтой безвѣстному офицеру, безъ имени, безъ средствъ, безъ протекціи. Пока что,—приходилось искать поприща поскромнѣе. Жить въ провинціи ему не хотѣлось: недостатокъ средствъ и учебныхъ пособій давалъ себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ пистин-

ктивная любовь его къ природѣ принимала осмысленный характеръ. Узнавъ, что въ Варшавѣ открывается юнкерское училище, онъ началъ хлопотать о переводѣ, и въ декабрѣ 1864 года былъ назначенъ туда взводнымъ офицеромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателемъ исторіи и географіи.

II.

Подготовка къ путешествіямъ.

Пребываніе въ Варшавѣ. — Педагогическая дѣятельность. — Отношенія къ ученикамъ. — Образъ жизни. — Переводъ въ Главный Штабъ. — Командировка въ Уссурійскій край. — Плаваніе по Уссури. — Экспедиція въ Южно-Уссурійскій край. — Весна на озерѣ Ханка. — Возстаніе «хунь-хузовъ». — Жизнь въ Николаевскѣ на Амурѣ. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Результаты путешествія. — Книга объ Уссурійскомъ краѣ. — Проектъ экспедиціи въ Центральную Азію.

Въ Варшавѣ Пржевальскій могъ пополнить пробѣлы въ своемъ образованіи: тутъ къ его услугамъ были и книги, и пособія, и общество спеціалистовъ. Двухлѣтнее пребываніе въ этомъ городѣ было теоретической подготовкой къ путешествіямъ; послѣдовавшая затѣмъ экспедиція въ Уссурійскій край—практической школой, въ которой онъ испробовалъ свои силы и пріобрѣлъ необходимый опытъ.

Мечты объ экспедиціи въ Африку пришлось оставить: она требовала слишкомъ значительныхъ средствъ. Вниманіе Пржевальскаго обратилось къ Азіи: здѣсь тоже открывалось богатое поле для изслѣдованій, и путешествіе казалось болѣе осуществимымъ.

Въ ожиданіи удобнаго случая онъ рьяно принялся за свои новыя обязанности. Дѣло пошло какъ нельзя лучше. Лекціи его имѣли огромный успѣхъ; юнкера изъ другихъ отдѣленій класса собирались послушать его живую, картинную, энергиче-

скую рѣчь. Удивительная память позволяла ему цитировать лучшія страницы изъ авторовъ, писавшихъ о трактуемомъ предметѣ. Онъ умѣлъ возбудить въ своихъ ученикахъ охоту къ знанію, такъ что многіе изъ нихъ поступали впослѣдствіи въ университетъ, земледѣльческую академію и т. п.: результатъ краснорѣчивый, если мы примемъ въ соображеніе, что въ юнкерское училище поступали молодые люди, скорѣе бѣжавшіе отъ науки, чѣмъ стремившіеся къ ней. Только нѣкоторые изъ коллегъ Пржевальскаго были недовольны имъ и жаловались начальству, что онъ отбиваетъ у нихъ учениковъ.

Онъ сформировалъ училищную библіотеку, руководилъ чтеніемъ юнкеровъ и пользовался среди нихъ большой популярностью какъ за преподаваніе, такъ и за безусловную справедливость.

«Система поблажки любимчикамъ находилась у него въ полномъ отсутствіи. Онъ былъ вполнѣ безпристрастенъ и зачастую ставилъ единицу и нуль самымъ любимымъ юнкерамъ.

«Часто посѣщавшему его и довольно близко къ нему стоявшему юнкеру К. пришлось остаться на второй годъ за невыдержаніе экзамена именно по исторіи и географіи. Самъ Пржевальскій настоялъ на этомъ. Ни слезы матери, ни увѣренія К., что онъ будетъ учиться, ни просьбы за него товарищей и начальниковъ не могли поколебать справедливаго рѣшенія Пржевальскаго.

«На всѣ докучливыя моленія онъ отвѣчалъ намъ: не буду ли я вамъ, юноши, смѣшонъ и жалокъ послѣ такой уступки? Гдѣ же справедливость? Переправивъ К. двойку на тройку, во имя той же справедливости необходимо сдѣлать это и для А., для Р. и другихъ. Вспомните прекрасныя слова: я знаю одинъ народъ — человѣчество, одинъ законъ — справедливость».

Юнкера нерѣдко собирались у него на квартирѣ, состоявшей изъ трехъ комнатъ съ очень простымъ убранствомъ: нѣсколько буковыхъ стульевъ, простой столъ, кровать, ружья и полка съ книгами, на которыя онъ тратилъ большую часть свободныхъ денегъ.

Онъ былъ очень радушный и хлѣбосольный хозяинъ; любилъ поѣсть и накормить гостей до отвалу. Водки не пилъ и пьянство ненавидѣлъ; но былъ большой охотникъ до шипучихъ водъ — яблочныхъ, грушевыхъ и т. д., которыя держалъ цѣлыми боченками. Любилъ также сладости — «услады», какъ онъ выражался — и закуски. За чаемъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ, вареньемъ, конфетами подавались у него колбаса, сыръ, сардинки, яблоки, фиги, финики, а вмѣсто ужина — сельди, семга и лососина.

Ѣлъ онъ много и быстро; копаться и смаковать кушанья по энергическому характеру своему не любилъ и часто удивлялъ гостей своимъ аппетитомъ.

«Николаю Михайловичу подали большую миску супа. По размѣрамъ посуды я думалъ, что вѣроятно онъ ожидаетъ кого-нибудь изъ гостей; но каково было мое удивленіе, когда между разговорами онъ уничтожилъ все содержимое миски, затѣмъ налилъ пол-стакана краснаго вина, залпомъ выпилъ его, потомъ стаканъ зельтерской воды, и приказалъ подать второе блюдо, которое заключалось въ подобной же мискѣ, но меньшихъ размѣровъ. Въ этой мискѣ находилось три куска бифштекса, которые были уничтожены одинъ за другимъ; при этомъ повторилось запиваніе ихъ краснымъ виномъ пополамъ съ зельтерской водой».

«Мы никогда не стѣсняли его и не мѣшали ему, да онъ и не принадлежалъ къ числу такихъ лицъ, которыя церемонятся. Чутьемъ мы знали, когда онъ намѣревался заниматься, тогда никто изъ насъ не дерзалъ войти въ ту комнату, гдѣ онъ сидѣлъ. Въ такихъ случаяхъ брали мы съ завѣтныхъ полокъ книги и просиживали цѣлые вечера за чтеніемъ. Случались и такіе дни, когда мы уходили не видавъ его, пробывъ въ его квартирѣ 6—7 часовъ. Запкинъ (слуга Пржевальскаго) въ такіе вечера, подавая чай и всевозможныя закуски, грозилъ намъ пальцемъ и говорилъ безпрерывно шопотомъ: тише, тише, г-да юнкаря, Николай Михайловичъ не уважаютъ шуму, когда въ книжку читаютъ. Затѣмъ онъ наливалъ чай, клалъ на тарелку яства и на цыпочкахъ входилъ безмолвно къ своему господину».

За время пребыванія въ Варшавѣ онъ составилъ учеб-

никъ географіи, представляющій большія достоинства по отзывамъ свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ людей, и много занимался исторіей, зоологіей и ботаникой. Средне-русскую флору онъ изучилъ очень основательно; составилъ гербарій изъ растеній Смоленской, Радомской и Варшавской губерній; посѣщалъ зоологическій музей и ботаническій садъ, и пользовался указаніями извѣстнаго орнитолога Тачановскаго и ботаника Александровича. Мечтая о путешествіи въ Азію, онъ тщательно изучилъ географію этой части свѣта. Гумбольдтъ и Риттеръ были его настольными книгами.

Погруженный въ занятія, онъ рѣдко ходилъ въ гости, да и по характеру своему не любилъ баловъ, вечеринокъ и пр. Вообще, это была замѣчательно цѣльная натура. Человѣкъ дѣла — онъ ненавидѣлъ суету и толчею; человѣкъ непосредственный и искренній — онъ питалъ какую-ту органическую ненависть ко всему, что отзывалось условностью, искуственностью и фальшью, хотя бы самою невинною. Это отражалось на его вкусахъ и привычкахъ. Общественная жизнь съ ея сложнымъ кодексомъ условныхъ правилъ отталкивала его, театра онъ не выносилъ, беллетристики недолюбливалъ. Ему нравилось только безыскусственное, неподкрашенное, простое, какъ сама природа.

Любимое развлеченіе его—охота—въ окрестностяхъ Варшавы оказалось почти недоступнымъ вслѣдствіе смутнаго времени; однажды, охотясь въ штатскомъ платьѣ, онъ былъ орестованъ и просидѣлъ въ части, пока полиція не убѣдилась въ его благонадежности.

Изрѣдка навѣщалъ онъ своихъ сослуживцевъ, съ которыми игралъ въ карты и преимущественно въ азартныя игры, причемъ «собиралъ съ товарищей иногда почтенную дань, которая совмѣстно съ деньгами, вырученными по изданію учебника географіи, послужила основаніемъ скромнаго фонда при поѣздкѣ въ Сибирь».

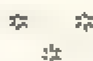
Кромѣ юнкеровъ, съ которыми, какъ мы видили, возился онъ очень заботливо, собирались иногда у него товарищи, офицеры генеральнаго штаба и юнкерскаго училища, студенты университета, и др. Въ такихъ случаяхъ засиживались иногда до поздней ночи, коротая время въ раз-

говорахъ, предметомъ которыхъ были естественныя науки или исторія.

Образъ жизни онъ велъ довольно правильный; вставалъ въ 6 часовъ и занимался до 8; затѣмъ отправлялся въ училище, около 12 часовъ уходилъ и, позавтракавъ гдѣ-нибудь въ городѣ, шелъ въ зоологическій музей или ботаническій садъ; къ тремъ часамъ возвращался въ училище и занимался служебными дѣлами. Вечера по большей части проводилъ дома и въ 9 часовъ ложился спать, если не было гостей.

Между тѣмъ время шло, и мысль о путешествіи преслѣдовала Пржевальскаго все неотвязнѣе. Но какъ осуществить ее? Бѣдность, неизвѣстность, недостатокъ связей, наконецъ польская фамилія являлись сильными помѣхами.

Наконецъ, благодаря содѣйствію нѣкоторыхъ важныхъ лицъ, ему удалось добиться причисленія къ Генеральному Штабу и перевода въ Восточно-Сибирскій округъ.

Въ январѣ 1867 года Пржевальскій выѣхалъ изъ Варшавы. Съ нимъ отправился нѣмецъ препараторъ, Робертъ Кёхеръ; они условились дѣлить пополамъ коллекціи, которыя соберутъ въ путешествіи.

Проѣздомъ въ Петербургѣ Пржевальскій познакомился съ П. П. Семеновымъ, въ то время предсѣдателемъ секціи физической географіи Императорскаго Географическаго Общества, и, объяснивъ ему планъ своего путешествія, просилъ поддержки со стороны Общества.

Это однако оказалось невозможнымъ. Географическое Общество снаряжало экспедиціи изъ лицъ, зарекомендовавшихъ себя учеными трудами, и не могло довѣриться человѣку совершенно неизвѣстному.

Поэтому и поддержка его ограничилась рекомендательными письмами Семенова къ важнымъ лицамъ сибирской

администраціи и обѣщаніемъ болѣе существеннаго пособія въ будущемъ, если путешествіе въ Восточную Сибирь принесетъ полезные плоды.

Въ концѣ марта 1867 года Пржевальскій явился въ Иркутскъ, а въ началѣ мая получилъ командировку въ Уссурійскій край. Сибирскій отдѣлъ Географическаго Общества оказалъ ему содѣйствіе выдачей топографическихъ и астрономическихъ инструментовъ и небольшой суммы денегъ, что было очень кстати при скудныхъ средствахъ путешественника.

Восторженное настроеніе, въ которомъ онъ находился, отразилось въ слѣдующемъ письмѣ:

«Черезъ 3 дня, т. е. 26 мая, я ѣду на Амуръ, потомъ на р. Уссури, озеро Ханка и на берега Великаго Океана къ границамъ Кореи.

«Вообще экспедиція великолѣпная. Я радъ до безумія! Главное, что я одинъ и могу свободно располагать своимъ временемъ, мѣстопребываніемъ и занятіями. Да, на меня выпала завидная доля и трудная обязанность — изслѣдовать мѣстности, въ большей части которыхъ еще не ступала нога европейца.

«Нѣмецъ (Кёхеръ), котораго я привезъ изъ Варшавы, оказался никуда не годнымъ и рѣшительно не способнымъ къ перенесенію какихъ либо физическихъ трудностей. Кромѣ того каждый день плакалъ о своей невѣстѣ и о Варшавѣ, такъ что я наконецъ прогналъ его отъ себя; послѣднее время онъ даже не хотѣлъ идти на охоту и ровно ничего не дѣлалъ, говоря, что ничто его не тѣшитъ».

Нѣмца замѣнилъ нѣкто Ягуновъ, 16-ти лѣтній мальчикъ, топографъ, который случайно зашелъ къ Пржевальскому, понравился ему и согласился ѣхать съ нимъ на Уссури.

Запасшись всѣмъ необходимымъ, въ особенности охотничьими принадлежностями, они отправились черезъ Байкалъ къ р. Шилкѣ, потомъ по Амуру въ селеніе Хабаровку у устья р. Уссури; тутъ собственно началось путешествіе.

Плаваніе по Уссури, среди дикой, лѣсистой мѣстности, продолжалось 23 дня. Путешественники большею частью шли

берегомъ, собирая растенія и стрѣляя птицъ, въ то время какъ гребцы-казаки, проклиная господъ, замедлявшихъ движеніе своими затѣями, слѣдовали за ними въ лодкѣ. Добравшись до станицы Буссе, Пржевальскій отправился на озеро Ханка, представлявшее много интереснаго въ ботаническомъ, а особенно зоологическомъ отношеніи: оно служитъ станціей миріадамъ птицъ во время перелета. Собравши порядочную коллекцію растеній, птицъ, насѣкомыхъ и пр., онъ направился къ побережью Японскаго моря, а оттуда, уже зимою, предпринялъ трудную и утомительную экспедицію въ малоизвѣстную часть Южно-Уссурійскаго края. Приходилось блуждать по невѣдомымъ тропинкамъ, ночевать въ лѣсу, на морозѣ, у костра, причемъ, по выраженію солдатъ, съ одного бока были Петровки, съ другого Рождество (т. е. съ одной стороны пекло отъ костра, съ другой охватывало морозомъ)—вообще испытали много невзгодъ. Эта экспедиція, втеченіе которой было пройдено 1060 верстъ, продолжалась три мѣсяца. 7 января 1868 года путешественники вернулись въ станицу Буссе.

Весною Пржевальскій снова отправился на озеро Ханка съ спеціальною цѣлью изучить его орнитологическую фауну и наблюдать за пролетомъ птицъ. Это былъ лучшій періодъ путешествія, несмотря на скверную матеріальную обстановку. Съ появленіемъ первыхъ проталинъ потянулись безчисленныя стаи птицъ. Журавли, цапли, кулики, утки всевозможныхъ породъ тянули не десятками, не сотнями тысячъ, а мильонами; не стаями, а тучами, которыя Пржевальскій сравниваетъ съ тучами саранчи. «Здѣсь столько породъ птицъ — пишетъ онъ дядѣ — что и во снѣ не приснится. Какихъ тамъ нѣтъ утокъ и другихъ птицъ. Нѣкоторыя такъ красивы, что едва-ли такихъ можно сдѣлать и на картинѣ. У меня теперь уже есть 210 чучелъ этихъ птицъ. Въ числѣ чучелъ есть у меня журавль весь бѣлый, только половина крыльевъ черная; этотъ журавль имѣетъ въ размахѣ крыльевъ около 8 футовъ. Есть на Ханка еще куликъ величиною съ большого гуся и весь превосходнаго розоваго цвѣта; есть иволга величиною съ голубя и ярко желтаго цвѣта, а свиститъ-то она какъ громко! есть цапли

бѣлыя какъ снѣгъ, черные аисты и много много есть рѣдкостей, какъ между животными, такъ и между растеніями. Между послѣдними въ особенности замѣчательна огромная (величиною въ шапку) водяная кувшинка, родной братъ гвіанской Викторіи; она вся красная и превосходно пахнетъ».

Покончивъ съ наблюденіями на озерѣ Ханка, онъ думалъ отправиться въ Манчжурію. Но въ это время шайка китайскихъ разбойниковъ — «хунь-хузовъ» вторглась въ наши владѣнія на побережьи Японскаго моря, истребляя русскія деревни и подстрекая къ возстанію мѣстное китайское населеніе. Пржевальскій былъ оторванъ отъ своихъ занятій и отправился усмирять возстаніе, что и исполнилъ быстро и успѣшно. За это получилъ онъ капитанскій чинъ и былъ переведенъ въ генеральный штабъ, «чего до сихъ поръ не дѣлали по разнымъ интригамъ» (писалъ онъ). Вообще, въ это время онъ, кажется, многимъ не нравился. Особенно возмущались его самоувѣреннымъ тономъ, когда онъ говорилъ о результатахъ своего путешествія. Эта увѣренность проистекала отъ сознанія своихъ силъ и блистательно оправдалась впослѣдствіи, но пока — раздражала важныхъ особъ: какъ молъ смѣетъ зазнаваться такая мелкая сошка?

Въ то же время онъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба войскъ Приморской области и переѣхалъ въ Николаевскъ на Амурѣ, гдѣ прожилъ зиму 1868—69 г.

Амурская жизнь вызвала крайне рѣзкіе отзывы съ его стороны.

Впрочемъ, по крайней мѣрѣ одинъ изъ пороковъ этого общества—страсть въ картежной игрѣ—принесъ существенную пользу Пржевальскому. Онъ игралъ съ мѣстными купцами и офицерствомъ — и всегда счастливо, почти не зная проигрыша, за что и получилъ прозвище «золотой фазанъ». При выигрышѣ вт 1000 рублей прекращалъ игру и никогда не имѣлъ при себѣ болѣе 500 рублей.

«Я играю для того, чтобы выиграть себѣ независимость» — говорилъ онъ. Въ зиму 1868 года онъ выигралъ 12.000 рублей, «такъ что теперь могу назваться состоятельнымъ человѣкомъ и располагать собою независимо отъ службы».

Впослѣдствіи, уѣзжая изъ Николаевска, онъ бросилъ свои карты въ Амуръ, сказавши при этомъ: «съ Амуромъ прощайте и амурскія привычки».

Кромѣ добыванія независимости по упомянутому способу, онъ занимался канцелярскими дѣлами, внушавшими ему глубокое отвращеніе, и обработывалъ для печати свое путешествіе. Передъ отъѣздомъ изъ Николаевска онъ представилъ въ Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества статью *«объ инородческомъ населеніи въ южной части Приморской области»*, которая была напечатана въ «Извѣстіяхъ» Отдѣла и доставила своему автору его первую ученую награду: серебряную медаль.

Пополнивъ свои изслѣдованія новыми экскурсіями втеченіе весны и лѣта 1869 г., онъ отправился въ Иркутскъ, гдѣ читалъ лекціи объ Уссурійскомъ краѣ, а отсюда въ Петербургъ, куда прибылъ въ январѣ 1870 г.

Здѣсь онъ былъ принятъ какъ свой человѣкъ въ средѣ Географическаго Общества. Путешествіе его оказалось крупнымъ вкладомъ въ наши свѣдѣнія объ азіатской природѣ. Уссурійскій край—замѣчательная мѣстность: тутъ смѣшиваются представители юга и сѣвера, тропическихъ странъ и полярной области: тигръ и соболь, полярная сова и южный ибисъ, виноградъ и ель... Пржевальскій собралъ здѣсь порядочную коллекцію растеній, единственную въ своемъ родѣ орнитологическую коллекцію, къ которой всѣ позднѣйшія изслѣдованія могли прибавить лишь весьма немногое; доставилъ интересныя свѣдѣнія о жизни и нравахъ звѣрей и птицъ, о мѣстномъ населеніи, русскомъ и инородческомъ; изслѣдовалъ верхнее теченіе р. Уссури, бассейнъ озера Ханка, восточный склонъ хребта Сихотэ-Алинь; наконецъ собралъ тщательныя и подробныя данныя о климатѣ Уссурійскаго края.

Словомъ, его экспедиція превзошла всякія ожиданія: командированный съ спеціальною статистической цѣлью, обладая ничтожными средствами, отрываемый отъ занятій служебными обязанностями, онъ произвелъ замѣчательно полное естественно-историческое изслѣдованіе малоизвѣстнаго края. Результаты его онъ изложилъ въ прекрасной книгѣ *«Путе-*

шествіе въ Уссурійскомъ краѣ», обнаружившей въ немъ не только энергическаго и неутомимаго путешественника, но и превосходнаго наблюдателя съ широкими интересами, страстной любовью къ природѣ и основательной подготовкой. Чувствовалось, что это большой корабль, которому предстоитъ большое плаваніе.

III.

Первое путешествіе въ Азію.

Проектъ новаго путешествія.— Область экспедицій Пржевальскаго. — Литературныя дрязги.—Выступленіе въ экспедицію.—Переходъ через Гоби. — Пекинъ.—Мнѣніе Пржевальскаго о китайцахъ. — Экспедиція въ Юго-Восточную Монголію. — Переходъ черезъ южную Гоби.—Изслѣдованіе Хуанъ-Хэ, Инг-Шаня, Ала-шаня. — Г. Дынь-Юань-Инъ. — Недостатокъ средствъ. — Возвращеніе въ Пекинъ.—Путешествіе къ Куку-Нору.—Дунгане. — Сѣверный Тибетъ. —Обиліе звѣрей.—Возвращеніе. — Переходъ черезъ среднюю Гоби. — Прибытіе въ Ургу.—Результаты экспедиціи. — Возвращеніе въ Петербургъ.—Награды. —Обработка результатовъ путешествія.—Проектъ новой экспедиціи.

Въ Петербургѣ Пржевальскій томился болѣе чѣмъ когда либо. И прежде его угнетала городская жизнь, теперь же сдѣлалась совершенно невыносимой. Карьера его была рѣшена безповоротно; онъ нашелъ свою стихію.

Съ первыхъ-же дней пребыванія въ Петербургѣ онъ началъ хлопотать о новой экспедиціи—на этотъ разъ въ страны еще невѣдомыя для европейцевъ.

Такой невѣдомой страной до путешествій Пржевальскаго было центрально-азіатское плоскогорье. Эта огромная площадь, въ $6^1/_2$ мильоновъ квадратныхъ верстъ, охватываетъ Тибетъ, Монголію и Джунгарію, изобилуетъ дикими пустынями, степями, озерами, вѣчно снѣговыми хребтами и гигантскими вершинами; тутъ-же находятся истоки великихъ рѣкъ Китая: Желтой (Хуанъ-Хэ) и Голубой (Янъ-цзы-цзянъ), центръ созданія многихъ млекопитающихъ, напр. верблюда, лошади и др.—словомъ, область во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ глубокій интересъ.

Между тѣмъ только окраины ея были затронуты изслѣ-

дованіями русскихъ и западно - европейскихъ путешественниковъ. Объ огромной центральной площади имѣлись лишь неполныя, невѣрныя и противорѣчивыя свѣдѣнія изъ китайскихъ источниковъ. Что же касается климата, флоры и фауны этой области, то онѣ оставались вовсе неизвѣстными.

Эту огромную и трудно доступную область Пржевальскій избралъ поприщемъ своихъ экспедицій. На первый разъ онъ намѣревался отправиться въ область истоковъ Желтой рѣки, къ бассейну обширнаго озера Куку - Норъ, извѣстнаго до тѣхъ поръ только по имени, и, если возможно, пробраться въ Сѣверный Тибетъ и Хлассу.

Географическое Общество и военное министерство отнеслись къ его предпріятію очень сочувственно. Но такъ какъ еще оставалось сомнѣніе насчетъ результатовъ экспедиціи, то и средства, отпущенныя на нее, были ничтожны: по 2000 р. въ годъ.

20 іюля 1870 года состоялось Высочайшее повелѣніе о командированіи Пржевальскаго и его бывшаго ученика Пыльцова, на 3 года, въ Сѣверный Тибетъ и Монголію.

10-го октября онъ былъ въ Иркутскѣ. Тутъ задержали его пустыя въ сущности, но непріятныя дрязги. Путешествуя по Уссурійскому краю, онъ вдоволь насмотрѣлся на жалкое положеніе мѣстнаго казачьяго населенія и описалъ его безъ прикрасъ въ статьѣ, напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы». Статья не понравилась мѣстнымъ властямъ, и въ «Извѣстіяхъ» Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества появилась рецензія, обвинявшая автора во лжи. Пржевальскій отвѣчалъ на нее, но Сибирскій Отдѣлъ отказался напечать его возраженіе; тогда онъ формально прекратилъ съ нимъ всякія отношенія, а статью напечаталъ въ одной изъ петербургскихъ газетъ. Иркутскіе заправилы собирались отплатить ему новой рецензіей, которая должна была «навѣки погубить его репутацію въ ученомъ и литературномъ мірѣ»; но, покипятившись, предпочли благоразумно умолкнуть.

Тутъ же разыгралась и другая неблаговидная исторія: какой-то врачъ П. выпросилъ у Пржевальскаго его рукопись объ Амурскомъ краѣ и напечаталъ ее подъ другимъ загла-

віемъ и съ своей надписью, но былъ уличенъ въ плагіатѣ и посрамленъ.

Покончивъ съ этими, крайне возмутившими его, дрязгами, Пржевальскій отправился въ Кяхту, откуда 17 ноября выступилъ въ экспедицію.

* *
*

Путь лежалъ черезъ восточную часть великой пустыни Гоби въ Пекинъ, гдѣ Пржевальскій долженъ былъ запастись паспортомъ отъ китайскаго правительства. 2 января 1871 г. онъ прибылъ въ столицу Китая. Она произвела на него отвратительное впечатлѣніе, которое онъ высказалъ съ обычной рѣзкостью:

«Я еще мало познакомился съ самымъ городомъ, но уже и перваго впечатлѣнія достаточно, чтобы безошибочно сказать, что это невообразимая мерзость. Тѣ же самыя фанзы, какъ и на Уссури, развѣ только побольше объемомъ и числомъ. Грязь и вонь невообразимая, такъ какъ жители обыкновенно льютъ всѣ помои на улицу».

«Прибавьте ко всему этому, что здѣшніе китайцы вдесятеро хуже нашихъ амурскихъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, они держатся въ острасткѣ, а здѣсь всѣхъ европейцевъ въ глаза и за глаза не иначе называютъ, какъ *чортъ*, такъ что обыкновенно, проходя по улицѣ, слышишь громкія привѣтствія такого рода... Мошенничество и плутни развиты до крайнихъ предѣловъ... Здѣшній китаецъ—это жидъ плюсъ московскій мазурикъ, и оба въ квадратѣ. *Но то прискорбно видѣть, что европейцы церемонятся съ этой сволочью»...*

«По моему мнѣнію, *только однѣ ружья и пушки европейцевъ могутъ сдѣлать здѣсь какое либо дѣло.* Миссіонерская проповѣдь, на которую такъ уповаютъ въ Европѣ,—гласъ вопіющаго въ пустынѣ»...

«Если бы вы видѣли, какъ презрительно смотрятъ на насъ китайцы!.. Паршивый (извините за выраженіе) китайскій мандаринъ не станетъ ни за что съ вами говорить, считая это для себя униженіемъ».

Впрочемъ и Пекинскіе европейцы не понравились ему:

«Это большею частью отъявленные негодяи... Пекинская жизнь точь въ точь Николаевская на Амурѣ. Разница лишь та, что вмѣсто водки пьютъ шампанское... Я безъ отвращенія не могу вспомнить объ этомъ городѣ».

Ему не приходило въ голову, что эти недостатки европейцевъ («отъявленныхъ негодяевъ»!) въ значительной степени объясняютъ и извиняютъ враждебное отношеніе къ нимъ китайцевъ, и что «не церемониться» съ послѣдними въ ихъ землѣ, въ ихъ городахъ и домахъ было бы ужь совсѣмъ неприлично.

Въ Пекинѣ онъ оставался до весны, подготовляясь къ опасной и рискованной экспедиціи въ мѣстности, объятыя дунганскимъ возстаніемъ. Дунгане — китайскіе мусульмане, возмутившіеся въ 60-хъ годахъ и производившіе страшныя опустошенія. Западно-европейскіе путешественники: Помпелли и Рихтгофенъ пытались проникнуть въ область, охваченную возстаніемъ, но принуждены были отступить. Но Пржевальскій надѣялся на свой штуцеръ и поговорку: «не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ».

Скудныя средства экспедиціи истощились на покупку припасовъ—главнымъ образомъ оружія и охотничьихъ принадлежностей; такъ что, выступая въ февралѣ изъ Пекина, путешественники имѣли всего 460 рублей, да рублей на 300 мелочныхъ товаровъ.

Отрядъ состоялъ изъ 4 человѣкъ: Пржевальскаго, Пыльцова и 2 казаковъ, которыхъ впрочемъ пришлось замѣнить новыми. Это обстоятельство задержало на нѣсколько времени путешественниковъ, и чтобы не терять даромъ времени, Пржевальскій рѣшился совершить небольшую экспедицію къ сѣверу отъ Пекина, къ озеру Далай-Норъ въ юго-восточной Монголіи. «Небольшую» впрочемъ только относительно: въ теченіе двухъ мѣсяцевъ была пройдена тысяча верстъ, вся эта мѣстность снята на карту, опредѣлены широты гг. Калгана, Долонъ-Нора и озера Далай-Норъ, промѣрены высоты пройденнаго пути, собраны значительныя зоологическія коллекціи.

«Мѣстности, мною пройденныя, представляютъ большею частью песчаную и солонцеватую степь. Климатъ самый подлый, какой только можно вообразить. За всю весну не

было ни одного тихаго дня и часто поднимались бури, которыя вздымали цѣлыя тучи песку и мелкой соли, такъ что атмосфера принимала желтовато-сѣрый цвѣтъ, и въ полдень было не свѣтлѣе чѣмъ въ сумерки. Въ то же время крупный песокъ до того сильно билъ, что даже верблюды, привычные ко всѣмъ трудностямъ пустыни, иногда поворачивались спинами къ вихрю, пока пронесется его порывъ». Отъ сильнаго вѣтра голова болѣла, какъ отъ угара.

Давали себя знать и морозы. Руки коченѣли при сдираніи шкурокъ съ звѣрей и птицъ; приходилось спать подъ открытомъ небомъ, а въ степи не было ни кустика; топились аргаломъ (сухой пометъ).

Страдали также отъ недостатка воды. Въ тамошнихъ озерахъ вода соленая и мутная. «Если хотите приготовить у себя такую бурду, возьмите стаканъ чистой воды, положите туда чайную ложку грязи, щепотку соли, извести для цвѣта и гусинаго помета для запаха — и вы какъ разъ получите ту прелестную жидкость, которая наполняетъ здѣшнія озера» и на которой нашимъ путешественникамъ приходилось варить кирпичный чай—ихъ обычный напитокъ.

Туземное населеніе, подозрѣвая въ нихъ шпіоновъ, относилось къ нимъ очень враждебно, не пускало ночевать, не продавало съѣстныхъ припасовъ, такъ что приходилось кормиться охотой; однажды вздумали травить ихъ собакой, но Пржевальскій, застрѣливъ ее изъ револьвера, посулилъ вторую пулю хозяину, и тотъ немедленно угомонился.

«Только такія мѣры и надежда на счастіе, наконецъ увѣренность въ томъ, что смѣлостью можно творить чудеса— вотъ тѣ данныя, на которыхъ мы основывали свою рѣшимость пуститься впередъ очертя голову, безъ разсужденій о томъ, что будетъ или что можетъ быть».

Вернувшись изъ экспедиціи, путешественники отдохнули нѣсколько дней въ г. Калганѣ и, по прибытіи 2 новыхъ казаковъ, тронулись въ путь, на Западъ.

Отсутствіе проводниковъ было главной помѣхой; приходилось идти по разспросамъ, а мѣстные жители нерѣдко обманывали путешественниковъ ложными показаніями, заставляя ихъ блуждать безъ толку.

«Въ такихъ случаяхъ вздували нагайкой виновнаго, если удавалось его отыскать, но въ большинствѣ случаевъ ихъ скрывали».

Двигались не спѣша, дѣлая 20—30 верстъ въ сутки и останавливаясь по нѣскольку дней въ мѣстностяхъ, обѣщавшихъ успѣшную работу и богатый сборъ — ботаническій и зоологическій. Такими мѣстностями были горные хребты: Сума-Ходи, Инь-Шань, впервые изслѣдованные Пржевальскимъ; большая же часть пути пролегала по пустынѣ — южной окраинѣ Гоби, еще не пройденной ни однимъ европейцемъ — гдѣ путешественникамъ приходилось не мало страдать отъ лютой жары. Подъ вечеръ останавливались у колодца, разбивали палатку, зажигали костеръ изъ аргала, варили чай, укладывали растенія, дѣлали чучела — затѣмъ обѣдали. Обычное меню путешественниковъ въ этой и послѣдующихъ экспедиціяхъ составляли: кирпичный чай, баранина, дичь и «дзамба», нѣчто въ родѣ крупы, о которой Пржевальскій писалъ: «питаемся кромѣ мяса дзамбой, крупною какъ ячменная крупа. Право у насъ лучшею посыпкою кормятъ свиней. Послѣ ѣды, черезъ часъ, дзамба разбухаетъ въ желудкѣ, и зная это, мы ѣдимъ подобную прелесть не черезчуръ».

«Сервировка у насъ самая простая, вполнѣ гармонирующая съ прочей обстановкой: крышка съ котла, гдѣ варится супъ, служитъ блюдомъ; деревянныя чашки, изъ которыхъ пьемъ чай, — тарелками, а собственные пальцы замѣняютъ вилки; скатертей и салфетокъ вовсе не полагается. Обѣдъ оканчивается очень скоро; послѣ него мы снова пьемъ чай, затѣмъ идемъ въ экскурсію или на охоту, а наши казаки и монголъ-проводникъ поочередно пасутъ верблюдовъ.

«Наступаетъ вечеръ; потухшій огонь снова разводится, на немъ варится каша и чай. Лошади и верблюды пригоняются къ палаткѣ и первыя привязываются, а послѣдніе сверхъ того укладываются возлѣ нашихъ вещей или неподалеку въ сторонѣ. Ночь спускается на землю, дневной жаръ спалъ и замѣнился вечернею прохладой. Отрадно вдыхаешь въ себя освѣженный воздухъ и, утомленный трудами дня, засыпаешь спокойнымъ, богатырскимъ сномъ».

Изслѣдовавъ хребетъ Инь-Шань, показавъ, что онъ обрывается въ долинѣ р. Хуанъ-Хэ, и тѣмъ уничтоживъ прежнія гипотезы (Гумбольдта) о связи этого хребта съ Тянь-Шанемъ, Пржевальскій достигъ г. Бауту и, переправившись черезъ Желтую рѣку, прослѣдилъ ея теченіе на протяженіи 430 верстъ среди безотрадныхъ песковъ Ордоса. Показавъ, что Желтая рѣка не представляетъ развѣтвленій (какъ думали раньше по китайскимъ источникамъ), и нанеся на карту ея теченіе, онъ снова перебрался черезъ нее и вступилъ въ Али-Шаны. Это голая, безплодная и безводная пустыня, гдѣ среди зыбучихъ песковъ, «всегда готовыхъ задушить путника своимъ палящимъ жаромъ или засыпать песчанымъ ураганомъ», не можетъ существовать почти никакая живая тварь: нѣсколько растеній, приспособившихся къ знойному климату, двѣ-три птицы, песчанка — маленькій звѣрекъ изъ грызуновъ, буравящій почву своими норами и ходами, такъ что мѣстами невозможно ѣздить верхомъ — вотъ все ея населеніе. 12 дней тащились по этой пустынѣ и прибыли наконецъ въ городъ Дынь-Юань-Инъ, гдѣ были очень любезно приняты мѣстнымъ княземъ и его сыновьями. Тутъ Пржевальскій съ большимъ барышомъ распродалъ товары, взятые изъ Пекина.

Проведя двѣ недѣли въ Алшанскихъ горахъ, давшихъ зоологическій матеріалъ, экспедиція должна была повернуть назадъ. Средства истощились до такой степени, что пришлось продать часть оружія, чтобы какъ-нибудь извернуться. Продолжать путешествіе было не съ чѣмъ. «Съ тяжелою грустью, понятною лишь для человѣка, достигшаго порога своихъ стремленій и не имѣющаго возможности переступить черезъ него—я долженъ былъ покориться необходимости и повернулъ обратно».

На обратномъ пути захватили обширную неизслѣдованную область по правому берегу Хуанъ-Хэ, частью же шли старымъ путемъ. Какъ прежде отъ жары, теперь приходилось терпѣть отъ холода. Останавливаясь на ночь, разбивали палатку, въ ней разводили огонь; становилось тепло, но дымъ ѣлъ глаза. «Кусокъ вареннаго мяса почти совсѣмъ застывалъ во время ѣды, а руки и губы покрывались слоемъ жира, ко-

торый потомъ приходилось соскабливать ножомъ. Фитиль стеариновой свѣчи, зажигавшейся иногда во время ужина, выгоралъ такъ глубоко, что нужно было обламывать наружные края, которые не растапвали отъ огня».

На ночь огонь не разводился за недостаткомъ топлива, и температура въ палаткѣ почти сравнивалась съ наружной, которая достигала—27° Р.

Въ довершеніе всего на одной изъ стоянокъ украли верблюдовъ экспедиціи, и Пржевальскій съ большимъ трудомъ раздобылъ новыхъ на послѣднія остававшіяся у него деньги.

Наконецъ, послѣ многихъ невзгодъ, экспедиція добралась до Калгана.

Втеченіе 10 мѣсяцевъ было пройдено 3500 верстъ, изслѣдованы почти или вовсе неизвѣстныя мѣстности, пустыни Ордоса, Ала-Шаня, Южной Гоби, хребты Инь-Шаня и Ала-Шаня; опредѣлены широты многихъ пунктовъ, собраны богатыя коллекціи растеній и животныхъ и подробныя метеорологическія данныя.

Съѣздивъ въ Пекинъ, Пржевальскій раздобылъ денегъ, благодаря любезности нашего посланника Влангали, выдавшаго ему 1300 рублей заимообразно изъ суммъ Пекинской миссіи, и снарядивъ заново экспедицію, выступилъ изъ Калгана въ мартѣ 1872 года, съ 174 рублями въ карманѣ. Правда, былъ у него еще небольшой запасъ товаровъ.

Въ маѣ добрались до Дынь-Юань-Ина, продали товары, вымѣняли одинъ изъ штуцеровъ на 6 верблюдовъ сыну Ала-Шаньскаго князя, и съ караваномъ тангутовъ двинулись къ озеру Куку-Норъ. Шли по раскаленнымъ пескамъ Южнаго Ала-Шаня, гдѣ иногда на протяженіи сотни верстъ не попадалось ни капли воды, а рѣдкіе колодцы сплошь и рядомъ были отравлены дунганами, бросавшими въ нихъ тѣла убитыхъ.

«У меня до сихъ поръ мутитъ на сердцѣ, когда я вспомню, какъ однажды, напившись чаю изъ подобнаго колодца, мы стали поить верблюдовъ и вычерпавъ воду увидѣли на днѣ гнилой трупъ человѣка».

Населенія въ этихъ мѣстностяхъ не встрѣчалось; все было раззорено и истреблено дунганами.

Въ гористой мѣстности провинціи Гань-су путешественники разстались съ тангутскимъ караваномъ. Здѣсь провели они болѣе двухъ мѣсяцевъ. Научная добыча, доставленная этой мѣстностью, была громадна во всѣхъ отношеніяхъ: горные хребты и вершины, неизвѣстныя географамъ; множество новыхъ растеній и животныхъ.

Съ наступленіемъ осени рѣшили двинуться къ Куку-Нору. Дѣло стояло за проводникомъ; туземные жители были слишкомъ напуганы дунганами, чтобы рѣшиться вести караванъ. Но къ этому времени Пржевальскій успѣлъ уже пріобрѣсти репутацію непобѣдимаго богатыря и колдуна. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ тысячи мѣстныхъ жителей отсиживались за глиняными стѣнами своихъ кумирень и городовъ, четверо путешественниковъ разгуливали по охваченной возстаніемъ мѣстности, точно въ собственномъ помѣстьѣ, останавливаясь всегда внѣ городскихъ стѣнъ. Гораздо болѣе чѣмъ дунганъ, боялись они любопытныхъ, которые жестоко надоѣдали имъ въ населенныхъ мѣстностяхъ; ни травля собакой, ни «сильныя физическія побужденія», на которыя нашъ путешественникъ никогда не скупился, не могли отвадить назойливыхъ зѣвакъ. Чтобы нѣсколько уменьшить ихъ наплывъ, Пржевальскій всегда останавливался на нѣкоторомъ разстояніи отъ городовъ.

— «Съ этими людьми —говорили въ кумирнѣ Чейбсенъ проводникамъ, которыхъ онъ хотѣлъ нанять—вы не бойтесь и разбойниковъ. Посмотрите, мы съ двумя тысячами человѣкъ запираемся въ своей кумирнѣ, а они вчетверомъ стоятъ въ полѣ, и никто не смѣетъ ихъ тронуть. Подумайте сами, развѣ простые люди могутъ это сдѣлать. Нѣтъ, русскіе напередъ знаютъ все, и ихъ начальникъ великій колдунъ или великій святой».

Найдя проводниковъ, двинулись черезъ горы. На третій день пути партія конныхъ дунганъ человѣкъ во сто загородила путешественникамъ выходъ изъ ущелья, сдѣлавъ по нимъ нѣсколько выстрѣловъ, впрочемъ на далекомъ разстояніи. Четверо смѣльчаковъ, съ ружьями на готовѣ, продолжали идти впередъ, и не подпустивъ ихъ на выстрѣлъ, дунгане пустились на утекъ.

«Мы шли тою самою тибетскою дорогой, по которой въ

теченіе одиннадцати лѣтъ не осмѣлился пройти ни одинъ караванъ богомольцевъ, собирающихся обыкновенно тысячами для подобнаго путешествія. Насъ четверыхъ разбойники боялись больше, чѣмъ всѣхъ китайскихъ войскъ въ совокупности и избѣгали встрѣчи. Во время стоянки у Чейбсена все было покойно, но лишь только мы откочевали въ горы, какъ опять появились дунганы, и разбои начались по прежнему. Подъѣзжая къ самымъ стѣнамъ Чейбсена и хорошо зная, что насъ тамъ нѣтъ, разбойники кричали: гдѣ же ваши защитники русскіе, мы пришли воевать съ ними. Въ отвѣтъ на это мѣстные милиціонеры, вооруженные лишь пиками да нѣсколькими фитильными ружьями, смиренно сидѣли за стѣнами и молили Бога, чтобы скорѣе пришли избавители русскіе».

Въ октябрѣ достигли наконецъ Куку-Нора. Посвятивъ нѣкоторое время изслѣдованію этого озера и его окрестностей, двинулись дальше, въ Тибетъ. Къ этому времени слава путешественниковъ достигла апогея. Говорили, что они полубоги, заговорены отъ пуль, могутъ насылать бури, снѣгъ, болѣзни; что за нихъ сражаются невидимые люди; толпы народа стекались къ нимъ на поклонъ, больные приходили за изцѣленіемъ, родители приводили дѣтей для благословенія; близъ г. Дуланъ-Кита экспедицію встрѣтила толпа, человѣкъ въ двѣсти, которые стоя на колѣняхъ по обѣ стороны дороги, усердно молились великому хубилгану (святому)... Шайки разбойниковъ исчезали при первомъ слухѣ о появленіи русскихъ, и вещь, оставленная ими, служила охраной цѣлому поселенію...

Переваливъ чрезъ нѣсколько горныхъ хребтовъ и пройдя черезъ восточную часть Цайдама, обширнаго плоскогорья, изобилующаго солеными озерами и болотами, экспедиція вступила въ сѣверный Тибетъ. Два съ половиной мѣсяца, проведенные въ этой суровой пустынѣ, были труднѣйшимъ періодомъ путешествія. Морозы затрудняли охоту: руки коченѣли, въ скорострѣльное ружье трудно было вложить патронъ, глаза наполнялись слезами, что конечно портило быстроту и мѣткость выстрѣла.

Бури, поднимавшія тучи песку и пыли, затемняли воздухъ и затрудняли дыханіе; невозможно было открыть глазъ противъ вѣтра.

Разрѣженный воздухъ затруднялъ ходьбу: «малѣйшій подъемъ кажется очень труднымъ, чувствуется одышка, сердце бьется очень сильно, руки и ноги трясутся, по временамъ начинается головокруженіе и рвота».

Даже ночью путешественники не могли отдохнуть: «наша усталость обыкновенно переходила границы и являлась истомленіемъ всего организма: при такомъ полуболѣзненномъ состояніи спокойный отдыхъ невозможенъ. При томъ же вслѣдствіе сильной разрѣженности и сухости воздуха во время сна всегда являлось удушье вродѣ тяжелаго кошмара, а ротъ и губы очень сохли. Прибавьте къ этому, что наша постель состоитъ изъ одного войлока, постланнаго прямо на мерзлую землю».

Путешественники не мылись, не мѣняли бѣлья, потому что стирать его было негдѣ да и нѣкогда; одежда ихъ превратилась почти въ лохмотья, къ сапогамъ приходилось подшивать куски шкуръ вмѣсто подошвы.

Наградой за эти лишенія служили богатые научные результаты. Здѣсь все было ново, невѣдомо для науки: горы, рѣки, климатъ, фауна... Больше всего восхищало и поражало путешественниковъ баснословное обиліе крупныхъ животныхъ. «Чуть не на каждой верстѣ попадались громаднѣйшія стада яковъ, дикихъ ословъ, антилопъ и горныхъ барановъ. Обыкновенно вокругъ нашей палатки, въ особенности если она стояла вблизи воды, вездѣ виднѣлись дикія животныя, очень часто пасшіеся вмѣстѣ съ нашими верблюдами».

Собравши громадныя зоологическія коллекціи, черепа и шкуры рѣдкихъ и невиданныхъ европейцами звѣрей и добравшись до р. Муръ-Усу (верховье Голубой) экспедиція должна была остановиться. Верблюды частію пали, частью едва волочили ноги; въ карманѣ Пржевальскаго оставалось всего 10 рублей; съ такими капиталами нельзя было пускаться въ Хлассу. Рѣшено было вернуться.

Въ мартѣ 1873 г. путешественники достигли Куку-Нора, гдѣ продали и вымѣняли на верблюдовъ нѣсколько револьверовъ. Добытыя такимъ образомъ средства дали возможность провести три весеннихъ мѣсяца въ окрестностяхъ Куку-Нора и дополнить прежнія изслѣдованія.

Остюда пробрались по горнымъ тропинкамъ къ кумирнѣ Чейбсенъ, и черезъ Ала-Шаньскую пустыню въ г. Дынь-Юань-Инъ, гдѣ получили 1000 ланъ (2000 р.) денегъ, высланныхъ Влангали.

Проведя два съ половиной мѣсяца въ Ала-Шаньскихъ горахъ, двинулись на Ургу черезъ среднюю Гоби. Эта часть пустыни—самая дикая—еще не была пройдена ни однимъ путешественникомъ. На протяженіи 1100 верстъ нѣтъ здѣсь ни одного озерка; колодцы разсѣяны на огромныхъ разстояніяхъ. Сильно донимали путешественниковъ іюльскіе жары, доходившіе до 36° Р днемъ и 19° ночью, раскаленный воздухъ, раскаленная почва, достигавшая 50° Р, раскаленный песокъ, пыль и соль, тучами носившіеся въ воздухѣ.

Однажды они едва не погибли отъ жажды. Монголъ-проводникъ долго водилъ ихъ, обѣщая колодезь, но колодца не оказывалось, а вода между тѣмъ истощилась. Выведенный изъ терпѣнія Пржевальскій «хотѣлъ было застрѣлить проводника, такъ какъ онъ былъ главной причиной всѣхъ нашихъ бѣдствій, но потомъ разсудилъ, что этимъ дѣло не поправишь, а еще ухудшишь, такъ какъ безъ него мы уже навѣрно не найдемъ колодца—и отколотилъ его (монгола) изо всей силы... Положеніе наше было дѣйствительно страшное: воды оставалось въ это время не болѣе нѣсколькихъ стакановъ. Мы брали въ ротъ по одному глотку, чтобы хотя немного промочить совсѣмъ почти засохшій языкъ. Все тѣло наше горѣло какъ въ огнѣ, голова кружилась чуть не до обморока. Еще часъ такаго положенія, и мы бы погибли. Я ухватился за послѣднее средство: приказалъ одному изъ казаковъ, взявъ кастрюлю и чайникъ, скакать во весь опоръ къ колодцу за водой. Если же тамъ воды не окажется или проводникъ вздумаетъ бѣжать, то я велѣлъ казаку убить его». Къ счастью на этотъ разъ вода отыскалась.

Наконецъ, пришли въ Ургу, истомленные, оборванные: «сапогъ нѣтъ, вмѣсто нихъ разорванные унты; сюртуки и штаны всѣ въ дырахъ и заплатахъ, фуражки походятъ на старыя, выброшенныя тряпки, рубашки всѣ изорвались; всего три полугнилыхъ...

«Не берусь описать впечатлѣніе той минуты, когда мы впервые услышали родную рѣчь, увидѣли родныя лица

и попали въ европейскую обстановку. Намъ, совершенно уже отвыкшимъ отъ европейской жизни, сначала все казалось страннымъ, начиная отъ вилокъ и тарелокъ, до мебели, зеркалъ и т. п... Прошедшая экспедиція и всѣ ея невзгоды казались какимъ-то страшнымъ сномъ. Сумма новыхъ впечатлѣній была такъ велика и такъ сильно дѣйствовала на насъ, что мы въ этотъ день очень мало ѣли и почти не спали цѣлую ночь. Помывшись на другой день въ банѣ, въ которой не были почти два года, мы до того ослабѣли, что едва держались на ногахъ. Только черезъ два дня мы начали приходить въ себя, спокойно спать и ѣсть съ волчьимъ аппетитомъ».

Такъ кончилась достопамятная экспедиція, одна изъ замѣчательнѣйшихъ экспедицій нашего вѣка, единственная въ своемъ родѣ—какъ по мужеству участниковъ, которое было бы названо сумасшествіемъ, еслибъ не увѣнчалось успѣхомъ, такъ и по громадности результатовъ достигнутыхъ съ нищенскими средствами. Втеченіе 3 лѣтъ было пройдено 11.000 верстъ; изъ нихъ 5300 сняты глазомѣрно буссолью; изслѣдована гидрографія Кукунорскаго бассейна, хребты въ окрестностяхъ этого озера, высоты тибетскаго нагорья, наименѣе доступные участки великой пустыни Гоби; въ различныхъ пунктахъ опредѣлено магнитное склоненіе и напряженіе земнаго магнетизма; метеорологическія наблюденія, производившіеся четыре раза въ сутки, доставили любопытнѣйшія данныя о климатѣ этихъ замѣчательныхъ мѣстностей; собраны богатыя коллекціи млекопитающихъ, птицъ, пресмыкающихся, рыбъ, насѣкомыхъ, растеній...

* *
*

Изъ Урги Пржевальскій отправился въ Кяхту; оттуда въ Иркутскъ, Москву, Петербургъ. Съ первыхъ же дней по возвращеніи начались торжественныя встрѣчи, поздравленія, обѣды—всякаго рода оваціи.

«Приглашеніямъ нѣтъ числа — писалъ онъ изъ Петербурга—и мои фонды растутъ съ каждымъ днемъ; министръ принялъ меня очень ласково».

Посыпались награды. Военный министръ исходатайствовалъ ему пенсію въ 600 рублей, слѣдующій чинъ и ежегодное содержаніе въ 2250 рублей за все время пребыванія въ главномъ штабѣ.

Берлинское Географическое Общество избрало его членомъ-корреспондентомъ, международный географическій конгрессъ въ Парижѣ прислалъ ему почетную грамоту, парижское географическое общество—золотую медаль, французское министерство народнаго просвѣщенія—«пальму Академіи», наше Географическое Общество—Константиновскую золотую медаль!

Три года по возвращеніи изъ путешествія были посвящены обработкѣ его результатовъ. Пржевальскій жилъ частію въ Петербургѣ, частію въ Отрадномъ. Въ Петербургѣ томился и скучалъ, проклиная городскую суету; въ деревнѣ отводилъ душу на охотѣ и рыбной ловлѣ.

Изданіе его книги взяло на себя Географическое Общество. Первый томъ «Монголіи и страны Тангутовъ» вышелъ въ свѣтъ въ 1875 г. и вскорѣ былъ переведенъ на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Онъ имѣетъ общій интересъ, содержитъ описаніе путешествія, картины природы и жизни въ Центральной Азіи, цѣлый рудникъ свѣдѣній о флорѣ, фаунѣ, климатѣ, населеніи пройденныхъ путешественникомъ странъ. Второй томъ—спеціальный. Пржевальскій обработалъ для него птицъ и метеорологическія данныя. Эта работа пришлась ему несовсѣмъ по вкусу: натуралистъ-охотникъ, онъ интересовался главнымъ образомъ жизнью природы, а не вопросами систематики, зоо-географіи и пр.

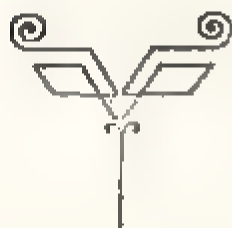
«Работа по описанію птицъ подвигается туго. Трудно самому справиться со всѣмъ матеріаломъ, а помощи ни откуда! Притомъ самое писаніе прегнусное; приходится считать перья, мѣрять носы и т. п. Это не та широкая свобода мысли, когда приходится творить описанія природы; нѣтъ, теперь все должно быть уложено въ узкія рамки спеціальности, для которой прежде всего нужна усидчивость, а не способность. Право, я никогда не думалъ, чтобы мнѣ такъ противны были эти спеціальныя описанія, но волей-неволей нужно подчиниться необходимости».

Окончивъ второй томъ, онъ обратился въ Географическое Общество съ проэктомъ новой экспедиціи. На этотъ

разъ ему хотѣлось пробраться черезъ Джунгарію, къ таинственному озеру Лобъ-Норъ, извѣстному уже со временъ Марко-Поло, (но извѣстному почти только по имени) отсюда къ Куку-Нору, въ Сѣверный Тибетъ, Хлассу и далѣе къ истокамъ Иравадди и Брамапутры.

На этотъ разъ уже никакихъ сомнѣній не возникало насчетъ результатовъ экспедиціи. Пржевальскій могъ говорить теперь какъ власть имущій, какъ авторитетъ, котораго слушали съ почтеніемъ. Географическое Общество исходатайствовало ему изъ средствъ государственнаго казначейства 27,740 р. Спутникъ его по первому путешествію, Пыльцовъ, женился, и потому остался дома, его замѣнилъ вольноопредѣляющійся Эклонъ. Кромѣ того Пржевальскій разсчитывалъ на своего товарища по путешествію въ Уссурійскій край, Ягунова, но тотъ утонулъ, купаясь въ Вислѣ. Пржевальскій былъ жестоко огорченъ: онъ потерялъ не только надежнаго товарища и помощника, но и любимаго человѣка. Крутой характеръ не мѣшалъ ему привязываться къ людямъ: онъ любилъ Ягунова, помогалъ ему окончить образованіе, надѣялся вывести его въ люди, доставить ему извѣстность и богатство...

На мѣсто Ягунова отправился прапорщикъ Повало-Швыйковскій, но оказался непригоднымъ для экспедиціи и вскорѣ вернулся въ Россію.

IV.

Второе и третье путешествія въ Азію.

(Отъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобъ-норъ. Спб. 1878.—III-е путешествіе въ Азію. Спб. 1883).

Прибытіе въ Кульджу. — Выступленіе въ экспедицію. — Якубъ-бекъ. — Изслѣдованіе Тарима и Лобъ-нора. —Открытіе хр. Алтынъ-тагъ.—Возвращеніе на Лобъ-норъ.—Свиданіе съ Якубъ-бекомъ.—Возвращеніе въ Кульджу.— Письмо матери.—Выступленіе въ дальнѣйшій путь.—Болѣзнь Пржевальскаго.—Возвращеніе.—Смерть матери.—Отсрочка путешествія. — Пріѣздъ въ Петербургъ.—Результаты Лобъ-норской экспедиціи.—Третья экспедиція.—Изслѣдованія въ Джунгаріи. — Обѣдъ у китайскаго губернатора. — Переходъ въ Са-Чжеу.—Нань-Шань.—Недостатокъ проводниковъ.—Крутыя мѣры.—Сѣверный Тибетъ.—Нападеніе еграевъ. — Невозможность пройти въ Хлассу. — Цайдамъ. — Куку-Норъ.—Истоки Желтой рѣки. — Возвращеніе.—Пріемъ въ Петербургѣ.—Оваціи, награды и пр.—Покупка Слободы.— Обработка матеріаловъ 3-го путешествія.

Въ маѣ 1876 года Пржевальскій выѣхалъ съ своими спутниками въ Москву, оттуда черезъ Нижній-Новгородъ въ Пермь, гдѣ провели нѣсколько дней, поѣдая «услады», взятыя изъ Москвы и хранившіяся въ мѣшкѣ, получившемъ названіе «всегдашній аппетитъ», и дожидаясь патроновъ, отпущенныхъ военнымъ министерствомъ «для поръженія различныхъ животныхъ въ пустыняхъ Азіи, не исключая и человѣка, если обстоятельства къ тому понудятъ».

Изъ Перми отправились въ Омскъ и далѣе въ Семипалатинскъ. «Жары стоятъ ужасные, днемъ мы обыкновенно ѣдемъ раздѣвшись, даже безъ сапогъ и штановъ; въ каждой попутной рѣчкѣ купаемся. Мое здоровье отлично и быстро

поправилось: головныя боли, кашель, катаръ горла — все прошло. Вотъ что значитъ приволье страннической жизни! Это не то, что сидѣть въ Петербургскомъ климатѣ, въ маленькой каморкѣ на пятомъ этажѣ».

Въ концѣ іюля прибыли въ Кульджу (въ то время находившуюся подъ властью Россіи) откуда 12 августа 1876 г. экспедиція выступила въ путь по плодоносной долинѣ р. Или.

«Каждый день мы объѣдаемся до отвалу по нѣскольку разъ. Есть персики величиною съ большое антоновское яблоко, но и жрутъ же мои казаки! Вѣришь ли, каждый день мы съѣдаемъ по 20—25 фунтовъ мяса, не считая прочихъ приложеній».

Достигнувъ Тянь-Шаня Пржевальскій остановился недѣли на три въ обширной котловинѣ Юлдусъ, изобилующей всякимъ звѣрьемъ: медвѣдями, оленями, аргали и пр.

За Тянь-Шанемъ путешествіе становилось труднѣе. Тутъ начинались владѣнія Якубъ-Бека Кашгарскаго, основателя эфемернаго, но обширнаго государства въ Восточномъ Туркестанѣ. Онъ принялъ путешественниковъ очень любезно, посылалъ имъ проводниковъ, фрукты, барановъ, разныя «услады»,—но всячески мѣшалъ ихъ предпріятію; запрещалъ мѣстному населенію сноситься съ ними, приставилъ къ нимъ конвой, который водилъ экспедицію кружными дорогами, заставлялъ переправляться вплавь черезъ рѣчки при 17° мороза, мѣшалъ научнымъ изслѣдованіямъ.

Достигнувъ р. Тарима, направились внизъ по его теченію: «приходилось пробираться то по лѣсу или густымъ колючимъ кустарникамъ, то иногда по возвышенному тростнику, корни котораго словно желѣзная щетка изранивали въ кровь верблюжьи пятки».

Тaримъ, самая обширная изъ степныхъ рѣкъ внутренней Азіи, впадаетъ въ озеро Лобъ-Норъ. Изслѣдованіе этой рѣки и озера съ его притоками было одною изъ важнѣйшихъ задачъ Пржевальскаго, такъ какъ о нихъ имѣлись только полуфантастическія свѣдѣнія изъ китайскихъ источниковъ.

Немного южнѣе Лобъ-Нора онъ открылъ колоссальный хребетъ Алтынъ-Тагъ, и втеченіе 40 дней прослѣдилъ его на протяженіи 500 верстъ при крайне неблагопріятныхъ

условіяхъ: «На огромной абсолютной высотѣ, въ глубокую зиму, среди крайне безплодной мѣстности мы терпѣли всего болѣе отъ безводія и морозовъ, доходившихъ до—16° Р. Топлива было весьма мало, а при неудачныхъ охотахъ мы не могли добыть себѣ хорошаго мяса и принуждены были нѣсколько времени питаться зайцами. На мѣстахъ остановокъ рыхлая глинисто-соленая почва мигомъ разминалась въ пыль, которая толстымъ слоемъ ложилась вездѣ въ юртѣ. Сами мы не умывались по недѣлѣ, были грязны до невозможности; наше платье было пропитано пылью насквозь; бѣлье же отъ грязи приняло сѣровато-коричневый цвѣтъ».

Отсюда Пржевальскій вернулся къ Лобъ-Нору, гдѣ провелъ два весеннихъ мѣсяца — февраль и мартъ — наблюдая за пролетомъ птицъ. Миріады ихъ неслись денно и нощно надъ палаткой нашихъ путешественниковъ и зоологическая добыча послѣднихъ была громадна.

Опредѣливъ главные астрономическіе пункты, объѣхавъ озеро въ лодкѣ и снявъ его на карту, Пржевальскій двинулся въ обратный путь. Въ городѣ Курла онъ имѣлъ свиданіе съ Якубъ-бекомъ, о которомъ отозвался съ обычной рѣшительностью: «самъ Якубъ-бекъ такая же......, какъ и всѣ азіатскіе халатники; Кашгарское царство не стоитъ мѣднаго гроша».

Владычество Якубъ-бека поддерживалось только жестокостью и коварствомъ: онъ былъ безграмотный и въ сущности неспособный деспотъ, лишенный всякихъ государственныхъ идей; Пржевальскій отлично понялъ это, и въ запискѣ «о современномъ состояніи восточнаго Туркестана» далъ замѣчательно мѣткую характеристику эфемернаго Кашгарскаго царства, предсказывая его близкую гибель, что вскорѣ и сбылось.

Изъ Курла снова прошли на Юлдусъ, гдѣ провели три недѣли, занимаясь главнымъ образомъ охотой, а 3 іюля 1877 вернулись въ Кульджу.

Первый актъ экспедиціи закончился съ полнымъ успѣхомъ. Благодаря съемкамъ Пржевальскаго оро-и гидрографія этого участка внутренней Азіи явились въ совершенно новомъ свѣтѣ; къ тому же всѣ пройденныя мѣстности были съ обычной полнотой изслѣдованы въ естественно-историческомъ отношеніи.

Въ Кульджѣ Пржевальскій получилъ письмо отъ матери,

въ которомъ она, поздравляя его съ производствомъ въ полковники, выражала надежду, что по возвращеніи изъ экспедиціи онъ будетъ генераломъ. «А генераламъ всѣмъ надобно сидѣть дома—прибавляла она.—Вѣроятно это твоя послѣдняя экспедиція... Не мучь ты себя и вмѣстѣ съ собой и меня. Чего тебѣ не достаетъ? А то воспоминаніе о тебѣ, лишенія твои почти всѣхъ удобствъ жизни измучили меня, и я право состарѣлась за это время на десять лѣтъ, а еще два года я не увижу тебя.

«Вотъ дядя твой Павелъ Алексѣевичъ умеръ 26 декабря... Послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ былъ совсѣмъ безъ памяти, никого не узнавалъ и хорошо сдѣлалъ, что не дѣлая большихъ хлопотъ, умеръ покойно. А на похоронахъ всѣ были пьяны, было выпито приходящими четыре ведра водки въ одинъ день, а что съѣдено пироговъ, лепешекъ, клецокъ, лапши, кутьи, то нельзя и вообразить, чтобъ можно было уничтожить въ одинъ день».

28 августа Пржевальскій снова выступилъ изъ Кульджи и въ ноябрѣ того же года прибылъ въ китайскій городъ Гученъ у подножія Тянь-Шаня. Тутъ пришлось отказаться отъ дальнѣйшаго путешествія. Еще въ Лобъ-Норской экспедиціи онъ схватилъ пренесносную болѣзнь—зудъ тѣла; въ Кульджѣ она стала проходить, потомъ возобновилась. Не было покоя ни днемъ, ни ночью: нельзя было ни писать, ни дѣлать наблюденія, ни даже ходить на охоту. Промучившись три мѣсяца и убѣдившись, что болѣзнь не поддается лѣкарствамъ его походной аптеки—дегтю, табаку и синему купоросу—онъ рѣшилъ вернуться въ Россію, вылѣчиться хорошенько и тогда уже идти въ Тибетъ. Такъ кончилось его второе путешествіе.

* *
*

Несносная болѣзнь, туго поддававшаяся лѣченію; огорченіе по поводу отсрочки Тибетскаго путешествія, доходившее до того, что Пржевальскій нѣсколько разъ плакалъ, возвращаясь изъ Гучена; безпокойство о матери, которая, какъ онъ зналъ, была больна,—все это дурно повліяло на его настроеніе, даже вызвало временный упадокъ духа.

«Возвратясь изъ экспедиціи, болѣе не пойду въ Азію: пора и отдохнуть. Предстоящее путешествіе въ Тибетъ вѣроятно уже будетъ послѣднимъ моимъ путешествіемъ. Довольно потаскались среди этихъ..., которыхъ называютъ монголами, китайцами и пр. Будемъ жить по старому, тихо и спокойно. Ненужно мнѣ никакихъ почестей и богатствъ—дайте мнѣ только тихую жизнь въ Отрадномъ. Тамъ можно жить спокойно, а слѣдить за наукой и событіями также нетрудно, выписывая газеты и журналы».

Подготовляясь въ экспедицію, онъ получилъ телеграмму о смерти матери. Это было жестокимъ ударомъ, еще усилившимъ и безъ того тяжелое настроеніе духа. «Теперь — записалъ онъ въ дневникѣ—къ ряду всѣхъ невзгодъ прибавилось еще горе великое. Я любилъ свою мать всей душою. Съ ея именемъ для меня соединены отрадныя воспоминанія дѣтства и отрочества, беззаботно проведенныхъ въ деревнѣ. И сколько разъ я возвращался въ свое родимое гнѣздо изъ долгихъ отлучекъ, иногда на край свѣта. И всегда меня встрѣчали ласка и привѣтъ. Забывались пережитыя невзгоды, на душѣ становилось покойно и радостно; я словно опять становился ребенкомъ. Эти минуты для меня всегда были лучшею наградою за понесенные труды...

«Буря жизни, жажда дѣятельности и завѣтное стремленіе къ изслѣдованію невѣдомыхъ странъ внутренней Азіи снова отрывали меня отъ родного крова. Бросалось многое, даже очень многое, но самою тяжелою минутою всегда было для меня разставанье съ матерью. Ея слезы и послѣдній поцѣлуй еще долго жгли мое сердце. Не одинъ разъ, среди дикой пустыни или дремучихъ лѣсовъ, моему воображенію рисовался дорогой образъ и заставлялъ уноситься невольно къ родному очагу»...

Въ виду всѣхъ этихъ огорченій и вызваннаго ими упадка духа, телеграмма военнаго министра, предписывавшая отложить путешествіе вслѣдствіе осложненія нашихъ отношеній съ Китаемъ, явилась весьма кстати.

Оставивъ верблюдовъ и запасы экспедиціи въ Зайсанскѣ, Пржевальскій отправился въ Петербургъ.

Результаты своего путешествія онъ изложилъ въ брошюрѣ *«Отъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобъ-Норъ»*,

которая была переведена на главные европейскіе языки, вызвала восторженные отзывы западно-европейскихъ ученыхъ, но также и нѣкоторое недовѣріе: опираясь на китайскіе источники думали, что Пржевальскій невѣрно опредѣлилъ положеніе Лобъ-Нора, что есть еще «настоящій» Лобъ-Норъ, котораго онъ не примѣтилъ. Впрочемъ эти сомнѣнія скоро разсѣялись.

Берлинское географическое общество присудило ему большую золотую медаль Гумбольта, Лондонское — Королевскую медаль, наша Академія Наукъ и Ботаническій Садъ избрали его почетнымъ членомъ.

Въ Петербургѣ его по обыкновенію донимали обѣдами, приглашеніями, просьбами о лекціяхъ и пр.

Поживши въ деревнѣ, вылечившись, воспрянувъ духомъ, онъ сталъ хлопотать о путешествіи въ Тибетъ. Государственное казначейство выдало ему 20,000 р. въ дополненіе къ суммамъ, оставшимся отъ Лобъ-Норской экспедиціи.

20 января 1879 г. онъ выѣхалъ изъ Петербурга, а 28 марта 1879 г. отрядъ, состоявшій изъ 13 человѣкъ, выступилъ изъ Зайсанска.

* *
*

Изслѣдовавъ озеро Улюнгуръ со впадающей въ него р. Урунгу, двинулись черезъ необозримую безводную степь къ знаменитому съ глубокой древности Хамійскому оазису.

Дни тянулись за днями однообразно; проходили въ сутки не болѣе 25 верстъ, такъ какъ путешествіе по обыкновенію замедлялось съемкой, охотой, сборомъ растеній, ящерицъ, насѣкомыхъ и пр. У какого нибудь колодца или ключа останавливались на ночлегъ, ставили палатку, разводили огонь, варили ужинъ.

«Едва ли какой-нибудь гастрономъ ѣстъ съ такимъ аппетитомъ разныя тонкости европейской кухни, съ какимъ мы теперь принимаемся за питье кирпичнаго чая и ѣду дзамбы съ масломъ, а за неимѣніемъ онаго съ бараньимъ саломъ. Правда, послѣднее, будучи растопленно, издаетъ противный запахъ сальныхъ свѣчей, но путешествуя въ азіатскихъ пустыняхъ, необходимо оставить дома всякую брезгливость, иначе лучше не путешествовать. Цивилизованный комфортъ даже

при большихъ матеріальныхъ средствахъ здѣсь невозможенъ; никакія деньги не перемѣнятъ соленой воды на прѣсную, не уберегутъ отъ морозовъ, жары и пыльныхъ бурь, а иногда и отъ паразитовъ».

Въ Хамійскомъ оазисѣ остановились на нѣсколько дней: это важный торговый и стратегическій пунктъ, и Пржевальскому хотѣлось ознакомиться съ нимъ поближе. Губернаторъ г. Хами пригласилъ путешественниковъ на обѣдъ, состоявшій изъ 60 блюдъ, «все во вкусѣ китайцевъ. Баранина и свинина, а также чеснокъ и кунжутное масло играли важную роль, кромѣ того подавались и различныя тонкости китайской кухни, какъ то: морская капуста, трепангъ, гнѣзда ласточки-салаганы, плавники акулы, креветы и т. п. Обѣдъ начался сластями, кончился вареными рисомъ. Каждаго кушанья необходимо было хотя отвѣдать, да и этого было достаточно, чтобы произвести такой винигретъ, отъ котораго даже наши ко всему привычные желудки были разстроены во весь слѣдующій день».

Изъ Хами экспедиція направилась въ г. Са-Чжеу черезъ пустыню, въ сравненіи съ которой даже предыдущая степь могла назваться садомъ.

Это былъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ переходовъ за все путешествіе. Полная мертвечина царила въ пустынѣ: ни растеній, ни звѣрей, ни птицъ, ни даже ящерицъ и насѣкомыхъ? «По дорогѣ безпрестанно валяются кости лошадей, муловъ и верблюдовъ. Надъ раскаленною днемъ почвой виситъ мутная, словно дымомъ наполненная атмосфера; вѣтеръ не колышетъ воздухъ, не даетъ прохлады. Только часто пробѣгаютъ горячіе вихри и далеко уносятъ крутящіеся столбы соленой пыли. Впереди и по сторонамъ путника играютъ обманчивые миражи. Жара днемъ невыносимая. Солнце жжетъ отъ восхода до заката». Почва нагрѣвалась до 50° Р: плохіе колодцы съ теплой солоноватой водой едва утоляли жажду людей и животныхъ.

Двѣ недѣли тащились по этому пеклу; наконецъ пришли въ оазисъ Са-Чжеу, гдѣ отдохнули.

Вытребовавъ съ большимъ трудомъ проводника у мѣстныхъ китайскихъ властей, Пржевальскій двинулся дальше черезъ невѣдомые хребты Нань-Шаня. Китайскій проводникъ завелъ его въ такую глухую, изрытую оврагами мѣстность, что экспедиція еле выбралась оттуда.

Поставленный въ безвыходное положеніе, Пржевальскій рѣшился отыскивать дорогу разъѣздами: отъ мѣста стоянки посылались по два, по три человѣка въ разныя стороны, верстъ за сто и болѣе, и разыскивали путь; затѣмъ уже трогался весь караванъ. Наконецъ одинъ изъ разъѣздовъ случайно наткнулся на двухъ монголовъ. Ихъ безъ церемоніи забрали, привели къ бивуаку и частью подарками, частью угрозами заставили вести экспедицію. Перваливъ черезъ Нань-Шань, открывъ два громадные хребта («Гумбольдта» и «Риттера»), Пржевальскій вступилъ въ Цайдамъ.

Выведенный изъ терпѣнія отсутствіемъ проводниковъ, онъ рѣшился прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ. Одного изъ мѣстныхъ монгольскихъ князей разругалъ и выгналъ вонъ изъ палатки, послѣ чего получилъ проводника, оказавшагося впрочемъ совершеннымъ идіотомъ. Другому объявилъ, что если не получитъ проводника, то поведетъ въ Тибетъ самого князя. Угроза подѣйствовала и получивъ требуемое, Пржевальскій двинулся въ Тибетъ.

Здѣсь путешественниковъ снова встрѣтили разрѣженный воздухъ, рѣзкіе переходы температуры, бури то съ снѣгомъ и градомъ, то съ тучами песку и пыли; наконецъ нападенія разбойничьихъ племенъ. И снова поразило ихъ невѣроятное обиліе дикихъ животныхъ. «Не вдалекѣ отъ нашего стойбища паслись табуны кулановъ, лежали и въ одиночку расхаживали дикіе яки, въ граціозной позѣ стояли самцы оронго; быстро, словно резиновые мячики, скакали антилопы-ады. Не было конца удивленію и восторгу моихъ спутниковъ, впервые увидѣвшихъ такое количество дикихъ животныхъ».

Въ мѣстностяхъ удобныхъ для пастбища, напримѣръ въ долинахъ рѣкъ, количество звѣрей достигало баснословныхъ размѣровъ. «Табуны кулановъ отходили немного въ сторону и повернувшись всей кучей, пропускали насъ мимо себя, а иногда даже нѣкоторое время слѣдовали сзади верблюдовъ. Антилопы, оронго и ады спокойно паслись и рѣзвились по сторонамъ или перебѣгали дорогу передъ нашими верховыми лошадьми, лежавшіе же послѣ покормки дикіе яки даже не трудились вставать, если караванъ проходилъ мимо нихъ на разстояніи четверти версты. Казалось, мы попали въ

первобытный рай, гдѣ человѣкъ и животныя еще не знали зла и грѣха».

Нѣсколько дней двигались въ этомъ раю; наконецъ проводникъ объявилъ, что не знаетъ дороги. По обыкновенію были пущены въ ходъ «сильныя физическія побужденія», но отъ этого знаній у проводника не прибавилось, и караванъ долженъ былъ двигаться почти на удачу. Между тѣмъ наступила зима, ударили морозы, пастбища покрылись снѣгомъ; недостатокъ топлива и корма давалъ себя чувствовать; къ этому присоединилась еще глазная болѣзнь — результатъ ослѣпительной бѣлизны снѣга. Верблюды дохли отъ утомленія и безкормицы; каравану грозила опасность остаться безъ вьючныхъ животныхъ и заблудиться среди снѣговыхъ пустынь. Проводникъ уговаривалъ вернуться, пророча гибель путешественникамъ.

Тибетское плоскогорье изрѣзано хребтами, впервые открытыми и изслѣдованными Пржевальскимъ. Добравшись до одного изъ такихъ хребтовъ, экспедиція попала въ почти безвыходное положеніе. Снѣгъ закрылъ всѣ тропинки и примѣты, по которымъ могъ бы оріентироваться проводникъ, и послѣдній окончательно сбился съ толку. Караванъ долго колесилъ по горамъ, спускаясь въ ущелья, подпимаясь на высоты, и наконецъ уперся въ стѣну.

Убѣдившись, что изъ проводника ничего не выжмешь ни угрозами, ни нагайкой, Пржевальскій прогналъ его и рѣшился искать дорогу разъѣздами. Счастіе снова помогло смѣльчакамъ: караванъ благополучно выбрался изъ горъ, перевалилъ еще три хребта и вышелъ въ долину р. Муръ-Усу.

Невзгоды путешествія порядкомъ утомили всѣхъ: «слабосиліе, головокруженіе, одышка, иногда сердцебіеніе чувствовались почти каждымъ; многіе заболѣвали простудою и головною болью».

Въ горахъ Танъ-Ла экспедиція подверглась нападенію *еграевъ*, разбойничьяго племени, занимающагося грабежомъ каравановъ. Человѣкъ 60 — 70 конныхъ еграевъ аттаковали путешественниковъ въ одномъ ущельи, но были отбиты и отступили съ урономъ.

Среди всѣхъ этихъ лишеній и опасностей караванъ неудержимо стремился впередъ. Оставалось уже не болѣе 250 верстъ до

Хлассы, когда за переваломъ Тапъ-Ла пришлось остановиться. Тибетское правительство не хотѣло пускать Пржевальскаго въ Хлассу; мѣстное населеніе было сильно возбуждено противъ путешественниковъ, около тысячи солдатъ и милиціонеровъ загораживали имъ путь. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ Пржевальскій долженъ былъ отступить.

Впрочемъ, научные результаты путешествія отъ этого не пострадали. Посѣщеніе Хлассы, запретнаго для европейцевъ города, придало бы экспедиціи больше блеску, больше шику, но то, что составляло ея суть и смыслъ — великія географическія открытія, драгоцѣнныя естественно-историческія коллекціи и наблюденія — все это и теперь оставалось грандіознымъ памятникомъ ея трудовъ.

Обратное путешествіе было сопряжено съ большими затрудненіями. И люди, и животныя ослабѣли, запасы продовольствія истощились, а впереди еще предвидѣлось нападеніе еграевъ. Послѣдняго однако не случилось.

И здѣсь, какъ въ Монгольскихъ пустыняхъ, мужество путешественниковъ окружило ихъ легендарнымъ ореоломъ. Разсказывали, что они трехглазые, что ружья ихъ стрѣляютъ на цѣлый день ѣзды и проч.

Къ концу января 1880 г. экспедиція вернулась въ Цайдамъ, частью прежнимъ путемъ, частью новыми мѣстами.

Между тѣмъ въ русскомъ посольствѣ въ Пекинѣ стали распространяться тревожные слухи насчетъ Пржевальскаго. Съ тѣхъ поръ какъ онъ выступилъ въ Тибетъ, слѣды его потерялись. Извѣстно было, что онъ прогналъ проводника и пустился одинъ въ невѣдомыя пустыни. Въ Петербургскихъ газетахъ писали, что Пржевальскій взятъ въ плѣнъ китайцами, ограбленъ, убитъ... Только въ февралѣ 1880 г. пришло извѣстіе, что онъ живъ и здоровъ, а вскорѣ получено было и его письмо съ предположеніями о дальнѣйшемъ путешествіи къ истокамъ Желтой рѣки.

Изъ Цайдама экспедиція прошла къ Куку-Нору, отсюда къ верховьямъ Хуанъ-хэ, изслѣдованіе которыхъ—пополненное въ 4-мъ путешествіи—составляетъ одну изъ крупныхъ заслугъ Пржевальскаго передъ географіей. Проведя три мѣсяца въ этой области, вернулись къ Куку-Нору, дополнили

съемку этого озера и накопецъ рѣшились двинуться домой черезъ Ала-Шань на Ургу.

«Сегодня распрощались мы съ Куку-Норомъ, вѣроятно уже навсегда. Передъ отходомъ я нѣсколько минутъ глядѣлъ на красивое озеро, стараясь живѣе запечатлѣть въ памяти его панораму. Да, навѣрное въ будущемъ не одинъ разъ вспомню я о счастливыхъ годахъ своей странническoй жизни. Много въ ней перенесено было невзгодъ, но много испытано и наслажденій, много пережито такихъ минутъ, которыя не забудутся до гроба».

19 октября 1881 г. экспедиція прибыла въ Ургу.

* *
*

Возвращеніе Пржевальскаго въ Петербургъ было тріумфальнымъ шествіемъ. Начиная съ г. Вѣрнаго посыпались поздравительныя телеграммы, обѣды, торжественныя встрѣчи: «чествуютъ вездѣ такъ, что я не могъ и ожидать».

Всѣмъ членамъ экспедиціи были пожалованы награды: Пржевальскому пожизненная пенсія въ 600 руб. въ дополненіе къ прежнимъ 600, и орденъ; остальнымъ тоже денежныя награды и знаки отличія.

Петербургская Дума избрала его почетнымъ гражданиномъ и ассигновала 1.500 рублей на постановку его портрета въ думской залѣ, но онъ просилъ употребить эти деньги съ благотворительною цѣлью. Московскій университетъ избралъ его почетнымъ докторомъ, различныя русскія и иностранныя ученыя общества—почетнымъ членомъ.

Визиты, приглашенія, обѣды надоѣдали ему до нельзя. «Это хуже самаго труднаго путешествія — говорилъ онъ. — Обѣды и визиты до того меня доняли, что и жизнь становится не мила».

Его заваливали всевозможными просьбами: выхлопотать мѣстечко, пенсію, чинъ, пособіе и проч.

«Вамъ, родимый мой—писала одна изъ просительницъ — всѣ власти нашего города нынѣ бьютъ челомъ; кумъ мнѣ сказывалъ, что васъ повѣсили въ думѣ, что вы въ почетѣ въ нашемъ городѣ, что вамъ все сдѣлаютъ. Такъ ради Бога отыщите мою собачку, кличка ея Мурло, маленькая, хорошенькая, съ бѣльмомъ на глазу; крысъ и мышатъ ловитъ.

И буду я, вдова безутѣшная, весь длинный вѣкъ за васъ Бога молить. Живу я на Петербургской, Зелениной, № 52 дома, у сторожа гвардейскаго, что подъ турку раненъ, Архипомъ прозывается».

Покончивъ съ дѣлами въ Петербургѣ, Пржевальскій уѣхалъ въ Отрадное. Но тутъ ему многое не нравилось. «Тамъ кабакъ, тутъ кабакъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ домъ терпимости, а въ болѣе отдаленномъ назойливо навязываютъ дочерей невѣстъ. Ну ихъ совсѣмъ, этихъ сосѣдей. Мои друзья вотъ» — прибавлялъ онъ, указывая на ружье, на болото, покрытое мохомъ и на лѣсъ.

Ему хотѣлось найти настоящій медвѣжій уголъ, хоть нѣкоторое подобіе азіатскихъ дебрей. Наконецъ поиски увѣнчались успѣхомъ, и онъ купилъ имѣніе Слободу въ Порѣчьскомъ уѣздѣ, Смоленской губ., въ замѣчательно глухой мѣстности, изобилующей сосновыми борами, песками, болотами и озерами. «Лѣсъ какъ сибирская тайга—восхищался онъ—а рядомъ лѣса пошли на сотни верстъ». Для рыболова и охотника раздолье: два озера, двѣ рѣки, обиліе утокъ, глухарей, тетеревовъ, рябчиковъ; медвѣди, иногда лоси; случайно забѣгаютъ въ эту мѣстность даже кабаны.

Хозяйствомъ Пржевальскій не занимался; его интересовала только охота и садъ, въ которомъ развелъ онъ между прочимъ нѣкоторыя изъ растеній, вывезенныхъ изъ Азіи. Рабочія лошади, къ огорченію управляющаго, въ самую горячую пору отрывались отъ дѣла для поѣздокъ на охоту и рыбную ловлю; овесъ сѣялся спеціально для медвѣдей; вообще, о доходахъ Пржевальскій не заботился.

Въ Слободѣ было кончено описаніе 3-го путешествія. Какъ и предыдущія, книга была переведена на западно-европейскіе языки. Въ Парижской Академіи былъ сдѣланъ о ней докладъ— отличіе рѣдкое, такъ какъ обыкновенно доклады о новыхъ книгахъ тамъ не допускаются.

V.

Четвертое путешествіе.—Итоги.

(Четвертое путешествіе въ Азію. Спб. 1888 г.).

Женитьба Эклона. — Выступленіе экспедиціи. — Расправа съ Дзунъ-Засакомъ.—Тибетъ. — Истоки Желтой рѣки. — Нападеніе тангутовъ. — Цайдамъ.—Восточный Туркестанъ. Возвращеніе.—Встрѣча въ Петербургѣ. Результаты экспедицій Пржевальскаго.—Его географическія открытія: Куэнъ-Лунь, Сѣв. Тибетъ, Лобъ-Норъ.—Истоки Желтой рѣки, Цайдамъ, Великая Гоби и пр.—Значеніе его экспедицій для зоологіи, ботаники, климатологіи.

Въ минуту унынія Пржевальскій отрекался отъ путешествій и мечталъ о спокойной жизни въ деревнѣ. Но онъ самъ не зналъ своей натуры. Не успѣлъ онъ порядкомъ отдохнуть, какъ снова его потянуло въ далекія пустыни Азіи, и еще не окончивъ описанія третьяго путешествія, онъ началъ хлопотать о слѣдующемъ.

Одинъ изъ прежнихъ спутниковъ его, Эклонъ, на котораго онъ и нынче разсчитывалъ, женился и остался дома. Пржевальскій былъ жестоко огорченъ и раздраженъ, и разстался съ своимъ бывшимъ товарищемъ если не враждебно, то очень сухо. Къ этому времени его любовь къ путешествіямъ превратилась въ фанатическую страсть, онъ, кажется, даже и представить не могъ, что испытавъ сладость жизни въ пустыняхъ, можно пожелать чего-нибудь лучшаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ росло и его женоненавистничество: въ семьѣ онъ видѣлъ главную помѣху для путешественника.

* *
*

20 октября 1883 г. экспедиція, въ составъ которой входили 21 человѣкъ, выступила изъ Кяхты—старымъ путемъ: на Ургу, отсюда на Дынь-Юань-Инъ. Не смотря на зимнее время, солнце сильно пригрѣвало. Одежда на сторонѣ, обращенной къ солнцу, нагрѣвалась до 27° и болѣе, тогда какъ на противуположной термометръ показывалъ морозъ.

Изъ г. Синина былъ присланъ путешественникамъ китайскій конвой, который сильно надоѣдалъ имъ, заводя ссоры и драки съ мѣстными жителями. Пржевальскій отдѣлался отъ него, заявивъ что будетъ стрѣлять въ китайскихъ солдатъ, если они не уйдутъ.

Вступленіе въ Тибетъ ознаменовалось расправой съ владѣтельнымъ княземъ Дзунъ-Засакъ, который не хотѣлъ продавать путешественникамъ верблюдовъ и барановъ, ни доставить проводника. «Тогда безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій я посадилъ Дзунъ-Засака подъ арестъ у насъ въ лагерной палаткѣ, возлѣ которой былъ поставленъ вооруженный часовой; помощникъ князя, едва ли еще не большій негодяй, былъ привязанъ на цѣпь подъ открытымъ небомъ, а одинъ изъ приближенныхъ, осмѣлившійся ударить нашего переводчика Абдула, былъ тотчасъ же высѣченъ. Такія мѣры возымѣли желаемое дѣйствіе»—проводникъ, верблюды и бараны были доставлены.

Переваливъ гигантскій хребетъ Бурханъ-Будда вступили на плоскогорье Тибета и вскорѣ достигли котловины Одонъ-Тала, въ которой лежатъ истоки Желтой рѣки. «Давнишнія наши стремленія увѣнчались успѣхомъ: мы видѣли теперь воочію таинственную колыбель великой китайской рѣки и пили воду изъ ея истоковъ. Радости нашей не было конца»...

Здѣсь пробыли довольно долго; изслѣдовали упомянутые истоки, окружающіе хребты и вершины, водораздѣлъ Желтой и Голубой рѣкъ и частію верховье этой послѣдней.

За время пребыванія въ этихъ мѣстностяхъ экспедиція два раза подверглась нападенію разбойничьихъ племенъ тангутовъ и голыковъ. Въ первый разъ два конныхъ отряда аттаковали бивуакъ, но были отбиты съ урономъ. Эта неудача не заставила ихъ отказаться отъ своего намѣренія; тогда Пржевальскій рѣшился самъ аттаковать ихъ лагерь. Человѣкъ триста высыпало на встрѣчу 14 путешественникамъ (остальные 7 находились въ складочномъ пунктѣ на сѣверной окра-

ніѣ Тибета), но едва подпустивъ ихъ на выстрѣлъ, повскакали на коней и пустились на утекъ.

Другой разъ человѣкъ 300 конныхъ тангутовъ аттаковали стоянку Пржевальскаго на берегу открытаго имъ озера Русскаго.

«Гулко застучали по влажной глинистой почвѣ копыта коней, частоколомъ замелькали длинныя пики всадниковъ, по встрѣчному вѣтру развѣвались ихъ суконные плащи и длинные черные волосы... Словно туча неслась на насъ эта орда, дикая, кровожадная... Съ каждымъ мгновеніемъ рѣзче и рѣзче выдѣлялись силуеты коней и всадниковъ... А на другой сторонѣ, впереди нашего бивуака, молча съ прицѣленными винтовками стояла наша маленькая кучка—14 человѣкъ, для которыхъ не было иного исхода какъ смерть или побѣда...»

Нападающіе были встрѣчены залпами, но продолжали скакать, и только когда ихъ начальникъ, подъ которымъ была убита лошадь, побѣжалъ назадъ, — вся шайка не доскакавъ до бивуака менѣе 200 шаговъ, повернула въ сторону и спряталась за ближайшій увалъ. Тутъ они спѣшились и открыли пальбу по путешественникамъ, стоявшимъ на ровномъ мѣстѣ. Тогда оставивъ на бивуакѣ 6 человѣкъ, Пржевальскій отправился выбивать тангутовъ изъ ихъ убѣжища. Послѣдніе встрѣтили ихъ пальбой, которая впрочемъ скоро затихла, и когда нападающіе взобрались на увалъ, оказалось, что тангуты бросили свою позицію и скрылись за слѣдующимъ уваломъ. Но и отсюда они были выбиты, а въ тоже время другой отрядъ, бросившійся на бивуакъ, былъ отраженъ оставшимся въ немъ поручикомъ Роборовскимъ съ 5 казаками.

На этомъ битва и кончилась; тангуты, потерявъ болѣе 30 человѣкъ убитыми и раненными, уже не рѣшались болѣе нападать на путешественниковъ.

Закончивъ изслѣдованіе этой части Тибета, Пржевальскій вернулся къ складу, а оттуда двинулся въ дальнѣйшій путь, черезъ Цайдамъ къ Лобъ-Нору и далѣе черезъ пустыню восточнаго Туркестана къ нашей границѣ съ Китаемъ. Вся эта часть путешествія изобиловала географическими открытіями: горные хребты, вѣчно снѣговыя вершины, озера, оазисы Цайдама и восточнаго Туркестана были нанесены на карту. Путешествіе затруднялось каверзами мѣстныхъ китайскихъ

властей, которые запрещали населенію сноситься съ экспедиціей, портили дороги на ея пути, угоняли верблюдовъ и лошадей и т. п. Причиной этихъ каверзъ была ненависть къ китайцамъ туземнаго населенія, которое даже обращалось къ Пржевальскому съ предложеніемъ возстать противъ своихъ властителей и перейти въ подданство Россіи.

Тѣмъ не менѣе экспедиція двигалась вполнѣ успѣшно и 29 октября 1886 г. достигла нашей границы, откуда отправилась въ г. Караколъ (нынѣ Пржевальскъ).

* *
*

Путешествіе продолжалось болѣе двухъ лѣтъ. Изслѣдованы были истоки Желтой рѣки, завершено и дополнено изслѣдованіе Цайдама, Лобъ-Норскаго бассейна и колоссальной системы Куэнъ-Луня.

За эту экспедицію Пржевальскій получилъ чинъ генералъ-маіора, пенсія его была увеличена до 1800 р.

Такъ отнеслось правительство; ученый міръ—русскій и иностранный — также не замедлилъ выразить свое одобреніе славному путешественнику. Открытый имъ хребетъ *Загадочный* былъ названъ хребтомъ *Пржевальскаго*, Шведское географическое общество назначило ему свою высшую награду—медаль «Вега», Общество землевѣдѣнія въ Лейпцигѣ, Академія въ Галле избрали его почетнымъ членомъ и т. д.

О публикѣ и говорить нечего. «Пребываю еще въ Петербургѣ—писалъ онъ вскорѣ по возвращеніи—и мучаюсь несказанно: не говоря уже про различныя чтенія, оффиціальныя торжества, мнѣ просто невозможно пройти ста шаговъ по улицѣ,—сейчасъ обознаютъ, и пошла писать исторія, съ разными распросами, привѣтствіями и т. п.»

* *
*

Четвертое путешествіе было послѣднимъ путешествіемъ Пржевальскаго. Подведемъ же итоги всѣхъ его экспедицій. Что сдѣлано имъ для науки?

Какъ мы уже говорили, поприщемъ его изслѣдованій было центрально-азіатское плоскогорье, которое онъ послѣдовательно

изучилъ въ его наименѣе извѣстныхъ частяхъ. Въ этой области провелъ онъ 9 лѣтъ, 2 мѣсяца и 27 дней, пройдя въ своихъ экспедиціяхъ болѣе 30,000 верстъ.

Крупнѣйшими изъ его *географическихъ* открытій были: изслѣдованіе горной системы Куэнъ-Луня, хребтовъ Сѣвернаго Тибета, бассейновъ Лобнора и Куку-Нора и истоковъ Желтой рѣки.

Вдоль сѣверной окраины Тибета тянется колоссальная система горныхъ хребтовъ Куэнъ-Луня, «становой хребетъ» Азіи по выраженію Рихтгофена. До изслѣдованій Пржевальскаго она была извѣстна только по имени, и изображалась въ видѣ почти прямой черты; благодаря его экспедиціямъ «прямолинейный Куенъ-Лунь точно ожилъ, выяснились его важнѣйшіе изгибы, онъ разчленился на отдѣльные хребты, связанные горными узлами и разъединенные глубокими долинами».

Открытіе хребта *Алтынъ-тагъ* сразу выяснило общее очертаніе Тибетской ограды, имѣющей видъ отлогой дуги, изогнутой къ сѣверу. Затѣмъ были изслѣдованы восточная часть системы (Нань-Шань), въ которой Пржевальскимъ открыты хребты *Сѣверно и Южно-Тэтунгскій*, *Южно-Кукунорскій*, *Гумбольдта* и *Риттера*; центральный Куенъ-Лунь, колоссальное сплетеніе хребтовъ, до Пржевальскаго абсолютно неизвѣстныхъ (*Бурханъ-Будда*, *Го-Шили*, *Толай*, *Шуга* и *Хоросай*, хр. *Марко-Поло*, *Торай*, *Гарынга*, хр. *Колумба* и *Цайдамскій*, хр. *Пржевальскаго*, *Московскій* и *Тогузъ-Дабанъ*), и западный Куэнь-Лунь, состоящій изъ хребтовъ *Русскаго*, *Кэрійскаго* и горъ *Текеликъ-Тагъ*. Въ этихъ хребтахъ нерѣдки отдѣльныя вѣчно снѣговыя вершины, одѣтыя грандіозными ледниками, какъ напр. гора *Царя-Освободителя*, горы: *Кремль*, *Джинри*, гора *Шапка-Мономаха* и др.

Такимъ образомъ заполнилось огромное пространство отъ Памира до истоковъ Желтой рѣки; загадочная область, съ давнихъ поръ интересовавшая географовъ и подававшая поводъ къ разнообразнымъ, болѣе или менѣе произвольнымъ гипотезамъ относительно вида поверхности внутренней Азіи.

Изслѣдованіе *сѣверной части Тибета*—также одно изъ крупнѣйшихъ географическихъ открытій нашего времени. Пржевальскій далъ общее описаніе этого плоскогорья—единствен-

наго въ мірѣ по высотѣ и громадности,—открылъ и изслѣдовалъ рядъ хребтовъ, разбросанныхъ по немъ (хр. *Куку-Шили* и его продолженіе *Баянъ Хара*, хр. *Думбуре*, *Конгинъ*, *Танъ-Ла* и отдѣльныя снѣговыя вершины *Джома*, *Дарзы*, *Меду-кунъ*), и открытіемъ вѣчно снѣговой группы *Самтынъ-Кинсиръ* сомкнулъ свои изслѣдованія съ англійскими, указавъ на связь сѣверно-Тибетскихъ горъ съ Трансгималайскими.

Озеро *Лобъ-Норъ* было имъ изслѣдовано въ двухъ путешествіяхъ. Онъ опредѣлилъ его истинное положеніе, форму, величину; нанесъ на карту его притоки, изъ коихъ одинъ, *Черченъ-Дарья*, до него былъ вовсе неизвѣстенъ, а другой, *Таримъ*, образующій своими развѣтвленіями и рукавами довольно сложную сѣть, изображался невѣрно.

Обширное озеро *Куку-Норъ*, извѣстное дотолѣ лишь по преданіямъ, принадлежитъ теперь къ числу наиболѣе извѣстныхъ азіатскихъ озеръ. Какъ и Лобъ-Норъ оно представляетъ остатокъ когда-то огромнаго бассейна, существовавшаго еще въ недавнюю геологическую эпоху.

Первый изъ европейскихъ путешественниковъ, Пржевальскій пробрался къ *верховьямъ Желтой рѣки*, изслѣдовалъ котловину Одонъ-Тала, въ которой она беретъ начало, и показалъ, что она слагается изъ двухъ рѣкъ, которыя соединившись вливаются въ оз. *Экспедиціи* и слѣдующее за нимъ оз. *Русское*.

Далѣе, имъ были изслѣдованы *наименѣе доступные участки великой Гоби:* пустыня *восточнаго Туркестана* съ ея оазисами, пустыни *Ордоса* и *Ала-Шаня*, *южная окраина* Гоби отъ г. Калгана до Дынь-Юань-Ина, и *центральная часть* ея отъ Алашаня до Кяхты. Во всѣхъ перечисленныхъ пустыняхъ до него не проходилъ ни одинъ европеецъ; кромѣ того онъ пересѣкъ Гоби и по другимъ направленіямъ, въ мѣстностяхъ уже затронутыхъ отчасти прежними изслѣдователями. Въ общемъ, его путешествія дали намъ замѣчательно полную картину великой азіатской пустыни: ея орографіи, оазисовъ, колодцевъ, озеръ и ключей; своеобразной флоры и фауны и оригинальнаго климата.

Ему же всецѣло принадлежитъ изслѣдованіе *обширнаго плоскогорья Цайдама*, замкнутаго со всѣхъ сторонъ хреб-

тами Куэнъ Луня. Это—не вполнѣ пересохшее дно огромнаго бассейна, слѣды котораго сохранились еще въ видѣ соленыхъ озеръ и болотъ. Пржевальскій изслѣдовалъ и нанесъ на карту эти озера, главную артерію Цайдама—рѣку Баянъ-голъ, его оазисы, урочища и пр.

Наконецъ изъ менѣе крупныхъ открытій его упомянемъ объ изслѣдованіи оз. *Далай-Норъ* въ юго-восточной Монголіи, *р. Урунгу и оз. Улюнгуръ* въ Джунгаріи, *верховьевъ Янъ-цзы-цзяна*, хребтовъ *Инъ-Шаня* и *Ала-Шаня*, *теченія Желтой рѣки* ниже верховьевъ и проч.

Вотъ краткій и по необходимости сухой перечень его географическихъ открытій. Читатель можетъ обозрѣть ихъ однимъ взглядомъ на приложенной къ нашему очерку картѣ. Тамъ, гдѣ онъ видитъ теперь горные хребты, озера, рѣки и проч., были до изслѣдованій Пржевальскаго или пустыя мѣста, или фантастическіе узоры, набрасывавшіеся на карту по невѣрнымъ и противорѣчивымъ источникамъ.

Эти открытія поставили имя Пржевальскаго наряду съ именами величайшихъ путешественниковъ - географовъ нашего вѣка. Но онѣ составляютъ только частицу его заслугъ.

Въ большинствѣ случаевъ путешественникъ - географъ является только піонеромъ, открывающимъ для науки невѣдомыя области. Онъ пролагаетъ путь для изслѣдователей натуралистовъ, но для него самого наука не существуетъ. Таковы напр. Стэнли, Ливингстонъ и др. Для Стэнли изслѣдованія флоры и фауны кажутся дѣтской забавой. «Постоянныя серьезныя заботы мѣшали намъ заниматься пустяками»—наивно заявляетъ онъ по поводу собиранія коллекцій. Но даже и тѣ, кто понимаетъ значеніе естественно-историческихъ изслѣдованій, рѣдко могутъ соединить роль піонера съ ролью натуралиста. Тащить за собой огромный караванъ съ грузомъ, достигающимъ, какъ у Пржевальскаго, нѣсколькихъ сотъ пудовъ — по невѣдомой области, среди всевозможныхъ опасностей, путешествуя иной разъ наудачу, безъ проводниковъ, съ рискомъ застрянуть въ какой нибудь непроходимой глуши—слишкомъ трудно. Только впослѣдствіи, когда мѣстность изслѣдована въ географическомъ отношеніи, указаны и нанесены на карту наиболѣе удобные и безопасные пути, выработана организація экспедиціи—только тогда,

по проторенной дорожкѣ, могутъ пуститься зоологи, ботаники и пр., и изучать прежнюю terra incognita во всевозможныхъ отношеніяхъ.

Въ Пржевальскомъ соединялись оба типа: піонеръ и ученый. Любовь къ дикой, привольной жизни, жажда сильныхъ ощущеній, опасностей, новизны—создали изъ него путешественника-піонера и авантюриста; страстная любовь къ природѣ и въ особенности къ тому, что живетъ, дышетъ, движется, къ растеніямъ, звѣрямъ и птицамъ—сдѣлали его ученымъ путешественникомъ, котораго нѣмцы сравниваютъ съ Гумбольдтомъ.

Зоологическія изслѣдованія его имѣютъ одинаково важное значеніе для географіи животныхъ, систематики и біологіи. Они выяснили составъ средне-азіатской фауны, дали возможность разбить ее на частныя зоологическія области, опредѣлить ихъ границы и отношеніе къ фаунѣ уже изслѣдованныхъ областей.

Для систематики имѣютъ огромное значеніе множество новыхъ видовъ и любопытныхъ мѣстныхъ формъ, привезенныхъ имъ изъ Азіи. Упомянемъ о дикомъ верблюдѣ и якѣ, о лошади Пржевальскаго, промежуточной формѣ между лошадью и осломъ, возбудившей въ свое время фуроръ среди дарвинистовъ, о тибетскомъ медвѣдѣ (*Ursus lagomiarius*) о новыхъ видахъ антилопъ, дикихъ барановъ, лемминговъ, сурковъ и проч., о множествѣ новыхъ птицъ, рыбъ, ящерицъ, насѣкомыхъ и проч.

Не ограничиваясь собираніемъ коллекцій онъ наблюдалъ надъ жизнью животныхъ. Для наиболѣе замѣчательныхъ видовъ были у него заведены особыя книги, куда заносились біологическія данныя. Такимъ образомъ далъ онъ цѣлыя монографіи верблюда, яка, тибетскаго медвѣдя и др., доставилъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности мелкихъ роющихъ грызуновъ (сурки, пищухи и др.), играющихъ огромную роль въ геологическомъ и почвенномъ отношеніи, изслѣдовалъ пути пролета птицъ въ Центральной Азіи и т. д.

Заслуги его передъ ботаникой столь же значительны. Имъ собрано около 1700 видовъ растеній въ 15—16000 экземпляровъ. Изслѣдованія его открыли намъ флору Тибета,

Монголія, а въ связи съ матеріалами Пѣвцова, Потанина и др. дали замѣчательно полную картину растительности всего Центрально-Азіатскаго плоскогорья. Какъ и въ отношеніи животныхъ, мы знаемъ теперь общій характеръ флоры этой обширной страны, можемъ разбить ее на частныя фито-географическія области, опредѣлить ихъ связь съ климатомъ и горными хребтами, ихъ главные растительные типы, ихъ отношеніе къ сосѣднимъ мѣстностямъ.

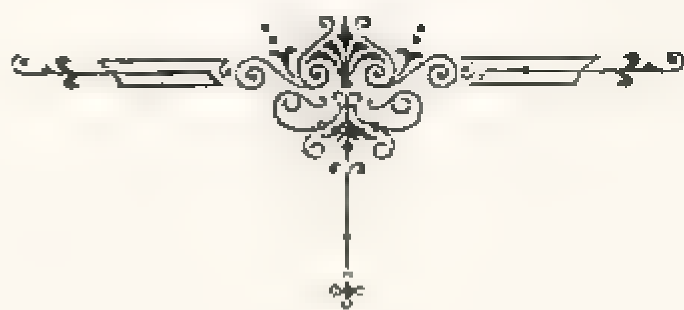
Вообще, четыре экспедиціи Пржевальскаго произвели коренной переворотъ въ нашихъ познаніяхъ о природѣ Центральной Азіи. До него это была terra incognita въ полномъ смыслѣ слова; теперь ея животное и растительное населеніе изслѣдованы лучше, подробнѣе, детальнѣе, чѣмъ во многихъ легко-доступныхъ и давно изучаемыхъ мѣстностяхъ.

Почти тоже сдѣлано имъ для климата Центральной Азіи. «Пока продолжались его путешествія — говоритъ проф. Воейковъ — просвѣщеннѣйшія и богатѣйшія страны Западной Европы соперничали въ изученіи Африки. Конечно, и изученію климата этой части свѣта было удѣлено мѣсто, но наши знанія о климатѣ Африки подвинулись трудами этихъ многочисленныхъ путешественниковъ менѣе, чѣмъ наши знанія о климатѣ центральной Азіи свѣдѣніями, собранными одпѣми 4-мя экспедиціями Пржевальскаго».

Сравнительно малую роль играли въ его изслѣдованіяхъ этнографія, и въ особенности геологія — обстоятельство, подавшее поводъ даже къ нѣкоторымъ нападкамъ на него. Если бы онъ ограничился ролью географа и піонера, мы назвали бы его однимъ изъ величайшихъ путешественниковъ нашего вѣка; онъ сдѣлалъ больше—онъ раскрылъ передъ нами климатъ, флору и фауну громадныхъ невѣдомыхъ областей,—и мы считаемъ долгомъ придраться, почему не изслѣдовано еще то-то и то-то?..

Впрочемъ эти придирки и укоризны совершенно исчезали среди восторженныхъ отзывовъ. И наши, и западно-европейскіе ученые восхищались полнотой его изслѣдованій, широтой его интересовъ. «Ливингстонъ и Стэнли—говоритъ Д. Гукеръ—были отважными піонерами, но только съумѣли проложить на картѣ пройденные ими пути, для изученія же природы

ничего не сдѣлали. Послѣ заслуженнаго Барта нужно даже было послать другого путешественника, чтобы проложить на картѣ маршруты его. Только Пржевальскій соединялъ въ своемъ лицѣ отважнѣйшаго путешественника съ географомъ и натуралистомъ».

VI.

Характеръ и взгляды Пржевальскаго.

Любовь къ странничеству.—Отзывы о пустынѣ.—Ненависть къ цивилизаціи и городской жизни.—Мизантропическіе взгляды.—Взгляды на женщинъ.—Характеръ.—Отношенія къ спутникамъ и близкимъ людямъ.—Щедрость.—Недостатки характера.

Самая выдающаяся черта въ характерѣ Пржевальскаго—любовь къ страннической жизни. Онъ былъ закоренѣлый бродяга, для котораго осѣдлая жизнь—каторга. Никакія опасности, труды, лишенія не могли убить въ немъ охоты къ путешествіямъ; напротивъ, она росла и развивалась, превращаясь въ почти болѣзненную страсть. Онъ съ ужасомъ думалъ о старости, которая заставитъ его сидѣть дома и не разъ выражалъ желаніе умереть въ пустынѣ, на походѣ. «Прекрасная мати пустыня» манила его съ неотразимой силой, и въ отзывахъ его объ Азіи звучитъ тоже чувство, которое отразилось въ пѣснѣ раскольника-бѣгуна или удалого молодца, уходящаго отъ людей въ чистое поле и темный лѣсъ....

«Грустное, тоскливое чувство овладѣваетъ мною всякій разъ какъ пройдутъ первые порывы радости по возвращеніи на родину. И чѣмъ далѣе бѣжитъ время среди обыденной жизни, тѣмъ болѣе и болѣе ростетъ эта тоска, словно въ далекихъ пустыняхъ Азіи покинуто что-нибудь незабвенное, дорогое, чего не найти въ Европѣ. Да, въ тѣхъ пустыняхъ

дѣйствительно имѣется исключительное благо—свобода, правда дикая, но за то ничѣмъ не стѣсняемая, почти абсолютная. Путешественникъ становится тамъ цивилизованнымъ дикаремъ и пользуется лучшими сторонами крайнихъ стадій человѣческаго развитія: простотой и широкимъ привольемъ жизни дикой, наукой и знаніемъ жизни цивилизованной. Притомъ самое дѣло путешествія для человѣка, искренно ему преданнаго, представляетъ величайшую заманчивость ежедневной смѣной впечатлѣній, обиліемъ новизны, сознаніемъ пользы для науки. Трудности же физическія, разъ онѣ миновали, легко забываются и только еще сильнѣе оттѣняютъ въ воспоминаніи радостныя минуты удачъ и счастья.

«Вотъ почему истинному путешественнику невозможно забыть о своихъ странствованіяхъ даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ дальнѣйшаго существованія. День и ночь неминуемо будутъ ему грезиться картины счастливаго прошлаго и манить: промѣнять вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временамъ непривѣтливую, но за то свободную и славную страинческую жизнь».

Немного найдется людей, такъ всецѣло, совершенно, безъ остатка поглощенныхъ своимъ дѣломъ, какъ Пржевальскій. Путешествіе было въ полномъ смыслѣ слова его стихіей. Здоровье его, ослабѣвавшее при осѣдлой жизни, поправлялось и крѣпло въ пустынѣ; любовь къ независимости и свободѣ находили полное удовлетвореніе въ экспедиціонной жизни; страстный охотникъ и натуралистъ, онъ не могъ и желать бо́льшаго раздолья, болѣе богатаго поприща для наблюденій; наконецъ стремленіе къ полезной широкой дѣятельности удовлетворялось сознаніемъ великихъ и плодотворныхъ результатовъ, приносимыхъ его экспедиціями. О немъ нельзя даже сказать, что онъ любилъ путешествіе: развѣ рыба любитъ воду? она просто не можетъ жить безъ нея...

Это стремленіе къ страннической жизни въ значительной степени объясняетъ его воззрѣнія.

Казалось-бы, человѣкъ, такъ много поработавшій для цивилизаціи, долженъ былъ цѣнить ея блага. Но Пржевальскій относился къ нимъ очень скептически.

«Въ блага цивилизаціи не особенно вѣрю. Эти блага вѣдь сводятся къ тому, что горькія пилюли нашего существо-

ванія преподносятся въ капсюляхъ и подъ различными соусами, не говоря уже про уничтоженіе всѣхъ иллюзій, которыми только и красна жизнь.

«Въ Азіи я съ берданкой въ рукѣ гораздо болѣе гарантированъ отъ всякихъ гадостей, оскорбленій и обмана, чѣмъ въ городахъ Европейской Россіи. По крайней мѣрѣ въ Азіи знаешь, кто врагъ, а въ городахъ всякія гадости дѣлаются изъ за угла. Вы идете, напримѣръ, по улицѣ и всякій можетъ оскорбить васъ, если при этомъ нѣтъ свидѣтелей. Воровства въ пустыняхъ гораздо менѣе, чѣмъ въ городахъ Европы».

И чѣмъ болѣе росла его привязанность къ пустынѣ, тѣмъ сильнѣе разгоралась ненависть къ цивилизаціи. Подъ конецъ онъ не могъ говорить безъ отвращенія объ «извращенной» жизни цивилизованнаго общества.

«Не одинъ разъ, сидя въ застегнутомъ мундирѣ въ салонѣ какого-нибудь вельможи, я вспоминалъ съ сожалѣніемъ о своей свободной жизни въ пустынѣ съ товарищами офицерами и казаками. Тамъ кирпичный чай и баранина пились и ѣлись съ большимъ аппетитомъ, нежели здѣшнія заморскія вина и французскія блюда; тамъ была свобода, здѣсь позолоченная неволя; здѣсь все по формѣ, все по мѣркѣ; нѣтъ ни простоты, ни свободы, ни воздуха. Каменныя тюрьмы, называемыя домами; изуродованная жизнь — жизнью цивилизованной, мерзость нравственная — тактомъ житейскимъ называемая; продажность, безсердечіе, безпечность, развратъ— словомъ всѣ гадкіе инстинкты человѣка, правда изукрашенные тѣмъ или другимъ способомъ, фигурируютъ и служатъ главнымъ двигателемъ во всѣхъ слояхъ общества отъ низшаго до высшаго. Могу сказать только одно, что въ обществѣ подобномъ нашему очень худо жить человѣку съ душою и сердцемъ. Нѣтъ, видно, никогда не привыкнуть вольной птицѣ къ тѣсной клѣткѣ; никогда и мнѣ не сродниться съ искусственными условіями цивилизованной, правильнѣе изуродованной, жизни».

А между тѣмъ ему нельзя было пожаловаться на несправедливость цивилизованнаго общества. Заслуги его были оцѣнены быстро и по достоинству. Съ первой же экспедиціи онъ былъ признанъ главой русскихъ путешественниковъ.

Правительство, ученые, публика съ замѣчательнымъ единодушіемъ старались выразить ему свое удивленіе. Отношеніе западныхъ ученыхъ было не менѣе лестно, книги его переводились на иностранные языки и вызывали восторженные отзывы; нѣмцы сравниваютъ его съ Гумбольдтомъ; англичане устами Гукера отвели ему мѣсто выше Стэнли и Ливингстона; ученыя учрежденія осыпали его наградами. Такимъ образомъ онъ на собственномъ примѣрѣ могъ бы убѣдиться, что «человѣку съ душою и сердцемъ» можно жить и работать въ нашемъ обществѣ.

Но скучно орлу и въ золотой клѣткѣ. Въ рамкахъ цивилизованнаго общества онъ чувствовалъ себя какъ рыба на берегу; мудрено-ли, что оно казалось ему отвратительнымъ? И въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ «странника» съ его проклятіями «суетному житію» и «прелестному злому міру».

Питая отвращеніе къ осѣдлой жизни вообще, Пржевальскій въ особенности ненавидѣлъ ея высшее проявленіе — городъ. Еще въ дѣтскіе годы, живя въ Смоленскѣ, онъ всячески старался удрать за городъ и побродить по лѣсамъ и полямъ. Впослѣдствіи ему приходилось, въ промежуткахъ между путешествіями, подолгу живать въ Петербургѣ. Тутъ онъ чувствовалъ себя несчастнымъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Его желѣзный организмъ, шутя переносившій самыя каторжныя условія страннической жизни, ослабѣвалъ въ городской духотѣ и тѣснотѣ: тутъ привязывались къ нему головныя боли, кашель, приливы крови, обмороки. Суматоха и вѣчное мельканье, необходимость стѣсняться и подтягиваться раздражали и угнетали его. «Общая характеристика Петербургской жизни — говорилъ онъ — на грошъ дѣла, на рубль суматохи».

«Ну, ужь спасибо за такую жизнь; не промѣняю я ни на что въ мірѣ свою золотую волю. Чортъ ихъ дери — всѣ эти богатства, они принесутъ мнѣ не счастье, а тяжелую неволю. Не утерплю сидѣть въ Питерѣ. Вольную птицу въ клѣткѣ не удержишь».

«Ты не можешь вообразить, до чего отвратительно мнѣ жить теперь въ этой проклятой тюрьмѣ (Петербургѣ), и какъ на зло погода стоитъ отличная. Какъ вы, черти, я думаю, вкусно теперь стрѣляете вальдшнеповъ; никто не мѣшаетъ». (Пыльцову 20 мая 1875 г.).

Принужденный волей-неволей проживать по нѣскольку лѣтъ въ Россіи, онъ, какъ мы уже видѣли, старался устроить себѣ жилье, хоть сколько-нибудь напоминающее азіатскія дебри. Слобода нравилась ему въ особенности тѣмъ, что находится въ 80 верстахъ отъ желѣзной дороги, окружена борами и болотами, а въ распутицу по цѣлымъ мѣсяцамъ отрѣзана отъ міра, такъ что приходилось сидѣть безъ газетъ, безъ писемъ, даже безъ провизіи.—«Если къ Слободѣ проведутъ желѣзную дорогу—говорилъ онъ, непремѣнно продамъ ее и не куплю другого имѣнія въ Европейской Россіи, а поселюсь въ Азіи».

Но и въ этомъ медвѣжьемъ углу онъ не могъ усидѣть долго, тѣмъ болѣе что окружающая жизнь такъ-же мало нравилась ему, какъ и петербургская. Вообще, нападая на цивилизацію, онъ отнюдь не питалъ пристрастія къ дикарямъ или простонародью. Вотъ напр. его общій отзывъ объ Азіи: «Для успѣха далекаго и рискованнаго путешествія въ Азію необходимы три проводника: деньги, винтовка и нагайка. Деньги, потому что мѣстный людъ настолько корыстолюбивъ, что не задумается продать отца родного; винтовка — какъ лучшая гарантія личной безопасности, тѣмъ болѣе при крайней трусости туземцевъ, многія сотни которыхъ разбѣгутся отъ десятка хорошо вооруженныхъ европейцевъ; наконецъ нагайка также необходима, потому что мѣстное населеніе, вѣками воспитанное въ дикомъ рабствѣ, признаетъ и цѣнитъ лишь грубую, осязательную силу».

Наилучшіе отзывы съ его стороны заслужили монголы, имѣющіе впрочемъ свои недостатки: «ограниченныя умственныя способности, лѣнивый и апатичный складъ характера, трусость и ханжество». «Притомъ и у нихъ, какъ при сложномъ строѣ цивилизованнаго быта, въ практической жизни обыкновенно выигрываетъ нравственно худшій человѣкъ. Тамъ, какъ и у насъ, прогрессируютъ порокъ и проходим-

ство въ ущербъ добрыхъ сердечныхъ нравственныхъ качествъ».

Въ сущности онъ понималъ превосходство европейца надъ дикаремъ и самъ не разъ восхваляетъ «могучую нравственную силу европейца сравнительно съ растлѣнною природою азіатца». Но это въ Азіи, а попадая въ Европу и задыхаясь въ условіяхъ цивилизованной жизни, онъ начиналъ клясть позолоченную неволю и превозносить несуществующія добродѣтели первобытнаго человѣка.

Отзывы его о крестьянахъ не менѣе рѣзки: «Въ нашей здѣшней жизни (въ Слободѣ) мало утѣшительнаго. Простой народъ развращенъ въ конецъ: пьянство и мошенничество—нормальное состояніе нравственности; честность и трезвость—рѣдкія исключенія.

«Крестьяне, какъ и вездѣ, пьяницы и лѣнтяи; съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Къ чему только это приведетъ?

Вообще, если принимать за чистую монету его отзывы о людяхъ, то можно бы счесть его за отчаяннаго мизантропа. Всѣхъ-то онъ разносилъ! Общество офицеровъ и юнкеровъ, окружавшее его въ молодости—картежники и пьяницы, Амуръ—«помойная яма», китайцы въ Пекинѣ—мошенники, а европейцы— «отъявленные негодяи», вся Азія—«гниль», наше время—«огульно развратное», цивилизованное общество—мерзость, да и мужикъ—«развращенъ въ конецъ», словомъ: «весь городъ мошенникъ, одинъ прокуроръ порядочный человѣкъ, да и тотъ, если сказать правду, свинья!..»

Пуще всего не любилъ онъ женщинъ, называлъ ихъ фантазерками и сударшицами, которыя только и занимаются сплетнями: и положительно бѣгалъ отъ нихъ. Живя въ Николаевскѣ на Амурѣ, онъ получилъ приглашеніе давать уроки пріемной дочери одного изъ своихъ сослуживцевъ, но отказался и удовольствовался тѣмъ, что подарилъ ей свой курсъ географіи съ грубою надписью: «долби, пока не выдолбишь». Женитьбу называлъ онъ петлей и старательно избѣгалъ ея: «Моя профессія не позволяетъ мнѣ жениться. Я уйду въ экспедицію, а жена будетъ плакать; брать же съ собою бабье я не могу. Когда кончу послѣднюю экспедицію, буду жить въ деревнѣ, охотиться, ловить рыбу и разработывать мои

коллекціи. Со мною будутъ жить мои старые солдаты, которые мнѣ преданы не менѣе, чѣмъ была бы законная жена».

* * *

Разумѣется, нельзя придавать серьезнаго значенія этимъ пессимистическимъ взглядамъ. Они являлись результатомъ его сангвиническаго, пылкаго характера: замѣчая дурныя стороны той или другой среды, онъ не долго думая разносилъ ее въ дребезги. Размышлять же и разбираться въ сложныхъ явленіяхъ жизни, взвѣшивать pro и contra, отвѣвать зерно отъ мякины—не считалъ нужнымъ частью вслѣдствіе самоувѣренности, свойственной сильнымъ людямъ, частью по непривычкѣ къ чисто логическому, отвлеченному мышленію; а главное потому, что и не нужно было ему разбираться въ той жизни, отъ которой онъ бѣжалъ. Бродягѣ всегда противенъ осѣдлый бытъ. Пустыня, безграничный просторъ, охота, жизнь, полная приключеній и опасностей—вотъ стихія, въ которой Пржевальскому дышалось легко и привольно; попадая въ другую обстановку, онъ задыхался и не спрашивалъ себя, она-ли, эта обстановка, такъ дурна какъ ему кажется, или онъ самъ не подходитъ къ ней.

Въ сущности же, невоздержный языкъ и рѣзкіе отзывы о людяхъ не мѣшали ему быть истинно добрымъ, привѣтливымъ, гуманнымъ и постояннымъ въ привязанностяхъ человѣкомъ. Мы уже видѣли, какъ онъ относился къ юнкерамъ въ Варшавскомъ училищѣ. Отношенія его къ своимъ спутникамъ не менѣе замѣчательны. Никогда онъ не давалъ имъ поблажки, дисциплина въ его отрядахъ царствовала неумолимая,—и однако умѣлъ же онъ возбуждать въ нихъ беззавѣтную преданность и усердіе «не токмо за страхъ, но и за совѣсть». Правда это напоминаетъ нѣсколько слова солдатской пѣсни о «командирѣ-хватѣ»: «Онъ насъ не печалитъ, онъ насъ не гнететъ; онъ за дѣло хвалитъ и за дѣло бьетъ»—но въ тоже время свидѣтельствуетъ о гуманномъ и справедливомъ характерѣ. Сношенія его съ спутниками не прекращались съ окончаніемъ экспедиціи. Онъ и потомъ велъ съ ними переписку, заботился о нихъ, помогалъ имъ день-

гами и совѣтами, старался вывести въ люди, входилъ въ мельчайшія подробности ихъ жизни.

Ягунова (спутника по Уссурійскому путешествію) онъ училъ географіи и исторіи, помѣстилъ въ Варшавское юнкерское училище, хлопоталъ объ его успѣхахъ; Эклона готовилъ къ экзамену на свой счетъ и т. д. Письма его къ спутникамъ дышатъ отеческой нѣжностью. Вотъ напримѣръ письмо къ Эклону. «Карточекъ ты дѣлай цѣлую дюжину, если хороши будутъ. Пожертвуй 5 рублей; послѣ 2 февраля я тебѣ пришлю денегъ, а если тебѣ онѣ нужны, то могу сдѣлать это и раньше. Вообще, ты можешь свободно тратить рублей 20 въ мѣсяцъ и не отказывать себѣ и въ усладахъ. Погода въ Питерѣ подлая, хотя и теплая; въ Брестѣ же дѣйствительно скоро наступитъ весна; въ хорошіе дни ходи гулять, смотри какъ природа просыпается послѣ зимы. Вчера получилъ отъ Бильдерлинга, хозяина маленькой винтовки, письмо: онъ даритъ мнѣ это ружье, а я передаю его тебѣ по обѣщанію. Если ты хочешь шить тонкое платье, то закажи его и напиши мнѣ, въ такомъ случаѣ я вышлю тебѣ деньги около 10 февраля или на масляницѣ. На масляницѣ непремѣнно кушай блины или польскіе пончки».

«Жизнь самостоятельная въ полку—писалъ онъ въ другомъ письмѣ—оказала на тебя уже то вліяніе, что ты сдѣлался въ значительной степени monсher'омъ. Коляски, рысаки, обширныя знакомства съ дамами полусвѣта — все это увеличиваясь прогрессивно, можетъ привести если не къ печальному, то во всякомъ случаѣ къ нежелательному концу. Сдѣлаешься ты окончательно армейскимъ ловеласомъ и поведешь жизнь пустую, безполезную. Пропадетъ любовь къ природѣ, къ охотѣ, ко всякому труду. Не думай, что въ такой омутъ попасть очень трудно; напротивъ, очень легко, даже незамѣтно, понемногу. А ты уже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ эту сторону, и если не опомнишься, то можешь окончательно направиться по этой дорожкѣ...

«Во имя нашей дружбы и моей искренней любви къ тебѣ прошу перестать жить такимъ образомъ. Учись, занимайся, читай—старайся наверстать хотя сколько-нибудь потерянное въ твоемъ образованіи. Для тебя еще вся жизнь впереди—не порти и не отравляй ее въ самомъ началѣ. Гдѣ

бы ты ни былъ — вездѣ скромность и трудъ будутъ оцѣнены, конечно не товарищами-шелопаями. Я тебя вывелъ на путь; тяжело мнѣ будетъ видѣть, если ты пойдешь иной дорогой... Я не говорю, чтобы ты совершенно отказался отъ удовольствій, но стою на томъ, чтобы эти удовольствія не сдѣлались окончательною цѣлью твоей жизни».

Любящая натура, которая такъ ярко отражается въ этихъ письмахъ, проявлялась и во множествѣ мелочей, свидѣтельствующихъ о его привязанности къ близкимъ лицамъ. Снаряжаясь въ экспедицію гдѣ нибудь въ Кяхтѣ или Кульджѣ, заваленный по горло хлопотами, онъ находилъ время посылать имъ подарки, «услады» и т. п.

Не имѣя собственныхъ дѣтей, онъ привязался къ одному мальчику-сиротѣ, сыну сосѣда по имѣнію, заботился о немъ, какъ отецъ о сынѣ, скорбѣлъ за каждую плохую отмѣтку, ѣздилъ самъ въ училище къ директору, бралъ мальчика къ себѣ на лѣто, доставлялъ ему всевозможныя удовольствія; водилъ съ собою на охоту; но также усердно хлопоталъ—по своему—о его моральномъ воспитаніи и поручая ребенка вниманію одного изъ своихъ знакомыхъ передъ отъѣздомъ въ экспедицію, писалъ ему между прочимъ: «въ случаѣ же лѣни въ наукахъ, а тѣмъ паче невыдержанія экзамена, *усердно прошу драть и драть*».

* *
*

Избѣгая шумной общественной жизни, Пржевальскій однако не любилъ полнаго одиночества. Кружокъ близкихъ, преданныхъ ему лицъ, признававшихъ его господство и подчинявшихся его авторитету, былъ почти необходимостью для него, особенно въ минуты отдыха, которому онъ предавался съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и работѣ. «Подъ отдыхомъ онъ разумѣлъ время полнаго отрѣшенія отъ всякой книжной мудрости, и даже отъ газетъ, и въ это время обильная ѣда до четырехъ разъ въ день, разныя лакомства, которыя онъ называлъ жизненными усладами, состоявшія изъ лапинскихъ напитковъ, водянокъ, фруктовыхъ квасовъ, наливокъ, всевозможныхъ фруктовъ и конфетъ въ невѣроятно большомъ

количествѣ» чередовались съ охотой, рыбной ловлей, прогулками и пр.

«Запѣвалой всѣхъ начинаній, охотъ, поѣздокъ въ лѣсъ съ самоваромъ, путешествій на сѣнокосъ, устройства фейерверковъ, хожденія на пасѣку за добычей меда, устройства рыбныхъ ловель, купаній, обливаній, шутливыхъ декламацій въ стихахъ, имъ же сочиненныхъ, шутливыхъ разговоровъ на разныя темы—былъ Пржевальскій».

Въ отношеніи обстановки и образа жизни былъ онъ очень неприхотливъ; роскоши не любилъ, рысаки, бобровыя шинели и пр. внушали ему отвращеніе. Привычка много ѣсть и любовь къ «усладамъ» были кажется единственными излишествами, которыя онъ себѣ позволялъ.

Въ началѣ своей карьеры онъ таки хлопоталъ о деньгахъ, добывая ихъ даже карточной игрой. Но цѣлью этихъ хлопотъ были путешествіе, а не нажива. Первая азіатская экспедиція была имъ совершена на половину изъ собственныхъ средствъ.

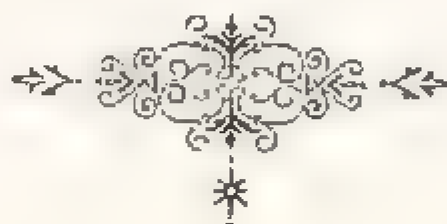
Но обезпечивъ себѣ возможность дальнѣйшихъ экспедицій и спокойной, скромной, жизни въ минуты отдыха, въ промежуткахъ между путешествіями—онъ пересталъ хлопотать о богатствѣ.

Свои великолѣпныя коллекціи онъ подарилъ Академіи Наукъ; значительныя суммы, выручаемыя за лекціи, жертвовалъ всегда на благотворительныя цѣли; выдавалъ пособія и пенсіи матери, дядѣ, нянькѣ и пр.—вообще рука его не оскудѣвала.

Надостатки его характера — вспыльчивость, извѣстная доза нетерпимости и деспотизма, вслѣдствіе чего человѣку независимому было бы трудно имѣть съ нимъ дѣло—свойственны большинству людей сильныхъ, какъ бы самою природою предназначенныхъ къ господству надъ другими. Суровая школа, которую онъ прошелъ, упорная борьба, которую ему пришлось выдержать, грубая, пьяная среда, въ которой провелъ онъ свою молодость—разумѣется могли только укрѣпить и усилить эти недостатки.

«Сильныя физическія побужденія» т. е. зуботычина, нагайка, а при случаѣ и винтовка, игравшія такую видную роль въ его путешествіяхъ, вызывали иногда упреки по его адресу.

Но онъ прибѣгалъ къ нимъ только въ крайнемъ случаѣ и не вслѣдствіе жестокости, а потому что успѣхъ дѣла, которому онъ посвятилъ себя такъ всецѣло и беззавѣтно, ради котораго принялъ столько трудовъ, лишеній и опасностей—зависѣлъ, по его глубокому убѣжденію, отъ такихъ мѣръ. Почти всѣ знаменитые путешественники подвергались упрекамъ въ жестокости, и нужно еще доказать, что экспедиція на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ, среди враждебнаго, подозрительнаго, часто и прямо разбойничьяго населенія, можетъ быть совершена, если—по выраженію Пржевальскаго — маленькая кучка путешественниковъ не уподобится ощетинившемуся ежу, который можетъ наколоть лапы и большому звѣрю.

VII.

Послѣдніе дни и кончина Пржевальскаго.

Жизнь по возвращеніи изъ 4-го путешествія. Начало болѣзни. -Медаль академіи.—Выставка коллекцій. -Сборы въ пятое путешествіе.—Уныніе и упадокъ духа.—Болѣзнь и смерть.—Заключеніе.

По возвращеніи изъ четвертаго путешествія Пржевальскій жилъ большею частью въ Слободѣ, составляя описаніе экспедиціи. По временамъ приходилось ему навѣщать Петербургъ, послѣ чего онъ отводилъ душу охотой.

«Среди лѣсовъ и дебрей смоленскихъ—писалъ онъ вскорѣ по возвращеніи—я жилъ все это время жизнью экспедиціонною, рѣдко когда даже ночевалъ дома — все въ лѣсу, на охотѣ за глухарями, рябчиками и проч.».

Между тѣмъ организмъ его разстраивался. Неумѣренность въ ѣдѣ вызвала ожиреніе, которое въ свою очередь дурно отражалось на здоровьѣ. Пришлось обратиться къ врачебной помощи; врачъ посадилъ его на діэту; первое время онъ добросовѣстно исполнялъ медицинскія предписанія; потомъ все пошло по старому.

Поѣздки въ Петербургъ по обыкновенію сопровождались оваціями и торжествами. Такъ, 29 декабря 1886 г. Академія Наукъ въ торжественномъ засѣданіи поднесла Пржевальскому медаль съ его изображеніемъ и надписью: съ одной стороны— «*Николаю Михайловичу Пржевальскому Академія Наукъ*», съ другой—«*Первому изслѣдователю природы цент-*

ральной Азіи». Пржевальскій никогда не гонялся за шумными оваціями и даже не долюбливалъ ихъ, но это засѣданіе, рѣчь ак. Веселовскаго, восторженное отношеніе публики—произвели на него глубокое впечатлѣніе.

Вскорѣ послѣ этого была устроена выставка его коллекцій, которыя сами по себѣ представляли цѣлый музей.

Между тѣмъ обработка четвертаго путешествія подвигалась своимъ чередомъ, и Пржевальскій подумывалъ о пятомъ.

На этотъ разъ онъ намѣревался отправиться въ Тибетъ черезъ Восточный Туркестанъ—кратчайшимъ, но и самымъ опаснымъ, въ виду возможныхъ столкновеній съ китайцами, путемъ.

Эта экспедиція возбуждала опасенія не только въ китайскомъ правительствѣ, которое съ большой неохотой и послѣ долгихъ проволочекъ выдало Пржевальскому паспортъ, но и въ англійскихъ газетахъ. Въ то время Англія была не въ ладахъ съ Тибетомъ, и въ экспедиціи Пржевальскаго подозрѣвали тайную политическую миссію со стороны русскаго правительства.

Какъ бы то ни было, всѣ затрудненія наконецъ уладились, и покончивъ съ описаніемъ 4-го путешествія, Пржевальскій могъ выступить въ путь. На этотъ разъ экспедиція была снаряжена въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, чѣмъ прежнія. Въ составъ ея входило 25 человѣкъ; государственное казначейство выдало на расходы 80,000 рублей.

Но самъ начальникъ экспедиціи былъ уже не тотъ, что прежде. Злыя предчувствія мучили его; онъ не чувствовалъ въ себѣ бодрости и увлеченія прежнихъ лѣтъ. Передъ самымъ отъѣздомъ заболѣла его няня, старуха Макарьевна — заболѣла опасно, безъ надежды на выздоровленіе; это крайне огорчало и безпокоило его, тѣмъ болѣе, что оставаться въ Слободѣ и дожидаться исхода болѣзни было невозможно.

Уѣзжая, онъ былъ очень грустенъ; прощаясь съ Макарьевной горько плакалъ; вообще совсѣмъ не походилъ на прежняго Пржевальскаго. Казалось, онъ идетъ въ экспедицію нехотя, противъ воли, повинуясь непреодолимой силѣ, тянувшей его въ азіатскія пустыни. Когда спутники его говорили между собою, что̀ будутъ дѣлать по возвращеніи въ Слободу, онъ сердился и останавливалъ ихъ:

«Развѣ объ этомъ можно говорить, развѣ вы не знаете, что жизнь каждаго изъ насъ не одинъ разъ будетъ висѣть на волоскѣ».

Изъ Слободы онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней. Грустное настроеніе духа не оставляло его и здѣсь. «Вотъ—говорилъ онъ одному изъ знакомыхъ наканунѣ отъѣзда—никогда въ жизни не плакалъ, а сегодня, прощаясь съ Костей Воеводскимъ (мальчикъ, о которомъ говорилось въ предыдущей главѣ), расплакался какъ баба, и не понимаю—отчего».

Покончивъ всѣ сборы, онъ выѣхалъ изъ Петербурга 18 августа 1888 г. На вокзалѣ собралось много народа; друзья окружили Пржевальскаго, публика и репортеры осадили его спутниковъ.

Когда усѣлись въ вагоны, Пржевальскій высунулся изъ окна и крикнулъ провожавшему его Ѳ. Д. Плеске: «если меня не станетъ, возьмите обработку птицъ на себя». Поѣздъ тронулся и скрылся изъ глазъ провожавшихъ, путешественники оглянулись другъ на друга, и Роборовскій замѣтилъ слезы на глазахъ Пржевальскаго.

— Что же! надо успокоиться — говорилъ онъ, точно извиняясь въ своей слабости—ѣдемъ на волю, на свободу, на труды, но труды пріятные и полезные. Если поможетъ Богъ вернуться, то снова увидимся со всѣми, если же не вернемся, то все-таки умереть за такое славное дѣло пріятнѣе, чѣмъ дома. Теперь мы вооружены прекрасно, и жизнь наша дешево не достанется».

Но сколько ни старался онъ ободрить себя, мрачныя мысли преслѣдовали его неотвязно.

Безъ сомнѣнія причиной этого упадка духа было физическое разстройство, котораго онъ самъ не замѣчалъ. Болѣзнь уже свила гнѣздо въ его богатырскомъ организмѣ, но еще не могла свалить его съ ногъ и только отражалась на его душевномъ настроеніи.

Въ Москвѣ получилъ онъ извѣстіе о смерти Макарьевны, что конечно не могло подѣйствовать ободряющимъ образомъ. «Роковая вѣсть о смерти Макарьевны—писалъ онъ—застала меня уже достаточно подготовленнымъ къ такому событію. Но все-таки тяжело, очень тяжело. Вѣдь я любилъ Макарьевну,

какъ мать родную... Тѣмъ дороже была для меня старуха, что и она любила меня искренно, чего почти не найти въ нынѣшнее огульноразвратное время. «Прощай, прощай, дорогая!—такъ скажите отъ меня на ея могилѣ».

24 августа онъ выѣхалъ изъ Москвы въ Нижній, откуда на пароходѣ по Волгѣ и Каспійскому морю, и по Закаспійской желѣзной дорогѣ въ Самаркандъ. Проведя здѣсь нѣсколько дней онъ двинулся дальше въ Ташкентъ, а оттуда въ Пишпекъ, гдѣ остановился на довольно продолжительное время, чтобы окончательно снарядить экспедицію. Съѣздивъ въ Вѣрный для закупки китайскаго серебра и различныхъ припасовъ, а также для того чтобы выбрать солдатъ и казаковъ въ составъ экспедиціи, онъ вернулся въ Пишпекъ, и замѣтивъ въ окрестностяхъ города множество фазановъ, отправился 4 октября на охоту. Охота оказалась очень удачной и очень печальной по своимъ послѣдствіямъ. Проходивши цѣлый день онъ сильно вспотѣлъ и простудился. Съ этого дня болѣзнь, таившаяся въ его организмѣ, начала одолѣвать его. Оставаясь въ Пишпекѣ еще нѣсколько дней, онъ постоянно жаловался на жару, хотя окружающіе находили температуру только-что сносной.

Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ ходить на охоту, выбирать верблюдовъ, укладывать вещи, и 8 октября отправился въ Караколъ, откуда должно было начаться путешествіе. Когда на другой день послѣ его пріѣзда, его спутники, Козловъ и Роборовскій явились къ нему рано утромъ и выразили удивленіе, что онъ уже готовъ и успѣлъ побриться, онъ отвѣчалъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ: «Да, братцы! я видѣлъ себя сегодня въ зеркалѣ такимъ сквернымъ, старымъ, страшнымъ, что просто испугался и скорѣе побрился».

— Завидую тебѣ — прибавилъ онъ, обращаясь къ Роборовскому—какой ты здоровый!

Страннымъ показалось это замѣчаніе его спутникамъ, но вскорѣ они замѣтили, что Пржевальскому что-то не по себѣ. Ни одна квартира не нравилась ему: то было сыро и темно, то давили стѣны и потолокъ; наконецъ онъ переселился за городъ и устроился въ юртѣ, по походному.

16 октября онъ почувствовалъ себя такъ худо, что со-

гласился послать за врачемъ. Тотъ пріѣхалъ. Больной жаловался на боль подъ ложечкой, тошноту, рвоту, отсутствіе аппетита, боля въ ногахъ и затылкѣ, тяжесть въ головѣ. Врачъ осмотрѣлъ его, выстукалъ, выслушалъ, прописалъ лѣкарство... Болѣзнь продолжала развиваться своимъ чередомъ и 19 октября онъ уже сознавалъ, что карьера его кончена. Онъ отдалъ послѣднія распоряженія, просилъ не успокаивать его ложными надеждами, и замѣчая слезы на глазахъ окружающихъ, называлъ ихъ бабами.

«Похороните меня — сказалъ онъ— на берегу озера Иссыкъ-Куль, въ моей походной одеждѣ. Надпись просто: «путешественникъ Пржевальскій».

Къ 8 часамъ утра 20 октября началась агонія. Онъ бредилъ, по временамъ приходилъ въ себя и лежалъ, закрывъ лицо рукою. По выраженію нижней части лица можно было думать, что онъ плакалъ. Потомъ всталъ во весь ростъ, окинулъ взглядомъ присутствующихъ и сказалъ: *ну, теперь я лягу...*

— Мы помогли ему лечь—говоритъ В. И. Роборовскій— и нѣсколько глубокихъ, сильныхъ вздоховъ, унесли на вѣки безцѣнную жизнь человѣка, который для насъ, для отряда, былъ дороже всѣхъ людей.

— Докторъ бросился растирать его грудь холодной водой; я положилъ туда-же полотенце со снѣгомъ, но было уже поздно: лицо и руки стали желтѣть...

— Никто не могъ совладать съ собою; что дѣлалось съ нами—я не берусь и писать вамъ. Докторъ не выдержалъ этой картины—картины ужаснаго горя; всѣ рыдали въ голосъ, рыдалъ и докторъ...

* *
*

Извѣстіе о смерти Пржевальскаго произвело сильное впечатлѣніе въ нашемъ и западно-европейскомъ обществѣ. Ученыя учрежденія спѣшили выразить свое сожалѣніе по поводу безвременной кончины славнаго путешественника, наше Географическое Общество открыло подписку на образованіе капитала и учрежденіе преміи и медали имени Пржевальскаго, на могилѣ его воздвигнутъ памятникъ, городъ Караколъ переименованъ въ Пржевальскъ...

Мы уже говорили о результатахъ его экспедицій, но ими далеко не исчерпывается его значеніе. Не только то, что онъ самъ сдѣлалъ, но и то, что сдѣлаютъ другіе по его слѣдамъ, по его примѣру, пользуясь его опытомъ—будетъ связано съ именемъ Пржевальскаго. Онъ сдѣлалъ для Центральной Азіи тоже, что Стэнли для внутренней Африки: уничтожилъ ореолъ недоступности, окружавшій эту громадную, невѣдомую область. Мало того, онъ съ перваго шага поставилъ дѣло изслѣдованія на широкую научную почву, и въ этомъ отношеніи его примѣръ, его традиціи имѣютъ еще бо́льшее значеніе. Руководствуясь ими, его преемники безъ сомнѣнія доведутъ до конца научное завоеваніе внутренней Азіи, которое онъ началъ и велъ такъ долго и такъ блистательно.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Для дѣтей и для юношества.

Иллюстрированные романы Ч. Диккенса въ сокращ. перев. *Л. Шелгуновой.* 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррптъ. 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чеззльвитъ. Ц. каждаго романа—**40 к.** Въ папкѣ **50 к.**, въ перепл. по 6 ром.—**3 р. 25 к.**

Два проказника. Шуточный разсказъ въ стихахъ *В. Буша.* Перев. съ 25 нѣмецк. изд. Около 100 рис. Ц. **60 к.**, въ папкѣ **75 к.**, въ переп. **1 р. 25 к.**

Въ добрый часъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *А. Лякида.* Съ рис. Цѣна **75 к.** въ папкѣ—**1 р.**, переп. **1 р. 25 коп.**

Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова.* Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Множ. рис. Ц. **2 р.**, въ пап. **2 р. 50 к.**, переп.—**3 р.**

Черные богатыри. *Е. Конради.* Со множеств. рис. Ц. **2 р.** Въ пер. **2 р. 75 к.**

Задушевные разсказы. *П. Засодимскаго.* Два тома съ 135 рис. Цѣна каждаго въ пап. **1 р. 50 к.** Въ пер. **2 р.**

Хорошіе люди. *В. Острогорскаго.* 2-е изд. Съ 45 рисунками. Цѣна **1 р.**, въ папкѣ **1 р. 25 к.**, въ перепл. **1 р. 50 к.**

Изъ жизни и исторіи. *А. Арсеньева.* Съ рис. Ц. въ пап. **1 р. 50 к.**, въ пер. **2 р.**

Послушаемъ! Дѣтскіе разсказы. *А. Яольде.* Съ 28 рис. Ц. въ папкѣ **1 р.** Въ переплетѣ **1 р. 35 к.**

Дѣтскій маскарадъ. *Н. Азбелева.* Съ 16 рис. Цѣна **20 к.**

Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейбнера.* Перев. съ нѣм. Съ 107 рис. Ц. **30 к.**, въ пап. **40 к.**, пер. **60 к.**

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картин.) *Ф. Павленкова.* 10 листовъ (на каждомъ 20 рис.). Ц. **1 р.** „Объясненіе" къ нимъ **5 к.**

Математическіе софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5, часть больше своего цѣлаго, и пр. Состав. *В. Обреимовъ.* 2-е изд. Ц. **40 к.**

Тройная головоломка. *В. Обреимова* Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рис. и 30 кастетами. Ц. **1 р.**

Образовательное путешествіе. Живоп. очерки отдаленныхъ странъ. *С Ворисгофера.* Съ 73 рис. Ц. **2 р.** Въ пап. **2 р. 25 к.**, въ пер. **2 р. 50 к.**

Чрезъ дебри и пустыни. Скитанья молодаго бѣглеца. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстраціями. Цѣна **2 р.**, въ папкѣ **2 р. 25 к.**, въ пер. **2 р. 75 к.**

Сказочная страна. Путевыя приключенія двухъ юныхъ матросовъ. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстр. Ц. **2 р.**, въ пап. **2 р. 25 к.**, пер. **2 р. 75 к.**

Приключенія контрабандиста. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстр. Ц. **1 р. 50 к.**, въ пап. **1 р. 75 к.**, въ пер. **2 р. 25 к.**

Математическія развлеченія. *Люкаса.* Пер. съ франц. *В. Обреимова.* Съ 55 фигурами таблицами. Ц. **1 р.**

Мученики науки. *Г. Тисандье.* Перев. подъ ред. *Ф. Павленкова.* Съ 55 рис. 3-е изд. Ц. **1 р. 25 к.**, пер. **2 р.**

Научныя развлеченія. *Г. Тисандье.* Пер. подъ ред. *Ф. Павленкова.* 2-е изд., съ 353 рис. Ц. **2 р.**, въ пер. **2 р. 75 к.**

Вечерніе досуги. *А. Круглова.* Съ 70 рис. Ц. **1 р. 25 к.**, въ папкѣ **1 р. 50 к.**, въ перепл. **2 р.**

Рыжій графъ. Неразлучники. Дочь угольщика. *П. Засодимскаго.* Съ рис. Цѣна каждой книжки по **35 к.**

Живыя картинки. *А. Смирнова.* Сборникъ разсказовъ. Съ 50 рис. Ц. **1 р. 50 к.**, въ пап. **1 р. 75 к.**, пер. **2 р.**

Янки Вологодскаго уѣзда. *А. Круглова.* Съ 6 рис. Ц. **25 к.**

Незабудки. *А. Круглова.* Сборникъ разсказовъ. Съ 50 рис. Ц. **1 р. 50 к.**, въ папкѣ **1 р. 75 к.**, въ пер. **2 р.**

Приключенія сверчка. *Э. Кандеза.* Съ 67 рис. Ц. **2 р.**, въ папкѣ **2 р. 25 к.** въ переплетѣ **2 р. 50 к.**

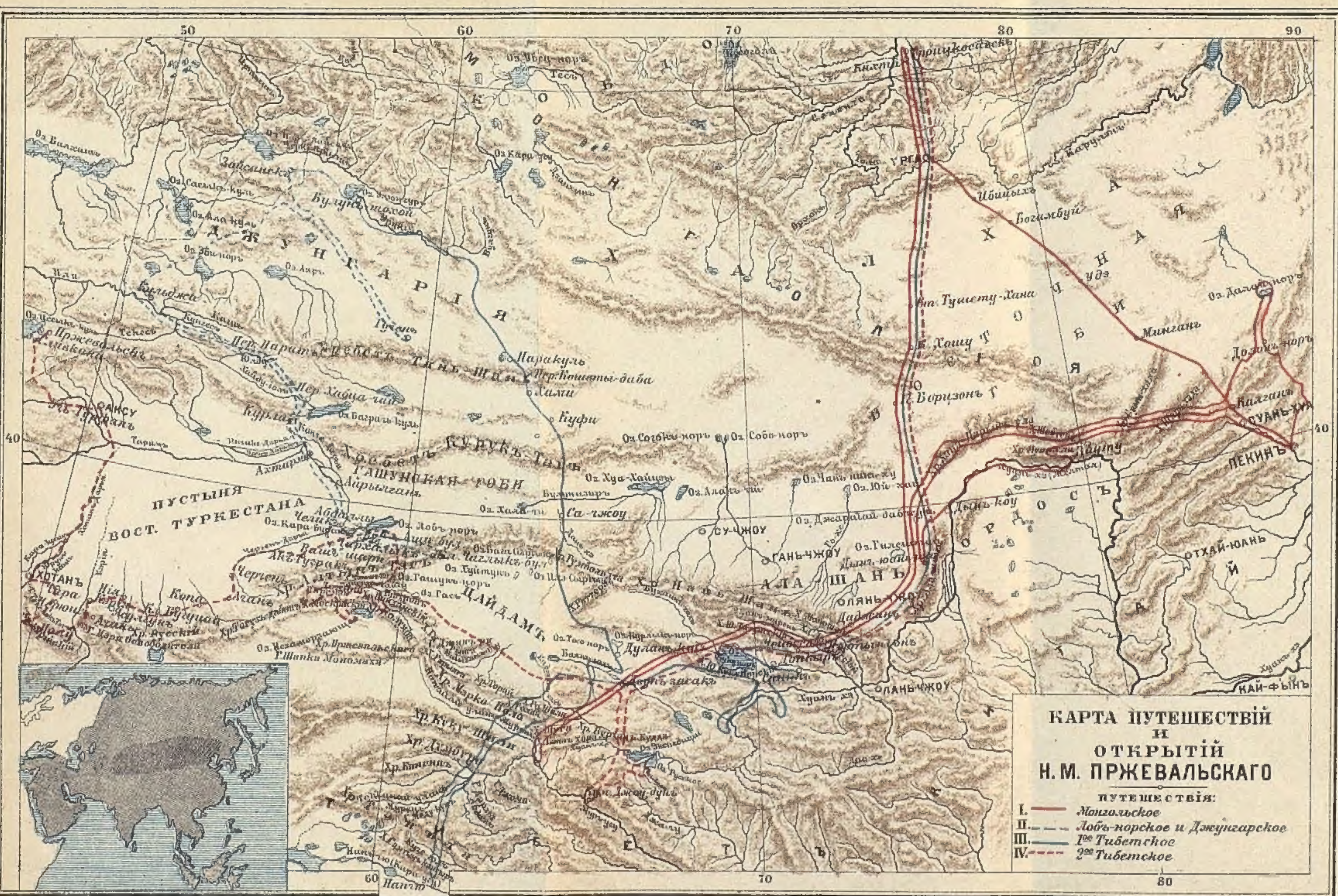
Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Цѣна **1 р. 50 к.**, въ папкѣ **1 р. 75 к.**, въ переплетѣ **1 р. 75 к.**

Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери.* Съ 52 рис. Ц. **75 к.**, въ папкѣ **1 р.** въ переплетѣ **1 р. 40 к.**

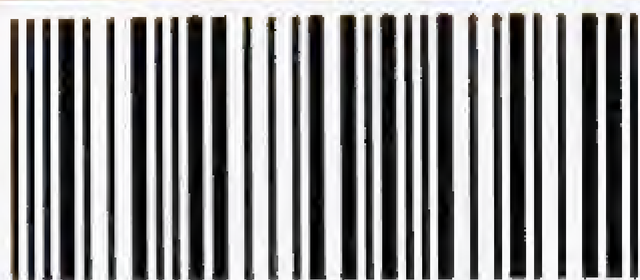
Искры Божьи. Біографическіе очерки *А. Островинской.* Цѣна **1 р. 25 к.**, въ папкѣ **1 р. 50 к.**, въ пер. **2 р.**

20 біографій образцовыхъ рус. писателей. Составилъ *В. Острогорскій.* 3-е изд. Съ 20 портрет. Ц. **50 к.**, въ пап. **75 к.**, пер. **1 р.**

Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ *С. Н. Бажиной.* Со многими рис. Ц. **1 р.**, въ пап. **1 р. 25 к.**, въ пер. **1 р. 60 к.**

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

2007237388